

83.3(2=4)1.2)6-8

Р 82

КР 1507 276

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Судьба и творчество
Николая Рубцова
в культурном контексте
современной России

АДМИНИСТРАЦИЯ ТОТЕМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Судьба и творчество Николая Рубцова
в культурном контексте
современной России

*Сборник посвящается светлой памяти
исследователей биографии и творчества
Николая Рубцова, ушедших из жизни в 2018 году –
Николая Коняева и Сергея Дмитриева*

*Материалы научных конференций
с международным участием «Рубцовские чтения»
в Тотьме и селе Никольском*

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2019

УДК 821.161.1(470.12)(092)Рубцов

ББК 83.3(2Рос-4Вол)6-8Рубцов

Р82

Издаётся по постановлению научно-методического совета
МБУК «Тотемское музейное объединение»

Редколлегия:

Л. Н. Вересов (Вологодский союз писателей-краеведов),
В. Н. Галушкина, Н. И. Коренева, А. М. Новосёлов
(Тотемское музейное объединение)

Доклады публикуются в авторской редакции

Р82 Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России: материалы научных конференций с международным участием «Рубцовские чтения» в Тотьме и селе Никольском / Администрация Тотем. муницип. р-на, Тотем. муз. об-ние; под ред. Вересова Л. Н. и др.- Вологда: Полиграф-Периодика, 2019.- 431 с.: ил.

ISBN 978-5-91965-175-8

Сборник содержит материалы, представленные в рамках межрегиональных научных конференций «Рубцовские чтения» в 2013, 2016 и 2019 годах. Конференции проводились на базе МБУК «Тотемское музейное объединение» в Тотьме и селе Никольском и стали важными событиями в мире отечественного литературоведения, посвящённого выдающемуся поэту второй половины XX века Николаю Рубцову.

Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся литературой второй половины XX столетия.

УДК 821.161.1(470.12)(092)Рубцов

ББК 83.3(2Рос-4Вол)6-8Рубцов

ISBN 978-5-91965-175-8

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2018

© Авторы материалов, тексты, 2018

© Оформление. ООО ИФ «Полиграф-Периодика», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Л. Вересов, А. Новосёлов</i>	7
Вместо вступления. Новосёлов Алексей Михайлович, директор Тотемского музейного объединения, г. Тотьма, Вологодская область	
НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ТОТЕМСКИЙ РАЙОН. ПОДВОДЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ	9
Раздел первый	
ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	34
<i>Вересов Леонид Николаевич, общественная организация «Вологодский союз писателей-краеведов», член Союза писателей России, г. Череповец, Вологодская область</i>	
ПОСЛЕДНИЕ ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	34
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМИНАРЫ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	42
МИХАИЛ РУБЦОВ – ОТЕЦ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА. БЕЛЫЕ ПЯТНА БИОГРАФИИ	62
<i>Дмитриев Сергей Александрович, автор музыки и исполнитель песен на стихи Н. М. Рубцова, лауреат всероссийских конкурсов авторской песни, г. Череповец, Вологодская область</i>	
ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЯТНИЦКАЯ И ЕЁ ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ	97
НИКОЛАЙ РУБЦОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ ЮРИЯ ВОРОНОВА	107
<i>Ильинчёва Надежда Николаевна, БОУ Кирилловского муниципального района «Кирилловская СОШ», г. Кириллов, Вологодская область</i>	
НИКОЛАЙ РУБЦОВ И КИРИЛЛОВ (избранное из книги)	114
<i>Притчина Валентина Алексеевна, отдел «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область</i>	
ВОСПОМИНАНИЯ ТОТЬМИЧЕЙ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ	130
<i>Пшеницын Дмитрий Александрович, культурно-исторический центр «Светочь», г. Вологда</i>	
О ДРЕВНИХ КОРНЯХ ЧЕРНОСОШНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДИНАСТИИ РУБЦОВЫХ XVII – Нач. XVIII вв.	137

<i>Шиловская Екатерина Петровна, МБУК «Историко-мемориальный музей А. Яшина», г. Никольск, Вологодская область</i>	
ПИСЬМА НИКОЛАЯ РУБЦОВА К АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ	142
Раздел второй	
ИЗУЧЕНИЕ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	149
<i>Акимова Мария Сергеевна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, г. Москва</i>	
«СВОЁ» И «ИНОЕ» В «АЛТАЙСКОМ ЦИКЛЕ» Н.М. РУБЦОВА	149
СТИХОТВОРЕНИЕ Н.М. РУБЦОВА «В СТАРОМ ПАРКЕ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ УСАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ	164
<i>Величко Надежда Олеговна, Воробьева Т.А., ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область</i>	
АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОСЕНЬ» В ПОЭЗИИ Н.М. РУБЦОВА	176
<i>Вересов Леонид Николаевич, общественная организация «Вологодский союз писателей-краеведов», член Союза писателей России, г. Череповец, Вологодская область</i>	
СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАЛЬМЫ ЮГА» – ГЕНИАЛЬНЫЙ РИТМИЧЕСКИЙ И ЛИРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПОЭТА	181
<i>Данилова Тамара Валентиновна, комитет по культуре Вологодского землячества, Рубцовский центр, г. Санкт-Петербург</i>	
О СУДЬБЕ ПОСЕДЕВШЕЙ РУСИ (Историзм поэзии Николая Рубцова)	194
И ЭТОТ ДУХ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ВЕКА!..	198
<i>Елистратова Ксения Александровна, Минец Диана Владимировна, ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область</i>	
ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Н.М. РУБЦОВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	206
<i>Иванова Елена Владиславовна, ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва</i>	
АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. М. РУБЦОВА «НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ...»	214
<i>Никанорова Екатерина Борисовна, Череповецкий Рубцовский центр, г. Череповец, Вологодская область</i>	
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВРЕМЁН В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	216
<i>Новиков Алексей Евгеньевич, ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область</i>	
ОБРАЗ ЛОШАДИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЁВА И Н.М. РУБЦОВА	221
ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. РУБЦОВА И С. ЕСЕНИНА	226

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. ОБ ИСКУССТВЕННОСТИ СБЛИЖЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ	229
<i>Соболев Михаил Павлович, Ерёменко Ростислав Сергеевич, международное научно-творческое объединение «Родимая землица» им. Н. М. Рубцова, г. Архангельск</i>	
«ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, КАК ПТИЦА...»	235
<i>Тимашова Лариса Владимировна, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»; Арсеньева Ирина Альбертовна, ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва</i>	
«ГРУСТЬ, ПОХОЖАЯ НА РАДОСТЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ	242
<i>Тимашова Лариса Владимировна, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва</i>	
О ПРИРОДЕ ИСКУССТВА ПОЭЗИИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ РУБЦОВА	248
«КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА» ПРОГРАММНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	254
<i>Федунова Любовь Петровна, Рубцовский центр, г. Санкт-Петербург</i>	
«СЛОВНО ЗЕРКАЛО РУССКОЙ СТИХИИ»: РУБЦОВ И ПУШКИН	259
ЧУВСТВО ДУХОВНОГО РОДСТВА СО СВОЕЙ ЗЕМЛЕЙ В ПОЭЗИИ ВИЛИОРА ИВАНОВА И НИКОЛАЯ РУБЦОВА	285
<i>Чернова Анастасия Евгеньевна, газета «Православная Москва», г. Москва</i>	
СОСНОВЫЙ ШУМ В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	292
 Раздел третий	
ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ	301
<i>Ерохина Татьяна Александровна, Череповецкий Рубцовский центр, г. Череповец</i>	
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ	301
<i>Галушкина Вера Николаевна, художественный отдел МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область</i>	
ПОЭТ НИКОЛАЙ РУБЦОВ И СЕЛО ЛИПИН БОР	307
<i>Кошелева Марина Николаевна, АНО «Бирюзовый дом», с. Никольское (Вологодская область) – Москва</i>	
МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР «БИРЮЗОВЫЙ ДОМ»: ПОДВОДЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ	314
<i>Лагерев Сергей Алексеевич, Рубцовский центр, г. Сургут, Тюменская область</i>	
НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ТЮМЕНСКИЙ КРАЙ	321

<i>Лу Вэнья, Пекинский университет иностранных языков, г. Пекин, Китай</i>	
К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ НИКОЛАЯ РУБЦОВА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	327
НИКОЛАЙ РУБЦОВ В КИТАЕ	333
<i>Мартюкова Галина Алексеевна, обособленное подразделение «Дом-музей Н. М. Рубцова» МБУК «Тотемское музейное объединение», с. Никольское Тотемского района</i>	
МЕМОРИАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА В ФОНДАХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ	337
АНАТОЛИЙ МАРТЮКОВ: «С ЛЮБОВЬЮ К РОДИНЕ...»	350
<i>Оборина Татьяна Алексеевна, БОУ СПО ВО «Тотемский политехнический колледж», г. Тотьма, Вологодская область</i>	
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА Н. М. РУБЦОВА КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ	359
<i>Попова Вера Владимировна, Череповецкий Рубцовский центр, г. Череповец, Вологодская область</i>	
РУБЦОВСКИЙ КОСТЕР НА ТОЛШМЕ	365
<i>Филиппова Вера Ивановна, ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Вологодская область</i>	
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЭТА Н. М. РУБЦОВА И ВОЛОГОДСКАЯ ГРАФИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ – НАЧАЛА ХХI ВВ	369
<i>Ерёменко Ростислав Сергеевич, международное научно-творческое объединение «Родимая землица» им. Н. М. Рубцова, г. Архангельск</i>	
ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЗНАКОМСТВА СО СТИХАМИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	374
Раздел четвёртый	
КНИГА В КНИГЕ	386
<i>Сергей Багров. ГОСТЬ (Очерки о Николае Рубцове) .....</i>	386
Приложение	427

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья, перед вами очередной «Рубцовский сборник». А может ли сборник – труд десятков людей – быть очередным? Нет, это ещё один всплеск эмоций, выражение всепоглощающей любви, попытка увлечённо рассказать о творчестве и жизненном пути поэта Николая Рубцова.

Стихи поэта – это камертон души русского человека. С ними можно сверять свои поступки и дела, читая их, в первую очередь, оцениваешь могучую нравственную силу рубцовского слова.

В тотемский «Рубцовский сборник» вошли избранные доклады и сообщения на Рубцовских чтениях 2013, 2016 и 2019 годов, объединённых общим названием «Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России». Редакционная коллегия остановилась на работах, представляющих особый интерес в литературоведческом, исследовательском и биографическом аспектах изучения творческого наследия и жизненного пути поэта Н. М. Рубцова и благодарит всех тех, кто прислал доклады и участвовал в конференциях очно.

В сборнике мы выделили три раздела. Первый посвящён биографии поэта, выявлению новых и уточнению имеющихся данных. Второй раздел вобрал в себя литературоведческие исследования, повествующие преимущественно о смыслах и образах, возникающих в стихах Николая Рубцова. В третьем разделе под заглавием «Память о поэте» мы собрали те доклады, которые рассказывают о том, как в настоящее время идут процессы сохранения и популяризации наследия Николая Рубцова в различных городах и сёлах нашей страны. Приложением к сборнику публикуются очерки известного вологодского писателя, друга Николая Рубцова Сергея Петровича Багрова.

Поскольку в чтениях разных лет многие представленные авторы участвовали не один раз, мы сочли актуальным поместить в сборник сразу несколько представленных ими докладов, справедливо посчитав, что все из них являются заслуживающими внимания читателя.

В заключение хотели бы отметить следующий факт. В «рубцововедении» нет и не может быть монополии на знания о поэте. Однако современные подходы требуют, чтобы образ поэта был правдивым и документальным, без фантазий ради литературности, без

замалчиваний ради имиджа поэта. Голословность и легендарность есть ахиллесова пятна некоторых исследований о Николае Рубцове. Нельзя ничего утверждать, не изучая, не сравнивая, не анализируя, не приводя железных аргументов и достоверных фактов, подтверждённых документами. С другой стороны, о поэте, его окружении, времени жизни справедливо могут писать только те исследователи, которые любят и понимают русскую поэзию и стихи Н.М. Рубцова как одну из её значимых вершин.

Много красивых слов сказано и написано о поэте Рубцове, ему посвящены тысячи стихотворений и исследований, десятки книг, диссертаций, но всё написанное поэтом много прекраснее всего сказанного о нём. И в этом смысле Рубцовиана, конечно, никогда не закончится. Рубцов – это для России навсегда.

*От имени редакционной коллегии,
Леонид ВЕРЕСОВ,
заместитель председателя
Вологодского союза писателей-краеведов,
член Союза писателей России*
Алексей НОВОСЁЛОВ,
директор Тотемского музейного объединения

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Новосёлов Алексей Михайлович,
директор Тотемского музейного объединения,
г. Тотьма, Вологодская область

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ТОТЕМСКИЙ РАЙОН. ПОДВОДЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

«Рубцовские чтения», проходящие один раз в три года на «духовной родине» поэта в Тотьме и селе Никольском, всегда становятся одними из важнейших событий России, посвящённых жизни и творчеству поэта. За те шесть лет (2012–2018), что миновали с момента выпуска последнего сборника материалов «Чтений», ситуация в мире «рубцововедения» значительно изменилась. Тревожные мысли связаны с закрытием московского музея Н. М. Рубцова и тщетными попытками его возрождения, с уходом со сцены ряда заметных исследователей творчества поэта и просто людей, знавших его при жизни. В «рубцововедении» наступает определённая смена поколений и даже мировоззренческих установок, сдавшихся ранее в определённых кругах незыблемыми. Мы входим в новый период изучения жизни и творчества Николая Рубцова, и каким он будет – зависит во многом от авторов этого сборника. Многие из них представляют собой некую «новую волну».

В недавнем прошлом мне пришлось слышать две полярные оценки нынешнего отношения к Рубцову среди жителей страны. Одна из москвичек, с которой мы как-то ехали в автобусе в Никольское, благодарила за организацию мероприятий памяти Николая Рубцова и с болью говорила: «Как хорошо, что Вы храните память о поэте... Ведь у нас, в Москве, имя Рубцова практически забыто». Это слегка резануло слух; однако почудилась в этих словах и доля правды. «Тихая лирика» Рубцова остаётся тихой, однако не до такой же степени? С другой стороны, хочется привести мнение моей хорошо знакомой петербурженки, ещё совсем недавно работавшей в местном «Доме книги». Она утверждала, что спрос питерцев на поэтов стабилен: практически никогда нельзя найти удовлетворяющего спрос предложения по Пушкину, Есенину и... Рубцову.

В продолжение последних слов хочется отметить следующее. Зачастую в последнее время высказываются оценки, что о Николае Рубцове можно узнать только у книжной полки в магазине, тогда как остальные механизмы изучения и пропаганды поэтического наследия Рубцова практически не используются. В школьной программе остаются всё те же два-три стихотворения, по которым большинство учащихся, естественно, не сможет сложить цельное впечатление о поэте (а сверх школьной программы, будем честными, посмотрят единицы). По телевидению остаётся всё то же пугающее молчание, разбавленное программой канала «Культура» в рамках цикла «Письма из провинции». В этой «звенящей тишине» популярными становятся разного рода «теории заговора», в рамках которых утверждается едва ли не о целенаправленном вычёркивании имени Рубцова современными управленцами от культуры. Сколько людей, столько и мнений, – однако мне данный тезис не кажется обоснованным. Время всё расставляет на свои места вне зависимости от желания каких-то конкретных людей, облечённых или не облечённых властью.

Задачей нашего музеиного объединения мне видится максимальное сохранение памяти о Николае Рубцове на территории Тотемского района – территории, где осталось, вероятно, наибольшее количество «рубцовских мест», запечатлённых в стихах Поэта. Это Тотьма – «тот город зелёный и тихий», село Красное с его паромной переправой, деревни вдоль «старой дороги», Аникин Починок с домом Марии Ивановны Богдановой, деревня Предтеча, наконец, село Никольское – духовная родина поэта.

Именно в Тотьме в своё время начиналось «открытие» Рубцова, его биографии и творчества. Здесь, на берегах Сухоны, уже спустя два с небольшим года после смерти поэта была основана первая небольшая экспозиция, посвящённая Рубцову – в рамках литературного кабинета-музея в Тотемской средней школе № 1. Краеведческой работой на абсолютном энтузиазме занималась учительница литературы Маргарита Шананина, деятельность которой в наше время оказалась, увы, во многом забыта. Именно Маргарита Афанасьевна с учениками, членами краеведческого кружка «Рубцовские журавли», ведя активную переписку с людьми, знавшими Николая Рубцова, бывшими детдомовцами, писателями и поэтами, смогла пробудить интерес к поэту как среди тотьмичей, так и среди гостей города. Именно в Тотьме, не в последнюю очередь благодаря этой активной деятельности, в 1985 году был открыт первый памятник Николаю Рубцову, стали проводиться регуляр-

Маргарита Шананина (в центре) получает Рубцовскую медаль

ные литературные вечера с участием вологодских писателей и краеведов, зародилась традиция выездов в Николу, где тогда еще не было музея...

Писатель Николай Коняев – один из немногих – честно в своей книге «Вологодская трагедия» признаётся, что ехал в тотемский школьный музей, имея уже фактически готовую рукопись о Николае Рубцове. Но полученные им от Маргариты Шаниной сведения перевернули почти всю канву книги, до того изложенную Коняевым; писатель прямо пишет, что рукопись надо было создавать заново. Несколько дней Коняев сидел в тотемской школе, изучая материалы, найденные учениками...

К сожалению, школьный музей ждала печальная судьба: после ухода Маргариты Шаниной на пенсию, материалы остались в учебном заведении, где не нашлось последователей-энтузиастов. Сейчас только часть сохранившихся материалов, среди которых в том числе подлинные, хранится в одном из кабинетов. Дирекция школы отказывается передавать материалы в музейное объединение, желая воссоздать школьный литературный музей. В перспективу возрождения очень хочется верить...

Свято место, к счастью, оказалось пусто только в Тотемской средней школе № 1, но никак не в районе. В 1990 году открылась

первая скромная экспозиция в селе Никольском, в двух комнатах бывшего административного корпуса детского дома. У истоков её создания стояла директор краеведческого музея Юлия Ерыкалова, благодаря энергии и инициативам которой было сделано немалое для популяризации творчества Николая Рубцова. При ней продолжилась традиция «Рубцовских чтений», а в 1996 году был открыт полноценный музей, обновлённый в 2006-м (автор экспозиции – Олег Пахомов).

Музей расположился в добротном здании бывшего Никольского земского училища с антресольным этажом. Место, где учили местных детишек грамоте, с началом трудных времён превратилось в административный корпус детского дома. Именно здесь располагались кухня, столовая, пионерская комната, где неоднократно бывал и рисовал стенгазеты маленький Коля. Конечно, спален здесь не было, и старая железная кровать, стоящая в экспозиции, является лишь репликой – однако мемориальность места всё равно никто не оспаривает. Тому способствует оформление зала, посвящённого сиротскому детству поэта. Поставленная на острие угла школьная парты как символ перевёрнутоговойной детства и образ скорбящей Богоматери на потолке, придуманные художником-оформителем Олегом Пахомовым, вызывают массу эмоций, и равнодушным к данному художественному решению не остаётся никто.

Зал, посвящённый творчеству Николая Рубцова, оформлен в стилистике рубцовской горницы, напоминая одновременно о двух стихотворениях – «Окошко. Стол. Половики...» и первом варианте знаменитой «Горницы» под названием «В звёздную ночь». Тёмное небо, усеянное мириадами звёзд, изгиб речки Толшмы за окном, написанные краской на стене стихи поэта из «никольского цикла»: всё вроде бы просто и вместе с тем как-то щемяще пронзительно.

– Матушка, – который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?

На втором этаже – мемориальная комната. Мемориальная условно, поскольку в этом доме поэт никогда не жил. Однако именно сюда были переданы вещи из последней квартиры Рубцова на улице Яшина в Вологде: письменный стол, дорожка, кровать... Типологический интерьер с подлинными предметами может многое сказать – и об аскетизме поэта, и о его трагической бытовой не-

устроенности, и о том, что появление этих вещей именно здесь, в Николе, по-своему неслучайно.

К сожалению, музей Рубцова, созданный в селе Никольском как часть Тотемского музейного объединения, так и остался муниципальным, то есть финансируемым исключительно за счёт Тотемского района. Это не только выглядело несправедливо (всё же, признаемся, масштаб личности Рубцова выходит далеко за рамки отдельно взятого района), но и в какой-то степени стало «миной замедленного действия», поскольку экономический кризис, пережитый Вологодской областью и всеми её муниципалитетами в 2012–2017 гг., стал для музейного дела серьёзным испытанием. Повсеместно стали закрываться или переводиться на сезонный режим работы небольшие музеи на удалённых территориях. Такая угроза стояла и перед единственным в России мемориальным музеем Николая Рубцова. К счастью, имя Поэта всё-таки сыграло вескую роль в положительном решении данного вопроса, но «пороховая бочка» нестабильности экономической ситуации хоть и не горит в настоящий момент, но в любой момент может вспыхнуть снова.

Важным моментом, способствующим положительным решениям касаемо судьбы музея, является наличие на территории специалиста высокого уровня, заведующего мемориальным музеем Галины Мартюковой. Остается только радоваться, что не сбылись строки Л. М. Дьяковского, опубликованные во втором томе альманаха «Тотьма» (1997): «Музей в Николе – зрячее дело, и не будет там (в селе – А.Н.) жить серьёзный профессионал-музейщик». В настоящее время можно уверенно сказать, что во многом благодаря энтузиазму Галины Алексеевны музей Рубцова не только прочно стоит на ногах – он развивается, привлекая широкое внимание людей со всех уголков России и даже из-за рубежа, а дирекция и сотрудники Тотемского музейного объединения стараются оказывать максимальное тому содействие.

Стоит коротко перечислить некоторые вехи развития «рубцовской темы» в жизни Тотемского района за последние пять лет.

В 2014–15 гг. состоялся открытый межрегиональный фестиваль музейной культуры «Звезда Николая Рубцова», учреждённый по инициативе бывшего директора Тотемского музейного объединения Юлии Ерыкаловой и поэтессы Полины Рожновой. Весь 2014 год шла подача заявок на конкурс в нескольких номинациях, основными из которых стали «Поэзия», «Проза» и «Живопись». Всего в адрес оргкомитета поступило более 140 заявок. Участниками

фестиваля стали около 150 самодеятельных поэтов и художников, краеведов, творческих объединений и профессиональных авторов, а также воспитанников художественных и музыкальных школ. Часть из них приехала в Тотьму на торжественные мероприятия, посвящённые закрытию фестиваля и подведению итогов Года культуры.

Награждение участников фестиваля провёл начальник отдела культуры администрации Тотемского района Николай Мишин. Среди дипломантов фестиваля оказались поэтессы из Москвы Инна Варварица, Виктория Бурцева и Ольга Левкина (Фляковская), театроревед и библиограф московского ГИТИСа, дочь известного композитора Александра Фляковского. Гран-при фестиваля в номинации «Проза и поэзия» был награждён писатель из Котласа Виталий Плотников, а в номинации «Живопись» аналогичную награду получила художник из Череповца, автор целого цикла работ, посвящённых Николаю Рубцову, Вера Филиппова. Как ещё один подарок художнице, в Тотьме открылась её персональная выставка.

Гостья фестиваля из Вологды Светлана Тужилкова (сестра Клавдия Захарова – товарища Николая Рубцова), не только поделилась ценностями воспоминаниями о поэте, но и привезла ценный

подарок для музея Н. М. Рубцова в селе Никольском – гипсовый вариант барельефа на памятнике поэту на Пошехонском кладбище в Вологде авторства В. Малыгина.

Фестивальная программа продолжилась в селе Никольском, где для гостей фестиваля был представлен получасовой спектакль «Там, в глухи, под крышею детдома...», подготовленный школьниками Никольской основной общеобразовательной школы и посвящённый детству Николая Рубцова (режиссёр – директор Никольской ООШ Юлия Шадрина). Роль будущего поэта мастерски исполнил юный Алексей Кусов,

Алексей Кусов в роли детдомовца Николая Рубцова. День памяти поэта, 2014 г.

сумевший отлично вжиться в образ и заслуживший горячее одобрение публики.

В сентябре 2014 года состоялась презентация брошюры «Село Никольское и Николай Рубцов», первый тираж которой был выпущен благодаря финансовой поддержке Вологодского землячества в Москве. Авторами текста стали сотрудники музея Наталья Коренева, Галина Мартюкова и Алексей Новосёлов. Фактически, брошюра стала первым полноценным изданием о селе Никольском.

В марте 2015 года Санкт-Петербург принимал любителей поэзии Николая Рубцова, представителей рубцовских центров и музеев. Библиотека № 5 Невского района, носящая имя поэта, проводила межрегиональную конференцию «Николай Рубцов в культурном контексте Года литературы в России». В рамках этой встречи Галина Мартюкова поделилась новыми открытиями, совершенными при изучении архивных документов. Так, был развенчен миф о том, что Николай Рубцов учился «посредственно». Благодаря найденным в архивах Тотьмы и Никольской ООШ данным по Никольскому детскому дому и Никольской школе выяснилось, что Николай Рубцов не просто учился исключительно хорошо, но и единственный из более чем 250 учеников был награждён похвальной грамотой за особые успехи. А автограф стихотворения «Ночь на родине», подаренный музею Станиславом Куняевым, окончательно снял вопросы относительно отображённого в стихотворении места. Мысли о том, что это стихотворение посвящено Емецку – селу, где Николай Рубцов родился, высказывали емецкие краеведы, однако Станислав Юрьевич утверждает, что данный автограф пришёл в Москву из села Никольского осенью 1964 года.

В июле 2015 года мемориальный музей Н. М. Рубцова отметил 25-летие. Почетным гостем праздника стал депутат Государственной думы Вячеслав Позгалёв, поучаствовавший в фольклорно-этнографическом празднике «Коси коса, пока роса», организованном отделом традиционной народной культуры «Морошка» Тотемского музеиного объединения. Вячеслав Евгеньевич посетил музей, храм, школу, дом культуры, пообщался с гостями праздника и местными жителями, а победителю конкурса косцов даже вручил именной подарок – часы. Кроме того, после посещения юбилейных мероприятий Вячеслав Позгалёв оказал спонсорскую помощь в размере 100 000 рублей на приобретение новых витрин в музей. В них разместились предметы, ранее находившиеся в запасниках.

Подведение итогов фестиваля «Звезда Николая Рубцова». 2015 г.

Завершились мероприятия большим «рубцовским костром» на берегу Толшмы, среди вечерних туманов, – там же, где когда-то сидел Николай Михайлович, один или в компании друзей, где рождались поэтические строки, ставшие знаменитыми на всю Россию. На костре побывали дочь поэта – Елена Рубцова, внучки – Анна и Мария Козловские. Именно в этот вечер было принято решение ежегодно проводить встречу единомышленников, друзей и просто поклонников творчества Николая Рубцова под названием «Рубцовский костёр на Толшме».

В настоящий момент таких встреч проведено уже четыре. В них ежегодно принимают участие более 40 человек из различных городов России, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Вологда, Череповец, Тотьма, Липин Бор, Сургут, Азов, Мурманск, Архангельск, Северодвинск, Нижний Новгород и даже Пекин (КНР). Суть мероприятия предельно проста. На крутом берегу неширокой речки, за подвесным мостом, который в здешних краях обычно называют «лава», собираются никольчане и гости села. Во время этого тёплого и традиционно безоблачного вечера звучат стихи и песни, в золе костра неспешно запекается картошка, а местные ребятишки подвешивают над огнём большое ведро с толшмен-

ской водой, из которой получается самый вкусный чай с дымком. В конце обязательно звучит песня на рубцовские стихи, ставшая своеобразным гимном мероприятия:

*В краю лесов, полей, озёр
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костёр
Как мимолётный сон природы...*

Кроме того, в рамках «Рубцовских костров» участники встречи посещают другие рубцовские места: паромную переправу на Сухоне, село Красное, деревню Манылово, местечко Борок, урочище Игошево, деревню Аникин Почекинок. В 2017 году гости посетили Никольское кладбище, где возложили цветы к могилам гражданской жены поэта Генриетты Меньшиковой и тёщи Александры Поповой, а в 2018-м стали участниками поездки к холму «Круглица» вдоль берегов реки Толшмы.

В октябре 2015 года автор этих строк вместе с Галиной Мартюковой и директором Тотемской централизованной библиотечной системы Ниной Никулинской стали участниками первых всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия» в областной столице. Материалы тотьмичей, посвящённые изучению творчества Николая Рубцова и популяризации его наследия, были опубликованы в первом «Беловском сборнике».

25 декабря 2015 года в краеведческом музее Тотьмы открылась выставка «И буду жить в своем народе!». Уникальна эта экспозиция тем, что на ней были представлены многочисленные подлинные документы и предметы, принадлежавшие Николаю Рубцову. Это фотографии, прижизненные издания Рубцова, деловая и частная переписка, личные вещи: расческа, бритвенный прибор, авоська, ручка чернильная с пером, чернильница, нож консервный в виде рыбы, нож складной многопредметный, поздравительные открытки. Особенно драматичный экспонат – осколок грампластинки: в роковую ночь 19 января 1971 года в пылу борьбы эта пластинка была расколота на несколько частей. Также на выставке показаны экслибрисы, графические и живописные работы, скульптура и книги, сборники стихов поэта, изданные в последние годы. Все предметы и документы были взяты из частной коллекции череповчанина Сергея Дмитриева. Этот известный автор-исполнитель песен Николая Рубцова, постоянный участник фестивалей

Выставка из личного фонда Сергея Дмитриева (Череповец)
в Тотемском краеведческом музее

и конференций, посвящённых Поэту, к сожалению, ушёл из жизни в декабре 2018 года, во время подготовки к печати настоящего сборника.

3 января 2016 года, в день 80-летия Николая Рубцова, у памятника поэту в Тотьме открылся новый интересный арт-объект: железная книга со стихами Николая Рубцова. Металлические страницы её можно перелистывать, изучая не только поэтические строки, но и иллюстрации к ним, выполненные детьми. Инициаторами столь необычного и интересного проекта стали педагоги и школьники МБОУ «Советская основная общеобразовательная школа» из посёлка Советский Тотемского района.

В январе 2016 года Тотьма принимала гостей со всей страны и даже из-за рубежа: представителей музеев, библиотек, рубцовских центров, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также простых любителей творчества знаменитого поэта Вологодчины. На Тотемской земле состоялась юбилейная научная конференция «Рубцовские чтения. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России», посвящённая 80-летию поэта.

Арт-объект «Книга со стихами Николая Рубцова» в Тотьме

«Мы не должны забывать, что поколения семьи Рубцовых жили в округе села Биряково, которое вплоть до административных преобразований советской власти всегда оставалось территорией Тотемского уезда. Духовной родиной Николая Рубцова стало село Никольское, находящееся на Тотемской земле. Сама Тотьма осталась для Рубцова городом юности, городом встреч с давними друзьями. Мы должны понимать и осознавать значимость имени великого земляка для развития нашего района», – подчеркнул глава района Сергей Селянин, открывая конференцию.

В рамках пленарного заседания первый заместитель главы района Владимир Коротин и начальник Тотемского почтамта Владимир Филиппов провели торжественную церемонию гашения специальным штемпелем коллекционных конвертов с изображением Николая Рубцова. Гостей поприветствовала начальник управления государственной политики в сфере культуры и искусства Департамента культуры и туризма области Галина Фалалеева.

Аспирантка из Пекина Лу Вэнья
с Леонидом Вересовым

Пленарный доклад о переводах Николая Рубцова на китайский язык представила аспирантка Пекинского университета иностранных языков Лу Вэнья. Из ее выступления гости узнали, что на данный момент на китайский переведено 28 стихов Николая Рубцова.

Заседания велись в рамках трех секций. Секцию «Жизненный путь Николая Рубцова» возглавил один из наиболее авторитетных специалистов в современном «рубцововедении» Леонид Вересов. Он представил совершенно новые, ранее не известные сведения о младшем брате Николая Рубцова Борисе. О генеалогическом древе черносошных тотемских кре-

стьян Рубцовых рассказал историк-архивист Дмитрий Пшеницын. Многие доклады были посвящены малоизвестным фактам биографии поэта: его пребывании в Кирилловском районе (доклад преподавателя Кирилловской СОШ Надежды Ильиной), учебе в Тотемском лесотехническом техникуме (доклад сотрудника Государственного Русского музея Марины Скородумовой), общении с вологжанкой Ириной Пятницкой (доклад череповчанина Сергея Дмитриева) и др.

В секции, посвященной изучению поэтического наследия Николая Рубцова и заложенным в стихах поэта образах и смыслах, особый интерес вызвали доклады Марии Акимовой (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва), Анастасии Черновой (газета «Православная Москва»), Надежды Величко (ЧГУ), Любови Федуновой (Санкт-Петербургский Рубцовский центр) и ряда других исследователей.

В секции «Сохранение памяти о Николае Рубцове. Деятельность литературных музеев» свои доклады представили сотрудники Литературно-мемориального музея Федора Абрамова в деревне Веркола Архангельской области, никольского Историко-мемориального музея А. Я. Яшина, ЗАО «Биряковское», Бабаевской

средней школы № 1, дома-музея Рубцова в селе Никольском, Чеповецкого Рубцовского центра и др.

Научная программа продолжилась литературно-музыкальным вечером Марины и Андрея Кошелевых «Долина детства». Бард Сергей Дмитриев представил собравшимся в краеведческом музее выставку подлинных мемориальных предметов Николая Рубцова из личной коллекции. Открылась выставка череповецкой художницы Веры Филипповой, много путешествующей по рубцовским местам. Гости также ознакомились с деятельностью районной библиотеки имени Николая Рубцова и оставили о ней восторженные отзывы. В стенах библиотеки, кстати, Рубцов зазвучал еще и на английском: стихи Рубцова на языке международного общения прочла преподаватель Тотемской СОШ № 2 Ольга Гамилова.

Культурная и научная программа ожидала гостей и в двухдневном пребывании на земле села Никольского. Участники «Рубцовских чтений» посетили мемориальный дом-музей Николая Рубцова с обновленной экспозицией, возрождающийся храм Николая Чудотворца на Толшме, Никольскую школу имени Рубцова, где учителями был проведен мастер-класс по изготовлению «рубцовского сувенира». Насыщенная программа завершилась в Доме

Рубцовские чтения - 2016, село Никольское

культуры литературным вечером «Куда ни глянь: Россия, Русь звенит рубцовскою строкою...», подготовленным совместными усилиями работников Дома культуры, сельской библиотеки, школы и музея. С приветствиями и благодарностями организаторам выступали участники чтений из Сыктывкара, Сургута, Москвы, Череповца, Вологды...

Подлинной кульминацией рубцовских мероприятий стали вечерние прогулки по селу Никольскому с чтением стихов прямо под «звездой полей», особенно ярко светившей в субботний вечер. А потом участников ждали гостевые дома обычных никольчан с натопленными печками, притом один из домов для докладчиков «Чтений» предоставила одноклассница Николая Рубцова Нина Михайловна Шестакова.

Результатом «Рубцовских чтений» 2016 года стала резолюция, в которой было принято важное решение – для того, чтобы начать движение к созданию музея-заповедника в селе Никольском, присвоить данной территории статус выявленного объекта культурного наследия, так называемого «достопримечательного места»¹. Более полусотни участников Чтений, любителей творчества Николая Рубцова, решили, что духовную родину поэта – село Никольское – нужно сохранить для потомков в виде именно тех ландшафтов, на которые смотрел поэт, и тех домов, в которых он бывал.

Юридические барьеры и проволочки затянули данный процесс до неприличия, однако вопрос решился положительно. Комитет по охране объектов культурного наследия Вологодской области удовлетворил ходатайство Тотемского музейного объединения в январе 2018 года. В настоящее время ожидается проведение официальной историко-культурной экспертизы, которая должна окончательно утвердить статус «достопримечательного места».

На данный момент проект выглядит следующим образом. Охранный статус придаётся ряду объектов, так или иначе связанных с жизнью и творчеством Николая Рубцова. Это, в первую очередь – здания музея, бывшего сельского клуба, храма Николая Чудотворца, земской больницы и ряд других, общей численностью 21 дом. Визуально с этим пространством связываются также школа,

---

¹ Когда на охрану ставится не отдельное здание или комплекс зданий, а целая местность, в реестре памятников есть специальный термин «достопримечательное место». Этот статус, помимо границ и зон охраны, даёт юридическую основу для формирования в такой местности музеев-заповедников.

Дом культуры и МВЦ «Бирюзовый дом», не получающие охранный статус, но работающие в тесной связке с музеем.

В марте 2016 года Галина Мартюкова стала участницей очередных «Абрамовских чтений», проводимых в селе Веркола Пинежского района Архангельской области. Рассказ о деятельности мемориального музея Н. М. Рубцова был тепло воспринят собравшимися, а музей Ф. А. Абрамова стал ещё одним дружественным для нас учреждением.

Летом 2017 года информационный стенд «Село Никольское – духовная родина Николая Рубцова» был установлен на региональной трассе Р7 Чекшино – Тотьма – Никольск у деревни Фоминское, в районе поворота на деревню Черепаниха и паромную переправу.

Важным событием в жизни музея стала «Рубцовская осень» 2017 года. Ключевым её мероприятием стала презентация нового краеведческого альманаха «Толшма», вышедшего в архангельском издательстве «Лоция». Альманах имеет солидный объём – более 450 страниц – и посвящён истории Толшменского сельского поселения, центром которого является село Никольское. Составителем альманаха стала заведующая мемориальным музеем Н. М. Рубцова Галина Мартюкова, она же стала автором многих статей. Помимо неё, авторами материалов выступили профессор Вологодского государственного университета Марина Черкасова, краевед, почётный гражданин Тотемского района Александр Кузнецов, учителя Никольской школы Юлия Шадрина и Наталия Воронина, депутат муниципального собрания Татьяна Новоселова, сотрудники ТМО Наталья Коренева, Вера Галушкина и Валентина Притчина, вологжанин Сергей Трифанов и петербуржец Михаил Ушаков. Дизайнерами обложки и цветной вклейки выступили представители АНО «Бирюзовый дом» Андрей и Марина Кошелевы.

Данный альманах стал первым подобным изданием, посвящённым истории одной конкретной территории Тотемского района, и хорошим примером для того, чтобы в других сельских поселениях и муниципальных образованиях также активно накапливался и публиковался краеведческий материал.

Издание было осуществлено благодаря финансовой поддержке депутата законодательного собрания городского округа Северодвинск, начальника транспортного цеха ЗАО «Севмаш» Александра Микляева.

На заседании, состоявшемся после проведения мероприятий, было решено создать попечительский совет дома-музея Н. М. Рубцова в селе Никольском для дальнейшей поддержки учреждения,

работающего в непростых условиях слабой транспортной доступности и муниципального финансирования. Почётным председателем совета была избрана дочь поэта Елена Николаевна Рубцова. В совет вошли представители Тотьмы, села Никольского, Вологды, Северодвинска и Санкт-Петербурга.

Особенно тесное взаимодействие у музея сложилось с активными участниками многих рубцовских мероприятий на Тотемской земле – заместителем руководителя Санкт-Петербургского Рубцовского центра, председателем комитета по культуре Вологодского землячества в Санкт-Петербурге Тамарой Валентиновной Даниловой и членом Санкт-Петербургского Рубцовского центра Алексеем Борисовичем Тищенко. Понимая значимость Мемориального музея Николая Рубцова в деле сохранения памяти о великом русском поэте, Тамара Данилова и Алексей Тищенко уже несколько лет по мере своих сил стараются помочь музею. Благодаря их финансовой поддержке вышло второе издание буклета «Село Никольское и Николай Рубцов» (2017). С 2016 года и по сей день петербуржцы постоянно снабжают музей сувенирной продукцией, которая пользуется большим спросом у посетителей: ручки со строками стихотворений Николая Рубцова, магниты с видами села, значки с изображением поэта Н. М. Рубцова, блокноты, диски с записями песен на стихи Николая Рубцова, сборники стихотворений Н. М. Рубцова. Выручка от продажи сувениров и литературы идет на развитие музея. Тамара Валентиновна и Алексей Борисович также подарили музею диктофон, флеш-накопители, жёсткий диск для компьютера.

По инициативе Т. В. Даниловой и А. Б. Тищенко и их прямой финансовой помощи весной 2018 года в музей Рубцова был проведен водопровод, осенью сделана канализация, обустроен теплый туалет и установлен водонагреватель. Узнав, в каком плохом состоянии находится дом М. И. Богдановой в деревне Аникин Починок, в котором осенью 1963 года останавливался Николай Рубцов, Тамара Валентиновна и Алексей Борисович приобрели это здание. Осенью на доме начались ремонтные работы.

В июне 2018 года по инициативе Галины Мартюковой музей Н. М. Рубцова провёл акцию «Возвращение названий» на территории Никольского управления МО «Толшменское». Когда-то на этой территории было тридцать деревень, сейчас жилых осталось шесть. Уже долгие годы здесь (кроме Никольского и Аникина Починка) не было указателей с названиями, и понять, где какая деревня, было достаточно сложно. Между тем, некоторые из посе-

лений имеют мемориальное значение – например, в ныне брошенной деревне Галкино родился Анатолий Мартюков, детдомовский товарищ Николая Рубцова, впоследствии ставший известным поэтом. В рамках акции было установлено 8 табличек с названиями деревень.

В 2018 году программа праздника «Рубцовский костёр» включала в себя открытие обновлённого памятника Николаю Рубцову в Тотьме. По инициативе общественного совета Тотемского района были проведены масштабные работы по благоустройству прилегающей территории: заменена тротуарная плитка, поставлены

Рубцовский костёр на Тотьме, 2018 г.

новые фонари, а также полностью переоблицован мраморной плиткой постамент памятника, который не ремонтировался с 1987 года. Работы проходили при финансовой поддержке Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко в рамках конкурса проектных идей «Культурный город». Глава района Сергей Селянин поблагодарил председателя общественного совета Николая Лысанова за качественную и в срок проведённую работу.

С 6 по 15 июля 2018 года на территории Алтайского края и Республики Алтай прошла краеведческая экспедиция, посвященная пребыванию поэта Николая Рубцова на Алтае летом 1966 года.

*Встреча с библиотекарями и литераторами Алтая
в краевой библиотеке им. Шишкова города Барнаул. Июль 2018 г.*

Мероприятие состоялось при финансовой поддержке ПАО «Северсталь» в рамках программы тревел-грантов конкурса «Музеи Русского Севера».

В экспедиции участвовали представители Тотемского музейного объединения: автор этих строк, заведующая мемориальным музеем Н. М. Рубцова Галина Мартюкова, ученый секретарь Мария Правдина, сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) Лидия Рахманова и начинающий режиссер Наталья Евграфова.

Экспедиция началась с Барнаула, где Николай Рубцов гостил у своего товарища по литературному институту Василия Нечунаева. Он жил у его сестры Матрены. Этот дом не сохранился, и на этом месте теперь находится детский сад. Зато участникам экспедиции удалось пообщаться с самим Василием Нечунаевым, который не только предоставил музею копии ценных фотоматериалов, но и рассказал многие любопытные детали, дополняющие

характер Николая Рубцова. Рубцов первый оценил детские стихи Нечунаева и посоветовал ему писать именно для дошкольной аудитории. Сейчас Василий Нечунаев – известный на Алтае детский писатель.

Участников экспедиции радушно принимала Алтайская краевая библиотека имени В. М. Шишкова. Гостями встречи стали представители библиотек Барнаула и Новоалтайска, Алтайского музея литературы и искусств, краевой писательской организации. Открытием для тотьмичей оказался тот факт, что писатель из Барнаула Анатолий Кирилин написал книгу, часть действия которой происходит в Тотьме, а одним из главных героев выступает краевед Волков, «списанный» с известного популяризатора тотемских достопримечательностей Станислава Зайцева.

Встречи продолжились в селе Красногорском Алтайского края, где в свое время Николай Рубцов гостил у Геннадия Володина. Библиотекари, музейщики, представители общественности собрались сначала в Красногорской библиотеке, а затем – у мемориальной доски Николаю Рубцову, установленной в прошлом году. Это пока единственный мемориальный объект, посвященный на Алтае нашему поэту-земляку. Участники встречи устроили импровизированный митинг у дома, где жил поэт, читали его стихи и строили планы по участию в совместной акции рубцовских центров и музеев, проходящей ежегодно 3 января.

Мемориальная доска, установленная на доме Геннадия Володина в селе Красногорское Алтайского края

В Горно-Алтайске Николай Рубцов жил в гостях у Валерия Чичинова, человека, который сейчас известен всем алтайцам как литератор, ученый и бывший министр культуры Республики Алтай. Участникам экспедиции удалось встретиться с вдовой Валерия Чичинова Татьяной Даниловой, которая показала тотьмичам и петербуржцам места на «Чемальском тракте», где Рубцов бывал: села Чепош и Чемал, а также Элекмонар, где поэт жил не менее недели и, по словам Валерия Чичинова, «общался с Катунью». На берегу реки Татьяна Андреевна прочитала наизусть стихотворение Рубцова «Шумит Катунь», а также предложила идею устраивать на Алтае «рубцовские костры» по аналогии с теми, что проходят в Тотемском районе. Идея получила одобрение и у сотрудников Национальной библиотеки Республики Алтай, которые записали видеообращение к участникам «Рубцовского костра на Толшме».

Участникам экспедиции удалось посетить местечко Кислуха, под впечатлением от которого Николай Рубцов написал стихотворение «В сибирской деревне», и село Соусканиха, где поэт рыбачил с товарищами и впоследствии написал стихотворение «Весна на берегу Бии». Удалось увидеть и озеро Ая, которое, по воспоминаниям современников, очень понравились Николаю Рубцову.

Результатом поездки стали установленные связи с библиотеками и музеями Алтая, новые воспоминания, копийные документы и фотоматериалы, книги, которые пополнят библиотеку мемориального музея Н. М. Рубцова. Кроме того, на основе материалов, отснятых в экспедиции, будет составлен небольшой документальный фильм.

Путешествия музейщиков района по рубцовским местам продолжились в сентябре 2018 года. Заведующая художественным отделом краеведческого музея Тотьмы Вера Галушкина посетила село Липин Бор. Благодаря инициативе Алёны Крымовой, участницы Чтений 2016 года, тотьмичи и никольчане побывали в районном центре Бабаево, где поучаствовали в открытии на базе местного музея Рубцовского центра и пообщались с журналистом Валентином Лукошниковым, который лично знал поэта.

А в октябре по приглашению Тамары Даниловой и Алексея Тищенко нам удалось побывать в Санкт-Петербурге, Приютино и Невской Дубровке. Особенно волнующей и незабываемой стала встреча с Таисией Александровной Голубевой (Смирновой) – первой любовью поэта.

Сотрудники ТМО у мемориальной доски
Николая Рубцова в Бабаево

Село Никольское посещалось группами участников всероссийской конференции «Культурно-познавательный туризм как фактор развития российской глубинки» (2014), форума, посвящённого столетию музеиного дела в Тотьме (2015), второй всероссийской научной конференции «Русский Север-2018. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» (2018). Благодаря образовательной программе Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко «Опыт места» в Николу дважды (2017, 2018) приезжали на стажировку социокультурные проектировщики со всей страны. Интересным опытом стала работа с группой известного блогера и дизайнера Артемия

Лебедева, посетившего Тотьму и Никольское в сентябре 2016-го. В Тотьме и селе Никольском работала съёмочная группа телеканала «Культура», создавшая фильм о Николае Рубцове в рамках цикла «Письма из провинции» (2017).

Конечно, достичь этих результатов было бы невозможно без поддержки целой команды единомышленников, энтузиастов литературно-краеведческой работы в селе Никольском и Тотьме.

За годы директорства Юлии Шадриной Никольская основная общеобразовательная школа фактически стала вторым музеем Николая Рубцова. Помимо стихов поэта на стенах школьных реекреаций и ученических стендов, экспозицию в 2015 году успешно дополнил информационный комплекс, созданный череповецким дизайнером Мариной Зуевой. Школьный музей Николая Рубцова

посвящён преимущественно тому, как сохраняется память о поэте, и содержит в себе хорошую подборку книг Рубцова и о Рубцове. Не выбиваются из общей канвы музей старинных этнографических предметов и кабинет труда – тоже своеобразный музей интереснейших изделий из палочек для мороженого, завод по производству которых функционирует в Никольском. Ряд из этих изделий напрямую связан с именем Николая Рубцова: удивительно, насколько органично простота и кажущаяся наивность таких изделий сочетаются с рубцовским творчеством.

Ученики школы под руководством Юлии Шадриной и при финансовой поддержке Тотемского музейного объединения в 2016 году установили на въезде в Николу информационный стенд-указатель.

Марина и Андрей Кошелевы в 2002 году выпустили первый в истории буклете, посвящённый селу Никольскому. С тех пор прошло множество фотоэкспедиций, собран ценный краеведческий материал, которому стало тесно в рамках родного для Кошелевых Зеленограда. Супруги приобрели помещения в Николе и открыли в 2013 году музейно-выставочный центр «Бирюзовый дом» с функциями мини-гостиницы. В кратчайшие сроки в бывшем здании колхозной конторы появились гостевые комнаты, выставочные залы и уютнейшая «литературная гостиная», в которой так замечательно проводить время долгими зимними вечерами. Гостевой дом супружеской Кошелевых рискует превратиться в еще одно музейное пространство – и к тому имеются все предпосылки.

В 2015 году в мемориальном месте «Церковная гора» по инициативе Андрея и Марины Кошелевых был установлен «Рубцовский камень» с высеченными на нем строчками *«Взбегу на холм и упаду в траву!...»*.

Давние дружеские отношения сложились у музея Рубцова с Никольской сельской библиотекой и домом культуры «Никольский» – филиалом центра развития культуры «Тотьма». Библиотека и Дом культуры принимают активное участие в подготовке и проведении музейных мероприятий.

Важную роль в пропаганде творчества поэта играет Тотемская районная библиотека имени Николая Рубцова. Именно это учреждение проводит мероприятия фестиваля «Рубцовская осень» в Тотьме, встречи у памятника поэту, литературно-музыкальные вечера. Особенно тесно библиотека работает с наследием друга Н. М. Рубцова, известного вологодского писателя Сергея Петровича Багрова, который становится частым гостем библиотечных

мероприятий. Неоднократно проводились «Малые Багровские чтения» для детской аудитории, а в 2018 году в одном из залов библиотеки открылся «Центр писателя Сергея Багрова».

Летом этого же года благодаря гранту Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко перед зданием библиотеки появился «Литературный дворик», один из арт-объектов которого (скамья) посвящён Николаю Рубцову. Ещё одна «малая архитектурная форма» в 2017 году разместилась у здания тотемского музеино-выставочного центра (ул. Ворошилова, 2) уже по инициативе музея: «рубцовский велосипед», визуализирующий самую известную строчку из стихотворения «Букет».

Наконец, все эти годы реализуется, возможно, главный в современной истории села Никольского проект – восстановление храма Николая Чудотворца на Толшме. Усилиями команды энтузиастов за несколько лет удалось совершить невозможное: очищено помещение от следов присутствия в нём долгие годы сельской хлебопекарни, настелены полы, установлена система отопления, создана молельная комната с алтарём, привезены три колокола, закрыта кровлей полуразрушенная часть здания и, наконец, установлен купол. В 2018 году здесь состоялись первая божественная

Храм Николая Чудотворца на Толшме в селе Никольском. Фото 2018 года

литургия и архиерейское богослужение, которое возглавил епископ Великоустюжский и Тотемский Тарасий.

Благодаря восстановлению храма такие понятия, как «развалины собора» из стихотворения «По вечерам», «Церковная гора» из «Ивы», «купол церковной обители» из «Тихой моей родины», частично и «храм удивительный, белоколонный», – приобретают совершенно новые смыслы и образы. Некоторыми людьми, правда, высказывались идеи, что для сохранения этого самого облика из стихов Рубцова развалины храма с несколькими помещениями следует законсервировать и оставить неподвижными; однако теперь глухой колокольный звон, раздающийся в вечерних сумерках рубцовской Николы, настолько проникает в душу и настолько созвучен «вечернему звону» Левитана и Рубцова, что кажется, будто бы иначе и быть не могло. «Я слышу звон...», – утверждал поэт. Разве он мог нас обманывать?

Оглядываясь назад, можно констатировать, что работа по сохранению и изучению наследия Николая Рубцова в Тотемском районе, несмотря ни на какие кризисные процессы, идёт достаточно активно. За минувшие несколько лет осуществлено очень многое. Конечно, всегда можно говорить о том, что не удалось, или о том, что пока не сбылось. В частности, в контексте знакомства с музеями Шукшина на Алтае или с музеем Абрамова в Верколе, где работает достаточно большой штат сотрудников, хочется верить в то, что нынешнее удручающее состояние с выделением ставок в мемориальный музей Н. М. Рубцова будет не вечным. Расстраивает некое бессилие региона привести в порядок 25-километровую дорогу до Николы, из-за состояния которой многие туроператоры отказывают гостям в посещении села. Наконец, хотелось бы (на всех уровнях) видеть работу по популяризации творчества Н. М. Рубцова более системной...

Возможно, именно этой системности на самом высоком – федеральном – уровне не хватило для того, чтобы сохранить память о поэте в столице. В августе 2018 года нами было принято непростое решение откликнуться на просьбу основательницы московского музея Н. М. Рубцова Майи Полётовой забрать в фонд Тотемского музейного объединения коллекцию, ранее экспонировавшуюся в Москве. Попытки восстановления закрытого в 2012 году московского музея так и не увенчались успехом, а разобранная экспозиция продолжала находиться в подвале одной из столичных библиотек в абсолютно ненадлежащем состоянии. Выехав в Москву, сотрудники нашего музея перевезли из столицы практически

все предметы, мебель и комплектующие экспозиции московского музея Н. М. Рубцова. В рамках «Рубцовских чтений» 2019 года в краеведческом музее Тотьмы открывается грустная выставка-послесловие, составленная из того, что осталось от когда-то любимого и посещаемого музея в Москве...

Сборник работ «Рубцовских чтений» мы назвали «Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России». Нам важно знать и понимать, насколько стихи Рубцова нужны современному читателю. Нам важно раскрывать новые вехи в его биографии. Нам важно понимать язык образов и смыслов поэта. И осознавать его выдающуюся роль – пусть и «тихую», «негромкую», – во всей русской культуре. В конце концов, для того, чтобы войти в историю, Николаю Рубцову было бы достаточно написать всего одну строчку.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!...».

Слышит ли Россия призыв поэта?
Не уверен.

Раздел первый

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

*Вересов Леонид Николаевич,
общественная организация «Вологодский союз писателей-краеведов»,
член Союза писателей России,
г. Череповец, Вологодская область*

ПОСЛЕДНИЕ ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Как оказалось, это не так просто и очевидно, – определиться с последними прижизненными газетными, книжными, журнальными публикациями поэта Н. М. Рубцова. Лишь некоторые новые материалы на эту тему позволили написать данную статью. Однако, возможно, читатели и специалисты по Рубцовскому наследию уточнят или поправят автора.

Последним сборником стихов Рубцова, вышедшим при его жизни, является «Сосен шум» (М.: Советский писатель. 1970). Но вот какое любопытное письмо из издательства удалось обнаружить в ГАВО (Государственный архив Вологодской области) (1). Оно адресовано Николаю Рубцову, и из него мы узнаём, что издательство отклоняет идею поэта назвать сборник стихов «Подорожники», ибо подобный сборник «Подорожник» уже был у поэтессы Анны Ахматовой и нежелательно повторяться. Само письмо Рубцова пока ещё не найдено, а на это письмо из издательства «Советский писатель» исследователи внимания не обращали.

Напомню читателям, что Н. М. Рубцов почти полностью подготовил к печати сборник «Зелёные цветы», с названием которого тоже были проблемы (2), а также в первоначальном варианте – сборник «Подорожники». «Зелёные цветы» вышли в издательстве «Советская Россия» через три месяца после гибели поэта. Ответ Н. М. Рубцову, что рукопись сборника «Подорожники» получена издательством, датируется 14 января 1971 года (3). Письмо с ответом нашли после смерти Рубцова в почтовом ящике поэта. Таким образом, идею издать сборник под таким названием Нико-

лай Рубцов всё же не отбросил, но уже решил реализовать её в другом московском издательстве «Молодая гвардия». Сборник «Подорожники» был издан друзьями поэта в переработанном виде в 1976 году. При всём том последним сборником стихов Рубцова, вышедшим при жизни, остаётся сборник «Сосен шум», который, как сейчас становится ясным, мог бы иметь по неосуществлённому желанию поэта название «Подорожники».

Последней прижизненной публикацией стихов Н. М. Рубцова в коллективном сборнике, вероятно, стали стихотворения в репертуарном сборнике «Стихи, стихи» (М.: Искусство. 1971, выпуск 1. Составитель Н. Злотников, автор предисловия поэт Б. Слуцкий). Напомню читателям, что первый выпуск этого сборника «Стихи, стихи» состоялся в 1967 году, и там тоже опубликовано несколько интересных вариантов известных стихов Николая Рубцова.

Репертуарные сборники выпускались для того, чтобы чтецы могли иметь стихотворный материал для чтения наизусть со сцены, одобренный цензурой и являющийся высокохудожественным продуктом. Это было серьёзное издание тиражом сто тысяч экземпляров, и его хватало всем библиотекам, дворцам и домам культуры всей страны. Опубликоваться в нём – прямой путь к известности и признанию. Из вологжан в нём в 1971 году были опубликованы В. Шаламов – три стихотворения, А. Яшин – одно стихотворение, С. Чухин – одно стихотворение «Уходим за последними грибами», которое он иногда (не в этот раз) публиковал с посвящением Н. Рубцову (4).

У поэта Николая Рубцова опубликованы два стихотворения. Первое – «До конца», весьма прощальное и подводящее итог стихотворение по настроению. Кстати, это же стихотворение войдёт и в последнюю газетную подборку поэта. Давайте немного остановимся на этом стихотворении. Редакция его такая, как в сборнике

Репертуарный сборник

«Стихи, стихи» в первой и последней строфах, никогда ранее и позже не печаталась. Дважды повторяется строчка «*До конца, до смертного креста пусть душа останется чиста!*». Приведём вариант стихотворения, который опубликован в книге «Сосен шум» и который будет опубликован в последней газетной подборке поэта, и ранний вариант «Заклинание» того же стихотворения. Меняются отдельные слова и порядок расположения слов в строфах. Как тут не подумать о некоем предзнаменовании, предчувствии собственного ухода. Иногда кажется, что даже знаменитое «Я умру в крещенские морозы» так не прогнозирует беду, как эти последние рубцовские подборки стихов и эти меняющиеся «тихие» и «смертельные» кресты в сочетании с тем, что «пусть душа останется чиста», а то, что вместила в себя жизнь, абсолютно не важно.

ДО КОНЦА

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!*

*Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жизнью
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.*

*Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!*

ЗАКЛИНАНИЕ

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!*

*Перед этой
Скромной, захолустной
Стороной
Болотистой моей,
Перед жсивой
Прелестной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем старинным
Белым светом,
Я клянусь,
Душа моя чиста...*

*Пусть она
Останется чиста
До конца,
До тихого креста!*

Вторым произведением, напечатанным в репертуарном сборнике, стало стихотворение без названия, которое сейчас публикуется как «Сосен шум». А название этого стихотворения стало названием последнего сборника поэта. Смыкаются и сходятся круги прощальных публикаций Николая Рубцова. Скорей всего это случайность, дело составителей или редакторов, а может, и судьба...

В репертуарном сборнике 1971 года в стихотворении «Сосен шум», написанном в 1967 году, выпущено одно четверостишие, начинающееся со строк «*Сижу в гостинице районной....*». Из произведения ушла некая конкретика, привязка к месту, где стихи писались. Правда, по воспоминаниям Василия Елесина, на самом деле Рубцов ночевал в редакции районной газеты села Липин Бор, но поэт посчитал, что написать про районную гостиницу будет

более типично. А между тем, это последняя публикация данного стихотворения, и как быть с волей поэта, выпустившего в ней строфу? Ведь во всех сборниках современных строфа про гостиницу непременно присутствует.

В этом конкретном случае, пожалуй, не будем абсолютизировать, что это последняя публикация, а примем во внимание, что в прижизненных книгах Рубцова строфа всё же присутствует и она на месте. И самое главное: мы, видимо, никогда не узнаем, почему строфа выпала из стихотворения. Возможны просто недосмотр или техническая ошибка при печати.

Далее скажем откровенно, что этот сборник никогда не привлекал внимания рубцоведов, ибо дата выхода его в свет 1971 год. Наверное, считалось, что это явная посмертная публикация, коих набралось в этот год немало. Но давайте обратимся к выходным данным книги. Сдано в набор 10.07.1970, подписано к печати 19.11.1970. Учебное издание, отпечатано в Ярославле, цена 29 копеек. Вся подготовка книги и выход её в свет проходили при жизни Н. М. Рубцова, только в продажу сборник поступил в 1971 году и остался неоценённым и неизвестным исследователям. Итак, последней прижизненной публикацией поэта Николая Рубцова в коллективном сборнике стали два стихотворения в репертуарном сборнике «Стихи, стихи».

Последней журнальной прижизненной публикацией Н. М. Рубцова стала подборка «Поэтическая тетрадь» из журнала «Сельская молодёжь» № 6 за 1970 год. Эта подборка из особенно печальных стихов поэта. «Старик», «Провинциальный пейзаж» (сейчас это стихотворение больше известно как «Вологодский пейзаж», но оно без последней явной строфы о Вологде, а тогда это правдивая картина жизни любого провинциального города), «Жалобно в лесу кричит кукушка», «В саду, где пела радиола» и, особенно, Рубцов словно прощается с нами стихотворением «Есть пора души моей отрада»:

*Облетают листья, упłyвают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дороже мне бывают
И дела, и образы утрат.*

*Слёз не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру – и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь...*

Понимал ли, чувствовал поэт, что жизнь близится к завершению? Но вот такие сильные и грустные строчки оставил нам в последней журнальной публикации... Посмотрите на забытую фотографию из этой подборки поэта. И этому мудрецу ещё не исполнилось и тридцати пяти лет.

Последней, как ни печально это признавать, публикацией в «центральной» газете является стихотворение «Уже деревня вся в тени» в газете «Литературная Россия». Вместе с Н. Рубцовым в подборку вошли А. Романов, И. Григорьев, А. Лёвшин и другие поэты. Публикация состоялась 25 сентября 1970 года. Имя поэта из Пскова Игоря Григорьева никогда не связывалось с Николаем Рубцовым, Александра Романова можно назвать добрым гением поэта, а вот с Анатолием Лёвшинским у Николая Рубцова были далеко не дружеские отношения. И вот они все вместе в последней подборке Рубцова в центральной газете...

Долгое время последней газетной публикацией Н. М. Рубцова считалось стихотворение «За тост хороший» в вологодской областной газете «Красный Север» от 1 января 1971 года. Редактором газеты тогда был Н. М. Цветков. Напомню, что 20 января в «Красном Севере» появился и некролог «Памяти друга». «Русская поэзия понесла значительную утрату... Смерть оборвала чистый и глубоко искренний голос на полуслове...». Однако насчёт последней газетной публикации Николая Рубцова исследователи из города Дзержинска Горьковской области тоже были увереныочно. Но... последние стихи в газете были опубликованы не первого, а 16 января, и в газете посёлка Варнавино.

Николай Рубцов, вероятнее всего, так и не узнал об этой публикации. Газета называлась «Новый путь» и являлась органом Варнавинского райкома КПСС и районного совета депутатов трудящихся Горьковской области. В подборке из пяти стихотворений опубликовано: «На сенокосе», «В дороге», «Наследник розы», «Воробей» и как своеобразное завещание и прощание (это стихотворение в данном контексте воспринимается именно так) – «До конца». Да, да – снова в последней, газетной на сей раз публикации – «До конца, до тихого креста, пусть душа останется чиста...».

НА СЕНОКОСЬ

НАСЛЕДНИК РОЗЫ

С горя плачешь,
«Головоломка», паро!
И волтер устал
Дров забирал.
И помолчали и клюстра
И волки опять вадыжают
шашлыки
— О чём-то думается на?
А мужик лежит,
Плакаленсту,

И в небеса вспыхают дымы
Они плывут по полетам.
О морятах, о том, с чем
Не припрыгнут ради вративших
А кудра судят обо всем.
И спасибо сказ
В темноте под ветхими,
И посыпки ровные слышимы.
Но чайка моя».
Советским, —
Явь роже — грустной
старинны

ДО НОНЦА

До конца, до такого креста,
Пусть душа останется чиста!
Перед этой жертвой, заплаканной
Стороной береговой моей,
Перед житий, письмурной
и грустной.
В дни осенних горестных
нощней,
Перед этим страгом
сельсоветом,
Перед этим стадом у места,
Перед всем старинным белым
святым
Я плакусь: душа моя чиста.
Пусть она останется чиста
До конца, до самого креста!

В ДОРОГЕ

ROBOGEN

Чуть живой. Но червь не даже
Закерзает, словно коробей.
Как замечти подбороду
С пылью, а не с пылью?
Начиная крыша бросается в ней!
И крохотки на яблочине
Бедными.
И летят в чердану своему.
И глади, на стаканах
Красными
Острия, что там трупам мум.

Публикация в газете 16 января 1971 года

Автор этой статьи, работая в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга, открыл для себя этот факт самостоятельно. Позднее из работ С. А. Першина и А. В. Потаповой узнал, что им это было известно едва ли не в двадцатом веке (5). В любом случае надо этот факт принимать и активно преподносить в выступлениях, публикациях и дискуссиях взамен ещё упоминающейся, якобы последней, газетной публикации Николая Рубцова в «Красном Севере».

Не следует забывать и ещё об одном в связи с этой последней публикацией стихов Н. М. Рубцова в газете. Перед подборкой стихов опубликовано и последнее при жизни поэта предисловие к ним – краткий обзор его творческого пути и достоинств его поэзии. «*Поэт любит свой край, край, где за бревенчатыми стенами серых от дождей пятистенков живут удивительные люди, скучные на слова, но, как родник, хранящие в себе чистоту русской души. Стихи Рубцова чрезвычайно живописны...*». Скорее всего, это обращение к читателям газеты «Новый путь» написал ветлужский друг Николая Рубцова, поэт и прозаик Александр Сизов, который тогда активно работал и сотрудничал с газетой. Однако подпись

под последним прижизненным предисловием к газетным стихам Николая Рубцова не поставлена. Последнее упоминание имени поэта в критическом обзоре современной ему литературы было в газете «Правда» от 15 января 1971 года в статье В. Друзина «Языком лирики о современности».

Последней большой критической статьёй о творчестве поэта, вышедшей при его жизни, стала опубликованная в «Красном Севере» 14 октября 1970 года статья вологодского критика В. А. Оботурова «Мир в капле явленный. Творческий портрет поэта Рубцова». Думается, она очень поддержала Н. М. Рубцова после весьма неприятных моментов во время выездного Секретариата Президиума Союза писателей РСФСР на севере. Более того, Василий Оботуров опубликовал и последнюю статью о книге Н. М. Рубцова «Сосен шум», которую поэт смог прочитать при жизни. Эта статья в газете «Вологодский комсомолец» от 20 декабря 1970 года называлась весьма убедительно: «В защиту поэзии». Она, к сожалению, забыта и непопулярна среди специалистов по наследию поэта Рубцова, но давайте закончим эту небольшую работу словами Василия Оботурова о поэзии Николая Рубцова.

«Нет, поэт не имеет ничего против естественного движения жизни, но отчётливо его желание видеть мир спокойным, умиротворённым, человека хотя бы на время освободившимся от бездумной власти скоростей. В них нет места для самоуглубления, нет места для поэзии, для творчества. И за судьбу поэзии тревожится Н. Рубцов».

Давайте добавим к словам Василия Оботурова на тех же скоростях проходящие нынешние погони за достатком, удовольствиями, личным благополучием в ущерб духовности и морали,— и мы придём к тому, что Николай Рубцов, как и тогда, прав. Не хватает в жизни человечности, гармонии, творчества и поэзии. Но, может быть, пока мы живы, можно что-то исправить, и ситуация не так уж безнадёжна.

Примечания:

1. ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 436, л. 006–009. Подпись под письмом не разборчиво (возможно «Есин»). Письмо без начала. В нём поэту Рубцову отказывают в изменении названия сборника «Сосен шум» на «Подорожники» ввиду того, что сборник «Подорожник» уже был в творчестве поэтессы Анны Ахматовой.

2. Л. Н. Вересов «Зелёные цветы» Николая Рубцова. Стихотворение – поэтический цикл – книга стихов». В авторской книге «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова» стр. 140–160. Л. Н. Вересов. «Проблемы публикации творческого наследия Н. М. Рубцова. (Ещё раз к вопросу о «добром кресте» и «зелёных цветах» поэта). Альманах «Люди и дела», № 12. Череповец «Окраина», 2015. Стр. 13–32.

3. ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 395.

4. Кроме того, выделил бы ещё опубликованных в сборнике поэтов В. Соколова – два стихотворения, С. Куняева – три стихотворения и ведущего ныне на канале «Культура» ряд программ И. Волгина – одно стихотворение «И когда постучится беда». Эти совместные публикации поэтов очень порадовали. Присутствие друзей поэтов Куняева и Соколова в последней публикации конечно впечатлило. Игорь Волгин стал для меня мостиком из 60-х годов двадцатого века в наше время. Даже название его стихотворения обязывает упомянуть об этом.

5. С. А. Першин «Жили-были два русских поэта». Журнал «Автограф», № 58. Вологда, 2011.

С. А. Першин «Ветлужская, прижизненная «Рубцовиана». «Автограф», № 60. Вологда, 2011.

С. А. Першин «Ветлужский гармонист – поэт Николай Рубцов». «Автограф», № 61, 2011.

С. А. Першин «Николай Рубцов: «Валентину, Вале Николаеву...». «Автограф», № 65, 2012.

С. А. Першин «Николай Рубцов в Варнавино». «Автограф», № 66–67, 2013.

А. В. Потапова «Нижегородская страница в поэтическом наследии Николая Рубцова». В сборнике «Литературные традиции Русского Севера». Вологда, «Книжное наследие», 2008.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМИНАРЫ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Три неизвестных письма Н. М. Рубцова, адресованные А. А. Романову и датированные серединой 60-х годов, поставили перед автором данного материала вопрос: почему они оказались забыты, не опубликованы адресатом? Ещё одно письмо из архива тоже содержало загадку. Полторы его страницы были выпущены из публикации письма во всех известных источниках. Таким образом, письма поэта Николая Рубцова Александру Романову, бывшему тогда председателем Вологодского отделения Союза писателей РСФСР, определили очередные темы исследования. Условно их

можно назвать: «Рубцов и литературные семинары» и «Сборник «Лирика» – первая книга Н. М. Рубцова в Северо-Западном книжном издательстве».

Работы предполагают публикацию неизвестных документов из ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф. 846 (фонд Вологодского отделения Союза писателей РСФСР) в части, касающейся творчества и жизненного пути русского национального поэта Н. М. Рубцова.

Давайте определимся, что такое литературный семинар в принципе. Это кратковременное, от одного до трёх дней, творческое общение, обсуждение произведений участников с признанными мастерами поэзии и прозы с целью повышения литературного мастерства и оценки произведений молодых дарований. В широком смысле это попытка дать творческие ориентиры в литературе согласно принципов, пристрастий, идеологии, моде своего времени. Это, как бы сейчас сказали, мастер-классы состоявшихся мастеров, дающих путёвку в литературу молодым авторам.

Николай Рубцов на начальном этапе соприкосновения с поэзией, конечно, не остался в стороне от этого явления. Семинары, литературная учёба, конкурсы появились в жизни поэта тогда, когда он стал заниматься стихами всерьёз.

Согласно учётной карточке Н. М. Рубцова в СП РСФСР, он сам определил время, когда начал заниматься литературной деятельностью. Это 1956 год. (Напомним, что первая публикация поэта стихотворение «Май пришёл» состоялась 1 мая 1957 года в газете «На страже Заполярья» – прим. автора) Видимо, первое упоминание семинара в жизни поэта Рубцова произошло во время службы на Северном флоте.

Валентин Сафонов, флотский друг Николая Рубцова, вспоминает о двухдневном семинаре литобъединения с участием критика Андрея Туркова: «*Отчёт о семинаре газета опубликовала со снимками. На одном из них участники сгрудились возле классной доски, завешенной полотенцами с текстами стихов... Вот этот матросский семинар и положил начало таким отношениям между нами, которые я решаюсь назвать дружбой.*

Андрей Турков в альманахе «День поэзии» 1971 года в одной из своих критических статей положительно упоминает поэзию Рубцова. Но помнил ли критик в 1971 году матроса Северного флота из семинара 1958 года?

Чем-то вроде семинаров были и занятия Николая Рубцова (очень недолгие) в литературной секции при газете «Трудовая

слава» города Всеволожска: «В среду 23 декабря в 17.00 редакция газеты «Трудовая слава» проводит групповую литературную консультацию с начинающими авторами. Приглашаются товарищи, пишущие стихи, басни, фельетоны, рассказы, очерки».

При газете существовал также и литературный кружок. Рубцов, как активно печатавшийся «свой автор» (он жил после службы на СФ в посёлке Невская Дубровка в семье брата Альберта примерно 1,5 месяца до получения места в общежитии Кировского завода в Ленинграде) посещал его.

В нынешнем городе Невская Дубровка от краеведа С. Б. Соколовой удалось даже узнать, что кружок при газете назывался «Поэзия родного края», а занятия проходили во Всеволожском Доме культуры на Колтушском шоссе.

Уже в Ленинграде были литературные занятия в лито Кировского завода, лито «Нарвская застава» и центральном лито. Ленинградский приятель Рубцова Эдуард Шнейдерман вспоминает: *«В конце 1961 года Рубцова пригласили в центральное лито при Ленинградском отделении Союза писателей»*. Это интереснейший факт, другими воспоминаниями о котором автор не располагает.

После поступления Николая Рубцова в Литературный институт у него появился авторитетный руководитель поэтического семинара Н. Н. Сидоренко, который сыграл определённую роль в шлифовке таланта молодого поэта Николая Рубцова в смысле приобщения его к мировым образцам поэзии и определения своих поэтических тем и пристрастий. Из письма Э. Шнейдерману 21 сентября 1962 года: *«Занятия ещё не видел, ни разу на них не был. Буду в семинаре у Сидоренко»*.

Видимо, творческий семинар Н. Н. Сидоренко нравился Николаю Рубцову, так как в заявлении в ректорат Литинститута от 23.06.64 г. с просьбой перевести его на заочное отделение для работы над книжкой Рубцов пишет: *«Прошу на время заочного обучения оставить меня в творческом семинаре Н. Н. Сидоренко»*. Но поэта не просто перевели на заочное отделение, а исключили из института вообще.

И вот уже выписка из приказа от 15 января 1965 года, параграф 3: *«Восстановить в числе студентов третьего курса Литинститута заочного отделения Рубцова Н. М. Основание: заявление т. Рубцова и ходатайство руководителя творческого семинара т. Сидоренко Н. Н.»*.

Михаил Шаповалов вспоминает: *«Стихи Рубцова поначалу на семинаре и в среде стихотворцев успеха не снискали. С благослов-*

ления руководителя семинара Н. Н. они подвергались нападкам за пессимизм, за односторонность изображаемого мира и тому подобное. Только со временем, когда стало известно, что в «Советском писателе» готовится к изданию книга Рубцова, Н. Н. изменил к нему своё отношение».

Автор намеренно подробно не останавливается на темах, разбираемых на семинарах в Литинституте, докладах и сообщениях на них студента Рубцова. Считаю, что этот материал достоин отдельного изучения. Но всё же учебные задания, которые вынужден был выполнять поэт согласно программе высшего учебного заведения, имеют мало общего с литературным трудом самого Рубцова, если не считать, конечно, что поэт получает образование и бесценный опыт других поэтов, разных, но значительных.

Вот как вспоминает о семинаре Н. Н. Сидоренко Н. В. Беседин, один из литинститутских знакомых Рубцова:

«...Рубцов пришел в наш семинар, которым руководил Николай Николаевич Сидоренко, замечательный русский поэт военного поколения, осенью 1962 года. Мы, студенты этого семинара: Анатолий Брагин, Дмитрий Ушаков, Ольга Фокина, Юрий Шавырин, Светлана Соловьенкина и я, автор этих строк, уже не первый год учились в институте и неплохо знали творчество друг друга. Новичка мы приняли с некоторым чувством превосходства, но после первого же обсуждения подборки его стихов, из которых мне запомнились «Элегия» (кстати, в первой строфе не было слова «коммунизм», она звучала: «В тихий свой задумчивый зенит») и «Я весь в мазуте и тавоте», стало ясно, что никакого превосходства нет, и что Николай – поэт, безусловно, одаренный.

Второе стихотворение, о флоте, мне было близко и понятно еще и потому, что я тоже пришел в институт с флота, начав службу юнгой в 14 лет – тоже плавал кочегаром два года и потом, в 1955–1956 годах, будучи курсантом мореходного училища в Ораниенбауме, полгода проходил практику на эсминце «Окруженном» на Северном флоте, где рядом, на другом эсминце, «Остров», служил Рубцов.

Интересный был семинар у Н. Сидоренко. Никто из нас не жаловал эстрадную поэзию, не любил популярных тогда её глашатаев: Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, хотя, безусловно, не уступали им в таланте. И особенно не жаловал эстрадников Николай Рубцов. Мы напрочь отвергали слова известного английского поэта XX века Пазила Бантинга, что «поэзия – это умение создавать шум».

Это противостояние, если хотите, борьба между громкой, экспрессивно наступательной, подчас крикливой поэзией и поэзией тихой, глубинно-пронзительной, рожденной в сострадательной душе поэта, было всегда, продолжается оно и сейчас с подавляющим пре-восходством барабана над скрипкой.

У Рубцова была совершенно ясная позиция в этом споре, и он никогда не отступал от неё:

*Зачем же с вычурностью скучной
Писать крикливым языком?
Пусть будет стих простым и звучным,
И чувства пусть клокочут в нем.*

Н. Сидоренко, или Ник. Ник., как мы называли его меж собой, всячески поддерживал в нас любовь к истинно русской поэзии, к её народной сущности, к русской природе – душе России, к негромкому, но глубоко одухотворенному слову».

Конечно, семинар Н. Н. Сидоренко в Литературном институте – это нечто иное, чем то определение семинара, с которого начата статья. Семинары в Литинституте – это еженедельные занятия по определённой программе с постановкой высоких творческих задач, решаемых обучающимися в меру своего таланта.

Выписка из учётной ведомости Рубцова к диплому (ГАВО, ф. 51, оп. 1., д. 22): «Помимо оценок хорошо (4) и удовлетворительно (3 – их немного) зачтены семинары по русской литературе А. П. Чехов, по современной советской литературе «Творчество Сергея Есенина», спецкурс по творчеству В. В. Маяковского». Н. Н. Сидоренко оставил 6 (шесть) характеристик на своего ученика Николая Рубцова за время посещения поэтом его семинара. Эти характеристики полностью никогда не публиковались. Необходимо исправлять это упущение в последующих материалах. Из письма поэта Рубцова Н. Н. Сидоренко от 17 февраля 1965 года: «...Вспоминаю Вас по-прежнему часто и всегда с самым добрым чувством, и Вас, и Вашу семью, и Ваш семинар...».

Таким образом, участие Н. М. Рубцова в литературных объединениях, в литературных кружках, в работе семинаров на протяжении ряда лет, начиная со службы на Северном флоте, говорит о явном стремлении молодого поэта повышать своё поэтическое мастерство, учиться искусству поэзии, пока ничего не отвергая в ней, находя своё отношение к стихотворному слову и свои пути в разнообразных поэтических школах, жанрах, направлениях.

Это был не ученический период, это было осмысление. Когда же Рубцов нашёл и почувствовал свою музу, все эти мероприятия стали неинтересны ему как участнику.

Однако не об этих семинарах и литературной учёбе будет статья. Этот материал будет о семинарах, которые довольно регулярно устраивала в 60-е годы XX века Вологодская писательская организация. Как, впрочем, и другие областные писательские организации Союза писателей РСФСР. Вот об участии в таких семинарах поэта Рубцова будет идти речь в настоящем материале.

Видимо, правильно будет начать разговор о первом семинаре поэта, состоявшемся 6–9 декабря 1965 года, с неизвестного письма Н. М. Рубцова, написанного А. А. Романову.

*«Дорогой Саша!
Как ты тогда доплыл?*

Я посылаю, как мы тогда договаривались, десяток стихов, объединённых одним настроением, на семинар.

Если будешь вызывать меня (а я бы с удовольствием ещё раз побывал в Вологде), то сделай это, пожалуйста, заблаговременно: скоро перестанут ходить пароходы.

*В случае чего телеграфирай, чтоб я был в курсе этого дела.
С искренним крестьянским приветом Н. Рубцов. 15.10.1965 г.
Р.С. Извини, у меня здесь нет ни машинки, ни даже бумаги.»*

Письмо написано после очередного посещения Рубцовым Вологодского отделения Союза Писателей России, и, видимо, после посещения А. Романовым Тотьмы. Письмо датировано 15.10.1965 г., то есть до семинара было ещё довольно далеко, но подготовительная работа шла вовсю. Упоминается десяток стихов Рубцова, связанных одним настроением и посланных на семинар. Не на них ли поэт Романов даёт рецензию, пока не обнаруженную в архиве?

Николай Рубцов отчётливо представляет, что скоро закроется речная навигация на Сухоне, просит Романова о конкретном вызове на семинар. Видимо, ему интересно показаться вологодским литераторам, оценить уровень молодой вологодской поэзии, послушать советы опытных стихотворцев.

Надо заметить сразу, что, хотя Рубцов удостоился похвал среди многих на семинаре, он, видимо, был разочарован и более семинары молодых и начинающих авторов как участник не посещал. Правду сказать, никто из молодых вологодских поэтов не мог похвальиться тем, что участвовал, например, в сборнике «День поэзии

1963 года», как Николай Рубцов, но об этом факте поэт Рубцов никому не рассказывал. Мэтры вологодской поэзии тоже не были частыми гостями в этом авторитетном в то время издании.

Чтобы передать атмосферу творческого семинара в обкоме КПСС, процитируем его протокол от 8 декабря 1965 года. Руководил семинаром поэзии Сергей Викулов, в нём участвовали 17 человек, люди молодые и разные. Начали с обсуждения В. Коротаева, уже сложившегося поэта, автора двух поэтических сборников. И кончили начинаящими Л. Мелковым и Н. Старичковой.

«Наиболее интересные рукописи представили Коротаев, Беляев, Рожнова, Чухин, Маринов, Рубцов, Патралов, Пацов. Приняли решение рекомендовать в члены Союза писателей В. Коротаева».

Тогдашняя пресса тоже не выделяла поэзию Рубцова среди молодых вологодских стихотворцев того времени. Практически разговор о поэзии Рубцова свёлся к одной-двум строкам статьи или просто упоминанию его имени.

Самые подробные, бесценные воспоминания об этом семинаре оставил С. В. Чухин. Правда, вот с деталями и датами в его воспоминаниях и в воспоминаниях Н. А. Старичковой некоторые неприметные увязки.

«И вот на этот семинар был приглашен никому из нас тогда не известный поэт Николай Рубцов. Он пришёл в отделение Союза за несколько минут до начала обсуждения рукописей: невысокого роста и неопределенного возраста лысеющий человек в валенках, взгляд настороженный, даже угрюмый; сел позади всех.

В обсуждении наших стихов участия не принимал, но по колючим репликам чувствовалось, что они ему не по вкусу. В перерывах он уединялся покурить где-нибудь в конце коридора или беседовал с Борисом Чулковым, с которым успел, видимо, познакомиться короче.

Наконец, дошла очередь обсуждать рукопись Рубцова. Он вышел к столу, коротко рассказал о себе и прочел несколько стихотворений. Среди них помню ставшие ныне хрестоматийными «Видения на холме» и «Родная деревня». Читал негромко, но энергично, изредка жестикулируя правой рукой, а левую сунув за борт пиджака.

Старшим товарищам стихи, видимо, понравились, они почувствовали, что на семинар пришел поэт со своим мироощущением, своей темой. Но, к сожалению, не обошлось и без дежурных учительных фраз: поближе к современности, к злобе дня...

С каждым подобным замечанием Рубцов все более мрачнел, реплики его становились вызывающими. А тут я еще подлил масла

в огонь. Как же? Для меня чутЬ ли не единственным мерилом современной поэзии был тогда Р. Рождественский, а тут – на тебе! – деревня Никола, начальная школа... Да и безоглядная, горячая молодость внутренне протестовала против сдержанной (рассудочной) формы. И сдержанность эта и несколько отчужденный (заносчивый!) вид автора – все настраивало против него. Сказано это было прямо и пылко, Рубцов вскипал и во время обеденного перерыва, прихватив с собою поэта О. Кванина, ушел с семинара».

Итак, семинар декабря 1965 года не стал для Рубцова звёздным часом. А между тем поэт читал ставшие позже классическими стихотворения. Прессу также не вдохновила поэзия Николая Рубцова (приведённые газетные вырезки никогда ранее не были аргументами в рубцововедении).

В конце рассуждений о первом семинаре приведём выдержку из неизвестного письма Николая Рубцова от 19.11.1965 г., опять же адресованного А. Романову: «*А что, о семинаре ничего не слыхать?*»

Научили ли чему-либо поэта Рубцова литературные семинары? Наверное, да, но всё же главная учёба поэта заключается в другом – в умении подметить и в художественной форме донести до читателя те или иные явления, понятия, философские категории. Что в этом получившемся продукте – стихотворении – первично: учёба, умный наставник или талант – по большому счёту не важно. Важно появившееся на свет явление (произведение) культуры (поэзии) как сплав жизненного опыта, успешной учёбы и огромного таланта.

Не будем судить и раскладывать по полочкам слагаемые успеха, признания, всенародной любви. Какую-то толику всего этого Рубцов имел при жизни, но его посмертная слава, конечно, не идёт ни в какое сравнение с прижизненными оценками его поэтического таланта.

Если сказать одной фразой, то в семинаре конца 1966 года Николай Рубцов не принимал участия. Однако автор считает, что этот семинар молодых вологодских авторов оставил след в рубцовской творческой биографии даже его неучастием в нём. По некоторым другим именам и фактам этот литературный семинар является очень показательным и важным для вологодской литературы. Наверно, следует остановиться на нём подробнее. Тем более, о декабрьском семинаре 1966 года сохранился богатый архивный материал, даже несколько фотографий участников. Одна из них – молодые поэты и писатели Вологодчины с А. Я. Яшиным.

Так получилось, что мэтр советской поэзии, лауреат Государственной премии СССР приехал в Вологду дать последние наставления, что-то важное завещать молодым надеждам вологодской литературы.

Вместе с тем документы семинара оставили ряд загадок. Так на вечере поэзии, который состоялся во время литературного семинара, Александр Яшин не выступал. Возможно, уже тогда плохо себя чувствовал. Вместе с тем С.С. Орлов заявлен как участник большого вечера поэзии, а среди руководителей семинара его имени в архивных документах нет. И только ведомость о распределении гостиничных номеров среди участников и руководителей семинара указывает нам имя С.С. Орлова (Ленинград) и А.Я. Яшина (Москва).

Согласно архивам, подготовка к семинару началась уже в конце ноября 1966 года (ГАВО, ф. 846, оп. 1, ед. хр. 58). Согласно протоколу заседания Вологодского отделения Союза писателей РСФСР от 7 декабря 1966 года, многие молодые авторы прислали свои рукописи. Среди них и череповчане А. Хачатрян, В. Шарыпов, А. Каютина. Также определён состав двух семинаров поэзии и состав семинара по прозе.

Одним из руководителей первого семинара поэзии заявлен С.В. Викулов, но его нет в списках на распределение гостиничных номеров, то есть Сергей Викулов был ещё нашим, вологодским поэтом, в Москву переехал позднее.

Таким образом, к руководству семинаром были привлечены по прозе Белов, Полянов, Угловский, Гарновский, по поэзии – Фокина, Коротаев, Гура, Викулов и приехавшие Орлов и Яшин. Собрался весь цвет Вологодской писательской организации и писатели, тесно связанные с ней, кроме Н. М. Рубцова.

По творческим показателям Николай Рубцов уже не мог быть учеником, то есть участником семинара, а по формальной причине (не член СП РСФСР) не мог быть руководителем секции поэзии. Этот пробел в его биографии скоро восполнится. Правда, в семинаре молодых авторов Вологодчины в июне 1968 года ни в том, ни в другом качестве поэт Рубцов тоже не заявлялся. Перелом наступил только в 1970 году, когда поэтический авторитет Рубцова был уже непрекаем.

Давайте перейдём к роли Николая Рубцова в этом событии.

Вернее всего, неучастие Н. М. Рубцова в семинаре, организованном Вологодской писательской организацией в 1966 году, обусловлено творческими причинами. По всей вероятности, его

пригласили участвовать в семинаре как автора, согласно списку приглашённых поэтов второго семинара поэзии. Список участников двух семинаров поэзии сохранился в ГАВО (ф. 846, оп. 1, д. 59, стр. 2). Публикуется впервые.

Архивный документ свидетельствует: второй семинар поэзии: Н. Матвеев (Бабаево), Р. Попов (Никольск), Н. Рубцов (Тотьма), С. Чухин (Вологда), Н. Маслова (Вологда), Н. Груздева (Вологда), Г. Крутов (Вологда), Г. Александров (Вологда), А. Окунев (Вологда), Л. Патралов (Вологда), Ю. Платонов (Кадуй).

Хотя Рубцов заявлен на этот семинар, но имя его как участника зачёркнуто и далее фамилии Рубцова в документах нет. Руководить вторым семинаром поэзии, куда был записан Н. Рубцов как участник, должны были В. В. Гура, представитель из Москвы и только что вступивший в СП России В. В. Коротаев. В этом или в чём другом была причина неявки на семинар Н. Рубцова – точно не ясно.

Рубцов мог просто не согласиться с таким сценарием событий и, по некоторым данным, уехал в посёлок Невская Дубровка под Ленинградом, где некоторое время жил в семье брата Альберта, попутно решая какие-то творческие задачи. Заходил он и к друзьям.

Журналист и прозаик Анатолий Marinichev, уроженец Вологодчины, жил в Питере. Он вспоминает, что в декабре 1966-го к нему зашли в гости Рубцов и Пискарев. Посидели. Поэт попросил у хозяина, который уже закончил Литинститут, контрольные работы за третий курс и дальше... «Я вышел их провожать. По Малому проспекту направились в сторону Тучкова моста. Рубцов был в черных валенках и без галош. Правда, очень морозило, но мне показалось это оригинальничанием. Рубцов спросил, нельзя ли в газете напечатать стихи его брата, который живет в Невской Дубровке...»

Думается, надо искать причину, почему поэт Рубцов воспринял факт участия в семинаре как участника с непониманием и отверг. Видимо, поэт уже перестаёт воспринимать свою поэзию как несамостоятельную. Но формально старшие товарищи, члены СП, считали, что ещё могут его ещё чему-то научить в стихосложении.

Известны его слова: «Меня все учили вначале в Вологде, как писать». По всей вероятности, Рубцов никого не ставил в известность, что печатался в газетах и альманахах во время службы на СФ и во время работы на Кировском заводе в Ленинграде (включая газету «Труд», альманах «День поэзии» 1963 г., его серьёзные публикации появились уже в толстых литературных журналах в

1964–1966 годах...) Н. М. Рубцов опубликовал свой первый поэтический сборник «Лирика». Не забудем и самиздатовские «Волны и скалы».

Тот же В. В. Коротаев ещё в рецензии на подборку стихов Рубцова 1965 года писал: «О Н. Рубцове нельзя говорить как о начинающем поэте, это человек, пишущий вполне профессионально». Это тем более было ясно к концу 1966 года. Однако, повторим, формально назначить не члена СП руководителем семинара поэзии было невозможно.

Этот эпизод, по всей вероятности, сослужил и хорошую службу в творческой судьбе поэта Н. Рубцова, так как он присутствует на собраниях СП РСФСР (Вологодское отделение) в Вологде 7 марта, 15 марта 1967 года. И пишет заявление с просьбой о приёме его в Союз писателей в первичную организацию в городе Вологде.

22 апреля 1967 года согласно протокола собрания СП слушали заявление Н. М. Рубцова о его желании вступить в Союз писателей. Об этом событии автором написан большой материал с привлечением неизвестных архивных документов. После единогласного утверждения кандидатуры Рубцова в Вологодской первичной писательской организации, заявление в приёмную комиссию Союза писателей РСФСР Рубцов написал только 10 сентября 1967 года.

Давайте разберёмся, почему такой большой перерыв между рекомендацией Вологодского отделения СП РСФСР и заявлением в приёмную комиссию СП РСФСР в Москве. Дело в том, что книга «Звезда полей» была подписана в печать в феврале 1967 года. Видимо, Рубцову важно было видеть её напечатанной до момента подачи заявления в Москве. По данным В. С. Белкова, книга выходит к читателю в апреле 1967 года.

Николай Рубцов, вполне сознавая силу поэтического слова, заключённого во втором своём поэтическом сборнике, 6 мая дарит «Звезду полей» А. Чечётину, 15 мая – Н. Н. Сидоренко, 7 июня – А. Вампилову согласно дат дарственных автографов. По некоторым данным (воспоминания С. Чухина), в начале января Рубцов в Вологде. Видимо, в январе он сдаёт и сессию в Литинституте в Москве. По крайней мере рекомендация А. Я. Яшина, данная Николаю Рубцову для вступления в члены СП РСФСР, написана 24.02.1967 года в Москве. «...Поэтическое дарование Николая Рубцова настолько бесспорно и уже так отчётливо проявилось в 2-х (речь идёт и о «Звезде полей»! – прим. автора) его книгах и в журнальной и газетной периодике, что я не вижу необходимости в подробной характеристики его работы...».

28 мая «Красный Север» поместил рецензию Юрия Ратникова «Чувство Родины» на «Звезду полей» Рубцова. 24 июня «Сокольская правда» поместила заметку Л. Мелкова о книге Рубцова. По данным В.С. Белкова, 2 мая 1967 года Рубцов пишет автобиографию, возможно, для вступления в Союз писателей. 20 мая он в Череповце, летом гостит в деревнях Погорелово и Новленское у своего друга Сергея Чухина.

Рубцов не торопит события, даёт возможность читателям в столице и в Вологде познакомиться со своей «Звездой полей». 22 августа – 2 сентября состоялась поездка вологодских писателей по Волго-Балту. Общение с читателями подтвердило все мысли поэта по поводу вступления его в творческий союз.

В сентябре журнал «Октябрь» напечатал рецензию Игоря Волгина на «Звезду полей» Николая Рубцова. 22 сентября рецензию на книгу Рубцова напечатала «Литературная Россия», автор – поэт Анатолий Передреев.

И вот только после этих событий и поездок пишется заявление.

«В приёмную комиссию СП РСФСР

От Рубцова Н. М.

Москва, 10 сент. 1967 г.

Прошу рассмотреть мои приёмные материалы и принять меня в ряды членов Союза писателей РСФСР».

В материалах следующего семинара о перипетиях приёма Рубцова в Союз писателей будет рассказано подробнее.

Таким образом, декабрьский смотр 1966 года молодых литературных сил Вологодчины выявил для Николая Рубцова причину для вступления в СП РСФСР. Поэт понимает, что участие в этой организации – это признание его творчества по большому счёту и возможность расширения творческого диапазона. В том числе и в смысле публикаций своих произведений, и участия как полноправного члена во всех мероприятиях литераторов Вологды. Возможно, семинар и не сыграл такой роли, но точно был одним из раздражителей и катализатором процесса вступления поэта в СП. Во всяком случае, мимо факта, что Рубцов заявлен в списках семинара, и его фамилия вычеркнута из них, так просто проходить нельзя, раз это стало явным.

А поэт, между тем, получив одобрение Вологодской писательской организации на вступление в Союз писателей, понимает, как важно заявить о себе полноценной книгой стихов. Сборник

«Лирика» 1965 года, конечно, не мог удовлетворить его. И вот весной выходит гениальная «Звезда полей». Летом секретариат СП РСФСР не собирался из-за отпусков. И только к осени 1967 года поэт уверен во всех своих позициях по поводу Союза писателей. Первое: сборник «Звезда полей» получил хорошие отзывы. Второе: имеются рекомендации от А. Я. Яшина и бюро Вологодской писательской организации (В. И. Белов, А. А. Романов, В. В. Коротаев). Также отдельные рекомендации написали А. А. Романов, ответственный секретарь Вологодского отделения СП РСФСР, и Кузнеццов Ф. Ф., тогда известный литературный критик. Третье: Рубцов уверен, что вступать в СП надо и что кандидатуру его одобрят и в Москве. Так было далеко не всегда. Например, В. М. Малков (известнейший вологодский журналист и автор книг), хотя его кандидатура была одобрена вологодскими писателями, в секре-тариате СП РСФСР в Москве был раскритикован и не стал членом Союза писателей. Сохранились подробные документы об этом не-приятном для писателя Малкова событии... Что касается Рубцова, то в документе о составе писательской организации от 5 января 1968 года (ГАВО, ф. 846, оп. 1, ед. хр. 85) он уже присутствует, но против фамилии Рубцов сказано, что заседание приёмной комиссии в январе 1968 года. Поэт уже давно свой среди вологодских писателей, а заседание приёмной комиссии в Москве состоялось немного позднее...

Семинары были обычным явлением в областных, первичных писательских организациях. Вот, например, открытка из Москвы конца декабря 1967 года на имя Рубцова от Игоря Лободина: «Вспоминаешь нашу бурсы? На днях я был в Курске на семинаре, а после работы всей Курской писательской братии хором пели твоё «В горнице моей светло...» Там хорошо знают тебя».

Любое серьёзное профессиональное занятие литературой в те годы было невозможно без членства в Союзе писателей, так как все обсуждения и публикации книг, альманахов, журналов шли только и строго через Союз писателей РСФСР. Ни одно большое произведение не могло выйти в свет, минуя СП. Это касается областного уровня газет, журналов, альманахов и тем более касалось отдельных книг и крупных литературных журналов, издававшихся в те годы в стране.

Как известно, Н. М. Рубцов, будучи студентом-заочником, долгий период времени имел большие проблемы, не имея постоянной работы и постоянной прописки. Членство в Союзе писателей формально гарантировало социальный статус и решение жилищного

вопроса для человека умственного труда, например, такого, как поэт Рубцов. У него всё было ещё непросто и потому, что, став членом СП, он лишь потом получил высшее образование, то есть закончил Литературный институт. Только запись в дипломе «Литературная работа» и членство в СП РСФСР открывали для Рубцова весьма приличные перспективы в смысле работы и обеспечения жильём. Советские и партийные органы не могли уже отмахнуться от проблем известного, признанного поэта.

С семинаром весны 1968 года увязывается поездка поэта в Рязань и в село Константиново, на родину С. А. Есенина. В ГАВО, ф. 846, оп. 1, д. 84 найден очень интересный документ по заявленной теме исследования. Это телеграмма на Вологодский союз писателей от Ладонщикова. Вот её текст: *«Нет ответа Рубцова на наше приглашение участвовать в семинаре поэтов. Ладонщикова»*. Запомним, что в дело, т. е. на хранение в архив А. А. Романов, тогдашний глава писателей Вологды, отправил этот документ 8.II.1968 г., и что Ладонщикова работал в это время в Секретариате СП РСФСР.

Документ этот убедительно доказывает одно: в каком-то семинаре поэт Рубцов должен был принять участие. Автору эта неизвестная архивная телеграмма показалась ещё более интересной и по причине того, что именно в это время происходит процесс принятия Н. М. Рубцова в члены СП СССР. Думаю, понятно, что разобраться с этим событием будет очень ответственным и важным делом.

В статье С. А. Першина, очень интересного и вдумчивого исследователя из г. Дзержинска, читаем записанное им воспоминание писателя Бориса Шишаева: *«В Туле (!) прошёл зональный семинар молодых поэтов, на котором Рубцова и нашего Евгения Маркина (Рязань) рекомендовали в Союз писателей, то есть практически уже приняли. И Маркин оттуда уволок Колю в Рязань»*.

Факт приятельских отношений Николая Рубцова и Евгения Маркина неоднократно встречается в мемуарной литературе. Так в письме В. Нечунаеву и Б. Шишаеву из села Красногорского (Алтайский край) от июля 1966 года Н. Рубцов пишет: *«А когда ты, Боря, будешь в Рязани, то передавай привет Жене Маркину»*.

Итак, «Евгений Фёдорович Маркин (22.08.1938 – 17.11.1979) родился в деревне Клетино Касимовского района Рязанской области. Здесь, на малой родине поэта, с 1988 года проводится литературный праздник, который с 2001 года носит статус «областного». Его творческая судьба тесно связана с именами Ярослава Смелякова, Михаила Светлова, Михаила Луконина, Юрия Прокушева.

Он участвовал в литературных вечерах, творческих встречах с такими поэтами, как Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Белла Ахмадуллина. Оставили свой след в биографии Маркина и литературные корифеи: Александр Твардовский и Александр Солженицын.

В 1961 году вышла его первая книга стихов «Личное дело», а в 1963 году – вторая книга стихов молодого поэта «Звездный камень». Его стихи публиковались в «Комсомольской правде», в альманахах «Литературная жизнь», «Спутник», «Стрелка». Затем вышли сборники «Лесной ручей», «Стремнина», «Моя провинция». В 1966 году Евгений Маркин стал победителем Всесоюзного конкурса молодых поэтов. После смерти поэта в 1981 году в Москве вышли два сборника стихов «Разница во времени» и «Мещерские сосны».

В 2000 году был издан крупный сборник стихов и прозы Е. Маркина «Серебряный вальс». К 70-летию со дня рождения поэта вышел трёхтомник: в 2006 году – сборник стихов «Отава», в 2007 году – второй том «Дорога», в 2008 году – сборник под названием «О Евгении Маркине», в котором образ писателя воссоздается в воспоминаниях о нем, в посвященных ему стихах, в размышлениях о его судьбе, его художественном наследии».

Из справки о Е. Маркине мы узнаём, что поэт тесно соприкасался со многими именитыми поэтами XX века. Ну что ж, теперь сведём его творческую линию с биографией великого Рубцова. Приведём воспоминания А. Хлуденева как ещё один пример приятельских отношений поэтов.

«Вскоре в редакцию пришел и Николай Михайлович Рубцов. Небольшого роста, лысоватый, взгляд умный, кроткий. Багров крупно вышагнул ему навстречу, радушно приветствуя. Познакомил нас, сказал, что я из Рязани.

– Из Рязани? – переспросил Рубцов.– Евгения Маркина знаешь?

Господи, кто же не знал в Рязани поэта Маркина? Студентом-первокурсником пединститута он широко печатался в газетах и альманахе «Литературная Рязань», а когда перевелся в Литературный институт им. Горького, то еще студентом издал первую свою книгу – «Личное дело». В книгу эту пошли стихотворения «Речка Гусь», «Я помню жактовскую комнату», «Ленька», «Петьяка-петушок», – те самые, что будут напечатаны во всех последующих книгах поэта и будут читаться «на бис» на студенческих вечерах в Рязани много лет – вплоть до наших дней. А теперь и на могиле поэта...

Рубцов и Маркин познакомились в Москве, где Рубцов учился в том же Литературном, знали и ценили творчество друг друга, видно, не раз ставили рядом в очереди за кружкой пива, пересчитывая последнюю карманную мелочь и перешучиваясь, – во всяком случае, улыбаясь, Рубцов заметил: «Чудак этот Женя Маркин! Если завелся в кармане рубль – обязательно возьмет такси...»

Таким образом, тульский семинар по воспоминаниям Бориса Шишаева вызвал неподдельный интерес автора. Этот семинар, в котором поэты Рубцов и Маркин были «почти принятые» в СП СССР, должен был приобрести реальные очертания. В Санкт-Петербурге удалось найти некоторые газетные материалы об этом событии.

Газета «Молодой коммунар» (Тула, 24 марта 1968 г., № 36 (4012)): «*Вчера во Дворце культуры профсоюзов открылся трёхдневный семинар молодых поэтов и прозаиков... В гостях у туляков находятся и литераторы соседних областей.*

Газета «Коммунар» (24 марта 1968 г.): «*На большой творческий разговор собралось более пятидесяти молодых литераторов Тулы, Узловой, Новомосковска и других городов и районов области. Они обсуждают романы, повести, рассказы своих товарищей по перу.* Здесь же приводится фото тульских писателей С. Киселёва, О. Вахмистрова, М. Гаврикова, В. Савостьянова, А. Жукова, И. Гаврикова, В. Шавырина.

Но поскольку имени Рубцова в газетах нет, то факт из воспоминаний Б. Шишаева о присутствии поэта на Тульском семинаре 1968 года необходимо было перепроверить.

Автор обратился за помощью к старейшему тульскому поэту, члену СПР, автору восьми поэтических книг В. Н. Савостьянову. В 1968 году Валерий Савостьянов был студентом второго курса Политехнического института. Его стихи на семинаре молодых литераторов получили хорошую оценку.

Вот что написал в личном письме поэт Савостьянов: «*Тот семинар 1968 года, по-моему, не был зональным, а лишь нашим областным. И я не помню, чтобы кого-то рекомендовали в Союз писателей. Возможно, Борис Шишаев имеет в виду какой-то другой семинар. Что я ещё помню? На этом семинаре обсуждали кроме нас, совсем молодых, ещё наших поэтов из Узловой – М. Крышко и Н. Боева. Сегодня Михаил Крышко и Николай Боев – наши заслуженные поэты.*

И ещё одно письмо от В. Савостьянова: «*Леонид, здравствуйте. Сегодня позвонил по поводу Рубцова нашим поэтам Ходулину и Крышко. Ходулин помогал на совещании руководителям. Я это хорошо помню. Результат нулевой – не помнят. А это самые, на мой*

взгляд, надёжные люди – в тульской поэзии давным-давно, любят её фанатично. С уважением, Валерий Савостьянов».

Таким образом, хотя семинар в Туле и состоялся, но присутствие на нём поэта Николая Рубцова доказать документально не удалось. Автор хотел бы поблагодарить за помочь тульских писателей и призвать литераторов таким же образом ответственно относиться к своим заявлениям и воспоминаниям...

Рубцова в Туле на литературном семинаре не было, как, например, не было его на областном литературном семинаре молодых авторов в Вологде 23 июня 1968 года. Не чувствовал уже поэт полезности таких семинаров для развития своего творчества? Понимал, что его период ученичества давно прошёл? Зрелый мастер, Рубцов уже ничему не мог научиться. А учить, передавать опыт его пока не приглашали. По, возможно, чисто формальной причине членства в СП РСФСР.

Видимо, и последний год учёбы в Литературном институте, дипломная работа с её формальностями требовали присутствия поэта в Москве, не давали необходимого свободного времени для литературных семинаров в том или ином качестве.

А далее удалось найти более ранние воспоминания Б. М. Шишаева из книги 1983 года «Воспоминания о Рубцове».

«Ранней весной 1969 года я был в Рязани. Захожу в писательскую организацию, а там – Николай Рубцов! Обнялись. Оказывается, он приехал – с моим земляком – поэтом Евгением Маркиным. Они в Москве вместе участвовали в каком-то большом литературном мероприятии, и Маркин уговорил его побывать на земле Есенина».

В этих воспоминаниях Б. М. Шишаев путает 1969 и 1968 годы. Конечно же, эти события происходили в 1968 году. Своими приведёнными конкретными датами он ввёл в заблуждение, скажем, В. С. Белкова, который, опираясь только на воспоминания Шишаева, пишет: «Летом 1968 года побывали на реке Ветлуге (Варнавино Нижегородской области)». На самом деле, конечно, в Варнавино, на Ветлуге Рубцов был в 1969 году, о чём в серии убедительных публикаций рассказал С. А. Першин.

Хорошим писателем был Борис Шишаев, но в воспоминаниях, надеясь на память, напутал немало. И это, конечно, не злонамеренное действие. Просто любые конкретные даты и факты воспоминаний надо перепроверять. Это же касается и конкретных мест. Факты, о которых говорят или пишут уважаемые люди, имеют место быть, как правило, но когда и где – нуждается в уточнении. Поэтому выдвигать версии, опираясь только на единичные воспо-

минания, чревато ошибками и неточностями. Необходимо искать документальное подтверждение из надёжных первоисточников. В этом смысле трудно представить что-то более надёжное, чем газетные материалы или архивные документы. Нет, они тоже не гарантируют истины, но дают устойчивые ориентиры в поиске, исследовании. Особенno важны и ценны впервые вводимые в научный оборот документы. Только так и должно развиваться рубцоведение. Идти по следам (выводам, легендам, построениям, концепциям) предшественников – значит, полностью доверяться временем, когда о Рубцове и его творчестве ещё далеко не всё было известно.

В письме к С. А. Першину пришлось рассказать о казусе с приведёнными им воспоминаниями Б. М. Шишаева. Мы сошлись на том, что все воспоминания надо перепроверять документами для истины литературной и исторической... А в нашем исследовании возникает некий московский семинар 1968 года, исходя из ранних воспоминаний Шишаева. Так ведь и Ладонщиков, который подписал приведённую в начале статьи телеграмму, тоже работал в Москве в секретариате СП РСФСР. Фактически весь приём Н. М. Рубцова в Союз писателей проходил через него.

Давайте приведём все известные документы из личного дела Рубцова в Союзе писателей. Роль А. А. Романова в процессе принятия поэта Рубцова в Союз выглядит очень заботливо положительной, как и роль Г. А. Ладонщикова со стороны секретариата СП РСФСР.

В документе № 1 Ладонщиков просит дослать некоторые материалы для оформления дела на Николая Рубцова и В. Железняка для вступления в СП РСФСР после написания ими заявлений.

В документе № 2 отв. Секретарь Вологодского отделения СП РСФСР А. А. Романов пишет о том, что отоспал документы. И очень показательная фраза: «*Очень хотим, Георгий Афанасьевич, видеть Н. Рубцова и В. Железняка в писательских рядах. Помогите, пожалуйста.*

Документ № 3 от А. А. Романова Г. А. Ладонщикову от 13.11.67. Наиболее интересная фраза: «*С нетерпением ждём решения Приёмной комиссии, надеемся, что Рубцов будет в СП.*

Документ № 4. Г. А. Ладонщиков докладывает на заседании Приёмной комиссии в СП РСФСР о Н. М. Рубцове (г. Вологда). Результат голосования: за кандидатуру Рубцова Н. М. голосовали единогласно: за – 20 голосов, против нет. Постановление: принять Рубцова Н. М. в члены СП СССР. Заседание 12.03.1968 года.

Для данной статьи важна фраза: «*О Рубцове на семинаре все говорили очень хорошо*». Значит, сходится всё: 1) телеграмма о каком-то московском семинаре Ладонщикова, 2) ранние воспоминания Б. Шишаева, 3) выписка из протокола, что Рубцов и, возможно, Е. Маркин участвовали в литературном семинаре в Москве, на котором их творчество получило хорошую оценку, и поэтов Маркина и Рубцова (Рубцова уж точно) рекомендовали в Союз писателей.

Этот московский семинар, видимо, под патронажем Правления СП РСФСР был последним серьёзным этапом перед рассмотрением документов Николая Рубцова о приёме в СП РСФСР на секретариате в Москве. Тульский же семинар примерно в то же время состоялся, но без участия Николая Рубцова.

Хотелось бы ещё уточнить некоторые подробности вступления Н. Рубцова в Союз писателей чисто технического характера. В членском билете Рубцова дата вступления указывается 19.04.1968 года, а дата выдачи билета ещё более поздня — 20 августа 1968 года. Всё это связано с волокитой, которая имела место в Союзе писателей СССР. Дело, по существу, можно было бы представить следующим образом. Десятого сентября 1967 года поэт Николай Рубцов пишет заявление о приёме его в члены Союза писателей. 12.03.1968 года состоялось заседание Приёмной комиссии СП РСФСР, на котором о Рубцове докладывал Г. А. Ладонщикова. Выписка из постановления секретариата СП РСФСР, протокол № 6, параграф 1, датирована 19 апреля 1968 года. Именно в этот день заслушали на секретариате сообщение того же Ладонщикова «О приёме в члены Союза писателей СССР тов. Рубцова» и постановили принять в члены Союза писателей СССР «поэта Рубцова Н. М., 1936 года, город Вологда». Документ подписан Алексеевым, секретарём правления СП РСФСР. Надо думать, литературный семинар в Москве, на котором Рубцов читал свои замечательные стихи, сыграл в этом деле не последнюю роль.

Последним литературным семинаром в жизни Н. М. Рубцова оказался семинар 1970 года. В архиве Вологодской писательской организации в ГАВО (ф. 846, оп. 1, д. 103) сохранилось не очень много сведений об этом областном семинаре молодых авторов, который (по документам) проходил с 12 по 14 марта 1970 года.

Например, А. А. Романов в письме от 4 марта 1970 года редактору Бабаевской районной газеты А. М. Хорьговскому просит представить двум работникам редакции В. Иванову и З. Пичугиной возможность участвовать в работе семинара. Очень понравились автору статьи последние слова: «Расходы за наш счёт» (стр. 14,

дело 103.) На стр. 16 этого же дела публикуется список участников семинара (за счёт обкома ВЛКСМ).

Более развёрнутые материалы об этом семинаре удалось обнаружить в Череповецком центре хранения документации и в областных газетах того времени.

На семинаре молодых поэтов и прозаиков Вологодчины в марте 1970 года Рубцов является одним из руководителей. На фотографии Рубцов запечатлен рядом с рецензируемыми им молодыми авторами.

Стихи А. Брагина читались на Череповецком телевидении, бывшем тогда областным. Текст написан прозаиком, хорошим знакомым Николая Рубцова Вениамином Шарыповым. Интересно то, что фотопортаж событий семинара подготовлен фотокорреспондентом газеты «Вологодский комсомолец» Аркадием Кузнецовым. А это значит, что возможно появление новых фотографий об этом литературном событии Вологодчины после разбора архива замечательного фотографа.

Поскольку одним из главных действующих лиц на семинаре был А. Брагин, есть необходимость привести выдержки из его воспоминаний, не слишком хорошо известных любителям поэзии.

«В комнатушке, которую тогда занимала Вологодская писательская организация, невозможно было не приметить хозяина – Александра Романова. Или могутного Виктора Коротаева. В центре внимания – Василий Белов. На виду Ольга Фокина. Гости – старейшина поэтического цеха Сергей Николаевич Марков и критик, профессор Литературного института Валерий Васильевич Дементьев – окружены эскортом.

В углу у окна, отстраненный от общего гама, точно невзначай забредший, а потому лишний, Николай Рубцов.

Веня (Шарыпов.- прим. автора) до конца исполнил роль моей няньки. Отобрал у меня рукопись. Перемолвился с Романовым, который утвердительно кивал головой. Затем перешушукался с Рубцовым, указывая на меня глазами. И, когда передавал рукопись, у Вени было такое выражение лица, будто он делал Рубцову подарок.

Заседания стихотворцев происходили в зале, располагавшемся напротив писательской комнатушки, прозаиков – непосредственно в ней.

На следующий день Рубцов выступал не с утра, а сразу же после первого перерыва в ходе заседания. Полагаю, излишне клясться в том, что я еще с вечера волновался...

Рукопись моя состояла из двух циклов: один «судный», где многое политики и яду, другой лирический, «ленинградский», правда, прямого отражения моей личной жизни в нем искать бесполезно, только опосредованное.

Рубцов начал с «судного». Бранил за книжность и путаность. Но очень деликатно, сознавая, что здесь у больного опухоль. На «судный» цикл ушло минут семь. Далее он меня бессовестно хвалил».

Этот семинар оказался последним в творческой биографии Н. М. Рубцова. По итогам этого семинара именно Н. М. Рубцов опубликовал свою статью «За гражданственность» в «Вологодском комсомольце» 27 марта 1970 года. Кстати, это очень показательный факт доверия поэту со стороны вологодских писателей – написание материала о семинаре молодых. Он сам по себе подчёркивает и уважение к Рубцову, и его неоспоримый авторитет.

Автор полагает, что в последующих семинарах молодых авторов поэт Рубцов непременно входил бы в состав руководителей секции поэзии. Его творчеством восхищались, ему пытались подражать, без его поэзии уже не мыслилась литература Вологодчины и всей России.

МИХАИЛ РУБЦОВ – ОТЕЦ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА. БЕЛЫЕ ПЯТНА БИОГРАФИИ

Памяти Н. М. Коняева

После нескольких лет работы в архивах, в наших руках сосредоточились ранее неизвестные документы по биографии и служебной карьере Михаила Андриановича Рубцова, отца русского национального поэта Н. М. Рубцова. Поскольку эта тема у исследователей шита белыми нитками предположений и основанных на них умозаключений, то надеемся, что несколько глав данной работы привнесут в неё необходимую документальность, основанную на архивных источниках. Отдельные главы – разделы, можно рассматривать и как независимые материалы со своим научным и иллюстративным аппаратом. Но все они объединяются фигурой Михаила Андриановича Рубцова.

Некоторые моменты биографии и служебной деятельности отца поэта Николая Рубцова будут рассмотрены подробно, другие только в порядке комментирования документов, касающихся ком-

Фотографии М.А. Рубцова середины 30-х годов XX века

муниста Михаила Рубцова. Постараемся опубликовать как можно большее число архивных документов, с тем, чтобы облегчить работу будущих исследователей данной темы. Партия коммунистов (ВКП(б), КПСС) относилась к своим членам, в смысле памяти, заботливо, оставляя в архивах партийные документы, анкеты, ведомости, протоколы партсобраний, опросные листы при смене партийных документов, материалы их политических дел. Но надо сказать, что архивы открыли ещё далеко не все тайны и по этому вопросу. Однако общая документальная стезя жизненного пути М. А. Рубцова была ими проложена, безусловно.

Михаил Андрианович Рубцов – материалы следственного дела, выводы и комментарии

Ценность сведений этого дела, которое сохранилось в архиве Архангельского регионального Управления ФСБ России, заключается не только в том, что можно поставить точку в конкретном политическом эпизоде, касающемся отца поэта Н. М. Рубцова. Оно фабриковалось тогдашними органами госбезопасности как уголовно-политическое, ибо всякое вредительство Советской власти рассматривалось как политическое преступление, выходящее за рамки просто уголовного дела. По сути же своей, дело № 19368 не было доведено до суда, а значит, его можно считать просто следственным, независимо от того, что инкриминировалось отцу поэта. В этих условиях обвиняемому можно было приписать всё:

нежелательные знакомства, некомпетентность на работе, разгильдяйство, ослабление контроля и учёта на руководящем посту. Можно было легко сломать не только его служебную карьеру, но и судьбы его родных людей.

Кстати, заметим, что в архивах ФСБ хранятся только политические дела или дела, связанные с преследованием граждан по политическим мотивам. Но для нас не только этим важно это следственное дело. Следователи НКВД своими вопросами, а обвиняемый ответами, раскрывают неизвестный биографический материал семьи Рубцовых, их адреса, знакомства, поощрения за поступки и наказания за проступки, конкретику давно забытых дней. Представляется, что вратарь и изворачиваться подследственный М.А. Рубцов не мог под страхом проверок и перепроверок с очными ставками и следственными экспериментами, а также в связи с показаниями свидетелей. Все материалы допросов являются ценнейшими историческими документами по истории рода

Рубцовых и нуждаются в чрезвычайно деликатном обращении с ними. Скрывать очевидные факты, конечно, не стоит, но в своих комментариях нужно воздерживаться от лишних эмоций.

Достоверных сведений об отце поэта Рубцова сохранилось немного. В Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) хранятся учётные карточки, регистрационный бланк, статистические карточки члена КПСС М. А. Рубцова [1], которые удалось просмотреть и проанализировать Ю.И. Кириенко-Малюгину [2], но которые требуют уточнений и дополнений. Также источниками являются воспоминания его детей от первого и

Отчётная карточка коммуниста
Рубцова М. А. 1936 года

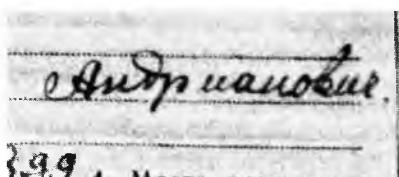
второго браков, отрывки воспоминаний других родственников и знакомых семьи, но они являются достаточно противоречивыми [3]. Нам удалось познакомиться также с двумя не занесёнными в фонды учетными карточками М. А. Рубцова в архиве новейшей политической истории в городе Вологда и другими документами из него [4].

Собственно, это и были до сегодняшнего момента все источниковедческие материалы по биографии Михаила Рубцова. Исходя из них, из личного опыта литератора или историка создавали свой образ отца поэта С. П. Багров, М. В. Суров, М. А. Полётова, В. Н. Бараков, Н. М. Коняев, Ю. И. Кириенко-Малюгин, А. П. Смолин, В. С. Белков. Наиболее серьёзно из перечисленных авторов проработал вопросы биографии отца Н. М. Рубцова Андрей Смолин, который выдвинул ряд новых, правда, не всегда документально убедительных, версий его жизни и работы. В примечаниях будет сделан краткий историографический обзор работ, касающихся биографии Михаила Андриановича Рубцова. Придётся пройтись по всем плюсам и минусам исследований, уважаемых рубцововедов в конкретном вопросе о биографии отца поэта Николая Рубцова [5]. Мы понимаем, что вопрос этот не будет исчерпан и закрыт данной работой, но на документальное продвижение вперёд очень надеемся.

То, что мы мало знаем об отце поэта, хотя много больше, чем о матери, доказывает тот факт, что исследователи до сих пор не определились, как точно писать отчество Михаила Рубцова. В более поздних послевоенных документах он фигурирует как Андрианович, так мы и решили величать его, исходя ещё из того, что дед поэта записан в книге Стрелицкой Спасо-Преображенской церкви при рождении в 1861 году как Андриан Васильевич Рубцов.

Документы довоенные дают нам отчество Андрианович. Однако могут существовать и другие варианты написания отчества отца Николая Рубцова в документах [6].

В биографии М. А. Рубцова существуют два больших белых пятна. Они связаны с 1938–1939 годами, когда необходимо было определиться, за что отбывал срок в тюрьме отец поэта. Для некоторых исследователей это стало поводом для спекуляций и домыслов, но, надеемся, что этот материал развеет все фантазии

Автограф М. А. Рубцова

и документально обогатит фактами не только этот период жизни Михаила Рубцова. Период Великой Отечественной войны – вторая головная боль исследователей-рубцоведов. Пока можно сказать, что если М. А. Рубцов был связан с подразделениями конвойных войск НКВД, то, как правило, бойцы их никогда, по известным причинам, не делились воспоминаниями о войне, участвуя вдалеко не геройских действиях.

А теперь перейдём к нашей конкретной задаче – освещению событий довоенных и очень важных в жизни Михаила Рубцова. Конкретика документов будет нашей путеводной звездой в их анализе. Вот как пишут об исследуемых событиях на сайте «Возвращённые имена» [7]. «Рубцов Михаил Андрианович, 1899, уроженец Вологодской губернии, житель п. Няндома Няндомского района, помощник начальника Райтрансторгпита по кадрам, на иждивении имел 5 детей. С 10.01.38 по 25.03.39 незаконно содержался под стражей по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Освобожден в связи с прекращением дела, т. е. реабилитирован». Хотелось бы привести и выдержки из личного письма Т. В. Мининой, известного Емецкого краеведа, В. С. Белкову от 07.09.1994 года из архива автора материала [8]: «Выписка из партархива Архангельского обкома КПСС «М. А. Рубцов в июле 1937 года выбыл на станцию Няндома. В январе 1938 года М. А. Рубцов, начальник отдела кадров Райтрансторгпита, за контрреволюционную деятельность был исключён из членов ВКП(б). С января 1938 по март 1939 находился под стражей. В апреле 1939 был восстановлен членом ВКП(б) в связи с тем, что предъявленные ему обвинения не подтвердились, дело было прекращено. В апреле 1939 М. А. Рубцов работал инструктором Няндомского райпотребсоюза. В январе 1941 года его учётная карточка была направлена в Вологду».

Эти очень полезные и важные документы почти неизвестны исследователям, но именно они послужили отправной точкой для начала поиска личного дела М. А. Рубцова. Конечно, обращаясь в архив ФСБ по Архангельской области, надежда полистать личное или следственное дело М. А. Рубцова была, но очень небольшая. Однако она полностью оправдалась. Фотографировать или ксерокопировать документы в архивах ФСБ категорически запрещено, но делать выписки разрешается. Поэтому документы публикуются как копии тщательных выписок автора материала из подлинного следственного дела. Однако и они отражают весь драматизм и правду предвоенных событий. Жаль, что нельзя было скопировать

все печати, шапки бланков, подписи и звания следователей НКВД, стиль канцелярии тех лет, которые прекрасно передают неповторимую атмосферу власти, страха закона тех времён. Однако язык допросных листов тоже многое стоит...

Документы будут публиковаться не только в хронологическом порядке, небрежно подшитые в дело, они сами эту хронологию нарушают, но для развития сюжета и анализа следственного дела № 19368 – по важности материалов. Без предварительных замечаний не обойтись. В послереволюционные и в предвоенные годы в СССР явно проявлялся кадровый голод на грамотных специалистов, преданных Советской власти, и потому такой самородок с 2,5 классами начальной школы как коммунист Рубцов явно был в своей среде среднего и низшего руководящего хозяйственного звена новой власти. Конечно, Михаил Андрианович закончил не одни курсы повышения квалификации как хозяйственник, включая крайкомовские Северного края, не раз учился и по политической, партийной линии. Его должности просто исключали некомпетентность по работе и аполитичность. В деле сохранились образцы почерка М. А. Рубцова при заполнении им ряда документов. Его почерк довольно устоявшийся, письмо грамотное, с хорошо читаемыми буквами. Видимо, природная крестьянская смётка и талант позволили ему занять место в хозяйственной элите Северного края, с которого его сняли за какие-то (выясним, какие, непременно) проступки. Но и после этого отец Николая Рубцова занимался ответственной хозяйственной работой в кооперативных, торговых или снабженческих организациях. Заменить его, несмотря на прегрешения, было чрезвычайно сложно. Психология выходцев из рабочих и крестьян, добившихся положения своим трудом, была одинакова, они понимали, что кое-что могут себе позволить при той власти, на которую они работали. Происходило это в условиях нехватки материалов, продовольствия, предметов быта, одежды, а также при недостатках системы распределения всех этих благ. Хозяйственникам уровня Михаила Рубцова приходилось ловчить, приспособливаться, искать покровителей и верных исполнителей. Авторитет хозяйственника, который зарабатывался годами, вера в идеалы Советской власти, беззаветная работа, крепкая семья и членство в партии служили надёжным щитом от мелких грешков, но и такие люди попадали под жернова карательной системы НКВД.

Документ № 1

Архив Управления ФСБ по Архангельской области, ф. 7, дело № П5551, стр. 23.

От 10.01.38 г.

Прокурору Няндомского района, г. Няндома

Справка

На арест и привлечение к ответственности по ст. 58 п. 10 ч. 1 и 58 п. 11 УК РСФСР Рубцова Михаила Андреевича (здесь явная ошибка, хотя с отчеством отца поэта Н.М. Рубцова попытаемся разобраться. См. ссылку [6]. Л.В.)

Няндомский РО УНКВД АО (районный отдел Управления Народного Комиссариата Внутренних дел по Архангельской области – Л.В.) располагает данными о том, что Рубцов Михаил Андреевич является участником контрреволюционной группировки в системе ОРС Райтрансторгпита, который систематически проводил контрреволюционную агитацию и вредительство.

На основании вышеизложенного: Рубцов Михаил Андреевич 1899 г.р., уроженец Биряковского района, Вологодской области, б/член ВКП(б) подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по ст. 58. п. 10. ч. 1 и 58. п. 11 УК РСФСР.

Начальник Няндомского РО УНКВД АО мл. лейт. гос. без. Александров.

Документ № 2

Архив Управления ФСБ по Архангельской области, ф. 7, дело № П5551, стр. 24.

Управление Народного Комиссариата Внутренних дел по Северному краю

Начальник Няндомского РО УНКВД по Северному краю

Ордер № 55

От 10 января 1938 года. Действителен одни сутки.

Сотруднику Няндомского РО УНКВД СК Орлову

Вам поручается произвести обыск и арест гр. Рубцова М.А. проживающему г. Няндома.

Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Начальник Няндомского РО УНКВД СК
Секретарь Печать

На обороте рукой М. А. Рубцова надпись: Мне объяснено, к сему
М. Рубцов (подпись) 10.01.38.

Документ № 3

Архив Управления ФСБ по Архангельской области, ф. 7, дело № П5551, стр. 25.

Протокол обыска

От 10 января 1938 г. Я, Кувшинников Сергей, произвёл обыск на основании ордера № 55 у гр. Рубцова Михаила Андреевича, проживающего Няндома, Карла Маркса, д. 2. При производстве обыска присутствовал гр. Подгорских К.

Согласно полученных указаний задержаны: Рубцов М.А.

Опись вещей, ценностей, документов:

1. Паспорт, серия СК № 033267 Рубцова М.А. - 1 шт.
2. Учётно-войинский билет - 1 шт.

Жалоб нет. Копию протокола получил М. А. Рубцов.

Раскручивали доблестные чекисты дело М. А. Рубцова и других сотрудников Райтрансторгпита по классической схеме времени Большого террора. За допущенные ошибки и просчёты в деятельности Няндомского Райтрансторгпита, за явный ущерб, который понесло государство, кто-то должен был отвечать. За закупленные продукты, которые не удалось реализовать, и они испортились в большом количестве, за тонны гниющих, выброшенных овощей, которые списывались, руководство Райтрансторгпита, в том числе и М. А. Рубцов, было назначено ответственным. Вредительство по 58 статье тогдашнего УК было контрреволюционным преступлением, и делу чекисты постарались придать политическую окраску, хотя бы оттенок. Это прекрасно отражено в первых трёх документах: ордере на арест, протоколе обыска и справке прокурору о привлечении к ответственности М. А. Рубцова. Обвиняемому инкриминировались участие в контрреволюционной

группировке, контрреволюционная агитация и вредительство. Нам интересен адрес, по которому в Няндоме проходил обыск у Рубцовых. Запомним его – улица К. Маркса, д. 2.

Арестованных, проводимых от задержания до суда и приговора по статье 58, называли политическими, по сравнению с обычными преступниками уголовниками или бытовиками, не проходившими по этой статье. С целью оттенить политическую составляющую бытового или хозяйственного преступления, следователями НКВД весьма ловко подбирались свидетельские показания и следственные документы. Во что бы то ни стало необходимо было найти виновных, т. е. сама Советская власть (её хозяйственная составляющая) не могла быть виновной в принципе. Но как раз отдельные винтики хозяйственного аппарата власти и страдали от её несовершенных механизмов, а проще говоря, от нехватки того, что реально было необходимо людям для нормальной работы и жизни. А конкретных виновных в каждом отдельном случае найти или назначить было проще простого. Вот и организовали органы НКВД групповой сговор, связь с врагами народа, антисоветскую пропаганду, политическую неблагонадёжность, – и преступление хозяйственное (во многом надуманное) сразу приобрело политическое звучание. А потом собирались свидетельские показания со всех мест работы подследственного, заводилось дело, далее ордер на арест, обыск, арест и мера пресечения – содержание под стражей.

Далее следствию можно было уже не торопиться: очные ставки, изучение обвинительных документов, допросы, следственные эксперименты чаще всего приводили к обвинительному заключению для суда. Через всё это прошёл сразу же после ареста исключённый из рядов ВКП(б) Михаил Рубцов, ещё не достигший сорокалетнего возраста. Он не сломался, чувствуя себя невиновным по тем эпизодам, которые ему вменялись в вину, хотя понимал, что доля ответственности за деятельность Райтрансторгпита лежит и на нём. Будем разбираться... А начнём со статьи 58 Уголовного Кодекса РСФСР. Преступления, которые приписывались Михаилу Рубцову и его сослуживцам, не выходили за рамки ст. 58 п. 10 ч. 1 и ст. 58 п. 11 УК РСФСР. Приведём эти пункты в редакции УК РСФСР 1938 года.

«58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление,

или хранение литературы того же содержания влечут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влечут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса. [б июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)].

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влечут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. [б июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)]»

Обвинялся Михаил Рубцов по политическим статьям и по сути дела даже не за хозяйственное преступление в чистом виде. Страницы следственного дела, посвящённые сослуживцам Рубцова, обвиняемым в составе группы, просмотреть не удалось, но они, по-видимому, обвинялись по тем же статьям. Из всего состава контрреволюционной вначале группы только один человек был осуждён по бытовой статье, т. е. обвинение смогло только в отношении его довести дело до суда и приговора. Остальные пять человек, как впоследствии оказалось, были взяты под стражу необоснованно.

М. В. Суров упрощённо говорит в своих книгах о 58-й статье п. 10 как предусматривающей наказания за шпионаж. Конечно, это была всеобъемлющая по многим пунктам расстрельная статья, предусматривающая наказание за государственные преступления, которые во всех статьях трактовались как контрреволюционные. Можно только порадоваться, что обвиняемым по делу Райтрансторгпита не предъявили обвинение по статье 58. п. 14, т. е. «*контрреволюционный саботаж, сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества. [б июня 1937 г. (СУ № 49, ст. 330)]».* Как видно из текста статьи, наказание по ней много строже. Вот в этом случае семья Рубцовых, не только отец поэта, пострадала бы очень серьёзно. Однако есть немало прецедентов, что

и обвиняемые по пунктам, 58-10, 58-11 с отягчающими обстоятельствами были расстреляны и реабилитированы лишь в конце 20 века. Сохранились и опубликованы подлинные справки и отчёты по количеству репрессированных, мере их вины и понесённым наказаниям. Но судьба, в какой-то мере, была благосклонна к Михаилу Рубцову.

В Няндомской тюрьме он находился как заключённый по первой категории и если бы ему был вынесен обвинительный приговор, то его немедленно привели бы в исполнение. Содержание подследственного по первой категории означало расстрельную статью по совокупности тех обвинений, которые ему вменялись. В этом случае, обжаловать свой приговор в судах высшей инстанции у него не было бы права. Подать кассационную жалобу или обратиться с ней к 18 съезду (как об этом иногда пишут исследователи) было бы ненаучной фантастикой. Но в Архангельской тюрьме об этой первой категории подследственного Рубцова уже не упоминается, дело, по всей вероятности, стало не таким ясным в смысле предъявленных обвинений, и режим содержания был смягчён.

И ещё один момент – исключённому из партии вряд ли дали бы возможность обратиться к 18 съезду ВКП(б). Политический процесс потепления обстановки и смягчения репрессий шёл сам по себе и был связан со снятием с должности наркома внутренних дел СССР Ежова и вступлением на эту должность 25 ноября 1938 года Л. П. Берии. А окончательно покончил с политикой «большого террора» 18 съезд ВКП(б). Масштабы репрессий сильно сократились, большинство лиц, не осуждённых в 1938-1939 гг., вышли на свободу. Среди них оказались и участники Няндомской выдуманной контрреволюционной группы.

Но, знакомясь с документами из дела М. А. Рубцова, исследователя не покидает мысль, что следователям в любом случае не удалось бы половить рыбку в мутной воде расплывчатых показаний. Отец Рубцова с самого начала следствия не признавал себя виновным, да и ни одного факта его вины так и не всплыло на следствии. Вот других фактов его неспокойной жизни всплыло много в заполненных чекистами документах. С ними и продолжим работать. Особый интерес вызывают протоколы допросов Михаила Рубцова и анкета арестованного, заполненные в день его ареста 10 января 1938 года. Вначале, он заполнил анкету арестованного. Обратите внимание на отчество отца поэта, на неправильно указанный возраст Коли. Видимо он сильно волновался и за себя, и за семью.

Документ № 4

«Рубцов Михаил Андриянович

14 сентября 1899 года

д. Самылково, Биряковский с/с, Биряковского района, Вологодской области

пос. Няндома, ул. К. Маркса, д. № 2.

Профессии и специальность – не имею.

Место службы, должность – Няндомский Райтрансторгпит, помощник начальника по кадрам.

Паспорт сер. СВ № 033627, Емецким РОМ (районным отделом милиции) 6.05.36.

Соц. происхождение – сын крестьянина-бедняка.

До революции работал в с/х совместно с родителями.

После революции с 1921 года служащий.

Образование два класса начальной школы.

Партийность (в прошлом и настоящем) – беспартийный, ранее состоял в партии ВКП(б) с 1930 года. Исключался и ранее в 1936 году за пьянство. Имел за время пребывания в ВКП(б) два выговора и строгий выговор с предупреждением.

Далее оборот 26 страницы

Национальность – русский, гражданство – СССР.

Воинская служба: состою в запасе 2-й очереди в Няндомском уч. военкомате.

Служба у белых, участие в бандах и восстаниях против Советской власти – не служил, не участвовал.

Каким репрессиям подвергался при Сов. власти, судимости, аресты и др.

Вологодским нарсудом по ст. 109 УК РСФСР в 1933 году был осуждён к одному году условно.

Жена – Александра Михайловна, дети: Надя – 15 лет, Галина – 8 лет, Альберт – 5 л, Николай – 3 л, Борис – шесть месяцев. Проживают в Няндоме. Мать Рубцова Раиса Николаевна в гор. Вологда. Подпись Рубцова М.А.

Арестован Няндомским РО УНКВД 10 января 1938 года. Под стражей в Няндомской тюрьме».

Исходя из этих документов, мы можем не только следить за ходом ареста и следствия, но и делать выводы по поводу карьеры хозяйственника М.А. Рубцова. Что сразу вызывает интерес в

документе, скрывать в котором что-либо нельзя. Арестованный Рубцов, конечно, напуган, переживает за судьбу семьи и старается точно отвечать на вопросы анкеты. Оставим пока партийную и хозяйственную карьеру коммуниста Рубцова, её интереснейшие факты прокомментируем позже. А займёмся фактами биографии отца поэта Николая Рубцова, которые позволяет увидеть анкета и протокол допроса М. А. Рубцова 10 января 1938 года. Вот выписка из него.

Документ № 5 (Выдержки)

Из протокола допроса от 10. 01. 1938. Стр. 34, 35.

«Социальное положение: до революции крестьянин, в хозяйстве 1 дом, 1 лошадь, одна корова. После революции крестьянин-середняк, в хозяйстве 1 дом, 1 лошадь, 2 коровы.

Образование 2,5 года сельской школы.

Служба в Красной армии с 1919 по 1921 включительно, рядовым бойцом».

Образование, отмеченное в анкете - два класса начальной школы, в протоколе допроса - 2,5 года сельской школы. Здесь нет противоречия, т. к. полные два класса не исключают, что Михаил Рубцов какой-то период учился и в третьем классе, но не закончил его. О том, какое социальное происхождение имел отец, тоже ясней ясного говорят эти документы. Крестьянская семья деда Николая Рубцова Андриана не была бедняцкой, тем более после революции. Сохранившийся дом Рубцовых в селе Биряково, на родине предков поэта, также доказывает этот факт. Служба в Красной армии в 1919–1921 годах рядовым бойцом подтверждается. Однако то, что мы узнаем из приписки к учётной карточке 1931 года из Вологодского архива политической истории («Участвовал в Гражданской войне, был на польском фронте»), в этих документах не указывается. Если бы он участвовал в боевых действиях, то это не ухудшило бы его биографию, но этого нигде нет.

Даже если Михаил до революции или сразу после неё работал в лавке, то это он мудро скрыл от следствия, имея уже горький опыт и смётку хозяйственника и понимая, что этот факт не будет плюсом в его биографии. Михаил Рубцов просто указал, что до революции он работал в с/х с отцом, а после 1921 года служащим в кооперации. Отец Николая Рубцова сильно волнуется при запол-

нении анкеты арестованного. Он ошибается в возрасте Николая, указывая «3 л(ет)», вместо «2 года». Представляется любопытной и запись о бабушке Николая Рубцова, которая на момент ареста Михаила Андриановича была в Вологде, а значит, именно в это время не помогала в воспитании детей своего сына в Няндоме. С большой долей вероятности она занималась с детьми Софии Андриановны, сестры Михаила, проживая в Вологде. А далее вернемся к протоколу допроса от 10 января 1938 года, заполненному при аресте М.А. Рубцова.

Ответы М. А. Рубцова, записанные в протоколе допроса (Документ № 5, выдержки)

«Участником контрреволюционной группировки я не был и о деятельности последней ничего показать не могу, т.к. мне неизвестно и участников контр. группировки никого не знаю»

«Никакой контрреволюционной деятельности мной не проводилось за время работы в Няндомском Райтрансторгпите и виновным себя не признаю»

«В предъявленном мне обвинении по ст. 58 п. 10 и 11 УК виновным себя не признаю, но признаю себя виновным в том, что я работал зав. кадрами Няндомского Райтрансторгпита, в отдельных случаях относился халатно к подбору кадров продавцов и завмагов, в результате чего в аппарат завмагов попадали совершенно случайные люди, воры и растратчики, которые, проработав несколько дней, с работы сбегали, похищая вместе с этим деньги...»

Михаил Рубцов держится как настоящий коммунист, не понимая, почему ему предъявлены столь серьёзные обвинения. Он с самого начала отрицает свою причастность к контрреволюции. Его объяснения, в чём он реально виноват, будут использованы и в предъявленных ему 12 января и 25 января Постановлениях следствия.

Документ № 6

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения от 12 января 1938 года, стр. 27.

«Рубцов Михаил Ан. Достаточно изобличается в том, что являясь участником контрреволюционной группировки, проводил

вредительскую деятельность в Няндомском Райтрансторгпите. По ст. 58 п. 10 УК РСФСР мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда, избрать содержание под стражей в Няндомской тюрьме по первой категории».

Документ № 7

Постановление

1938 г. янв. месяца 25 дня г. Няндома.

«Я, пом. оперативного уполномоченного Няндомского РО УНКВД АО, Семёнов, рассмотрев следственное дело № 19368 по обвинению гр. Рубцова Михаила Андрияновича в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 УК,

нашёл:

Что Рубцов Михаил Андриянович работал зав. отделом кадров Няндомского Райтрансторгпита и будучи участником контрреволюционной группировки умышленно в контрреволюционных целях проводил действия, направленные на срыв торговли по снабжению рабочих лесорубов и дискредитацию совторговли путём подбора продавцов и завмагов из воров и растратчиков, которые, получив ценности, через несколько дней сбегали, похищая одновременно от 2 до 11000 рублей денег, в результате чего в течение 1937 года на Няндомском Райтрансторгпите растрачено гос. средств на 206000 рублей. Среди аппарата ОРСа проводил антисоветскую агитацию, что предусмотрено ст. 58 п. 10 и 11 УК, а посему руководствуясь ст. 128. 129 УПК

постановил:

состав преступления Рубцова М.А. переквалифицировать со ст. 58 п. 10 и привлечь к ответственности по ст. 58 п. 10 и 11 УК, о чём объявить обвиняемому под расписку. Меру пресечения оставить содержание под стражей в Няндомской тюрьме по первой категории.

пом. опер. уполн. Семёнов

Согласен, нач. Нянд. РО УНКВД АО мл. лейт. гос. без. Александров
Рукой Михаила Рубцова. Постановление мне объявлено 25 янв.
1938 года».

Запомним, что М.А. Рубцову ставятся в вину действия и бездействия, направленные на срыв торговли по снабжению рабочих-

лесорубов и дискредитацию совторговли путём подбора продавцов и завмагов из воров и растратчиков. Политическая статья подразумевалась за такие правонарушения. Но давайте вернёмся немного назад и посмотрим, какими же компрометирующими данными располагали следственные органы, где и как они их добывали. Эти факты тоже сохранились в следственном деле. Будем только иметь в виду, что если обвиняет государство, в лице карательной системы НКВД, то оправдаться очень трудно. Обвинение, возможно, будет сильнее оправданий, ибо целенаправленно подбирает только нужные факты, а остальные игнорирует, а также выстраивает подобранные факты в прочную связь причин и следствий. Подследственные боялись политически выверенной убедительности ошибок, доказательности своих просчётов, необязательности понимания их следственными органами и вхождения в их конкретные ситуации. Почему так случилось, не важно, важен факт произошедшего, который можно трактовать, как довод обвинения. При желании посадить, опираясь на законодательство, можно было любого, назначив его козлом отпущения за просчёты государственных структур и грехи многих людей.

Вот как еще до ареста М.А. Рубцова и его сослуживцев сотрудники НКВД подбирали компромат на него. Были отправлены запросы в те организации, где ранее работал Михаил Рубцов. Документы, которые пришли в УНКВД города Няндомы из Емецка, Толшменского кооператива, которые должны были изобличать врага народа, которому будет предъявлена 58 статья УК, являются ещё одним подтверждением того, что он работал в этих краях нашей страны. То, что документы изобличают М. А. Рубцова, без оправдательных мотивов в них, тоже можно понять. В 1938 году во всю силу ещё идут процессы над врагами народа, – и тут приходит письмо из УНКВД в организацию о Михаиле Рубцове, которого обвиняют в страшных грехах. Кто из руководителей будет писать хвалебные или даже объективные справки о нём? Старались вспомнить самое плохое, иногда и себя выгораживали. Попал Рубцов, всё равно ему пропадать, а нам жить, вот грешки-то и стоит списать на поскользнувшегося товарища. Если бы такие, как он, так в нашей организации всё было бы отлично. А вот он и был тем чёрным пятном, которое позорит других честных и верных делу партии сотрудников. Почти наверняка такие же «объективные» справки фабриковались и на других участников «группы Райтрансортргпта», но, повторюсь, страницы их дел посмотреть не удалось.

Документ № 8

Рапорт от начальника Емецкого РОМ (районный отдел милиции) сержанта милиции Горохова от 04.01.1938 г., стр. 33.

«В Леспродторге у Рубцова орудовали кулаки, ссыльные и вредители. Снабжение к началу работ и в ответственные моменты лесозаготовок всегда на ряде участков срывались недоставкой продуктов. Рубцов мер к очистке аппарата Леспродторга не принимал. Прилагается справка Леспродторга и расписка Рубцова Махонькову на 50 рублей...»

Рубцов с работы выгнан за систематическое пьянство, разложение аппарата Леспродторга и развал работы... Весной 1936 года в командировке по налаживанию работы Селецкого куста Леспродторга, Рубцов на квартире заведующего куста Попова пьянировал целые сутки. Налившись до безумия махался на Попова с браунингом, за это Рубцов переведён из членов ВКП(б) в кандидаты».

Приводятся сведения о Махонькове Фёдоре Трофимовиче – близкий министра Дурново, начальник полиции гор. Брянска при керенщине. Рубцов повысил его из зав. столовой, устроив заведовать кустом столовых, где Махоньков снова с группой ссыльных и шпионов занимался вредительством и хищениями.

Документ № 9, выдержки.

Справка из Емецкого РОМ, от начальника Емецкой конторы «Леспродторг», стр. 30–32.

«Рубцов работал в должности начальника бывшего ОРС в Емецком ЛПХ с 24 сентября 1935 года по 13 июля 1937 года. Указываются суммы растрат за время работы Рубцова М.А. Приводится расписка на 50 рублей от 26.02.37 за подписью нач. ОРСа Леспродторга Рубцова. Указывается, что расписка изъята у Махонькова при аресте и что за эти деньги Рубцов нигде не отчитался».

Документ № 10, выдержки.

Справка из Толшменского кооператива от 4.01.1938 года, стр. 29.

«Рубцов М. А. по работе в Толшменском кооперативе отличался ухарским разбазариванием кооперативных средств. Указывается,

что вместе с ним работал завхозом Елисеев. При переводе в Вологду Рубцова перекочевал к нему, а далее вместе поехали в Емецк. Более в следственном деле фамилия Елисеев не встречается. Указывается, что единственное спасало Рубцова от привлечения в уголовном порядке это партийный билет».

Выдержки из следственного дела, стр. 36–40 – это протоколы допроса свидетелей.

Из протоколов допроса свидетелей по следственному делу группы лиц, в которую входил и отец Николая Рубцова, мы можем извлечь данные о растратах и порой неблаговидных поступках руководства Няндомского Райтрансторгпита. Но поскольку автору статьи удалось посмотреть документы, только касающиеся М.А. Рубцова, то мы должны сказать, что имя отца поэта редко упоминалось в показаниях свидетелей. Конкретно только Рогов Н.М., бухгалтер Иваншанского отдела РТТП сделал такое заявление «Рубцов делал всего два посещения отдела... *O растрате Ефимовой Рубцов знал*». Остальные говорят о растратах в системе в общем, о Михаиле Рубцове конкретно во время опросов ничего не показывают. Да и как мог человек, отвечающий за отдел кадров, быть замешан в хозяйственных запутанных делах в Няндоме? Правда, иную должность по снабжению Михаил Рубцов занимал в Емецке, но и в показаниях оттуда только общие слова негодования. Привязать конкретно Михаила Рубцова к злоупотреблениям в сфере снабжения и распределения следователям не удалось.

Видно, не виновен был отец поэта в тех грехах, которые ему приписывались, был честным коммунистом. А в чём уж был виновен, так это в неадекватном поведении в пьяном виде, за что и страдал, перенося свои служебные неурядицы и выговоры на плечи всех членов семьи, которые расплачивались за характер отца и мужа частыми переездами с места на место, а уж при аресте и явным ухудшением своего материального и жилищного положения.

Обращаю внимание читателей на дату этих справок, свидетельских показаний, выписки из которых приведены выше 4–8 января 1938 года. Обвинение готовилось заранее, слишком уж провальной была работа руководства Райтрансторгпита по мнению УНКВД, слишком много средств теряло государство по их понятиям. Какие другие прегрешения, какая другая контрреволюция

или шпионская деятельность могла быть в посёлках лесорубов кроме пьянства, нехватки продуктов и медикаментов?.. Правда, могло быть, что Райтрансторгпит обслуживал нужды не только вольных лесорубов, количества которых приводится в справках, как и жалобы об их нехватке на лесных делянках, но и лесорубов – заключённых Гулага. Правда, об этом в следственном деле, по известным причинам, ничего не говорится.

Документы, приведённые на страницах следственного дела 29–33 (№ 8, 9, 10), информативно необычайно интересны. Рубцову инкриминируется связь с врагом народа Махоньковым. Его следственное дело в архиве ФСБ просмотреть не удалось, но, видимо, никакого компромата он на Михаила Рубцова не дал и не мог иметь в принципе, ибо кроме служебных, других отношений у них не было.

Документы в первый период следствия (сбор компромата) подбирались тщательно. Одни факты из биографии Махонькова, по мнению следствия, явного врага народа, который уже был арестован, чего стоили, а он имел знакомство с Рубцовым. Но как мог знать или догадываться о фактах биографии Махонькова начальник кадров коммунист Рубцов, если они скрывались? Михаил Рубцов взял на работу и повысил в должности грамотного человека, который хорошо справлялся со своей работой заведующего столовой. То, что якобы Махоньков дал начальнику кадров взятку в 50 рублей, о чём свидетельствует расписка Рубцова, может вызвать только улыбку, как и размер взятки. (А хорошая идея борьбы со взяточниками – я тебе взятку без собственноручной расписки о получении денег не дам и всё тут, а со взяток брать повышенный подоходный налог – Л.В.).

Надо ещё учитывать, что милиция и НКВД также отслеживали важные назначения на местном уровне, и валить всю вину за развал кадровой политики на начальника кадров некрасиво, но кто-то же должен отвечать. С этим эпизодом органы, видимо, всё же разобрались в пользу М. А. Рубцова, далее он нигде в деле не фигурирует. Совсем другое дело, что из последних трёх документов и протоколов допроса мы можем внести ясность в характеристики Михаила Рубцова и его продвижение по карьерной лестнице документально, без домыслов. Но прежде необходимо довести до конца «одиссею» следственного дела М. А. Рубцова и его сослуживцев, а комментарии и выводы оставим на потом, хотя это не всегда будет выполняться из-за того, что время изучения документов

архивного дела № П-5551 в региональном управлении ФСБ России по Архангельской области было ограничено².

Однако к делу, в нашем случае, к следственному делу № П-5551 архива регионального управления ФСБ России по Архангельской области, которое имеет довоенную маркировку как следственное дело № 19368. Выдержки из документа, который ещё не использовался в работе, необычайно важны информационно, ибо они рисуют причины, по которым собственно и было возбуждено уголовное дело в отношении руководящих работников Райтрансторгпита, в них будут приведены их имена и фамилии. Обращаю внимание на дату документа, оформленного ещё до ареста подозреваемых.

Документ 11, выдержки.

Постановление НКВД по Архангельской области от 8.01.1938 года, стр. 41.

«Действия Невенкина, Рюмина, Антуфьева, Рубцова, Чижова, Пятницкого направлены на подрыв госторговли, подлежат квалификации преступления по ст. 58 п. 7, УК, поэтому на основании ст. 126 УПК

Постановили

Материал расследования по обвинению указанной группы лиц выделить в особое делопроизводство и передать начальнику Няндомского РО УНКВД от 1938 г. января 8 дня. Няндома».

Далее текст постановления конкретизируется, и мы узнаём, что вменяется в вину этой группе лиц, т.е. выясняем, за что их посадят 10 января в тюрьму.

«Группа классово-враждебных элементов в лице ... (листы дела просмотреть не удалось)... и нач. кадров развалившего ранее не одно

---

² При просмотре документов присутствовал сотрудник архива, а своих дел у них, естественно, выше головы. На все мои вопросы давался квалифицированный ответ и в действиях разрешённых ограничений не было. Хотелось бы выразить благодарность от всего Рубцовского мира России за возможность документально и правдиво отразить факты биографии отца Николая Рубцова руководству РУФСБ России по Архангельской области и сотрудникам архива за понимание и угощение чаём в процессе знакомства с документами. Хорошо, что человечность, доброжелательность и отзывчивость даже в столь серьёзном и занятом учреждении не отменили, а используют в своём арсенале.

торговое учреждение и имевшего связь с врагами народа Рубцова... Захватив командные высоты Райтрансторгпита умышленно дискредитировали советскую торговлю и постановления Правительства и партии ВКП(б) о торговле. В результате чего за 1937 год РТТП потерпел убытки до 700.000 рублей от растрат и порчи товаров».

Вот они и ответили за реально существующее положение ве-
щей и плачевые дела в РТТП, в котором: «Вместо приобретения ходовых и необходимых товаров умышленно приобретались товаро-
продукты, не имеющие сбыта и потребности, каковые портились и списывались актами, нанося громадный убыток РТТП (600 тонн капусты, 200 тонн огурцов, красного вина и ряд других ненужных товаров...».

Доказательная база следствия рассыпалась, но до какого-то конца его надо было доводить. 11 февраля 1938 года дело передали на специальную коллегию областного суда Архангельской области. Повезло ещё, что не в ОСО (Особое совещание по указу Верховного Совета СССР от декабря 1934 года). Это был суд без адвоката и часто даже без подсудимых, часто выносивший ВМН (высшая мера наказания). Можно предположить, что Михаила Рубцова с сослуживцами перевели из Няндомской в Архангельскую тюрьму. Но нет, справка об освобождении М.А. Рубцова даёт точные даты пребывания его в Архангельской тюрьме с 29 октября 1938 года по 31 марта 1939 года. Таким образом, из года и почти трёх месяцев заключения большую часть подследственный Рубцов, а именно десять месяцев, провел в Няндомской тюрьме, в том месте, где жила его семья. А значит, он получал поддержку, возможно, свидания с женой и мог как-то влиять на то, чтобы положение семьи не обострилось до крайности.

В феврале 1938 года следствие выпустило новое Постановление, в котором дело рассматривалось с акцентом на растраты, а не как политическое. Не то чтобы политическая составляющая была снята, но обвиняемым вменялись в вину больше хозяйствственные прегрешения в системе Райтрансторгпита (лист дела № 66). 28 марта 1938 года, как сказано на странице 67, дело было предварительно закончено. А уже в мае 1938 года дело по одному из подследственных, Антуфьеву, по 58-й статье прекратили как политическое. Оно было переквалифицировано в уголовное дело о растратах, по нему-то один из шестёрки и был осуждён по уголовной статье.

Таким образом, нашлись доказательства противозаконной деятельности, попадавшей под Уголовный кодекс РСФСР, только одного сослуживца Михаила Рубцова. Следствие же по отношению отца Николая Рубцова и его «подельников» ни ходко, ни вялко, но продолжалось по 58-й статье. Карательные органы не могли и не хотели признавать свои ошибки и просчёты, вхолостую репрессивная машина не должна была работать. Проводя следственные действия, М. А. Рубцова могли на время этапировать из Няндомской тюрьмы в Архангельский каземат, в Емецк и даже в Вологду, но, видимо, возвращали обратно.

В июле 1938 года в Архангельской тюрьме состоялась Спецколлегия областного суда, на которой подследственные смогли обратиться с петицией к органам правосудия. Но судьба подследственных по этому делу не решилась. Видимо, петиция (жалоба) была принята к сведению, но дело отправили на доследование. После допросов и других следственных действий протоколы давали подписывать подследственным. Михаил Рубцов иногда даже отказывался ставить свою подпись под протоколом (как указано в деле), не соглашаясь с эпизодом или его записанной формулировкой.

Дело доследовали тщательно, хотя предъявить, по существу, обвинений по 58-й статье Михаилу Рубцову, не говоря уже про чисто уголовные статьи, было нечего. Но всё это время, пока шло следствие, люди находились в тюрьме. Из листа дела 105 узнаём, что дело дошло до реального обвинения лишь в январе 1939 года. Напомним, что с октября 1938-го М. А. Рубцов содержался в Архангельской тюрьме. Постановление НКВД по Архангельской области в отношении М. А. Рубцова было ему предъявлено 8 января 1939 года по ст. 58 п. 10 ч. 1 и п. 11 почти в годовщину пребывания под стражей. Собственноручная запись Михаила Рубцова свидетельствует о том, что он не согласен с предъявленным обвинением. До суда дело, конечно, не дошло, более того, 25 марта 1939 года вышло последнее, заключительное Постановление по делу № 19368 (листы 148–150) в отношении всей группы и М. А. Рубцова отдельно.

Документ 12, выдержки.

Из Постановления по следственному делу № 19368 от 25 марта, стр. 148–150.

«Принимая во внимание, что обвиняемые по делу содержатся под стражей длительное время, что собранных следственных

материалов недостаточно для предания обвиняемых суду, НКВД по Архангельской области постановил: следственное дело № 19368 прекратить и сдать в архив. Обвиняемых из-под стражи немедленно освободить. Изъятые при обыске документы, переписку и ценности возвратить по принадлежности. Март 1939, г. Архангельск». Михаилу Рубцову была выдана справка.

Документ 13

«Справка № 736

Выдана Рубцову М.А. в том, что он с 29 октября 1938 года по 31 марта 1939 года содержался в тюрьме и сего числа освобождён.

Нач. Архтюрьмы Кутырёв

Нач. УРЧ

Тюрьма № 1, г. Архангельск, 31 марта 1939 года.

Справка выдана для предъявления по месту жительства»

Таким образом, согласно справке, М.А. Рубцов должен был решать все свои дальнейшие гражданские, служебные и семейные дела в Няндоме, где проживала и ждала его возвращения из тюрьмы большая семья.

Вот вроде бы и закончилось следственное дело в отношении Михаила Андриановича Рубцова. Но для исследователя оно ещё и не начиналось, поскольку нет выводов, анализа времени, причины не совсем ясны, а последствия для семьи, а как дальше сложилась карьера Михаила? Всё это и многое другое требовало ответа. Не гладкого и устраивающего многих, а взволнованного и честного, но опирающегося на документы. Но сохранились ли такие документы?

К нашему счастью, да, и они большей частью написаны рукой самого М.А. Рубцова. Но прежде попытаемся завершить эту часть нашего исследования. Итак, судя по материалам следственного дела, оформленного как групповое, политическое, контрреволюционное, Михаил Рубцов проходил по нему в составе группы лиц из шести человек. Была арестована вся руководящая верхушка организации Райтрансторгпит. Им вменялись в вину развал работы, злоупотребление властью. Жалобы лесорубов рассматривались как подрыв авторитета Советской власти, и делу постарались придать политический характер, что было вполне в духе репрессий 30-х годов XX века. Оперуполномоченные НКВД опросили

свидетелей на местах. Согласно их показаниям и возникающим фактам нарушения совзаконности, граничащими с уголовщиной, органы придали делу характер преднамеренного вредительства. Естественно, подследственным инкриминировалась ещё и антисоветская пропаганда и агитация.

В отношении М.А. Рубцова факты умело подбирались от бытового разложения до связей с врагами народа. При его должности начальника отдела кадров в хозяйственных преступлениях его трудно было обвинить. Рубцов находился под следствием как один из руководителей организации, которая позволила себе вольности или халатность в хозяйственном, плановом механизме Советской власти. Однако люди в руководстве Райтрансторгпита были бывальные и ни в чем не признавались, справедливо отметая большую часть экономических и все предъявленные политические обвинения. Их всех исключили из партии коммунистов, чтобы подвергнуть строгим наказаниям за экономические просчёты. Но твёрдой доказательной базы, особенно в политическом аспекте обвинений, не складывалось. Вопиюще выпирали два обстоятельства: общий низкий уровень советской торговли и снабжения и элементарная нехватка необходимого. Сложность работы в этих условиях подследственных была очевидна.

Да, они в чём-то признавались, факты, порочащие их, находились, но 58 (расстрельная) статья особенно в политических подпунктах была, конечно, натянута и недоказуема. Конкретно в отношении Михаила Рубцова следователи НКВД избрали тактику обвинения в сговоре, недальновидности, халатности, использовании в своих целях служебного положения, пропаганде против Советской власти. Ему вменяли в вину знакомства с контрреволюционерами (как будто с этим штампом на лице они и существовали), стремились сделать его единичные просчёты в кадровой политике торгово-снабженческой организации с назначениями зав. столовых и продавцов правилом и стилем его работы как кадровика. В начале 1939 года дело окончательно развалилось, был осуждён только один член их «контрреволюционной группировки» и то за чисто хозяйственные преступления. Данное следственное дело было закрыто из-за отсутствия доказательной базы.

Самым трагичным в этой истории было то, что всё время следствия, больше года, люди провели в тюрьме. Они висели на волоске от реального, сурового наказания и были освобождены, восстановлены в правах и в партии ВКП(б). Этот жестокий урок не мог не повлиять на них, но не поколебал силу веры в народную

власть, которая разобралась по существу обвинений. Что-то они затаили в себе, в чём-то разочаровались, стали осторожнее, поняв, что преданность должна быть безраздельной. В общем, и в целом, отец Рубцова и его товарищи получили урок на всю жизнь. Но вот вспоминать и рассказывать о нём они не хотели.

Михаил Рубцов не сохранил документальные свидетельства о пребывании под следствием, только иногда скромно делился с родственниками этим неприятным эпизодом жизни, который завершился относительно благополучно.

Иногда исследователи преувеличивают роль 18-го съезда ВКП(б) в судьбе М. А. Рубцова. Выскажем свою точку зрения на этот счёт. 18 съезд партии проходил с 10 по 21 марта 1939 года. Он принял решения по свёртыванию оголтелого террора против своего народа, но не прекратил его вовсе. В судьбах многих репрессированных граждан многое изменилось в лучшую сторону. Размах репрессий явно уменьшился. В эту логику вписывается и то, что Постановление о прекращении дела № 19368 вышло 25 марта 1939 года. Но было ли само обращение к съезду подозреваемых по делу Райтрансторгпита? Сразу следует сообщить, что такой важнейший (если он был) документ в следственном деле обнаружить не удалось. По идеи он должен был бы не только не скрываться, но и обелить все промахи следствия. Работники НКВД старались и довели бы до суда дело, но съезд решил иначе, подозреваемых пожалели и «слава Советской власти».

Да, обращение на 18 съезд могли просто не принять у людей, исключённых из партии. Но если бы оно и было, то не могло возыметь такого волшебного отказа от преследований всего руководства РТТП: во-первых, из-за бюрократизма, во-вторых, съезд рассматривал общие, теоретические вопросы потепления политической обстановки в стране, практически прекращения геноцида собственного народа, а конкретикой судеб миллионов подследственных и осужденных не занимался. Для этого существовал свой порядок подачи жалоб внутри карающего ведомства.

Итак, если бы предварительное расследование дела не зашло в тупик недоказуемости к 1939 году, то вряд ли бы подследственных по нему отпустили так легко и после съезда. Эти выводы базируются на изучении многих документов того времени, которые доказывают, что и после съезда было достаточно случаев преследования по 58 статье и вынесения ВМН (высшей меры наказания – расстрела) как раз по пунктам 10 и 11, по которым

обвинялся Михаил Рубцов и товарищи, или присуждения долгих тюремных сроков.

Эпизод, приписываемый освобождению Михаила Рубцова и появлению его в пиджаке в Вологде, по воспоминаниям родственников, видимо, надо отнести к 1933 году. Тогда он проштрафился и получил условную меру наказания в один год за злоупотребление служебным положением по статье 109 УК РСФСР и был освобождён в зале Вологодского суда. Правда, с должности Председателя Правления Вологодского Леспотребсоюза Михаила Рубцова сняли, и с той поры его карьера покатилась вниз... Ну а те, кто жил на севере, прекрасно понимают, что в марте месяце в Архангельске ещё зима и без одежды на улице просто замёрзнешь. Так что для нас этот эпизод прочно встал на место в 1933 году [9].

А в реальности 1939 года Михаила Рубцова после освобождения быстро восстановили в правах и в партии и дали небольшую, но командную должность инструктора-ревизора Няндомского райпотребсоюза. Советская власть в лице Народного Комиссариата внутренних дел «пожурила» Михаила Рубцова и вновь направила его труды в нужное ей русло. В таких опытных и талантливых людях из низов она очень нуждалась, некоторые вещи им прощались, но такие превентивные меры, как 15 месяцев следствия, проведённые в тюрьме, ясно говорили: не зарывайтесь, товарищи, с вами в случае воровства, морального разложения, служебных злоупотреблений без меры могут поступить очень жёстко. Но такими людьми и не бросались, используя их опыт работы и преданность Советской власти и партии.

П р и м е ч а н и я:

1. Учётные карточки, регистрационный бланк, статистические карточки члена КПСС М. А. Рубцова. ГАВО, ф. 51, ед. хр. 464.
2. Ю. И. Кириенко-Малюгин «Об отце Николая Рубцова». Газета «Тотемские вести», № 166–167 от 30.12.2004, № 4 от 18.01.2005.
3. А. П. Смолин «Николай Рубцов. Истоки судьбы». Рубцовский сборник. Материалы научных конференций. Выпуск 2, часть 1. Череповец, 2015, стр. 40–71.
- Л. Н. Вересов «Братья Николая Рубцова. Страницы семейного альбома». Книга «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова». Вологда, 2013, стр. 22–34.

4. Не занесённые ещё в основные и вспомогательные фонды учётные карточки коммуниста М. А. Рубцова 30–50-х годов 20 века из КАУ ВО «Вологодский архив новейшей политической истории». Материалы собраний, протоколы заседаний Бюро Толшменского райкома ВКП (б) и некоторые другие документы.

5. а) Приведём полностью статью Ю. И. Кириенко-Малюгина (см. сноску 2), не безгрешную по комментариям документов, но рисующую весь жизненный путь Михаила Андриановича Рубцова. Это важно в связи с теми новыми выводами, к которым придёт в данном материале, публикуя неизвестные исследователям источники.

Об отце Николая Рубцова

«В Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) появились документы, проясняющие биографию Михаила Андриановича Рубцова.

Это регистрационный бланк члена КПСС, заполненный при обмене партийных документов в 1954 году, а также учётная карточка члена КПСС М. А. Рубцова. Ниже следуют сведения из этих документов, авторские комментарии к ним и сопутствующая информация.

М. А. Рубцов родился в 1899 году в деревне Самылково, в то время Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии, национальность – русский, социальное положение – крестьянин-бедняк. В 13 лет окончил Спасскую сельскую школу (3 года обучения, с 1909 по 1912 гг.) в Биряковской волости. Нужно заметить, что в царской России 3 класса сельской школы по содержанию предметов преподавания соответствовали 6–7 классам советской школы. С 1912 по 1919 гг. М. А. Рубцов – крестьянин в хозяйстве отца-бедняка. Получил народное воспитание, хорошо играл на гармошке. С 1919 по декабрь 1921 года – рядовой 40-го полка в Красной Армии, воевал на польском фронте (где были ожесточённые бои).

После возвращения с фронта женился на односельчанке Александре Михайловне Рычковой и с декабря 1921 года по август 1929 года работал председателем правления Биряковского общества потребителей. В Самылкове родились дочери Надежда (1922 г.) и Галина (1928 г.). По некоторым сведениям была первая дочь Раиса, которая рано умерла. С августа 1929 года по апрель 1931 года работал зав. торговым отделом Толшменского районного общества потребителей, член Правления общества. Согласно учётной карточке М. А. Рубцов 13 ноября 1929 года стал кандидатом в члены партии. 3 ноября 1930 года принят в члены ВКП (б). Учился на специализированных курсах крайпотребсоюза и кооперативных организаций (что было организовано для руководителей среднего звена в стране). 9 июля 1931 года решением Толшменского райкома ВКП (б) получил выговор за слабое руководство коопработой. А 22 августа 1931 года отозван в распоряжение крайкома партии (то есть на повышение).

С августа 1931 года по апрель 1933 года назначен председателем правления Вологодского леспотребсоюза Северного края. До сентября 1937 года Вологодской области не существовало, её районы входили в Северный край. Теперь проясняется, что сын Альберт родился в 1932 году в Вологде, а не в Ленинграде (как это записано в справке о смерти Альберта, оформленной в Тюменской области, вероятно по устной информации).

С июня 1933 по октябрь 1934 года М. А. Рубцов работал начальником отдела рабочего снабжения (ОРС) Вологодской сплавконторы. С октября 1934 по сентябрь 1935 года назначен начальником отдела рабочего снабжения (ОРС) Вологодского леспромсоюза. В это время в семье 3 детей (Надежда, Галина, Альберт).

С сентября 1935 г. по август 1937 г. М. А. Рубцов работал в Емецком леспромхозе начальником отдела рабочего снабжения (ОРС). 3 января 1936 года в Емецке и родился Николай Рубцов. В августе 1937 года отец поэта назначен начальником отдела кадров Райтрансторгпита Няндомского леспромхоза. В Няндоме родился Борис. В семье – 5 детей в возрасте до 15 лет. В январе 1938 года на М. А. Рубцова поступило заявление (донос), он был арестован и по март 1939 года был заключённым в Архангельской тюрьме № 1. На 18-м съезде ВКП (б) в марте 1939 года было принято постановление о прекращении чисток в партии. В результате обращения на съезд М. А. Рубцов был реабилитирован и восстановлен в партии. Это могло быть только в случае признания заявления как доноса. Поэтому подозрения одного из исследователей об аресте М. А. Рубцова по мотивам воровства беспочвенны. Известно, что отец поэта был сторонником политики ВКП (б) в хозяйственном строительстве в стране (передвойной 1941–1945 гг.).

В марте 1939 года М. А. Рубцов был назначен инструктором-ревизором Няндомского райпотребсоюза. 30 апреля 1940 года умерла Надежда, которая начала работать и помогать родителям в содержании и воспитании младших детей. В январе 1941 года семья переехала в Вологду и М. А. Рубцов стал работать снабженцем в Военторге.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз и началась 2-я Великая Отечественная война. В конце 1941 года в семье родилась девочка – новая маленькая Надежда. Известно, что М. А. Рубцов в начале 1942 года проходил военную переподготовку. На руках у матери 5 детей. 26 июня 1942 года она умирает. Вслед за ней уходит полугодовая Надежда. Летом 1942 года М. А. Рубцова забирают на фронт. Старшую дочь, Галину, приютила Софья Андриановна, сестра отца. Младших детей пристраивают в детские дома Вологодской области.

М. А. Рубцов с 1942 г. по 1944 г. служил в Красной Армии. После ранения попал в госпиталь в Вологду. Нашел всех детей, кроме Коли. Его документы были потеряны и не обнаружены отцом в Красковском детском доме. В 1944 году М. А. Рубцов женился и в новой семье родились три сына.

Согласно регистрационному бланку с декабря 1951 года М. А. Рубцов работал в Вологде зав. транспортом пивзавода. С июля 1952 года заведовал пекарней № 4 II-го отделения Северной железной дороги.

18 марта 1953 года получил строгий партийный выговор за выпивку в рабочее время. И, очевидно, был снят с должности, так как с мая 1953 г. он уже работал плотником в 7-м отделении Северной железной дороги. Затем 28 августа 1953 года ему вынесли строгий выговор за пьянку и прогул 4 дня (формулировка райкома партии). Но это уже без суровых последствий и без доносов. Следует отметить, что с весны 1953 года отец Н. М. Рубцова не был на ответственных должностях при наличии на иждивении детей от нового брака. И когда в конце февраля – начале марта 1955 года отец и сын встретились после 13-летней разлуки, М. А. Рубцов не мог материально помочь своему сыну Коле, тем более устроить на «хлебную» должность, как это прогнозирует один из исследователей. Отец Коли сам нуждался в материальной помощи.

В ноябре 1959 г. М. А. Рубцов переведён с должности плотника на пенсию и это при наличии трёх несовершеннолетних детей.

Награждён медалью «За победу над Германией в ВОВ 1941–45 гг.». Умер в Вологде 29 сентября 1962 года, когда Николай Рубцов уже учился в лингвистике.

Судьба отца Н. М. Рубцова типична для русского советского человека в тот исторический период. Приведённые сведения из ГАВО позволяют уточнить некоторые обстоятельства жизни семьи Рубцовых».

Эта статья стала источником информации об отце Николая Рубцова, приведённой в книге Ю. И. Кириенко-Малюгина «Звезда полей горит, не угасая...» (М.: 2011) и в других книгах автора. Вызывают сомнения утверждения, что Михаил Рубцов в 13 лет окончил Спасскую сельскую школу (три года обучения с 1909 по 1912 год) из-за появившихся документов из архива ФСБ России по Архангельской области, указанные сроки обучения в которых не совпадают с данными учётных карточек из ГАВО и Вологодского областного архива новейшей политической истории. Сравнивать 2,5 класса обучения в дореволюционном двухклассном училище и 6–7 классов советской школы считаю не корректным. То, что указывается в анкетах Михаилом Рубцовым по поводу его происхождения из крестьян-бедняков и берётся Ю. И. Кириенко-Малюгиным на веру, также не совсем точно сообразно документам из ФСБ. Указанное наличие в хозяйстве лошади и коровы, хороший, сохранившийся до нашего времени дом деда поэта не отвечают признакам крестьянина-бедняка. Не точно и то, что М. А. Рубцов с 1921 по 1929 год работал председателем Биряковского общества потребителей. Он постепенно дорос до этой серьёзной должности. Об аресте и событиях 1938–1939 годов автор, не зная точно, домысливает от своего лица. Вот характерные цитаты из

исследования Юрия Кириенко-Малюгина: «Нужно сразу отметить, что по уголовным делам или растратам (а это не уголовное дело? – Л. В.) в 30-е годы не освобождали. Отец Рубцова был освобождён по его заявлению в адрес 18 съезда партии и только как невинно пострадавший от доноса». Вот так всё просто было с Михаилом Рубцовым, по мнению автора... «В январе 1938 года на М. А. Рубцова поступило заявление (донос), он был арестован, осуждён и по март 1939 года был заключённым в Архангельской тюрьме № 1». Много неточностей даже в этом маленьком отрывке. Доноса и заявления не было. М. А. Рубцов никогда не был осуждён, а был только под следствием почти 15 месяцев, причём в двух тюрьмах: Няндомской и Архангельской № 1. Об участии М. А. Рубцова в войне до подлинно пока ничего не известно, версий много, документов ноль. Другие недочёты статьи Ю. И. Кириенко-Малюгина внимательный читатель пусть выявит сам, разобравшись, где правда документа, а где «правда исследователя».

5. б) Необходимо также привести выдержки по теме исследования из статьи «Жизнь поэта» **М. В. Сурова**. Она критическая и документальная, но «легковесная» оценка 58 статьи УК РСФСР не позволяет автору сделать правильные выводы. И ещё справка из тюрьмы говорит о дате освобождения 31 марта 1939 года. А значит, в Няндомской и Архангельской тюрьмах Михаил Рубцов провёл, если быть совсем точным, 1 год, 2 месяца и 21 день. 25 марта вышло постановление о прекращении дела, но на свободе М. А. Рубцов оказался только 31 марта 1938 года.

«Так, например, Н. Коняев с плохо скрываемой неприязнью пишет об отце Николая Рубцова, Михаиле Андриановиче: «Так или иначе, но документально пока не удаётся подтвердить, за что арестовывали Михаила Андриановича и арестовывали ли вообще... С большой долей уверенности можно предположить, что если и был арестован он, то не за «политику», не как враг народа, а по уголовной статье, связанной с растратой или другими хозяйственными недочетами в ОРСе, возглавляемом им... Эту версию косвенно подтверждают и любовь Михаила Андриановича к застольям, и путаница в рассказах Николая Рубцова, и «на редкость честное по тем временам дознание», которому был подвергнут Михаил Андрианович... И, должно быть, исправно служил хозяевам, коли, несмотря на отсутствие образования, потихоньку рос в должностях, а на пятом десятке даже выдвинулся в круг областной номенклатуры». Не берусь критиковать Николая Коняева, но его легковесность в оценке отца Николая Рубцова вполне очевидна. Мне удалось отыскать документ, подтверждающий, что Михаил Андрианович действительно был репрессирован и провёл за решёткой в общей сложности 1 год 2 месяца и 15 дней: с 10 января 1938 г. по 25 марта 1939 г. Осужден он был по

статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Вот её формулировка в Уголовном Кодексе РСФСР: 58.10. Шпионаж, т. е. передача, похищение или сабирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трёх лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжёлые последствия для интересов государства – расстрел»... Как видим, статья вполне «политическая», очень распространённая в те годы. И осуждён был Михаил Андрианович именно как «враг народа», а не «по уголовной статье, связанной с растратой или другими хозяйственными недочетами в ОРСе, возглавляемом им...» (Коняев Н. М. Николай Рубцов, 2001, стр. 232–233, 317). Кстати, сведения об аресте Михаила Рубцова есть на известном сайте «Возвращённые имена», и любой желающий может без труда с ними ознакомиться. На момент ареста Михаил Андрианович являлся жителем посёлка Няндома Няндомского района и работал помощником начальника Райтрансторгпита по кадрам, имея на иждивении пятерых детей, в том числе и двухлетнего Николая».

М. В. Суров. Рубцов: Документы, фотографии, свидетельства. Вологда. 2006 г., стр. 50–52.

5. в) Н. М. Коняев «Николай Рубцов» ЖЗЛ. М., «Молодая Гвардия», 2015.

Процитирую некоторые абзацы, вызвавшие сомнение «Здесь он и окончил трёхлетнюю сельскую школу в селе Спасском». В ранних партдокументах срок пребывания в школе указывается Михаилом Рубцовым – два года, в поздних начальное образование – четыре года. «Вернувшись из Красной армии, Михаил Андрианович устроился работать председателем правления Биряковского общества потребителей». Так вот взял и устроился, а документы говорят о постепенной карьере отца Рубцова. И годы прошли, прежде чем он занял эту должность. «*А отец, Михаил Андрианович, вступил в партию и вырос до должности начальника отдела рабочего снабжения (ОРС) Емецкого леспромхоза*». Но до этой должности в Емецке, пик карьеры Михаила Рубцова пришёлся на Вологду, где он даже занимал должность Председателя правления Вологодского Леспотребсоюза Северного края. А вот полетев с этой должности, пика карьеры, М. А. Рубцов больше так высоко не взлетал. «*В тюрьме Михаил Андрианович провёл под следствием всего год и был выпущен «подчистую», а вскоре после возвращения из тюрьмы пошёл на повышение*». И это всё о тюрьме и сроке. Непонятно, почему для Н. М. Коняева это «всего год», хотя на самом деле 1 год и три месяца. Это вообще мог быть трагедийный узел в его биографии, в судьбах жены и детей, а также – полная неизвестность вероятности биографии Николая Рубцова и его творчества. А инспектор-

ревизор это не повышение, а скорее кость, которую кинули отцу поэта местные власти, вернее дали незначительную должность с разъездами по велению партии, советской власти и карательных органов страны Советов оступившемуся партийцу.

Литературное изложение иногда мешает Н. М. Коняеву правильно оценить факты и важные нюансы ускользающие от автора биографии Н. М. Рубцова в серии ЖЗЛ. Уточним, что М. В. Суров в своей статье рассматривает вариант книги Н. М. Коняева в серии ЖЗЛ 2001 года выпуска. Вызывает особое сожаление, что Николай Михайлович Коняев уже не увидит документы, приведённые в данной работе. Писатель скончался 16 сентября 2018 года, когда работа была завершена, но ещё не опубликована. Посвящаю этот материал светлой памяти русского писателя, биографа Николая Рубцова Н. М. Коняева.

5. г) С.П. Багров «Россия, Родина, Рубцов». Вологда, 2005.

«В начале 1940 года по ложному доносу арестован как враг народа. В течение 11 месяцев находился под следствием в местной тюрьме. Освобождён из-под следствия в конце 1940 года» (стр. 7). Ни одной верной даты или цифры нет. Их необходимо исправлять. Неточные даты идут, видимо, из устных воспоминаний родственников и желания как-то разобраться в сложных перипетиях судьбы М. А. Рубцова. Сергей Багров отыскал ряд документов, касающихся печального события – смерти дочери Рубцовых Надежды 30 апреля 1940 года. Из этой справки узнаём и адрес семьи – улица Советская, д. 1а. По этому адресу Рубцовых жили весной 1940 года. Но по этому ли адресу они жили во время тюремного заключения Михаила Рубцова, точно неизвестно. Пока фактом является то, что арестовали отца поэта по адресу г. Няндома, ул. К. Маркса, д. № 2.

«Одннадцать месяцев просидел Михаил Андреянович (?) в предварительной камере, ожидая суда, которого так, кстати, и не дождался, ибо на редкость честное по тем временам дознание вины за ним не нашло, и его отпустили». Всё, конечно, было не так просто, но из-за отсутствия достоверных фактов в начале нашего века эти сведения как-то обозначали проблему. В следующих главах попробуем документально разобраться с некоторыми служебными, этическими, семейными, бытовыми вопросами семьи Рубцовых перед войной.

5. д) А.П. Смолин «Николай Рубцов. Истоки судьбы». Рубцовский сборник. Материалы научных конференций. Выпуск 2, часть 1. Череповец, 2015, стр. 40–71.

Приведём ряд утверждений автора, с которыми мы не можем согласиться и которые вызывают сомнения.

«После революции 1917 года Рубцовых считались бедняками, то есть недвижимого имущества практически не имели». В анкете арестованного

(см. документ 4) Михаил Рубцов указывает, что он сын крестьянина-бедняка, до революции работал в с/х совместно с родителями. Но уже в протоколе допроса, в тот же день 10.01.1938 (см. документ 5) уточняет: «*социальное положение: до революции крестьянин, в хозяйстве 1 дом, 1 лошадь, 1 корова. После революции крестьянин-середняк, в хозяйстве 1 дом, 1 лошадь, 2 коровы*». В 1954 году, отвечая на вопросы регистрационного бланка при обмене партийных документов, пишет – «*крестьянин с 1912 по 1919 год в хозяйстве отца-бедняка*». Хотя в этом же бланке указывает, что до 1917 года родители были крестьяне-бедняки, после 1917 года крестьяне-середняки. Но надо понимать, что разделение крестьян на категории произошло уже в советское время. До революции крестьянин имел надел земли и вёл хозяйство успешно или нет в силу многих причин, как то: наличие работников-сыновей в семье, материальное положение, урожайность надела, трудолюбие и т.д. Но даже и до революции считать семью деда Николая Рубцова беспросветно бедной нельзя в силу приведённых документов.

Раиса Николаевна Рубцова,
бабушка Николая Рубцова,
умерла в 1940 году

«*Бабушка Рубцова – Раиса Николаевна многие годы жила в семье Михаила Андриановича, в том числе в Емецке и в Няндоме...*». Но также «есть основание полагать», и это хорошо известно, что бабушка жила и в Вологде, в семье со своими проблемами сестры отца поэта Софии Андриановны. Да и следуя логике, матери чаще живут в семьях дочерей, чем сыновей. Фактом является то, что в анкете арестованного от 10 января 1938 года (см. документ 4) Михаил указывает, что его мать Рубцова Раиса Николаевна (на момент ареста) в Вологде. Давайте будем учитывать также то, что в одной из автобиографий Михаил Рубцов пишет, что «*моя мать умерла в 1940 году*» и есть данные, что последнее время она плохо видела. Так что, её роль в воспитании Коли не стоит переоценивать.

«*Семейную стезю длинного крестьянского рода Рубцовых пресекает Михаил*

Андраниевич, в 1912 году закончив «двухклассное министерское училище» в селе Спасском («грамотный был») и устроившись продавцом в лавку сельхозпродукции». Вопросов напрашивается много. Что это за «министерское училище»? И если Андрей Смолин считает, что отцом Николая Рубцова пресёкся крестьянский род, то это верно, но до 1919 года, момента ухода в армию, Михаил Андрианович всё же считает себя крестьянином.

Другое дело, что говорить на следствии о том, что ты работал в лавке (а было ли это, никто не знает) арестованному Михаилу классово невыгодно. Образование М.А. Рубцова начальное, но по существу и количеству лет, проведённых в школе, анкеты, заполненные рукой самого отца поэта, сильно разнятся.

По-человечески понятно, что указывать четыре класса школы солиднее, чем два. Но материалы следственного дела безжалостны. В анкете арестованного (см. документ 4) Михаил Рубцов указывает образование 2 класса начальной школы. В протоколе допроса арестованного (см. документ 5) образование уже 2,5 класса сельской школы. А это два документа одного дня. Но тут надо учитывать стрессовое состояние человека, попавшего под жернова следствия. В 1954 году при смене партийных документов Михаил Андрианович повысил своё образование и записал, что окончил Спасскую сельскую школу, 3 года – с 1909 по 1912 Биряковской волости, Тотемского уезда, Вологодской губернии. Никто не смог бы оспорить эти данные. А сохранился только один этот документ... и вопрос с образованием для исследователя решён окончательно.

Уникальной в этом смысле является ещё одна анкета кандидата в члены партии М.А. Рубцова от 25 мая 1956 года. Он был переведён в кандидаты в члены партии в 1954 году (это такое наказание за некие проступки партийца) и в 1956 году восстанавливался как полноправный её член. Графа «образование» – «в 1913 году окончил Спасскую сельскую школу 4 класса».

«Получился в Совпартишколе, послужил в учебном подразделении командиров запаса РККА (на Великую Отечественную войну ушёл в звании старшего политрука, то есть младшего офицера)». Воинское звание старший политрук (старший политический руководитель) – воинское звание старшего военно-политического состава РККА с 1935 по 1942 год. Выше звания политрук, ниже звания батальонный комиссар. Соответствовало воинскому званию капитана.

Война в судьбе М.А. Рубцова – это отдельная тема.. Сводный брат Николая Рубцова Алексей тоже, по рассказам отца, считал его политруком. Но в анкете 1956 года Михаил Андрианович, указывая, что из наград имеет медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», пишет, что служил рядовым в 250-м конвойном полку МВД (НКВД). Без прочных документальных данных пока рано делать выводы о военной эпопее Михаила Рубцова.

Надуманными кажутся также все выводы и рассуждения Андрея Смолина о связях М.А. Рубцова с торговой мафией, убийством С.М. Кирова и в этой связи преследованием отца Рубцова, вплоть до того, что в Емецк он с семьёй бежал в добровольную ссылку, а не был переведён как проштрафившийся на более низкую должность с глаз подальше руководства Северного края. А о пиджаке Михаила, в котором он прибежал

в Вологду к родным из тюрьмы, мы уже писали, как и о том, в каких тюрьмах и сколько сидел отец Рубцова. С этими документами не поспоришь и не перебьёшь никакими воспоминаниями. Думается, что материал Андрея Смолина написан на базе легенд, бытующих среди родственников Николая Рубцова, и имел значение до публикации документов. Но такая база не может быть основой даже попытки написать научную биографию Михаила Андриановича Рубцова.

6. Для того чтобы прийти к единообразию в вопросе отчества отца Н. М. Рубцова считаем, что следует учитывать следующие моменты. Дед поэта крестьянин **Андріан Васильевъ Рубцовъ**, умерший в 1920 году, до революции писался именно так. Однако бывали на Руси и имена очень похожие. Так последним в досинодальный период Руси патриархом с 1690 года был Адриан, а известным архитектором Санкт-Петербурга был Андреян Дмитриевич Захаров. Таким образом, в разных источниках, порой даже записях самого Михаила Рубцова, его отчество варьируется: Андрианович, Андриянович, Андреянович, Андреанович. В протоколах допросов его поначалу писали даже как Михаил Андреевич, на что ошеломлённый арестованный тоже соглашался, хотя это была явная ошибка, ведь паспорт и военный билет были с самого начала в руках следователей. В нашей работе мы склонны употреблять отчество Михаил Андрианович, как наиболее употребляемое в документах и соответствующее дореволюционному имени деда Николая Рубцова.

7. Интернет-ресурс. Сайт «Возвращённые имена. Книга памяти России». Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий Архангельской области, стр. 47. Рубцов Михаил Андрианович.

8. Личное письмо Т. В. Мининой, основателя музея Н. М. Рубцова в Емецке, писателю В. С. Белкову от 07.09.1994 года. Архив Л. Н. Вересова.

9. Статья 109 УК РСФСР в редакции 1926 года, по которой М. А. Рубцов получил в Вологодском суде наказание 1 год условно и, по-видимому, после этого был снят с должности Председателя правления Вологодского Леспотребсоюза, в которой находился с 08.1931 по 04.1933 гг. Это ясно из регистрационного бланка члена КПСС М. А. Рубцова при обмене партдокументов 1954 года.

Ст. 109. «Злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов от-

дельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия, влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Примечание 1. Под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач.

Примечание 2. Должностные лица профессиональных союзов за совершенные ими служебные преступления (растранта, взятка и т. д.), если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов, отвечают как за преступления должностные».

*Дмитриев Сергей Александрович,
автор музыки и исполнитель песен на стихи Н. М. Рубцова,
лауреат всероссийских конкурсов авторской песни,
г. Череповец, Вологодская область*

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЯТНИЦКАЯ И ЕЁ ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

Для исследователей жизни и творчества Николая Рубцова, а также для неравнодушных читателей его, всегда будет интересен круг общения поэта. Хочу надеяться, что данная публикация существенно расширит наши знания по этой теме. Начну с того, что в моём архиве хранится запись беседы одного из основоположников научного рубцововедения Вячеслава Сергеевича Белкова с Ириной Александровной Пятницкой. Эта запись, собственно, и станет центром статьи.

И.А. Пятницкая, по выражению Виктора Астафьева, «работница и заботница вологодского музея», личность ключевая для вологодской культуры, не могла не заинтересовать меня как публикатора её воспоминаний о Н. Рубцове, поэтому совершенно естественным будет выглядеть рассказ об этой замечательной женщине, предваряющий её воспоминания.

Родилась наша героиня в Свердловске 14 сентября 1925 года в семье декана факультета журналистики Уральского университета Александра Николаевича Пятницкого. Нужно сказать, что ей пришлось разделить со своим поколением все испытания, тяготы и лишения. Арест отца и матери, затем гибель их, сиротство (с десяти лет её воспитывала бабушка Беляевская Софья Гвидоновна), война. Бабушке, низкий поклон ей за это, удалось воспитать человека цельного, гармоничного, всегда устремлённого на выполнение высокой задачи и не боящегося трудностей.

Окончив с отличием факультет журналистики Уральского университета, Пятницкая работает по профессии. Как-то раз, приехав с мужем Василием Тимофеевичем Невзоровым на его родину в Вологду, походив по тихим вологодским улочкам, заглянув в местный музей, она вдруг сказала ему: «Это мой город! Я бы здесь хотела остаться..»

– Не пожалеешь? – спросил он.

– Ты знаешь, я не привыкла легко смотреть на жизнь».

Вскоре супруги с тремя детьми, оставив благоустроенную квартиру в Киеве, переселились в Вологду, в маленький родительский домик. Это был 1961 год. С той поры Ирина Александровна всегда считала себя вологжанкой.

В январе 1962 года Пятницкая поступила на работу в Вологодский областной краеведческий музей. В течение семи лет возглавляла отдел истории досоветского прошлого. Столь необычное перепрофилирование из журналистики в очень сложную сферу искусствоведения и музейного экспозиционирования прошло для Ирины Александровны достаточно легко. Для этого были свои причины: страсть к чтению, познанию и самообразованию – одна из главенствующих при этом, да и культурная среда Вологды очень помогала. Перечислю целое созвездие имён, сверкавших в то время на вологодском культурном небосклоне – выдающийся художник-реставратор Н. Федышин, художники Д. Тутунджян, Н. Баскаков, В. Корбаков; писатели В. Белов, А. Романов, В. Коротаев, позже Н. Рубцов, О. Фокина, В. Астафьев; часто бывавшие на родине, знаменитые столичные литераторы А. Яшин, С. Орлов, В. Тендряков, К. Коничев. Кстати, ни один из именитых гостей, посетивших Вологду, не миновал общения с Ириной Александровной – это музыканты Э. Гилельс и С. Рихтер, писатели К. Симонов и С. Михалков, космонавты, учёные и многие-многие другие. Все они были покорены обаянием и профессиональными качествами этой замечательной вологжанки.

Юрий Нагибин записывает в свой дневник 2-го августа 1977 года: «По музею нас водила жена завсектором печати обкома партии Ирина Александровна Пятницкая, пятидесятилетняя очень привлекательная женщина, с крепкой стройной фигурой, тёмными глазами и тёмным грустным ртом, с хорошей речью, с какой-то монастырской тайной в непрозрачной и, видимо, страстной душе. Интересно и непривычно говорила об иконах и древнерусском искусстве».

Известнейший искусствовед и реставратор Савва Ямщиков: «Ирина Александровна – чудесная русская женщина, поражающая своей бесконечной скромностью и трепетной заботой о культуре вологодской земли. Красота спасёт мир, сказал как-то Достоевский. Ирина Александровна – тот самый спаситель».

И ещё одна записка: «Глубокоуважаемая Ирина Александровна! Спасибо Вам большое за прекрасные объяснения по выставке Н. И. Федышин и по Прилуцкому монастырю. Я и все мои сотрудники в восторге от Вологды, от музеев, от поездки, от таких людей, как Вы, Н. И. Федышин, А. А. Рыбаков и другие. Искренне Ваш Д. Лихачев».

Общение с крупнейшими знатоками русской иконы Н. И. Федышином и Н. В. Перцевым предопределило судьбу Пятницкой. Она учится у мастеров «читать» икону, параллельно изучая всю известную на то время литературу по иконописи. Естественно, в её пламенной душе не могла не зародиться идея создания нового отдела, и в 1965 году появляется «первая ласточка» – выставка «Древнерусская живопись», расположившаяся пока в одном зале с обиходным названием «иконный».

В 1970 году, благодаря, прежде всего, стараниям Ирины Александровны, в трёх залах Экономского корпуса музея, а в 1972 году уже в шести залах открывается постоянная экспозиция «Древнерусская живопись, скульптура и прикладное искусство 14–18 вв.». Сложно переоценить историческое и культурное значение деятельности И. А. Пятницкой по созданию данного отдела, ставшего важнейшим центром по научному изучению и пропаганде искусства земли Вологодской. Ведь она была идеальным вдохновителем, автором тематико-экспозиционного плана, руководителем и участником строительства и просто душой этого проекта.

Когда я работал в архиве ВГИАХМЗ с «Фондом И. А. Пятницкой», встречался с её учениками, друзьями и последователями, был поражен широчайшим диапазоном научных интересов Ирины Александровны. Это, кроме икон – скульптура, мелкая пластика, кружево, жемчужное шитьё, вологодский народный костюм,

шемогодская резьба, северные прялки, русские самовары, русское серебро, фарфор, ткани, золотное шитьё.

Неоценимой нужно назвать издательскую и просветительскую деятельность И. А. Пятницкой. Она является автором и составителем множества каталогов, буклетов, научных публикаций, выступлений в печати и по радио, лектором, прочитавшим около 300 лекций.

Все, знавшие Ирину Александровну, отмечают в ней ещё один значительный дар, раскрывшийся к началу 1970-х – особая, ни с чем не сравнимая манера проведения экскурсий. Они были не только интересны с научной точки зрения, серьёзны и информативны, но всегда артистичны и даже музыкальны. Вот что пишет Г. Бутусова в газете «Красный Север» от 11.08.1981 года: «*А если ваш экскурсовод, каким сегодня является И. А. Пятницкая, может и за прялку сесть, и спеть старинную песню, – впечатление неизгладимое*».

Здесь мы видим удивительно глубокое проникновение в жизнь эпохи. Её, как музейщика, интересовал не только конкретный экспонат, но и люди, события, быт рядом с ним и вокруг него. Людмила Славолюбова отмечает: «...*Минувшее время было открыто для Пятницкой. Она называла древние имена, не погасшие для неё, – и являла их нам живыми, сострадающими людьми*».

Известность Пятницкой далеко перешагнула границы Вологодской области. О её экскурсиях говорили благодарно и с восхищением, долго вспоминая их. Некоторые, отправляясь в путь, так и говорили: «Еду в Вологду – на Ирину Пятницкую».

В экспозиционной работе Ирину Александровну настолько увлекал и занимал процесс подготовки, что достижение результата, в тот момент, казалось вторичным, хотя ясно – этому было подчинено всё. Очень большое внимание уделялось деталям, вроде бы второстепенным, но придающим свой неповторимый окрас основным предметам показа. Тонко понимая роль каждого артефакта на выставке, она прививала такое же отношение своим ученикам и коллегам. Ученицы Пятницкой поведали мне историю, когда во время работы над одной из выставок пришлось сделать перетяжку обивки стульев по её просьбе, и это была не простая блажь руководителя – экспозиция показала, насколько великолепна дизайнерская идея. И так во всей её деятельности. Понятно, что достигался успех трудом дружного коллектива, но объединяла всегда Ирина Александровна.

Пятницкая подготовила целую плеяду достойных последователей – Ольга Козодёрова, Наталья Кряжева, Наталья Золотова, Людмила Харлапенкова, Ангелина Глебова, Алла Анишина, Нина Чистякова. Видели бы вы глаза этих женщин при упоминании в разговоре имени их наставницы, глаза, которые увлажнялись слезами благодарности. Одно из поздравлений от учениц и коллег украшала такая фраза (удивительная по точности и правдивости фраза): «Прекрасной в деяниях своих!». Поверьте, это не дежурное словосочетание, это нужно заслужить подвижническим отношением к делу, чистотой душевной, любовью, порядочностью.

Нельзя обойти вниманием важнейший элемент работы Ирины Александровны по возвращению в первозданный вид главного храма Вологды – Софийского собора.

За сравнительно короткий срок с 1962 по 1978 год бригадой реставраторов под руководством Н. В. Перцева и А. А. Рыбакова проведена гигантская работа по комплексной реставрации интерьера собора. Добавлю маленькую деталь – наконец-то, после многолетнего молчания зазвучала звонница Софии, чей звон позднее провожал в последний путь ту, что вернула голоса колоколам.

Пятницкая дала жизнь 13-ти выставкам и семи постоянным экспозициям – удачным, признанным, любимым посетителями. Но успокоиться на достигнутом было не в её характере. Мечта о создании большой экспозиции, отражающей все направления, жанры и стили в древнерусском и народном искусстве Вологодчины не давала ей покоя. Тем более, под размещение экспонатов были предложены новые помещения площадью около 1000 кв. метров, правда, совершенно не подходящие для использования. Начинается грандиозная работа над проектом, и 29-го июня 1979 года в музее состоялась блестящая защита его. После утверждения в Министерстве культуры Ирина Александровна разрабатывает тематико-экспозиционный план и приступает к строительству. Она успела открыть лишь три зала из одиннадцати задуманных. В 1980 году по состоянию здоровья Пятницкая выходит на пенсию, оставив созданный ею отдел. Казалось бы, можно спокойно отдыхать, но это не для неё. В фондах она занимается описанием коллекций тканей и золотного шитья, и только смерть, последовавшая в 1989 году, не дала завершить эту работу.

Ирина Александровна была мужественным и сильным человеком, оставаясь такой до конца. А ещё, прежде всего, она относилась к той редкой сегодня категории людей, несущих свет и добро, которыми щедро, не задумываясь, делилась с окружающими.

Такой и останется в памяти людской. Очень характерна заметка Джанны Таджатовны Тутунджан:

«Это обаятельная женщина! Встречая её, всегда невольно улыбешься. Я не могу определить точно, в чём сила её обаяния. Наверное, в совокупности отношения к любимому делу с удивительной, чуткой этикой восприятия жизни вообще.

Сама она, весь её облик, всё, что она делает, полно ощущения значимости и важности каждого дня на земле, каждого события...».

Приятно сознавать, что столь насыщенная, многогранная и успешная деятельность Пятницкой была замечена и отблагодарена при её жизни. Прежде всего, это любовь тех, кто, так или иначе, общался с ней, да и официальное признание не прошло мимо. В 1973 году родные и близкие поздравляли её с присвоением почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Высокая оценка работы была многократно освещена на страницах журналов и газет, на радио и по телевидению.

Как уже упоминалось, жизнь подарила Ирине Александровне Пятницкой встречи со многими великими личностями, и всё же дружба с Николаем Рубцовым заслуживает особого внимания. Поэт часто бывал у неё в доме, иногда вместе с близкими друзьями, а чаще один, причём в любое время суток и в любом состоянии. Этот дом был для Николая Михайловича одним из немногих спасительных островков.

Я, думаю, имею моральное право опубликовать данные воспоминания, хотя изначально они имели некоторые оговорки, запрещающие их выход в свет. Учитывая громадный интерес к личности Н. Рубцова и его окружению, а также то, что воспоминания не несут никакой порочащей и компрометирующей информации о людях, в них упоминаемых, я посчитал возможной и даже обязательной публикацию их. (Публикуется без изъятий, без редактирования, с сохранением стилистики).

Одна встреча, или мемуары о том, нужно ли писать мемуары

«Всё, о чём пойдёт ниже речь, я запрещаю до поры до времени публиковать, ибо обещал это автору данных воспоминаний – Ирине Александровне Пятницкой, заведующей отделом древнерусского искусства Вологодского областного краеведческого музея. Свои реплики в нашей беседе я почти везде опускаю.

Ирина Александровна – женщина лет 50, седеющая брюнетка с ясными выразительными глазами и высоким голосом.

До встречи с Пятницкой я знал только (со слов приятеля), где она работает, знал, что Н. Рубцов часто бывал у неё в доме, нередко вместе с Беловым, Астафьевым, Яшиным. Она была ему как мать. Она добрый и умный человек, тонкий человек. Ещё меня предупредили, что я должен быть деликатен в своей просьбе, потому что для неё это очень личное, душевное дело. Для неё гибель Рубцова ешё и большая личная, почти материнская утрата...

Придя к ней на работу 21 июля 1979 года, пополудни, я кратко рассказал о себе, о моей книге и задал вопрос: «Писала ли она когда-нибудь что-либо о Н. Рубцове?»

Сидя рядом с ней, слушая её, я понял, что всё, что читал и слышал до сих пор о Рубцове-человеке, детский и скучный лепет. И дай Бог, чтобы она когда-нибудь решилась записать свои воспоминания, пусть в стол, чтобы написал мемуары, например, В. Белов, который так же хорошо и глубоко знал и понимал поэта...

Итак, рассказывает (это только крупица того, что она знает и помнит) И.А. Пятницкая:

«...Ничего не писала и, думаю, никогда не стану. Коля не одобрил бы. Я смотрю на всё это как бы его глазами. А он был такой человек, что не одобрил бы этого...

Поймите меня правильно. Я иногда рассказываю о нём среди знакомых, когда это как-то входит в орбиту беседы, но писать... Обычно я рассказываю о Рубцове, когда нужно защитить кого-нибудь, ну на таком авторитетном примере показать, что это со всяkim бывает. Только хорошее писать о нём нельзя, пострадала бы правда. Коля ведь был не Ангел, часто был нетрезв. Всякое было. Писать объективно мне трудно, да если бы я и написала, полностью это не опубликуют. Вы стали бы выбирать, и тут неизбежно что-то нарушилось бы, исказилось...

Если писать честно, то надо же писать о том, что он говорил и думал о вере, о Боге. Он всё время искал истину, новую веру, думал о том, как и чем людям жить. А я вот неверующая совсем. К сожалению...

Это всё его богоискательство, толстовство. Он прямо наследовал Толстому, только по-своему, на другом уровне философии. Эта его философия была более доморощенной. Образование было не то... Поиски счастья через страдание. Он же всегда искал страданий, шёл к ним, и, если их не было, выдумывал их. Ну как об этом

напишешь? Не опубликуют... Он был гениален. А писать о том, как он ел, ходил, говорил, это сделают и без меня другие.

Не знаю... Может, когда-нибудь, и сяду за воспоминания о нём. Может, времени ещё немного прошло и я не могу пока... Вот выйду на пенсию... Мне нужно обязательно написать о музыкантах, с которыми была знакома. Это великие музыканты – Рихтер, Гилельс... Здесь мне проще, они люди как бы чужие, а Коля родной, свой. Как говорят, мать не может лечить своего ребёнка. Так и я не могу писать о Коле, это как-то неестественно. Помню, когда я прочла книгу «Новое о Маяковском» (была такая книжка), горячо любимом мною поэте, я уже не могла воспринимать его по-прежнему, что-то изменилось, невозвратно исчезло...

Не скажу, чтобы он (Рубцов) очень часто бывал у нас, да и приходил он скорее не ко мне или к мужу, а к нашему сыну, шпанёнку Сашке. Коля как-то полюбил его, привязался к нему. Приходил к нам не часто, но всегда... со стоном, когда больше не мог, когда было очень трудно на душе. Мог прийти в 4, в 2 ночи. Придёт, уложим...

Сашку он очень любил. Не знаю почему, но догадываюсь. Рубцов был, действительно, очень одинок. А тут несерёзный, очень доверчивый парнишка, с которым он, наверное, говорил о том, о чём с другими бы не стал, выговаривался как бы, хотя, конечно, и понимал, что парень очень молод и не всё ему можно говорить и мало тот поймёт. Сашка, наверное, не очень и слушал, а Рубцову, наверное, так и лучше было. Главное, Сашкина непосредственность, он и сейчас, взрослый уже, по-прежнему немного инфантилен... Спрашивала у него иногда – о чём говорили с Николаем? Стихи читал? Говорит: не помню о чём, обо всём, не читал.

Был бы Сашка иной, многое бы мог теперь рассказать, но, наверное, Коля тогда и не сблизился бы с ним так.

Коля был очень-очень простой. И не от мира сего. Иногда скажет что-нибудь, думаешь, какая чушь! А потом доходит, что он прав. Он жил в каком-то своём мире, закрытом для других. Он открывался очень редко. Был как жемчужина в раковине. Чёрная жемчужина! Сидит и вдруг скажет что-нибудь странное, а потом понимаешь, что он живёт в другом мире, он центр другой Галактики и его мысли живут как бы в другом измерении, а когда он их высказывает, нам непривычно слышать их в нашем мире. А он был в это время в состоянии творчества. Может, это и есть вдохновение, гениальность... Это уже касается психологии творчества, о чём он никогда не говорил. Я как-то чувствовала, что он умрёт,

знала, что с ним что-то должно случиться – не это, так другое. Так уж он жил, прямо стремился к этому...

Помню такой случай: когда провожали Сашку в армию, Коля чуть не опоздал на вокзал. Оказалось, он искал чего-нибудь сладкого для парня. Это так необычно для Коли, да он и не умел этого делать. А тут он, видимо, решил... Сашка очень расстраивался, но потом Коля прибежал. Очень простой и душевный был человек.

Трудно писать о нём, да и нужно ли мне это делать. О Коле должен написать Василий Белов. Я бываю иногда на вечерах памяти Рубцова и мне как-то не по себе становится. Я не утверждаю, что о нём не надо говорить, но надо как-то иначе. Хотя я их понимаю – они сами при этом очищаются... Его очень хорошо знал Белов, они были очень близки, и вот не случайно же он сейчас молчит о нём. Ничего не хочется делать ради обывателей, я люблю людей, но не хочется. Точно так же было и у самого Коли после смерти Яшина.

Ещё расскажу такой случай. Вы первый его услышите. Вот хотите верьте, хотите – нет. В ночь гибели Коли я неожиданно проснулась (не знаю, как после этого случая я не стала верить в Бога, в пророчество). Мне показалось, как наяву, что к нам пришёл Коля. Я была дома одна. Он протягивает на ладонях лист бумаги и говорит: «Ира, я написал для тебя стихотворение». Это были «Журавли», но не те «Журавли», которые всем известны, а другие. Тогда же, ночью, я записала это стихотворение. Там было 3–4 строфы. А утром показываю мужу (надо сказать, что в юности я писала стихи), а он и говорит: «Слабые стихи. Ты же сама видишь, что это твои слова, до Рубцова далеко...». Я вскоре порвала листок, но потом ещё долго помнила эти стихи. А однажды поехала в Москву, к приятельнице зашла и за чаем рассказываю ей эту историю. Но дойдя до этого места, вдруг чувствую, что не помню ни строчки из стихотворения!..

После этого случая опять «явился» мне Коля и говорит: «Что же ты... Я ведь тебе одной, а ты всему свету... Это я лишил тебя этого стихотворения». И, действительно, оно начисто исчезло из памяти! Да, тут бы мне и в Бога поверить. Ничего больше не остаётся...

Где уж мне писать о Рубцове. Я и Коля – две разные величины. Просьба Ваша не застала меня врасплох. Ко мне уже обращались не раз с такой просьбой и у нас, и в Москве, но я отказывалась...

Пятницкая оставила своей беседой ощутимый след во мне. Из её рассказов выходило, что Рубцов из страдания создавал прекрасное. Слово «гений» применительно к Н. Рубцову прозвучало

в её устах верно и очень естественно. И ещё очень важная деталь: она его иначе и называть не может, кроме как Колей. Очень близкий ему человек.

Уже после нашего разговора я узнал, что муж Ирины Александровны Пятницкой работает в обкоме партии, курируя творческие сферы области...»

Использованная литература

1. Бутусова Г. «Вологодские росписи». «Красный Север». 11.08.1981.
2. Вологодская энциклопедия. Вологда. 2006. (стр. 396).
3. Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя (под ред. С.А. Тихомирова). Вологда. «Книжное наследие». 2007. (Стр. 611, 721-22, 816).
4. Горов Л. (*K. Файнберг*). «Просто праздник». «Красный Север». Ноябрь. 1974.
5. Древнерусская живопись. Новые открытия. Вологда. 1970.
6. Живопись вологодских земель 14–18 вв. (соавтор). Москва. 1976.
7. Калачёва Л. «Ирина Александровна Пятницкая (1925–1989 гг.)». «Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвящённые памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева». Архангельск. 1992. (стр. 189–194).
8. Каталог к персональной выставке Н. И. Федышкина. Вологда. 1977.
9. Культура Вологды 20 века. История. Лица. События.
10. Мельников Н. «Любить свой край». Журнал «Огонёк». № 45. 1978.
11. Нагибин Ю. Дневники от 02.08.1977 года.
12. Народное искусство (по материалам экспедиций). Вологда. 1966.
13. Письмо академика Д.С. Лихачёва от 21.05.1978. Архив ВГИАХМ. «Фонд И.А. Пятницкой».
14. Славолюбова Л. «Вологодские письма». «Красный Север». 09.09.1983.
15. Тарасенкова Н. «Ворожба Пятницкой». «Красный Север». 15.09.1995.
16. Тарасенкова Н. «За вологодской стариной». Журнал «Новый мир». № 4. 1978.
17. Тутунджян Д. «С днём рождения». «Красный Север». 14.09.1975.
18. Ямщиков С. «Не за тридевять земель». «Советская Россия». 03.06.1980.
19. Ячеистова Л. Женщины земли Вологодской. Вологда. 2004. (стр. 113–115, с портретом).

НИКОЛАЙ РУБЦОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ ЮРИЯ ВОРОНОВА

*«За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...»*

В блистательной плеяде художников, посвятивших свой талант и мастерство поэту Николаю Рубцову, Юрий Воронов полноправно занимает достойное место. А это, поверьте, непросто. Тем не менее, «рубцовские» работы Юрия, едва появившись, обрели статус классических, наряду с произведениями Владислава Сергеева, Генриетты и Николая Бурмагиных, Владимира Паскина, Александра Шебунина. В чём секрет их обаяния? Я считаю, одной из главных составляющих является глубокое проникновение в лирику великого земляка. Ведь при погружении художника в поэтический мир того или иного автора, возникает соблазн буквального перевода стихов на язык графики, живописи или пластического искусства. Но это достаточно примитивный метод, отвергнутый вышеперечисленными мастерами кисти и резца, избравшими единственно верный путь, продиктованный поиском художественного образа сюжета.

У Воронова это хорошо прослеживается в графическом цикле к лирическим стихам Поэта. Все произведения в высочайшей степени поэтичны и, при этом, великолепны и безупречны в композиционном плане. У него одинаково хорошо звучат листы как в технике рисунка, так и ксилографии, линогравюры, литографии, офорта и граттажа. Мастеру нравится творческий контакт с различными материалами, каждый из которых предъявляет свои определённые трудности, блестяще преодолеваемые им.

Стоит отметить, что «рубцовский след» заметен и в других опусах художника (особенно, посвящённых родному Северу), при этом украшая их. Передавая неповторимые красоты северной природы, Юрий избегает яркой, броской подачи, что при практическом отсутствии обобщений, точной детализации и включении в композицию лирико-романтических элементов делает произведение очень притягательным для его восприятия.

Лирика Николая Рубцова, хочется думать, всегда будет в сфере интересов художников, но достижения Юрия Воронова в данном направлении останутся своеобразным ориентиром и примером достойного отношения к искусству.

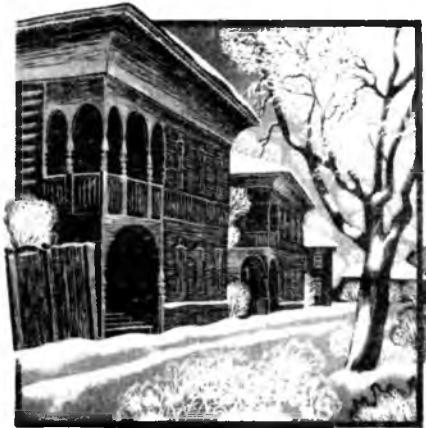
ГРАФИКА

Ю. ВОРОНОВ

И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

/Журавли/

Вдоль по улице по узкой чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской обновился городок.

/Выпал снег/

Хотя проклинает проезжий дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу!
/Родная деревня/

До конца, до тихого креста
Пусть душа останется чиста!
/До конца/

Эх, коня да удалъ азиата
Мне взамен чернильниц и бумаг...
/Эх, коня.../

Нарву цветов, и подарю букет
Той девушке, которую люблю.
/Букет/

Отложу свою скучную пищу
И отправлюсь на вечный покой...
/Элегия/

Поднявшись на холмах, старинные деревни
И до сих пор стоят, немного накренясь...
/Поднявшись на холмах.../

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
/Привет, Россия.../

С каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть,
Чувствуя самую жгучую, самую смертную связь.
/Тихая моя родина/

Какая жизнь отликовала, отгоревала, отошла!
И всё ж я слышу с перевала, как веет здесь, чем Русь жила...
/По вечерам/

Пусть деревья голые стоят, не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват, что с деревьев листва улетели?
/Улетели листва/

К табуну с уздечкою выбегу из мрака я,
самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звязая,
конь в село соседнее понесёт меня.
/Деревенские ночи/

Ильичёва Надежда Николаевна,
БОУ Кирилловского муниципального района «Кирилловская СОШ»,
г. Кириллов, Вологодская область

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И КИРИЛЛОВ (избранное из книги)

1. Из предисловия к книге

Собранные вместе, исследовательские проекты открывают нам все стороны пребывания Н.М. Рубцова на Кирилловской земле. Хорошо известны два эпизода темы «Рубцов и Кириллов».

1. В августе 1967 года поэт выступал в местном Доме культуры с чтением своих стихов вместе с другими вологодскими поэтами во время поездки по Волго-Балту.

2. В 1970 году поэт провел около двух месяцев в деревне Одиньево на Цыпиной горе у своих друзей-художников.

Следует отметить, что учащиеся Кирилловской СОШ не ограничились просто этими эпизодами, а пошли по пути отработки

и поиску смежных тем. Выделим из всех работ, хороших и запоминающихся, Тихоничеву Светлану с ее основательной работой еще 2000 года «Рубцов в Оденьеве. Последнее лето». Отметим, что к художнику Ю. Н. Петрову исследователи ходили с диктофоном и видеокамерой. Эти материалы – сейчас немалая ценность в рубцововедении. Отметим особо и работу Ольги Глызиной 2005 года «Кириллов и Рубцов. Автографические истории». С этой работой Ольга поступила в педагогический университет без экзаменов. Исследования Ольги Глызиной – несомненный вклад в кирилловское краеведение и в современное рубцововедение.

Исследователю удалось найти и зафиксировать пять автографов Н. М. Рубцова, хранящихся у жителей Кирилловского района и неизвестных историкам литературы. Вот как об этом пишет Ольга: *«Все автографы написаны искренними, теплыми словами. Наиболее значимо то, что Рубцов вложил в каждую надпись частичку своей души»*. Интересно то, что четыре автографа поэта Рубцова написаны на книге «Звезда полей» в один день 25 августа 1967 года. Один автограф, журналисту Варюхичеву, подписан 22 сентября 1967 года.

2. Рубцов в Оденьеве. Последнее лето

Для меня определенной загадкой стало сообщение экскурсовода Кирилло-Белозерского музея-заповедника на выставке работ художника Ю. Н. Петрова, члена Союза художников России, о том, что стихотворение Н. М. Рубцова «В горнице» тесно связано с домиком Петрова на Цыпиной горе. Обратившись к справочникам, я поняла, что написано оно было Н. Рубцовым еще до «петровского» домика. И ни в одном источнике нет материала о лете 1970 года, помимо упоминания вскользь В. Аринина в «Русском Севере» (№ 26, 1991 год), проведенном поэтом в деревеньке Оденьево, что на Цыпиной горе. А между прочим, это очень интересный и даже несколько загадочный период в его жизни. И мы, творческие исследователи, решили исследовать как можно более глубоко этот небольшой этап в жизни поэта.

И вот, узнав, что Ю. Н. Петров заканчивает творческий сезон, мы спешим в Оденьево. Наши подручными средствами стали: видеокамера, диктофон, фотоаппарат, ручка и тетрадь. Нас волнуют вопросы: как часто бывал Н. М. Рубцов в Оденьеве? что им было написано в этой деревеньке? какие работы Юрий Николаевич посвятил Н. Рубцову?

Холодное утро. Туман. 15 минут нас везут на авто, 20 минут, скользя и спотыкаясь, мы идем по размытой лесной дороге, и вот – первый одинокий домик на высокой горе. Затем – другой, третий. А вот и он, «петровский». К нашему счастью, Юрий Николаевич дома, он гостеприимен, добр, открыт для общения.

Из его рассказа мы узнаем, что домик в деревне Оденьево он купил в 1969 году и тем же летом познакомился с Николаем Рубцовым. Знакомство их состоялось в Вологде близ Спасо-Прилуцкого монастыря. Эту встречу инициировал корреспондент центрального радио Энгельс Федосеев, работавший тогда в Вологде. Поэт и художник остались довольны друг другом. И Ю. Петров пригласил Н. Рубцова к себе в Оденьево, что на Цыпиной горе.

Лето, макушка июля. У раскрытого окна деревенского домика художник чистит морошку. И вдруг у окна появляется гость, заглядывает в домик. Хозяин в изумлении: как, откуда? В ответ: «Юра, вез тебе пиво, да мужикам в самолете нужней оказалось». Так Н. М. Рубцов и оказался в гостях у художника Петрова. Юрий Николаевич с удовольствием отмечает, что морошка была любимой ягодой поэта Рубцова. И нам несложно в это поверить, так как сам Н. Рубцов неоднократно упоминает ее в стихах. Приятно было поэту: встречают любимой ягодой:

*Отцветет да поспеет
На болоте морошка,–
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные выются вокруг...*

Поэт и деревня приняли друг друга. Оденьево приютило Н. Рубцова до осени.

Бывало, выйдут Николай Михайлович с Юрием Николаевичем из избы, лягут в траву и Н. Рубцов скажет: «Юра, как хорошо! Никто не тронет, не заденет!» Каждый из них занимается своим делом: Юрий Николаевич ходит на этюды, а поэт бродит по лесу, гуляет по лугам, ходит на берег Ильинского озера. Да где он только, наверное, не был! Юрий Николаевич вспоминает один очень интересный и памятный разговор. Лежат они на сене, и Николай Михайлович так задумчиво и говорит: «Юра, а ты знаешь, с кем лежишь?» Ю. Петров отвечает: «Ну, представляю...» «Ты лежишь с первым поэтом России!» А Юрий Николаевич говорит: «Ну, Коля, я ведь тоже не последний художник России!».

Деревенское окружение Николая Михайловича составляли люди творческой интеллигенции. Это художник Евгений Уханов, болгарский художник-реставратор Рильского монастыря Любен Прашков, его жена Венета Прашкова, заслуженные художники Вячеслав Сергеев, Владимир Корбаков, художник Валентин Малыгин. Часто в Оденьеве Н. Рубцов встречался с Виктором Коротаевым.

Ясным солнечным днем дружеская компания – под старой тенистой яблоней у самовара. Рубцову нравится, он улыбается, но держится скромно, старается быть в тени. Вечером – костер. Н. Рубцова часто просили читать стихи. Но поэт отвечал не на все просьбы. Сначала он посмотрит на человека, и если тот ему не понравится, то ни за что читать не будет. Н. Рубцов людей не просто понимал, а чувствовал. Известно, что он редко читал окружающим свои стихи, но охотно – любимых поэтов, порой подбирая на гитаре или гармошке мелодии к этим стихам. Терпеть не мог, чтобы кто-то, подпевая, перевирал слова или мелодию; в таких случаях он хмурился, замолкал и, бывало, уходил вовсе. Николай Михайлович был очень музыкальным человеком. Неудивительно, что и его стихи легко ложатся на музыку, легко поются. Пел Н. Рубцов под гармошку, которую брал у местного старичка Кирсанова. А чтобы тот дал гармошку, Ю. Петров и Н. Рубцов приносили ему водки. Импровизированные концерты проходили или у кирсановской избы, или под яблоней перед «петровским» домиком. Манера чтения стихов Н. Рубцова напоминала манеру чтения своих стихов Есениным. Читая, Рубцов размахивал рукой в такт чтению, как бы дирижировал. Порой чтение и пение Рубцова записывал на магнитофон Энгельс Федосеев.

Лето, проведенное на Цыпиной горе, действительно стало для поэта последним. Может быть, именно поэтому Н. Рубцов как-то особенно обостренно вбирал в себя «смелое очарование» Ильинского озера, наслаждаясь красотой Оденьева, Ферапонтовской округи. Недаром в его стихах все чаще и чаще появляется слово «вечность». И, может, поэтому в это осеннее утро Цыпина гора была окутана туманом. Чувствовал ли он, любуясь водами Ильинского озера, старой церквушкой, просторами полей и лугов, что все это видит в последний раз? Наверное, да.

Дружба поэта и художника получила своеобразное продолжение в пастелях Ю. Н. Петрова «В горнице моей светло», написанной в 1995 году, и «В этой деревне огни не погашены» (1994 год). Но,

к сожалению, у автора не осталось даже фотокопий этих работ. Картины проданы с выставки: первая в 1997 году – в Австралию, вторая в этом же году – в Австрию.

Единственный портрет Н. М. Рубцова, писанный с натуры, был выполнен художником В. Малыгиным. Но, по утверждению Ю. Н. Петрова, он был продан, и след его затерялся. Это остается очередной загадкой, родившейся в Оденьеве.

«Последнее лето» – звучит трагично, но главное все-таки то, что летом 1970 года в Оденьеве «светлый покой опустился с небес и посетил» душу замечательного русского поэта Н. М. Рубцова.

Светлана Тихоничева

3. Очерк «Открытие одной гравюры»

**(О гравюре Е. И. Министрова к стихотворению Н. М. Рубцова
«Сапоги мои – скрип да скрип...»)**

Холодный осенний день, 8 ноября.

Мы, группа «ЛиККа», вновь под сводами архимандричьего корпуса Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Нас ждет встреча с искусствоведом, старшим научным сотрудником Л. Л. Петровой.

Этот день становится для нас праздником: мы познакомились с творчеством талантливого художника-графика Е. И. Министрова и впервые встретились с удивительной гравюрой этого автора «Сапоги мои – скрип да скрип...» к стихотворению великого вологодского поэта Н. М. Рубцова.

Евгений Иванович Министров родился в семье военного 23 марта 1945 года в г. Кириллове. И пусть большая часть его творческой жизни прошла на белозерской земле, он не перестает быть нашим земляком и потому заслуживает наше самое пристальное внимание.

Судьбы художников складываются по-разному. Одни с первых шагов своей творческой деятельности оказываются в поле зрения исследователей, их хорошо знают зрители. У других, особенно провинциальных, редки встречи с умным критиком, благодарным зрителем. К последним можно отнести и художника-графика Е. И. Министрова.

Ранние работы Министрова – робкое подражание маститым графикам: «У самовара я и моя Маша», 1968 г. Это попытка создать семейный портрет Шукшиных.

Семидесятые – восьмидесятые годы отмечены поиском своей темы, своего языка.

У первых работ не было названия.

Работа в мастерской была оставлена, Евгений Иванович выведен на инвалидность по причине тяжелого заболевания позвоночника.

Гравюра Е. И. Министрова «Сапоги мои – скрип да скрип...» появилась в фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника в период творческого роста художника. Но на выставку в октябре-ноябре 2000 года не попала по неизвестной причине. И обнаружилась во время наших поисков. Может быть, она нас ждала.

В 1970–80-е годы сотрудники Белозерского музея приезжали в Кириллов и привезли с собой работы Министрова для продажи. Его гравюры пользовались спросом и поэтому сразу раскупались. Позднее, в 90-х годах, несколько своих работ Евгений Иванович подарил музею, среди которых и была гравюра «Сапоги мои – скрип да скрип...»

На гравюре «Сапоги мои – скрип да скрип...» художник Министров сумел передать те глубокие чувства, которые испытывал Н. М. Рубцов к родному краю, природе.

На переднем плане картины Е. И. Министров представляет Н. Рубцова в образе интеллигента-горожанина, приехавшего в лес за грибами. У него уже целая корзина грибов, а он не перестает восхищаться дарами леса.

*Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиной – гриб,
Подосиновик!*

Милая, незатейливая картина русских березок и елей создает фон для тихой радости удачливого грибника.

Его живые глаза лучатся очарованностью, светятся радостью от встречи с красотой родного русского леса.

Ощущение поэта и художника сливаются в один праздник души.

*Знаешь, ведьмы в такой глупи
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружка,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение.
... Таковы на Руси леса
достославные.*

В изображении одежды героя художник использует закрученные, ломаные, короткие линии, таким образом, показывая его «бывалость». Грибник настолько увлекся своим занятием, что даже не замечает времени.

*Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума
песней сладкою –
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...*

Для доброго изумления на лице – простые, незамысловатые линии. Но очень выразителен подъем бровей, «гусиная лапка» в уголке глаза. В руках завсегдатая леса гриб-здравояд. И кажется, что с губ счастливого обладателя слетают слова: «Ах, вот ты какой! Ну, здравствуй, мой хороший!» Этим выражается и любовь интеллигента-горожанина к природе, и благодарность самой природы за бережное отношение к ней.

На рубцовскую тему в гравюрах Евгений Иванович выходит не сразу, хотя при жизни Рубцова был знаком с ним, общался с поэтом во время его пребывания в Белозерске.

Тонкое понимание рубцовской поэзии помогло художнику превратить стихотворные строки в художественный образ.

Гравюра талантливого художника-графика Е. И. Министрова должна занять достойное место в ряду работ, посвященных жизни и творчеству Н. М. Рубцова.

Юлия Писцова

4. Кириллов и Николай Рубцов. Автографические истории

Благодатная Кирилловская земля хранит память о многих достойных людях родного края. Среди них – учёные, физики, математики, защитники Родины, писатели и поэты. Страницы истории культуры нашего района 60–70-х годов XX века хранят память о великом и широко известном русском поэте Н. М. Рубцове.

Наш проект называется «Кириллов и Николай Рубцов. Автографические истории». Слово «автограф» подразумевает два толкования: 1 – собственноручная надпись или подпись; 2 – подлинная рукопись определённого лица. Данная работа основывается на автографах первого вида. Идея этого проекта возникла во время работы с архивом журналиста-земляка А. Г. Варюхичева, когда был обнаружен автограф Николая Михайловича на подаренной им книге стихов «Звезда полей» своему другу. Это и стало началом исследования «Кириллов и Николай Рубцов. Автографические истории». В основу работы легли материалы экспедиции в с. Волославинское, воспоминания участников встречи с Н. М. Рубцовым и их частные архивы, а также архивные фонды редакции газеты «Новая жизнь» Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Итак, первый рубцовский автограф – надпись на подаренной им книге другу А. Г. Варюхичеву, с которым его связывали тёплые, доверительные отношения. После трагической смерти Николая Михайловича Альберт Григорьевич хотел писать воспоминания о нём, но не успел, так как сам рано ушёл из жизни, и о дружбе поэта и журналиста выяснилось из рассказа жены Альberta Григорьевича – Татьяны Александровны. Она подчёркивает, что Николай Михайлович и Альберт Григорьевич были хорошими друзьями. А. Г. Варюхичев работал редактором «Вологодского комсомольца» и нередко помогал поэту с публикацией его стихов. Помимо редакции друзья часто встречались в домашней обстановке. В гостеприимном доме Варюхичевых Н. М. Рубцов бывал вместе с А. Романовым. Татьяна Александровна с добродушной улыбкой вспоминает одно из посещений: «Идут в «Комсомолец»,айдут в гости и споря между собой: кто – поэт, кто – нет.

А. Романов:

– Я вот умру – обо мне люди будут вспоминать! А ты...!

Н. Рубцов молчит, смотрит и после паузы произносит:

– Нет, Саша, я – поэт, а ты...!

Моя мать Евфалия Константиновна останавливает спорщиков:
– Мужики, хватит спорить, оба вы – поэты.

Н. М. Рубцов был желанным гостем в семье Варюхичевых. Часто оставался ночевать у них. Когда организаторы музея Н. Рубцова пришли к Альберту Григорьевичу с просьбой дать что-нибудь в качестве экспонатов, то он ответил следующим образом: «На стуле сидел, на раскладушке спал, ложкой ел, из чашки пил... берите всё».

Книгу «Звезда полей» поэт подарил своему другу 27 сентября 1967 года во время откровенного разговора. Автограф такого содержания «Дорогому Алику Варюхичеву, как всегда, с любовью от скромного автора». Татьяна Александровна утверждает, что эту книгу Альберт Григорьевич хранил как реликвию, гордился ею, дорожил. От постоянного пользования мягкий переплёт стал изнашиваться. Евфалия Константиновна, будучи очень умелым переплётчиком, оформила книгу в твёрдую обложку. Благодаря этому сохранился и автограф. Из слов надписи становится понятно, что поэта Н. Рубцова и журналиста А. Варюхичева связывали настоящие дружеские отношения.

Более значимыми оказались автографы, датированные 25 августа 1967 года, потому что в этой встрече, как рассказала Валентина Ивановна, принимал участие Н. М. Рубцов, но его автографа, к нашему великому сожалению, у нее не оказалось. Конкретно о Николае Михайловиче она не могла рассказать. Кирилловских участников встречи В. И. Гостинщикова не вспомнила.

Более удачной оказалась встреча с учителем русского языка, ветераном педагогического труда Э. И. Сысоевой. В её библиотечке бережно хранится книга стихов Н. М. Рубцова с дарственной надписью автора: «Эмилии Ивановне с искренним уважением». Рассказ Эмилии Ивановны дополнена публикация в газете «Новая жизнь» от 29 августа 1967 года «Литературный вечер в Доме культуры».

«Зал содрогнулся от рукоплесканий, когда девушки, бойко вспорхнув на сцену, вручили дорогим гостям букеты цветов. Кирилловцы восторженно приветствовали прозаиков и поэтов, прибывших на литературный вечер».

Кто же был нашими гостями? Это были известные прозаики и поэты: Александр Яшин, Василий Белов, Дмитрий Голубков, Николай Кутов, Александр Романов, Николай Рубцов, молодые поэты Виктор Коротаев, Леонид Беляев, Борис Чулков, Сергей Чухин. Вечер открыл ответственный секретарь правления Вологодского

отделения писателей А. Романов. Он рассказал о тех творческих планах, которые намерены осуществить литераторы в ходе путешествия по Волго-Балту, представил всех писателей и поэтов публике. Затем выступили сами литераторы. Они читали свои стихи, отвечали на вопросы участников вечера. Особый интерес вызвали выступления Василия Белова и Александра Яшина. Восторженно встретили слушатели также стихи молодого поэта Леонида Беляева. После окончания вечера его участники быстро раскупили книги своих гостей и получили на них автографы писателей и поэтов.

На следующий день литераторы осмотрели достопримечательности нашего города, побывали в Ферапонтове. Вечером теплоход увёз их в Белозерск – очередной пункт маршрута.

После того как была изучена статья в районной газете, захотелось разыскать фотографии, запечатлевшие пребывание вологодских поэтов на кирилловской земле. А. Ф. Поздняков, бывший директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника, в своих воспоминаниях утверждает, что на фотографиях, хранящихся в музейном архиве художника Б. И. Горбунова, запечатлены писатели и поэты, приезжавшие в Кириллов в 1967–1968 годах. Но Н. М. Рубцова на них нет, так как он не любил фотографироваться.

Промежуточный итог показал, что найдено всего лишь два автографа Н. М. Рубцова. Полагая, что у кого-нибудь из кирилловцев сохранились книги с надписями поэта Рубцова, подали объявление в газету «Новая жизнь».

На него откликнулись две участницы литературной встречи: А. А. Морошкина и А. К. Грибова. Воспоминания Антонины Константиновны в определенной степени перекликаются с газетной публикацией в «Новой жизни» от 29 августа 1967 года, но она хорошо запомнила облик Н. Рубцова. А. К. Грибова вспоминает его невысоким, худым, но подвижным человеком, одетым в темный костюм. Он читал многие из своих стихов, написанных до 1967 года: «Тихая моя родина», «В горнице моей», «На реке Сухоне»; Рубцов рассказывал о себе, о друзьях, об учёбе, о природе. В целом Антонина Константиновна запомнила поэта простым деревенским парнем, любящим свою Родину. Автографическая надпись содержит простые слова: «Антонине Константиновне на память». Но А. К. Грибова с особым душевным трепетом открывает эту книжку, осознавая то, что они написаны рукой великою русскою поэта. Незатейливая надпись и в книге, бережно хранимой А. А. Морошкой: «Алефтине Александровне на добрую память о встрече». Особенно А. А. Морошкиной запомнилось, как Николай Михайлович

проникновенно читал стихи о Родине, о деревне, искренне и просто общался с залом.

Литературная встреча 25 августа 1967 года стала для А. С. Логинова не просто знакомством с вологодскими писателями и поэтами, но и незабываемым днём его жизни. После выступления Н. М. Рубцова на сцене Александр Сергеевич долгое время беседовал с ним за дружеской чашкой чая. Поэт запомнился А. С. Логинову задушевным, откровенным собеседником, располагающим к ответной открытости. Александр Сергеевич живо вспоминает традиционный шарф Рубцова, его трогательное чтение стихов о матери. Даже по прошествии 38 лет старый учитель открывает книгу и со слезами на глазах читает стихотворение «Памяти матери».

Общение поэта и учителя закончилось взаимным приглашением в гости. Автограф содержит простые и тёплые слова: «Логинову Александру Сергеевичу с чувством искреннего уважения». Подаренную книгу Александр Сергеевич хранит так же бережно, как картины сына.

Сопоставление собранных нами автографов позволяет сделать вывод, что все они появились после выхода в свет книги «Звезда полей» в 1967 году. В это время поэт обретал широкую известность среди читателей Вологодчины. Четыре автографа появились в один и тот же день – 25 августа 1967 года, а пятый, который положил начало поиску – 27 сентября 1967 года, то есть на месяц позднее. Все они лаконичны. Их объём колеблется от 4 до 10 слов. Самый полный из них адресован А. Г. Варюхичеву. Все автографы написаны искренними, тёплыми словами. Наиболее значимо то, что Н. Рубцов вложил в каждую надпись частичку своей души. Эти автографы – память о великом русском поэте Н. М. Рубцове, живущая в моём родном городе.

Кирилловская земля оставила заметный след в творчестве поэта. Он неоднократно бывал в здешних местах, получал вдохновение для творчества. Драгоценными свидетельствами о встрече Н. М. Рубцова с кирилловчанами в 1967 году являются автографы, оставленные поэтом на книге «Звезда полей». У каждой надписи есть своя интересная история. За время исследовательской работы состоялось 7 встреч с обладателями автографов Н. М. Рубцова, выполнены ксерокопии надписей, сделаны аудиозаписи воспоминаний А. С. Логинова, В. И. Гостинщиковой, А. Ф. Позднякова. Ведь с годами каждое свидетельство о пребывании великого поэта на кирилловской земле приобретает особую ценность, становясь неповторимой страницей истории культуры родного края.

Ольга Глызина

5. Рожденный в Оденьеве. (Путь от Оденьева к Николе)

Кирилловская земля – моя родина. Для меня важно и интересно всё то, что является славными страницами её истории и культуры. В преддверии 70-летия со дня рождения поэта Н. М. Рубцова я уделила особое внимание теме «Кирилловская земля и Н. М. Рубцов». В ходе изучения литературы я выяснила, что в воспоминаниях его современников, в работах критиков, литературоведов почти отсутствуют сведения о пребывании этого поэта на моей малой родине. В книге Нинель Александровны Старичковой очень кратко сказано о фактах пребывания Рубцова в Ферапонтове. В каталоге «Евгений Соколов. Живопись» говорится о пребывании поэта на Ферапонтовской земле: «Н. Рубцов часто навещал эти места. Он признавался, что эти места ему так же дороги, как и село Никола на Толшме».

Знакомясь с материалами, наработанными к исследовательскому проекту Светланы Тихоничевой, мы узнали, что именно там родился единственный в своём роде портрет Рубцова, выполненный с натуры художником Валентином Малыгиным. Это меня очень заинтересовало, и я решила подробнее изучить историю этого портрета. Основой моей работы стали интервью и архивы Юрия Петрова, Бронислава Шабаева, Владислава Сергеева, и позднее – книги М. А. Полетовой «Пусть душа останется чиста», Н. А. Старичковой «Наедине с Рубцовым», каталог выставки Марины и Андрея Кошелевых «В горнице моей светло» (2004 год), каталог «Евгений Соколов. Живопись» (2002), каталог «Николай Рубцов в творчестве современных художников» (2005), посвященный 70-летию со дня рождения поэта, книга М. В. Сурова «Рубцов. Документы. Фотографии. Свидетельства». Надо отметить, что самостоятельный поиск материалов велся в течение нескольких лет. Долгое время, в течение 2 лет, мы старались узнать, где портрет, какова его судьба, на письмо, отправленное в Вологодскую картинную галерею, ответа не получили. Отрадной стала встреча с Марией Николаевной Кошелевой. Делясь наработанным материалом и проблемами, мы узнали, что у них в Москве есть фотокопия этого портрета. Приехав на следующий день на презентацию фотосюиты «В горнице моей светло», Андрей Васильевич привез фотографию. Это для нас стало большой радостью. Но возможность работы с печатными источниками появилась лишь летом – осенью 2005 года.

Портрет «Николай Рубцов» работы В.А. Малыгина занимает пусты и не первое, но достойное место среди других художественных полотен, посвященных Н.М. Рубцову. Для моей работы наиболее интересны портреты, созданные Владиславом Сергеевым, Владимиром Корбаковым, Евгением Соколовым, так как в их кругу общался Рубцов в июле – августе 1970 года, находясь в Оденьеве. Тем более, что рисунок Вл. Сергеева называется искусствоведами как одна из лучших работ.

Идея написать портрет Рубцова у В. Малыгина появилась в Оденьеве. Рождение этого портрета имеет свою предысторию. Валентин Андреевич был больше графиком, чем живописцем. Из рассказа Бронислава Ивановича Шабаева я узнаю, что до 1950 года они вместе работали в товариществе «Северный художник». Бронислав Иванович признаёт, что Малыгин был талантливым, способным художником. Бронислав Шабаев и Валентин Малыгин очень часто разговаривали по душам. «Малыгин Валентин Андреевич. Живописец, дизайнер. Родился в 1932 году в Вологде. <...> Закончил Ярославское художественное училище (1961–1965). Участник выставок с 1965 года. Снимал посмертную маску с Н.М. Рубцова, автор портрета-барельефа на могиле поэта в Вологде (1973)». Поэт Рубцов и художник Малыгин с 1965–1966 годов находились в дружеских отношениях. Встретившись в конце мая 1970 года в Прилуках, они договариваются о следующей встрече в Оденьеве в июле этого же года, так как их пригласил к себе в гости в оденьевский домик Юрий Петров.

Валентин Малыгин появился в Оденьеве чуть раньше Н. Рубцова. Поэт появился неожиданно, без предупреждения.

Мысль написать портрет поэта Рубцова пришла к Малыгину неожиданно, а Николай Михайлович не заставил себя долго уговаривать и согласился позировать.

Юрий Николаевич рассказывает, что у Валентина Андреевича с собой не было ни красок, ни бумаги, ни тем более холста для работы. И гостеприимный хозяин дал ему кисти, краски, финский картон формата 2A4. Поэт для позирования встал послушно в простенке между окон, а хозяин дома, чтобы не нарушить таинство рождения картины, вышел из дома. В результате 30-минутной работы родился этюд, выполненный в технике гризайли. Художник успел лишь в общих чертах набросать лицо портретируемого.

Это был и остаётся единственный в своём роде портрет, написанный художником с натуры, когда поэт позировал при создании портрета.

Независимо от различных мнений об этом портрете, но факт остается фактом: поэт Рубцов только однажды позировал художнику для создания портрета, и это было в Оденьеве во второй половине июля 1970 года.

Позднее, т. е. осенью этого же года, в своей мастерской Валентин Андреевич положил этюд в основу небольшого портрета, который был написан маслом на холсте размером 97×75 см.

Николай Михайлович изображен стоя на фоне абстрактного холмистого пейзажа, написанном в теплых охристо-желтых тонах. Слева, в верхнем углу на фоне плавающих облаков изображена крошечная церковь алеющим куполом. Стоящая справа одинокая береза напоминает потухшую, оплавившую свечу. Поэт прямо и открыто смотрит на зрителя. Высокий лоб, сдвинутые брови, неопределенно-застившее лицо. Руки сложены на груди. Широкие складки просторного вишнёво-коричневого одеяния, расстегнутый ворот белой рубахи. Портрет далёк от детализации. Художник смог почувствовать в нём человека вселенного масштаба. Работая над образом поэта, онвольно или невольно перешел грань обыденного, создал портрет-символ, портрет-общение. В стилистике этой картины оказывается недавнее знакомство художника с бессмертными стенописями Дионисия: в том, как он пишет одежду – облачение, в том, как он строит лицо – лик.

В декабре 1970 года портрет выставлялся в Вологодской картинной галерее. В трагические январские дни (21 января) портрет Рубцова кисти Малыгина провожает поэта, стоя у изголовья гроба. Дальнейшая судьба полотна просматривается не очень четко, но вполне определенно.

Затем этот портрет и гипсовая маска поэта, выполненная этим же автором, оказываются у Юрия Рыболовова, которого с Н. Рубцовым связывали дружеские отношения. И долгое время маска и картина находились в частной коллекции у Рыболовова в деревне под Ивановым, где он жил в последние годы.

В книге Майи Андреевны Полетовой мы читаем: «Приехали туда на следующий день – глазам открылась печальная картина: в доме побывали воры. Весь пол горницы был устлан книгами, среди которых лежала и маска (к счастью, уцелевшая) с отколотым краешком лба.

С трепетом взяла Н. В. Переслегина в свои руки маску поэта, сохранившую <...> гордое лицо, прекрасные черты, прямой красивый нос и губы с легким намёком на улыбку <...>.

П. П. Частова вынесла и известный портрет Н. М. Рубцова работы Малыгина. Кроме того, Наире Вартановне передали несколько автографов и фотографий, а также гипсовую медаль работы того же Малыгина...».

Да, это несомненно натурные изображения Николая Михайловича, но Рубцов в этих случаях не позировал, поэтому портрет «Николай Рубцов» работы Малыгина остается единственным в своём роде. И родился он в Оденьеве, где, говоря словами самого Николая Рубцова, ему хорошо дышалось.

Таким образом мы проследили путь этого полотна от Оденьева до Николы, т. е. от места рождения портрета, до малой родины поэта (родины его родителей). Родившись на благодатной, священной Кирилловской земле, пройдя непростой путь по российским дорогам, как и сам поэт, он обрел свое место у светлых, чистых истоков высокой поэзии великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова.

Арина Пестерева

Исследовательский проект «Портрет Н. М. Рубцова на фоне аллеи скорби»

Тема пребывания Н. Рубцова на Кирилловской земле исследуется нашим литературным краеведческим клубом в течение 6 лет. Николай Михайлович Рубцов приезжал в Кириллов в 1967-1970 годах, а в июле – августе 1970 года гостил в деревне Оденьево. Во время пребывания в Кириллове он часто общался с художником Борисом Ивановичем Горбуновым, с которым его связывали дружеские отношения.

В поисках необходимых материалов я изучила работу Л. Л. Петровой «Б. И. Горбунов. Жизнь и творчество» в историко-краеведческом альманахе «Кириллов» (книга первая), каталог «Б. И. Горбунов. Живопись» с архивными материалами семьи Горбунова, воспоминаниями его современников и познакомилась с картинами художника, хранящимися в фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

На пейзажном полотне «Отчий дом» мы видим родительский дом Бориса Ивановича, который художник рисовал, рассматривая его из сарайчика. А на картине «Красная смородина» изображен куст с красными спелыми ягодами, увиденный Горбуновым через окно. Стены этого дома, теперь уже изменённого, помнят многих известных людей. В гостях у Б.И. Горбунова бывали В.Астафьев, В.Белов, В.Коротаев, Е.Носов, Ф.Абрамов. В 1969 году художник пишет портрет «Писатель В.Астафьев на Мауре», и в 1975 году – «Думы о родине» с изображением В.И.Белова. Но для меня самое главное то, что в этом доме неоднократно гостили Н.М.Рубцов. Бывая в доме друга, он, возможно, сочинял стихи. Дом, если бы он мог говорить, наверное, рассказал бы, сколько гениальных вещей было создано в его стенах. Этого именитого гостя, тогда еще малоизвестного поэта, помнят и старые вековые тополя, показанные художником на картине «Тополя моего детства». Художник и поэт с большой симпатией относились друг к другу.

«Уже после трагической кончины поэта художник осуществил свой давнишний замысел написать его таким, каким он был в одно из своих последних посещений Кириллова и каким навсегда остался в памяти. «Я решил, – вспоминает художник, – написать Николая Рубцова в окружении храмов, во внутреннем дворе монастыря, откуда уходившие в мир иной люди совершали свой последний путь через «аллею скорби» на кладбище...».

Его привязанность к этому месту была обусловлена не только историко-культурным значением монастыря, но и тем удивительным настроением, которое способна создавать природа этого края.

«Аллея скорби» – эта тема художником прорабатывалась неоднократно. Тщательно продумывая будущий портрет поэта, в 1987 году художник создаёт полотно «Аллея скорби», мы находим скульптурные сведения в каталожном списке живописных работ, но ни в каталоге, ни в фондах Кирилло-Белозерского музея, ни в семейном архиве сестры художника Маргариты Ивановны Шанаевой картина не обнаружена.

В 1988 году было написано и само полотно «Поэт Н.Рубцов». Но не исключено, что портрет Рубцова был начат ещё при жизни поэта, а впоследствии дописывался по фотографиям (как портрет Василия Белова). Дата написания могла означать, что в этот год Горбунов просто закончил работу над полотном.

«...Две картины я подавал на выставку «Земля и люди», но в экспозицию они не вошли, так как не сумел подобрать хороших рам и неудачно затонировал рамы. Но на самом деле выставком

стремился развешать себя и своих знакомых и ещё тех особ, от которых они зависят...».

Конечно, на персональной выставке 1989 года портрет был бы выставлен, ведь он входил в каталог Горбунова, статью к которому написал сам художник под редакцией А. С. Трофимова. Но так сложилась судьба – полотно не было представлено широкому кругу зрителей.

Портрет «Поэт Н. Рубцов» (параметры 90×70 см) написан на холсте масляными красками. Николай Михайлович одет в черное пальто. «Портрет удивительно верно передаёт настроение поэта, находящегося у начала пути в «аллею скорби», эту юдоль покоя и печали. За ним, в ажуре желтой листвы, виднеются храмы, освещенные осенним солнцем».

На лице – печать философских размышлений о вечном, что подчеркивает родство человека и природы в неотвратимости судьбы. Человек и природа чувствуют приближение конца определенного этапа жизни, так как мудро подчиняются воле Всевышнего.

Этот портрет играет немаловажную роль в истории культуры Кирилловской земли. На мой взгляд, она имеет право занять место в каталоге «Николай Рубцов в творчестве современных художников», посвященном 70-летию со дня рождения Н. Рубцова.

Картина имеет историческое значение. Она отражает состояние монастырских храмов, деревьев 1988 года. Но самое главное, что этот портрет – символ памяти Кирилловской земли о великом русском поэте Николае Михайловиче Рубцове.

Ирина Клюшенкова

*Притчина Валентина Алексеевна,
отдел «Музей церковной старины» МБУК «Тотемское музейное
объединение», г. Тотьма, Вологодская область*

ВОСПОМИНАНИЯ ТОТЬМИЧЕЙ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

Быстро летит время. Прошло почти четыре десятилетия со времени смерти поэта Николая Михайловича Рубцова. За эти годы появились музеи, центры, библиотеки, улицы с его именем. Сейчас трудно встретить людей, которые вспомнили бы яркие факты из биографии поэта. Но, как оказалось, среди тотьмичей есть те, кто помнит поэта на каком-то этапе своей жизни: «учился вместе

с Рубцовым в школе», «подвозил Рубцова», «общались в Вологде», «предлагал свой билет на автостанции» и т. п. Воспоминания эти кратки, но беседуя с этими людьми, всё равно стараешься уловить какую-то деталь, которая могла быть дополнительным штрихом к биографии известного поэта. Да и те, с кем я беседовала, постарались передать свои ощущения от общения с будущим известным поэтом.

Два года назад, проводя мероприятие в стационарном доме для пожилых людей в Тотьме, я познакомилась с мужчиной, который рассказал мне о том, что он знал Рубцова. Я записала его воспоминания. Это был Леонид Николаевич Трифанов 1936 г.р. – уроженец деревни Починок Никольского с/с, которая расположена в нескольких километрах от Никольского детского дома. Ровесник Рубцова и, возможно, одноклассник, он поделился воспоминаниями о суровом военном детстве и общении с детдомовскими ребятишками.

В семье Леонида у матери их было четверо. Отец воевал, мать работала в колхозе. Питались колхозницы и их дети чем придётся, «ели крапиву, макушки. Была корова. Отец вернулся в 1947 году. Два года работал на шахте в Донбассе».³ Четыре класса Леонид закончил в родной деревне Починок, а в пятый класс пошел в Николу, в школе учился вместе с детдомовцами. «Молока с собой возмешь и пойдешь. Семь километров туда и семь обратно. Холщовая сумка, мать сшила. На уроке, придёшь, ись охота. Кончил семилетку. У нас было три пятых класса по 30 человек. Дина Михайловна вела русский язык, Аносов Дмитрий Иванович – алгебру, Игорь Иванович Медведев – физкультуру. Мы с ними детдомовцами хлебом менялись. Мы им чёрный, они нам белый. Часто бывало дрались, не знаю из-за чего. Зачинщиками драки всегда были детдомовцы. Они лучше были одеты. Мы завидовали им».⁴

Коля Рубцов был похож на остальных детдомовцев и для деревенского мальчика не казался кем-то особым. Играли вместе в футбол, не делясь на команды – местные и детдомовцы, кто в какую команду попадёт. Да и запомнил-то только Рубцова Леонид Николаевич потому, что ребята кричали его фамилию во время игры: «Рубцов! Рубцов!». Стёрлись почти совсем детские воспоминания. «Их куда распределили – не знаю. Я его (Рубцова) худо помню».⁵ Так завершает своё воспоминание одноклассник Рубцова, уроженец Никольского с/с Леонид Николаевич Трифанов.

³ Воспоминания Леонида Николаевича Трифanova. Личный архив автора статьи.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Гаврильченко Т. С. (Каплина)
в школьные годы

Очень интересны воспоминания жительницы Тотьмы Гаврильченко (Каплиной) Татьяны Степановны (1947 года рождения декабря месяца, уроженки Зеленской Слободы, учителя истории по образованию, сотрудника Тотемского краеведческого музея в 1968–1973 гг.). Встреча с Николаем Рубцовым произошла в Тотьме в 1964 году зимой, возможно, это был февраль, так как Татьяна на автостанции провожала с зимних каникул свою подругу Женихову Валентину, которая училась в Вологодском медицинском училище.

«Я тогда училась в 9 классе. Мы ожидали автобуса, его почему-то долго не было. В автостанции – грязно, неуютно... Вдруг к нам подошли два молодых человека, один из них, подойдя ко мне, представился: «Коля». Я назвала свое имя:

«Таня». Мне почему-то хотелось избежать разговора с незнакомым молодым человеком. Но он был инициатором этого общения».⁶

Поскольку молодые люди были по возрасту старше, такое общение девушек очень смущало. «Николай был худенький, одет в пальто, шапка была сильно натянута на голову, на шее был намотан шарф. Я не помню, какого он был цвета. Молодой человек спросил меня, куда я еду? Не знаю почему, но я соврала ему, что еду после каникул на учебу в мед. училище, но билета мне не досталось, поэтому придётся уезжать завтра».⁷

Вспоминая этот эпизод, Татьяна Степановна переживает до сих пор за то, что солгала тогда, сама не зная почему. Молодой человек, назвавшийся Колей, стал предлагать свой билет, говоря при том, что он уедет и завтра, а девушке нельзя опаздывать на учебу. Разумеется, Татьяна отказалась от билета. Кто был спутником Николая, Татьяна Степановна не запомнила. А вот Николай показался ей образованным человеком, она обратила внимание на его культурную речь. Данный эпизод с билетом характеризует

⁶ Воспоминания Татьяны Степановны Гаврильченко. Личный архив автора статьи.

⁷ Там же.

Николая Рубцова как человека отзывчивого, готового даже к неизвестной девушки прийти на помощь.

«Николай сбежал в магазин за пряниками, принёс их в кульке из серой магазинной бумаги. Я не помню сейчас, если мы пряники или нет, наверно, всё-таки угощались. Николай всё ходил по залу автостанции и потихоньку нашёптывал какие-то четверостишия. В зале автостанции стоял бачок с кипячёной водой, на котором виднелась надпись «Вода кипячёная». Он спросил меня, правильно ли написано это слово? Я ему ответила – нет. Разговор его был очень культурным, он вел себя очень тактично, разговаривая со мной.

Когда подошел автобус, мы стали прощаться. Он подал мне левую руку. Я спросила его – почему? На что он ответил, что левую руку подаёт только тому, с кем в дальнейшем обязательно должен встретиться».⁸

Проводив подругу, Татьяна отправилась домой. Через несколько дней от Валентины из Вологды поступил звонок. Оказывается, пассажиры автобуса пристыдили Татьянину подругу за то, что девушки на автостанции плохо себя вели, избегали разговора с собеседником, поскольку некоторые узнали в нём поэта Николая Рубцова.

Вспоминая ту мимолетную встречу, Татьяна Степановна признаётся, что в то время поэзией не увлекалась и не знала, кто такой Рубцов, и что ничего особенного с подругой они на автостанции не вытворяли. А Рубцов, оказывается, искал Татьяну в медучилище. Об этом ей рассказала подруга, которой пришлось признаться Рубцову, что тотьмичка соврала – она не студентка, а тотемская школьница.

О Рубцове Татьяна услышала год спустя. «Была зима. Мы с Верой Кузьминой шли по улице Советской. Это было недалеко от старой почты. Вдруг нас догнали два молодых человека, в одном из них я узнала того, кто был с Рубцовым в прошлую зиму на автостанции. Он тоже узнал меня и говорит: «Таня, Вам привет от Коли Рубцова». Я не знала, как себя вести, ответила ему, что он обознался. Он ответил – нет, не обознался. Мы с подругой забежали на почту. Молодые люди пошли дальше по Советской улице. Я спросила подругу, кто второй молодой человек – она ответила: Гаврильченко. Это был брат моего будущего мужа».⁹

⁸ Воспоминания Татьяны Степановны Гаврильченко. Личный архив автора статьи.

⁹ Там же.

В своей жизни Татьяна Степановна видела Рубцова ещё один раз, когда работала в краеведческом музее. Приехали в Тотьму вологодские писатели и поэты. Татьяна должна была им проводить экскурсию. Среди присутствующих она узнала Рубцова. Испугалась, что тот узнает её, убежала, спряталась. Директор музея Соломенко Екатерина Павловна никак не могла заставить Татьяну Степановну выйти на экскурсию и проводила её сама. Моя собеседница предполагает, что это был 1970 или 1971 год.

Студент ВГПИ
Гаврильченко Н. Т.

Поделился своими воспоминаниями муж Татьяны Степановны Гаврильченко Николай Трифанович 1944 г.р., уроженец Коротковского лесопункта Тотемского района. Первая их встреча с Рубцовым произошла в общежитии Вологодского Государственного педагогического института на ул. Горького 109, где он учился. Николай Трифанович жил на первом этаже в 16 комнате (это третья комната от места вахтёра). В общежитии проводились вечера. На одном из таких вечеров и произошла встреча с Виктором Коротаевым и Николаем Рубцовым. Гаврильченко подробно не помнит, как это было. Скорее всего, говорит, стояли, курили, ну и разгово-

рились... «Я им сказал, что я из Тотьмы. Коротаев говорит, это твой земляк, Рубцов тоже из Тотьмы. Затем все втроём прошли в мою комнату».¹⁰

Н. Т. Гаврильченко предполагает, что эта первая встреча произошла глубокой осенью 1968 года, потому что в 1969 году они уже, как говорит он сам, «вовсю дружили с Коротаевым. Он даже подписал мне свою книгу».¹¹ Заходили Коротаев и Рубцов к Николаю Трифановичу часто. «Сидели, разговаривали, выпивали. Рядом с общежитием была «кафешка», откуда вино носили чайником».¹² Николай Трифанович помнит, что Рубцов был немногословен, «как будто внутри его что-то было, молчит и всё».¹³ В комнате была

¹⁰ Воспоминания Николая Трифановича Гаврильченко. Личный архив автора статьи.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

гитара одного из студентов. Только однажды Рубцов взял гитару, пробежался по струнам, но не играл. «*Один раз побренчал*»,¹⁴ – рассказывает Николай Трифанович. «Я ведь читал по воспоминаниям других, что Рубцов играл на гармошке. О чём разговаривали – не помню. Рубцов никогда не вспоминал про детский дом, про Николу, про лесотехникум. Всё молчал. По очереди с Коротаевым читали свои стихи. Один стих прочитает, другой стих прочитает».¹⁵

Как вспоминает Николай Трифанович, Рубцов к нему относился нормально, «без подковырок».¹⁶ Конечно, для юного студента подобное отношение было очень необходимо, поскольку он воспитывался в семье переселенца и часто видел косые взгляды окружающих, брошенные в его сторону и членов его семьи. Ощущение, что они не такие как все, не покидало тогда Н. Т. Гаврильченко.

Друзья разговаривали на литературные темы. Николай Трифанович рассказал, что ему тоже хотелось каким-то образом вторгнуться в этот разговор. «*Один раз сказал и понял, с ним нельзя ничего сказать*».¹⁷ Двоюродная сестра Гаврильченко, Шестакова Антонина Феодосьевна, работала учителем литературы в школе. Николай Трифанович в беседе с товарищами рассказал об этом и поделился, что у неё полные стенки литературы. «На это Рубцов с усмешечкой, не очень уважительно ответил: «*Ну и что, литература...*» Больше тему литературы мы не задевали, о литературе у нас речи не было. Да, о Тотьме говорили».¹⁸

Гаврильченко сетует, почему Рубцов не сказал, что в Тотьме он останавливался на Кооперативной улице у Баранова, редактора тотемской районной газеты «Ленинское знамя», ведь Николай Трифанович тоже на ул. Кооперативной в Тотьме жил в двух квартилах от Баранова. О Тотьме Рубцов говорил сдержанно, никогда не раскрывался. Вспомнился Гаврильченко один случай. «*Поэты иногда получали гонорары, приглашали и меня отметить это событие. Помню, в Вологде в обкомовскую столовую зашли. Сели за столик. Взяли бутылку вермута (тогда это не считалось чем-то из ряда вон выходящих) и слышим: «Алкаши, поэты сидят». Это были обкомовские начальники, они не любили Рубцова. Коротаев всегда*

¹⁴ Воспоминания Николая Трифановича Гаврильченко. Личный архив автора статьи.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

держался более уверенно, Рубцов – замкнуто. Рубцов тогда одевался: пальто, шарф, шляпа».¹⁹

Рассказал Николай Трифанович, как был приглашён к Коротаеву «обмыть новую квартиру».²⁰ Но сейчас даже не вспомнит, на какой это улице происходило. Из гостей был Рубцов, другие вологодские поэты. «Мебели в квартире не было никакой. Пили коньяк. Он тогда был не дорогой. Когда понадобилось, пошли поэты в магазин, нарядились в лапти, тогда это модно было. Потом вологжане разошлись по домам, а мы с Рубцовым остались ночевать. Бросив на пол тюфяк, Коротаев сказал: «Вы два тотьмича, 50 лет Советской власти, спите вместе на тюфяке. Почему Коротаев так сказал, ведь было 50-летие в 67 году. А сам где спал? Не помню, может быть у него была раскладушка».

«Когда Рубцов получил квартиру, – продолжил рассказ Николай Трифанович, – мы с Коротаевым ходили к нему. Я не помню, на каком этаже была квартира. И дом не помню. Но до сих пор помню неприятное ощущение от запаха в квартире – это сочетание запаха рыбной грязной консервной банки и табака. В квартире было мрачновато. У окна стояла женщина и курила. Я её не запомнил. Выглядел Рубцов как обычно, не весел и не грустен. Когда узнал о его смерти – горько было».²¹

Когда в Тотьме открывали памятник Рубцову, приезжал на открытие и Виктор Коротаев. «Обнялись при встрече, мы долго с ним не виделись. До открытия сидели с ним на берегу. Когда общались с Рубцовым, ведь не знали, что он великий. Коротаев в отличие от Рубцова был видный, яркий. Он казался более знаменитым. Он «верховенствовал». Но у Коротаева тоже много хороших стихов. Он больше про колхоз писал, мать у него в колхозе работала, он её потом в Вологду перевёз».²² Так закончил свои воспоминания Николай Трифанович Гаврильченко.

Возможно, эти краткие воспоминания тотьмичей станут пусть небольшим, но всё-таки штрихом к известной биографии поэта Николая Михайловича Рубцова.

¹⁹ Воспоминания Николая Трифановича Гаврильченко. Личный архив автора статьи.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

*Пшеницын Дмитрий Александрович,
культурно-исторический центр «Светочъ», г. Вологда*

О ДРЕВНИХ КОРНЯХ ЧЕРНОСОШНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДИНАСТИИ РУБЦОВЫХ XVII – НАЧ. XVIII ВВ.

Всем известно имя русского поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971), о котором написано множество научных работ. Изучением биографии и творческого наследия поэта занимались и занимаются многие исследователи. Не входя в число таких исследователей, тем не менее, мне также пришлось в какой-то степени им стать, правда, в отдельно взятой теме – генеалогической. Меня заинтересовал вопрос происхождения рода Рубцовых.

Впервые изучению родословной поэта уделил внимание Михаил Васильевич Суров в своей двухтомной работе «Рубцов», которую по праву можно назвать Рубцовской энциклопедией²³.

Михаил Суров отметил свои мысли о том, насколько сложно было начать заниматься исследованием родословной поэта: «Мысль заняться исследованием родословной Н. Рубцова у меня появилась еще во время подготовки к печати 1-го тома. Однако дело это довольно трудоемкое. Необходимо множество помощников. К тому же подобное занятие отнимает немало времени, требует проверок и перепроверок. Поэтому публикацию родословной я отложил на второй том».²⁴ Также он отметил, что «робкую попытку заняться рубцовской родословной предпринял трагически ушедший от нас Вячеслав Белков», который собственно и является первооткрывателем малой родины Рубцова. И, тем не менее, всё же в родословной оказалось много несоответствий и даже откровенных «ляпов» (к примеру, прабабушка поэта по отцовской линии – Наталия Ивановна Рубцова была урождённая Верещагина из д. Старое Стрелицкое волости, а не Чекалева из д. Попово, как это отмечено на схеме в исследовании М. Сурова), которые затемвольно и невольно перекочевали в другие книги, посвященные этой тематике.

40 страниц второго тома удалено родословному древу семьи Рубцовых до 30-х гг. XVIII века, составленному на основе материалов архива ГАВО.

²³ См.: Суров М. В. Рубцов. Том 1. Документы, фотографии, свидетельства.– Вологда, 2006.– 744 с.; Суров М. В. Рубцов. Том 2. Факты, воспоминания, посвящения.– Вологда, 2011.– 744 с.

²⁴ Суров М. В. Рубцов. Том 2. Факты, воспоминания, посвящения.– Вологда, 2011. С. 367.

Проведенным автором исследованием это древо дополнено и уточнено, т.е. тем самым закончено начатое М. Суровым дело, и подготовлена почва для дальнейших исследователей и критических замечаний.

Итак, начнём. Будущий русский поэт родился 3 января 1936 года далеко за пределами родового края – в селе Емецк Северной области. Однако своей духовной родиной он всегда считал село Никольское Тотемского района Вологодской области.

Мало кто знает, что корни всего рода Рубцовых идут из д. Самылково Сокольского р-на (ранее д. Самылково Биряковской (Стрелицкой) волости Тотемского уезда Вологодской губернии).

Если вопрос поставить ещё глубже, то, на самом деле, в результате проведенного автором исследования по всему роду Рубцовых выяснилось, что соседняя деревня Кульсево и является изначальной точкой расселения династии, т.к. именно там сформировалось ядро данной фамилии.

Поэтому в своем докладе на основе данных писцовых и переписных книг Стрелицкой волости Тотемского уезда, хранящихся в московском архиве РГАДА, представляю эти сведения, а заодно хочу информировать о настоящем открытии.

В первом источнике, причем опубликованном ещё в 1903 г. священником Малевинским²⁵, представлена **Сотная выпись с Тотемских писцовых книг 1623-1625 гг.**, в которой сказано, что «Лета 7138 (т.е. 1631) января в 6 день. Сотная с Тотемских с писцовых книг писма и меры Фоки Дурова да подъячего Остафья Колюпанова 131-го и 132-го и 133 годов (т.е. 1623-1625 годов).

И далее следующая запись: «*В Тотемском уезде волость Стрелица...*

Деревня Кулсева на речке на Стрелице а в ней крестьян: двор Тимошка Иванов, двор Сенка Фомин, да Григорьев, двор Богдашка Кузьмин. И всего 5 дворов, а людей в них 6 человек. Пашни паханые худые земли 14 чети, да перелогом 4 чети, да лесом поросло 2 чети в поле, а в дву потомуж. Сена по р. Стрелице и на усть-речки Ретчи 50 копен. Лес ввопче з-деревнями. В живущем выть без пол-чети, а в пусте старые пустоты пол-выти без пол-чети²⁶.

²⁵ См.: Малевинский Ф. Е. Стрелицкая Преображенская церковь Тотемского уезда Вологодской губернии.– Вологда, 1903.– 94 с.; Спас на Стрелице: исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода / Под общ. ред. А. В. Камкина, научн. ред. Р. П. Биланчук; сост. С. А. Тихомиров.– Вологда: Книжное наследие, 2003.– 160 с.

²⁶ Некоторые крестьяне деревни Кулсевки и ныне владеют наволоками на р. Ретчи; эти наволоки до сих пор называются сотными (Прим. автора).

Пустошь Самылково на речке на Стрелице. Пашни перелогом лесом поросло худые земли по смете и по старожильцове скаске худые земли 4 чети в поле, а в дву потомуж. Сена по селищу и по речке по Стрелице 15 копен. Лес ввопче, впусте четь выти а дана та пустошь на оброк из наддачи со 132 году Стрелицкие же волости деревни Кульссеевы крестьянину Богдашку Козмину пашня пахать и сено косить покаместа на ту пустошь жилец из-тягла будет, а оброку ему платить старого по 8 алтын по 2 деньги, да новые дачи по 21 алтыну по 4 деньги, да пошлин с новые наддачи по 6 денег с пол-деньгою, обоего старого и новые наддачи и с пошлиным по 31 алтыну с пол-деньгою на год»²⁷.

Упомянутый выше стрелицкий крестьянин **Тимошка Иванов**, по нашей версии, и является родоначальником всего рода Рубцовых. В данной сотной выписи он ещё не имеет устоявшуюся фамилию и записан только по имени – Тимошка с указанием отчества отца – Иванов сын, т.е. сын Ивана. Также можно сделать предположение, что отчество у Ивана было Якимов/Якунов, от канонического имени Яким (Иоаким) – например: Кунник/Куник < Якуник < Якунка/Якуния, из имени Иаков/Яков, т.к. далее имя Яким через поколение повторилось. Следует отметить, что впоследствии дети и внуки Тимошки (Тихона) в переписной книге Тотемского у. 1676–1678 гг. записаны с прозвищной фамилией – дети Кунашины, т.е. дети Якима/Якуна/Куна[ша]. Также сделано открытие, что потомки легендарного крестьянина Богдашка Козмина стали носить фамилию – Быков.

Во втором исследованном автором источнике представлены материалы **Переписной книги города Тотьмы с посадом и уездом переписи дворянина князя Ивана Семеновича Вяземского и подьячего Леонтия Нестерова 1646 г.**

Здесь мы встречаем следующую запись: «Волость Стрелица, а в ней селцо Спаское на реке на Стрелице...

Деревня Кулсиево, а в ней крестьян во дворе Ивашко Богданов з братом з Давытком да Костькою, в. бобыль Омелка Лукин с сыном Давытком, в. нищей Тишкой Иванов з детми с Якимкою да с Мишкою да с пасынком, у него Ларка Савельев, живет в наймех у Федюнки Агафонова, в. нищей Бориско Семенов, двор пуст Савки Федорова»²⁸.

²⁷ Спас на Стрелице: исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода. Вологда, 2003. С. 110, 127–128.

²⁸ РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Книга 15049. Л. 89.

В этой переписной книге (отличие от писцовой в том, что там помимо населения производился учёт земли, а здесь основной упор идет именно на перепись населения) отмечен предок всех Рубцовых – Тимошка (в тексте рукописи Тишк) Иванов уже с детьми – с Якимом (Якимкою) и Михаилом (Мишкою), в отличие от предыдущей сотной, где малолетних часто не записывали, но опять-таки без фамилии. Деревни Самылково не отмечено.

В третьем источнике – *Переписная книга гор. Тотьмы с посадом и уездом переписи писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицина 1676–1678 гг.* уже дано более подробное описание деревень Кульсиево и Самылково, а именно: «*Волость Стрелица, а в ней селцо Спасское на реке на Стрелице...*

Деревня Кульсиево на реке на Стрелице, а в ней крестьян: во дворе Мишка Тихонов да Сенка да Ивашко Якимовы дети Кунашины, у Сенки сын Сенка 6 лет, во дворе Давыдко да Баженко Емельяновы дети, у Давыдка сын Пашка. И всего 2 двора, а людей в них 7 человек.

*Деревня Самылково на реке на Стрелице, а в ней крестьян: во дворе Гришка Якимов сын Рубцов з детми с Ивашком да Левкою, во дворе Онтонко Якимов сын Рубцов з детми с Савкою да с Ивашком, Ивашко 10 лет, у него же живет бобылек Костка Игнатиев з детми с Окинфейком да з Гаврилком да с Оверкою, Оверка 5 лет. И всего 2 двора, а людей в них 10 человек*²⁹.

В описании этой переписной книги замечаем, что происходит разделение ветвей рода Рубцовых, т. е. часть остается в д. Кульсиево с не устоявшейся прозвищной фамилией – Кунашины, а часть уже переместилась в д. Самылково, откуда, собственно, род и стал известен на всю Россию благодаря известному русскому поэту Рубцову Николаю Михайловичу (1936–1971).

И, наконец, в последнем в XVII веке и самом полном и подробном источнике, – это *Писцовая книга Тотемского уезда 1686–1688 гг.*, – примечательна следующая запись:

«Волость Стрелица, а в ней селцо Спасское на реке на Стрелице...

Деревня Кульсиево на реке на Стрелице, а в ней крестьян: во дворе Якушко Митрофанов, что бывал двор Мишки Тихонова да Сенки да Ивашка Якимовых, Сенка умре, а Мишка да Ивашко живут в той же волости в оных деревнях, во дворе Артюшка да Ивашко Борисовы, что бывал двор Сенки Якимова, во дворе Давыдко да Баженко Емельяновы дети Бриденины, у Давыдка сын Пашка, место дворовое

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Книга 15050. Л. 193.

пустое Костки да Давыдка Богдановых, место дворовое пустое Савки Тиханова, место дворовое пустое Бориска Семенова, место дворовое пустое Емелки Бриденина. И всего три двора, а людей в них шесть человек, да три места дворовых. Пашни паханые худые земли пять четей перелогом поросло восемь чети, лесом поросло пять четей с осминою и з займищами на речке Анцыфорке и на Березовке в поле, а в дву потому ж. Сена в полях и по реке Стрелице двенадцать копен, отхожих сен по речке Ретче вверх десять копен. Лес вонче з деревнями, в живущем четь и пол-пол-чети выти, во льготе тоеж деревни за крестьянам Якимом да Давыдком Бридениными четь и пол-пол-чети выти, да на оброке четь и пол-пол-пол-чети выти дано ему на шесть лет со 190 году по 196 год мая по 3 число, оброку он платит со льготного по пятнадцать алтын да с оброчного по пятнадцать алтын на год, а как льготные годы отойдут. И ему с тою льготою подати платит всякие государственные подати с миром в ряд. Перелогом и лесом поросло четь и пол-пол-пол-чети выти да под тяж деревней на реке на Стрелице запруд, а у запруды на берегу онбар, в онбаре одни жернова да толчая, а владеет той мельницей и толчею Костка Игнатиев, оброку ему платить в приказную избу по десяти денег на год.

Деревня, что была пустошь Самылково на реке на Стрелице, а в ней крестьян: во дворе Ивашко Григорьев сын Рубцов с сыном Андрюшкою, во дворе нищая вдовка Парасковыща Иванова дочь, Антонова жена Рубцова с сыном Ивашком, а что жил с ней же в избенке Костка Игнатиев з детми, а он Костка сшел безвестно. И всего один двор да избенка, а людей в нем два человека крестьян, один человек нищей. Пашни паханые худые земли четыре чети да перелогом три чети, лесом поросло две чети в поле, а в дву потому ж. Сена в полях и по реке Стрелице двадцать копен отхожих сен по реке ж Стрелице от Букина наволока вверх пять копен. Лес вонче з деревнями, в живущем четь выти перелогом и лесом поросло четь и пол-пол-чети выти, сена за вытми осталось семнадцать копен и за остальное сено положено оброку десять денег»³⁰.

В этом последнем в XVII веке, уже писцовом описании (т. к. в нём отмечены также луга, леса и пашни, как это было в сотной 1623–1625 гг.) находим практически всех крестьян с указанием фамилий Рубцовых, а также не устоявшихся фамильных прозвищ – Бриденины, причём последняя ещё упоминается в 1-й ревизии, но далее такой фамилии не встречается во всей округе.

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Книга 15048. Л. 158–159.

И в заключительном документе – ревизской сказке Тотемского уезда 1719–1722 гг. в Стрелицкой волости отмечено: «Деревня, что была пустошь Самылкова. В 1719 году – 3 двора.

По сказке 1719 года: Иван Иванов сын Рубцов – 40 лет, у него сын Григорей – 6 лет, у него же брат Петр – 35 лет;

Брат его Андрей Иванов сын Рубцов – 43 лет, у него дети: Иван – 20 лет, Петр – 16 лет;

Афонасий Леонтиев сын Рубцов – 38 лет;

Нищай вдовы сын Федор Иванов – 25 лет.

Итого: 8 душ.

По генеральному свидетельству 1722 года сентября 26 дня прописных³¹:

Степан Леонтиев сын Рубцов – 50 лет, у него дети: Степан – 10 лет, Федор 8 лет, Андрей – 4 лет.

Итого всего: 12 душ»³².

Итак, можно подытожить, что фамилии у большинства черносошных крестьян Стрелицкой волости повсеместно стали употребляться, начиная с 1670–80-х гг. Ранее, с начала XVII в., они встречались, но не имели такого широкого распространения и упоминались только в деловых документах (купчие, грамоты и т. д.).

Таким образом, на основе материалов писцовых и переписных книг прослежена история заселения, расселения и умножения рода фамилии Рубцовых, а также доказано, что род является исключительно стрелицким и одним из старинных Вологодских крестьянских родов.

*Шиловская Екатерина Петровна,
МБУК «Историко-мемориальный музей А. Яшина»,
г. Никольск, Вологодская область*

ПИСЬМА НИКОЛАЯ РУБЦОВА К АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Александр Яшин и Николай Рубцов – два поэта, два ярких представителя Вологодской литературной школы с непохожими судьбами. Их творчество было разным по тематике, стилю и жанру, но есть то, что их объединяет – любовь и боль за родную землю.

³¹ То есть пропущенных по ревизии душ мужского пола – Авт.

³² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. Л. 82.

Александр Яшин был старшим наставником для многих вологодских писателей. И они по праву называли его «главой и старостой Вологодского литературного цеха». Исключением не был и Николай Рубцов, который считал Александра Яшина своим учителем и наставником.

Сохранились письма Николая Рубцова к Александру Яшину. Письма – это всегда откровение, движение души, это история отношений. Письма писателей – это ещё и послание нам, читателям, и это всегда разговор с поэтом, это сопреживание за его судьбу. Комментарием к письмам могут служить слова И. С. Аксакова, сказанные им о письмах Ф. И. Тютчева: «...Во всех есть или оригинальная мысль, или оригинальный оборот речи, или изящный образ».

Письма Николая Рубцова к Александру Яшину были написаны в разное время и по разному поводу. И почти в каждом из них поэт обращается с просьбой. Рубцов из-за чувства необогретости и неустроенности искал поддержку и понимание среди друзей, поэтов. У Александра Яшина была большая и гостеприимная семья, они всегда радушно принимали молодого поэта.

Во многих письмах Рубцов обращается ко всей яшинской семье.

Первое письмо от 13 декабря 1963 года:

«Дорогой Александр Яковлевич!

Студенты всех курсов писали ректору, Ивану Николаевичу, обо мне. Просили восстановить.

Когда В. Белов ругал меня на чём свет стоит, я хорошо понимал его. Более всего стыдно мне, Александр Яковлевич, перед Вами. Ивините за беспокойство. Как я благодарен Вам за всё, Вы сами понимаете.

Всего вам наилучшего.

Н. Рубцов.
(13 декабря 1963 г.)

Второе письмо было написано уже в августе 1964 года.

«Здравствуйте, Александр Яковлевич!

Пишу Вам из села Никольского. Это в старинном Тотемском районе Вологодской области. Вы, наверное, бывали и здесь, в этих красивых и грустных местах?

Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса. В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето.

Читал в «Вологодском комсомольце» Ваши стихи. Очень, очень обрадовался Вашей фамилии в газете и Вашим стихам.

Вообще-то, «Вологодский комсомолец» – газета унылая. Печатает удивительно неуклюжие, пустяковые «современные» местные стихи. Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и все твердят, твердят! А где лиризм, естественность, звучность?

Иначе, где поэзия?

О Вашей «Вологодской свадьбе», об этом прекрасном литературном явлении, слава богу, и здесь стали говорить лучше, трезвее. Ведь правда, как пьяные, наговорили тогда, помянуть Гоголя, чёрт знает что! Беда, конечно, в том, что очень немногие могут иметь в этом деле действительно своё, действительно толковое мнение».

И далее Рубцов пишет о своём пребывании в Николе.

«Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! Ягод в лесу нынче полно...

Междуд прочим, вчера с великим наслаждением и тоской слушал романсы Надежды Андреевны Обуховой. Как было всё прекрасно: и музыка, и слова, и голос!

А всё-таки, если б не Вы, сидеть бы мне сейчас за железной решёткой, распевать бы да слагать тюремные песенки, да клевать бы, как птица, клюкву на болоте во время перекуров.

Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном, о природе, есть и плохие, и есть вроде ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас...»

Ещё одно письмо написано в ноябре 1964 года:

«Пишу я опять из селенья Никольского, где пропадал целое лето. Люблю первый лёд на озёрах и речках, люблю, когда в воздухе носится первая зимняя свежесть. Хорошо и жутко ступать по первому льду – он настолько прозрачен, что кажется, будто ступаешь прямо по воде, бездонно-тёмной.

Позвольте, Александр Яковлевич, от всей души поздравить Вас с праздником и пожелать Вам всех радостей в жизни, а главное – здоровья, здоровья. Позвольте всей Вашей семье – Злате Константиновне, а также Злате Александровне, Наташе, Мише и Саше – пожелать всего самого, самого хорошего.

Только я вот в чём убеждён, Александр Яковлевич, поэзия не от нас зависит, вернее, не поэзия от нас зависит, а мы зависим от неё. Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание...

Сомневаюсь также всегда в том, смогу ли я создать что-либо настоящее. Но найдёт ли меня, осенит ли меня что-либо общечин-тересное?

А вам большое, большое спасибо за письмо – и за внимание, и за доброе верное слово. Ещё раз желаю Вам здоровья и всего наилучше-го. С искренней любовью. Н. Рубцов».

Последнее письмо было написано 19 ноября 1965 года.

«Дорогой Александр Яковлевич!

Я часто воспоминаю Вас и тот вечер, когда мы с Феликсом были у Вас. Тогда за столом, между прочим, мне особенно понравились грибы.

Я давно уже в деревне (по-прежнему снимаю здесь «угол»).

Александр Яковлевич! Я не знаю, как Вы сейчас чувствуете себя, всё ли в порядке с Вашим здоровьем. Но, искренне надеясь, что Ваш недуг прошёл, и Вы, как прежде, стали сильным и могучим, я решил обратиться к Вам с одной просьбой по вопросу, вернее, по делу, важ-ному для меня. Обращаюсь именно к Вам потому, что именно Вас, я уверен, только и послушают.

И далее Рубцов пишет об истории с изданием его книжки в Северо-Западном книжном издательстве, где ему заплатили мень-ше обещанной суммы. Естественно, что для человека, который нуждался, эти деньги были очень важны, он просто не имел иных средств к существованию.

Далее Рубцов продолжает письмо рассуждениями о поэзии, о рифме, и снова его взгляды на природу стиха не похожи на обще-принятые.

«Между прочим, у меня в книжке есть и белые стихи. По какому же принципу они оценили их? Если они взяли тут во внимание рит-мические строки, то почему же они не сделали этого по отношению к другим «разбитым» стихам?

Ведь разбивка – это есть создание ритмических (интонацион-ных) строк. Да есть там и такие стихи, в которых невероятно трудно подсчитать все рифмы. Ведь дело-то, всё-таки, не в рифмах, а в строках! Рифма – это лишь художественное средство, которое

я могу использовать, могу и не использовать. Да что тут говорить! Они поступили очень непорядочно. Хотя бы тогда предупредили меня заранее, что у них такое (особое) правило оплаты стихов.

Если же Вы, Александр Яковлевич, не совсем здоровы, то тогда извините в этом и забудьте об этой просьбе. Я Вас очень прошу: в этом случае извините и забудьте! Жаль, что эти идиоты вынудили меня побеспокоить Вас и испортить своё письмо. Передайте мой сердечный привет дорогой Злате Константиновне, Вашим чудесным девушкам и ребятам. Будьте здоровы! Да хранит Вас Бог!

Николай Рубцов.

Далее идут написанные от руки два стихотворения: «Осенние этюды» с посвящением А. Яшину.

«Р. С. Книжка моя называется «Лирика». Может быть, Вы сумеете и не так долго собираться с ответом. Буду Вам искренне благодарен и обязан.»

Это письмо было последним.

Потом были визиты Рубцова в дом Яшина. В воспоминаниях Наталья Александровна Яшина пишет: «Николай Рубцов, может быть, меньше других бывал у нас – стеснялся, наверно. Он жил у нас в 1966 году в очень горькое для нашей семьи время. Рубцов пришёл в наш дом с состраданием, со словами утешения. Чтобы и его как-то согреть, мама отдала тогда особенно дорогое для неё пальто погибшего сына. Рубцов нуждался в тепле не только душевном, но и физическом – одет был очень легко для января. Николай подарил моей матери огромную фаянсовую белую кружку с толстыми стенками, массивной ручкой, с синей каймой поверху, якорем с одной стороны и надписью «Морфлот» – с другой. У него не было ни дома, никакого имущества, но кружка эта – по его словам – одна из немногих вещей, с которой он никогда не расставался со временем службы во флоте. Там она и была подарена ему каким-то очень дорогим ему, важным для него человеком. Кружка эта была частью его походного дома. Перед смертью в больнице отец просил принести «Колину кружку», чтобы из неё пить.

К сожалению, ответных писем Яшина к Рубцову не сохранилось. Есть только достаточно скучные дневниковые записи: «У нас третий день живёт Николай Рубцов, поэт из Тотьмы».

Пять писем к Александру Яшину написаны Рубцовым в разное время по разному поводу, но все они как единое целое. В них вид-

ны взаимоотношения двух людей, двух поэтов. Один из них уже умудрённый опытом человек, с богатой жизненной и творческой биографией, другой – начинающий автор. Рубцов строит отношения с Яшиным, ему хочется иметь друга, он просит у Яшина помощи, нуждается в поддержке старшего товарища. В письмах поэт не только делится самыми сокровенными событиями, которые с ним происходят, но и высказывает поэтические убеждения, и взгляды на современную литературу.

Наталья Александровна Яшина пишет в своих воспоминаниях: «*Написаны они все в основном на тетрадных листочках фиолетовыми чернилами простой ручкой, стальным пером, мелким аккуратным почерком. Думаю, что писались они без черновиков. Видимо, так же, как и стихи, он вынашивал в голове и письма, и уже продуманные мысли, фразы начисто записывал на бумагу. Это не только стиль работы, в какой-то степени к такому стилю привели условия жизни: отсутствие отдельной комнаты, уединённости, стола, а также и то, что не было у него лишней бумаги.*

Когда читаешь письма Рубцова к Яшину, невольно испытываешь чувство жалости к поэту, к его горькой судьбе: творческая невостребованность (когда великому поэту приходится клянчить деньги, небольшие гонорары за свои книги), непонимание и неприятие среди близких, односельчан.

Сиротство Рубцова, отсутствие надёжной опоры в жизни, семья – этими обстоятельствами и объясняется его бунтарское поведение, и срывы, и обидчивость. Хотя по письмам видно, что Рубцов был человеком ранимым и даже застенчивым: с какой деликатностью он пишет о своих просьбах Яшину! Все его письма – это проза жизни.

Отношения между Рубцовым и Яшиным не ограничились одними письмами. Были совместная поездка по Волго-Балту, вечера в Доме литераторов. И уже после смерти Александра Яшина Николай Рубцов побывал на его родине. В музее сохранилась книга отзывов с записью Николая Рубцова.

Поэт продолжил своё общение с семьёй Яшиных, есть книги-посвящения Злате Константиновне, детям А. Яшина, подарки музею.

Память и о самом Николае Рубцове бережно хранит вся яшинская семья. Младший сын Александра Яшина, Михаил Александрович, музыкант по профессии, написал стихотворение, посвящённое Н. Рубцову. Оно простое, непрятязательное, но вместе с тем и очень душевное, и от сердца.

*Прощаюсь.
Погиб мой любимый поэт.
Простой и прекрасный,
Как утренний свет.
Он где-то недавно,
Он где-то...
А песня его недопета.*

*С тоской
И с любовью
Один на один,
Он сам себе – раб,
Сам себе – господин.
Дождусь ли,
Добьюсь ли ответа:
– За что вы убили поэта?*

*Его убили за надежду,
За веру, за любовь, за боль,
За то, что он стоял не между
Всех остальных,
А сам собой.*

*Убили.
Всё как по заказу.
Убили –
Можно восхвалять,
И можно не бояться сглазу,
И можно памятник ваять.*

*А на стихи насыпать пыли –
Пускай покуда полежат...*

*– Да... говорят, тебя убили?
– А!.. Пусть болтают, что хотят.*

*Мы целый век куда-то плыли
Сквозь бесконечность лиц чужих.
– Да, говорят, меня убили.
Но ты-то веришь, что я жив?*

Раздел второй

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Акимова Мария Сергеевна,

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской Академии наук, г. Москва*

«СВОЁ» И «ИНОЕ» В «АЛТАЙСКОМ ЦИКЛЕ» Н. М. РУБЦОВА

В 2016 г. исполнилось 50 лет со времени пребывания Н. М. Рубцова на «тайном и мистическом» Алтае. Рубцов был там с мая по сентябрь 1966 г. Посетил Горный Алтай, Первомайский район, жил в Барнауле. Здесь был написан ряд стихотворений, в том числе и знаковых. К алтайским стихотворениям Рубцова обычно относят «В сибирской деревне», «Сибирь, как будто не Сибирь!», «Весна на берегу Бии», «В горной долине», «Шумит Катунь», «Старая дорога». В. Чичинов расширяет этот круг алтайских стихотворений: «“Девочка на кладбище играет, где кусты бормочут, как в бреду”, “Зачем же мы ходили лесом? Зачем будили соловья?...”, “Стихи из дома гонят нас...” ... «Думаю, что “Видения на холме” написаны на Алтае. А стихотворения “Шумит Катунь” и “Весна на берегу Бии” точно написаны в Алтайском крае»³³. «По свидетельству Геннадия Володина, стихотворение “Посвящение другу” было написано Рубцовым в Красногорском»³⁴, как и начато стихотворение «Прекрасно небо голубое!»³⁵. «Возможно, и другие произведения (скорее всего так оно и было), не затрагивающие прямо алтайскую тему»³⁶.

Неизвестно точно, насколько Рубцов был доволен путешествием на Алтай в творческом плане. С. Вторушин вспоминает

³³ Чичинов В. «В горнице моей светло» // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 42.

³⁴ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 52.

³⁵ Володин Г. Лето с Рубцовым. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 38.

³⁶ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 55.

об их беседе: «Мы сели на скамейку в сквере на центральной улице Барнаула. Я спросил Рубцова, понравилось ли ему на Алтае, удалось ли поработать в эти летние месяцы? – Кое-что написал, – как-то вяло, без особого энтузиазма ответил Рубцов. И я понял, что он или не очень доволен тем, что ему удалось сделать за это время, или у него просто нет настроения»³⁷. А Валерий Чичинов, напротив, вспоминал, что «несколько раз спрашивал его: “Пишется?”. Он отвечал: “Пишется”»³⁸. Видимо, всё же «благотворным было для Николая Рубцова то далёкое лето. На Алтае ему хорошо писалось»³⁹.

Рубцов любил странствия: «Я родился с сердцем Магеллана». Дорога была созвучна ему: «Как будто ветер гнал меня по ней, / По всей земле – по сёлам и столицам! / Я сильный был, но ветер был сильней, / И я нигде не мог остановиться...» («Привет, Россия»). Тем не менее, поездка на Алтай была одной из немногочисленных его дальних поездок. «Из многих уголков нашей великой России в биографию выдающегося русского поэта Николая Михайловича Рубцова, после родной для него Вологодчины, попал только Алтай: всё лето 1966 года он провёл в Алтайском крае»⁴⁰, «основательно познакомился с горным, и со степным Алтаем»⁴¹.

На поездку Рубцов возлагал большие надежды: он жаждал не только смены обстановки⁴², рассеяния («Я понимал, ты на Алтае втуне / пытался побороть свою тоску. / Она в твоих глазах неистребимо / жила, своих желаний не тая, / вот потому тебя недолимо / тянуло в неизвестные края»⁴³), встречи с друзьями, но и встречи с Сибирью. В письме Л. А. Мелкову от 22 июля 1966 г. он пишет «из Алтайского края, из одного из его захолустных уголков – села Красногорского, о котором редко кто слыхивал»: «Приехал ради только того, чтобы посмотреть на Сибирь-матушку»⁴⁴. А месяцем

³⁷ Вторушин С. В его стихах звучала музыка: алтайское лето Николая Рубцова. // Наш современник.– №1.– 2014. С. 244.

³⁸ Чичинов В. «В горнице моей светло» // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 41.

³⁹ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 55.

⁴⁰ Тихонов В. «За всю любовь расплатимся любовью» // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 3.

⁴¹ Пантиков И. Прежде всего он был поэтом. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 58.

⁴² Нечунаев В. Добро и любовь. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 61–62.

⁴³ Черкасов Н. Николаю Рубцову. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 100.

⁴⁴ Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 685.

Дом в деревне Кислуха, которая стала прототипом «сибирской деревни» из одноименного стихотворения Николая Рубцова

ранее, в письме А. Романову от 28 июня 1966 г.: «Пишу тебе из Сибири. Ермак, Кучум... Помнишь? Тайга, Павлик Морозов. ...я сюда приехал, кажется, на все лето, т. к. еще не бывал в этой местности и решил использовать возможность, чтобы посмотреть её. Изучить её»⁴⁵. По воспоминаниям, «он очень хотел увидеть степь!»⁴⁶.

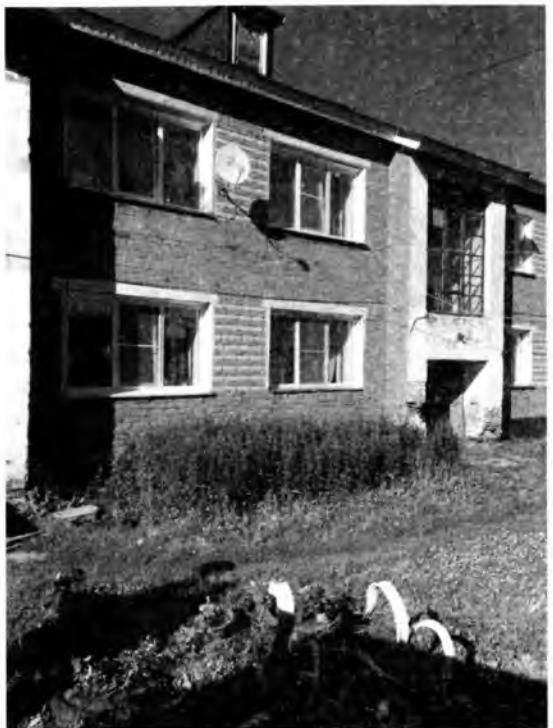
Борис Укачин вспоминает, что поначалу Рубцов ничего не знал об Алтае: когда их представили друг другу, Рубцов сказал: «Из Алтая?! А где этот Алтай?»⁴⁷. Но постепенно идея отправиться туда овладевает поэтом. Вспоминают один из экспромтов Рубцова: «Наше дело верное, / Наши карты – козыри, / Наша смерть, наверное, / На Телецком озере»⁴⁸.

⁴⁵ Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 682.

⁴⁶ Володин Г. «Привет, Россия – родина моя!» // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 68.

⁴⁷ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 8.

⁴⁸ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 44.

Дом, в котором жил Николай Рубцов
в Красногорском, будучи у Геннадия Володина

Не всё в селе Красногорском, где он остановился, ему понравилось. Об этом он довольно подробно пишет 2 июля 1966 г. Феликсу Кузнецкову, повторяя вновь, как и в письме к А. Романову, свои ожидания: «Я уже давно пропадаю в одном из глухих и неказистых уголков Алтайского края – в селе Красногорском. Здесь мне совершенно не понравилось. Живу в двухэтажном, городского типа, каменном домике, вокруг которого или только сплошная непроходимая грязь (в дождь), или непротаянная пыль (в жару). Деревьев почти нет.

Выйдешь за село –

унылая, однообразная, поросшая мелкой травой долина, дальше – горы, такие же однообразные, безлесые, бледно-зеленые. Окрестных деревень не видно, т. к. они за горами. Реки мутные – они текут по глинистой почве. Самобытности в сельских нравах нет никакой. Нет и особого говора. Все это меня сильно огорчает: в таких условиях ничто не останавливает мой взгляд, ничто не заденет ни мысли, ни чувства... человек, к которому меня сюда, в Алтайский край, проводили ребята, переехал с прежнего места жительства сюда. Там, где он прежде находился, действительно местность очень живописная и напоминает лучшие уголки Швейцарии. (О, Швейцария! Невиданная прекрасная страна!) ...Он частенько путешествует по горам, по окрестным селам, и я имею возможность насладиться иногда другими (и правда замечательными) видами природы, видами человеческой жизни. Но этого все

же мало. В общем, к сожалению, не понравилось. Я-то, видишь ли, думал: Ермак, Кучум... тайга, Павлик Морозов... Швейцария вторая... и т. п. ... все здешние реки меня возмущают – настолько они мутные, настолько грязные голые берега...»⁴⁹. Примерно о том же его письмо друзьям В. Нечунаеву и Б. Шишаеву: «Правда, твоё представление о Швейцарии, мне кажется, не совсем верное – иначе ты не стал бы эту грязно-пыльно-снежную, похожую на пустыню местность (я давненько не видел такой неживописной местности) сравнивать с ней, со Швейцарией. Гена говорит, что зато очень красиво за ближайшей горой. Ну что ж, посмотрим»⁵⁰.

Действительно, по воспоминаниям, «само село не очень привлекательное, но окрестности его удивительно красивые, недалеко от райцентра протекает река Бия, берущая начало из Телецкого озера. Ее берега обрамляет тёмно-хвойная тайга, а вода в реке настолько прозрачная, что даже на двухметровой глубине видны лежащие на дне камни. Короче говоря, настоящая сибирская глубинка. Там и провел почти всё лето Николай Рубцов. В Барнаул он вернулся в начале августа»⁵¹. Рубцов увидел и красивую сторону Алтая: «Ходил по горам. ...был в восторге от озера Ая. Он так долго не хотел уходить с берега, что мы опоздали на последний автобус. ...Ещё мы ездили с Рубцовым в село Элекмонар, природа которого очень восхитила Николая»⁵². Судя по всему, был и в Чемале. «Элекмонар и Чемал. Эти сёла стоят на берегу красавицы Катуни, это вообще один из самых красивых ландшафтов в Горном Алтае. Туда надо ехать все время по правому берегу Катуни»⁵³.

Но и браня пейзаж, и восхищаясь им, Рубцов – нельзя не заметить этого – хранит в душе образ родной Вологодчины. Характерная черта «алтайского цикла» Рубцова – **сопоставление «своего» и «иного»**. Это и черта поведения Рубцова на Алтае. Художнику Н. Иванову в ответ на его просьбу что-нибудь почитать Рубцов задушевно читает «Тихая моя Родина», «Я буду

⁴⁹ Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 683–684.

⁵⁰ Письмо В. Нечунаеву и Б. Шишаеву, июнь–июль 1966 г. (из дома Г. Володина, где писал и стихи). // Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 683.

⁵¹ Вторушин С. В его стихах звучала музыка: алтайское лето Николая Рубцова. // Наш современник.– № 1.– 2014.

⁵² Чичинов В. «В горнице моей светло». // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 41.

⁵³ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 24.

скакать по холмам задремавшей отчизны...». А Геннадию Володину (и алтайской природе) – «За Вологду, землю родную, / Я снова стакан подниму!», «В горнице», «Рукой раздвинув тёмные кусты...», «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни»⁵⁴. Ещё одно воспоминание, примыкающее к теме «свой-иной»: «Алтайцы, издревле общаясь с природой, познав целебность и съедобность тех или других корней и трав родной земли, почему-то долгое время не употребляли грибы, хотя их в наших горах и лесах поныне, как говорится, непочатый край. Более того, “мочай жеребца” оскорбительно прозвали их»⁵⁵. А когда Рубцов – страстный грибник – приехал – «много бродили по окрестностям, ходили в лес за грибами»⁵⁶. В следующем, 1967 году, он напишет: «Ах, сколько рыжиков! / Ну как во сне ... / Я счастлив, родина, – / Грибов не счастья» («В лесу»).

Именно в иной культуре острее ощущаешь всё своеобразие своей культуры, принадлежность к ней. Алтаец Борис Укачин вспоминает: «Слушать стихи в исполнении самого автора – это всегда взаимоучёба. Например, до известного теперь стихотворения Рубцова “В горнице” я не знал, что такое горница. В алтайских жилищах таких горниц – особых комнат – не бывает. И тогда, впервые прослушав рубцовскую “Старую дорогу”, я тут же, не стесняясь, попросил его пояснить значение таких слов, как “пилигримы”, “овин”, “чертоги”. – Вот я, – сказал он, – современный пилигрим, путешественник. Старые дороги меня, странника, как видишь, привели к тебе, в твой таинственный и мифический Алтай»⁵⁷. Обращает на себя слово «твой»; к слову, такое же разграничение было и со стороны алтайских знакомых Рубцова: «Что за дивная силища в этой волне! – / Ты сказал о Катуни *моей* голубой», – пишет в стихотворении «Письмо Николаю Рубцову» поэт Борис Укачин. Это обострённое чувство «своего» посетило на Алтае и Рубцова. Может быть, отсюда строки 1966 года: «По родному захолустью / В тощих северных лесах / Не бродил я прежде с грустью, / Со слезами на глазах» («Наслаждаясь ветром резким...»).

⁵⁴ Володин Г. Лето с Рубцовым. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 36–37.

⁵⁵ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 12.

⁵⁶ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 53.

⁵⁷ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 24.

Григорий Чорос-Гуркин. Алтайцы

При этом Рубцов проявлял безусловный интерес к Алтаю и Сибири вообще, иной культуре. Незнакомый способ ужения рыбы, использования колеса как мостков для стирки интересуют, удивляют его (см. воспоминания Б. Шишаева «Алтайское лето Николая Рубцова»). Борис Укачин в заметке «Гори, сияй, звезда полей!» пишет о том, что Рубцов хотел перевести его стихи на русский. Также, когда Рубцов узнал, что в тех местах, где он находится, в 1920–30-е гг. жил и работал прославленный алтайский художник-пейзажист Чорос-Гуркин, ученик Ивана Ивановича Шишкина, «ему захотелось не только в нашем краеведческом музее увидеть работы Чороса-Гуркина, но и посетить те места, где он жил»⁵⁸. Результатом этой поездки стало стихотворение «В горной долине». Может быть, примешалось к этому желанию познать специфику Алтая и желание прикоснуться также – через Гуркина – и к Шишкину.

В стихотворении «В горной долине» отчётливо проявлено противопоставление природы Алтая (которая, в целом, ему по-

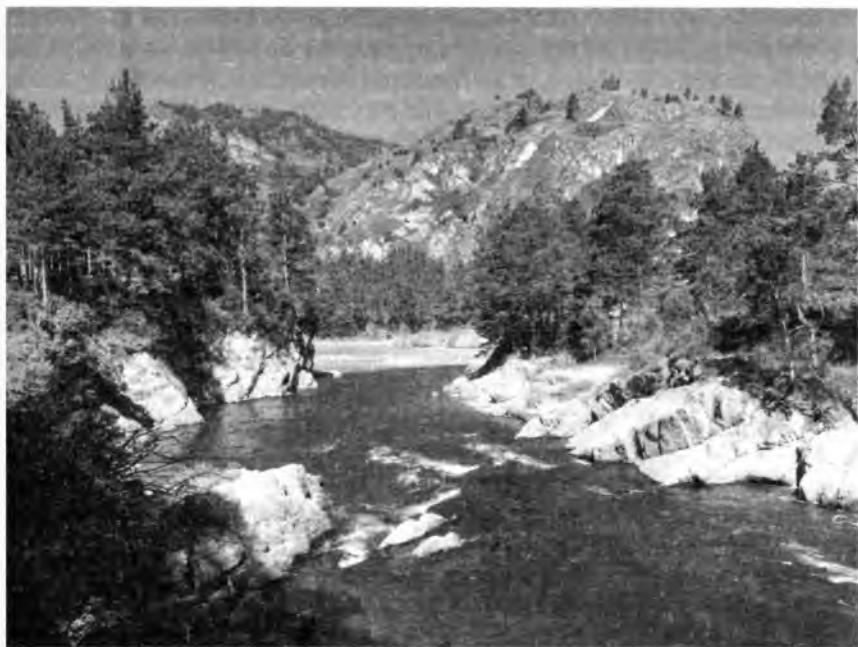
⁵⁸ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 24.

Вид на Катунь и предгорья Алтая. Берёзы всё-таки есть, хоть и мало

нравилась, «цветы здешние ... понравились»⁵⁹) и природы родной Вологодчины: «Я видел суровые страны, / Я видел крушенье и смерть, / Слагал я стихи и романы,— / Не знал я, где эти тюльпаны, / Давно бы решил посмотреть! / И только когда вспоминаю / Тот край, где родился и рос, / Желаю я этому краю, / Чтоб было побольше берёз...». Может быть, всплывает в этом стихотворении и беседа с Николаем Черкасовым в Барнауле, о которой тот пишет в своём стихотворении «Николаю Рубцову», вспоминая и постоянное сопоставление Рубцовым «своего» и «чужого» края: «Я это помню, незабвенный тёзка, / как мы с тобой по Барнаулу шли / и что-то говорили о берёзках, / о белоствольных баловнях земли. / Ты с берегов неистовой Катуни / дорогу правил в столицу Москву. / ...Ты восхищался нашим пышным хлебом, / деля со мной краюшку пополам, / и примерял полуденное небо / к церковным

⁵⁹ Письмо В. Нечунаеву и Б. Шишаеву, июнь-июль 1966 г. (из дома Г. Володина, где писал и стихи). // Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 683.

Река Чемал впадает в Катунь. В этих местах гулял Николай Рубцов...

вологодским куполам»⁶⁰. «Действительно, мало берёз встречается в прикатунской долине, куда ездил Коля. Там высокие горы и крутые скалы. А по берегам Катуни непрестижными стенами растут высокие и могучие тёмно-голубые сосны. Видимо, Коле тут не хватало света и нежности русской берёзы, а потому он пожелал, “чтоб было побольше берёз” в наших суровых горах, хотя и они белеют в гуще других деревьев – сосен, кедра и богатырских лиственниц»⁶¹. В следующем, 1967 году, он напишет «В осеннем лесу»: «Доволен я буквально всем! ... между берёзой и сосновой».

Особенно показательны в отношении противопоставления «своё-иное» воспоминания Геннадия Володина. Одна из подглавок его воспоминаний так и называется – «Он любил свою Вологодчину». Вологодские топонимы, вологодская природа (рыба,

⁶⁰ Цит. по: Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 100.

⁶¹ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 24.

морошка) – обо всём этом он говорил с трепетом, ставя выше всего «чужого». «По Рубцову выходило, что на Вологодчине всё лучше, чем у нас: и рыба, и река, и местность ...где бы ни находился этот человек, он всё будет сравнивать со своей Вологодчиной и находить в непохожести какие-то изъяны. И пусть нет у него там своего угла, родных и близких людей – есть земля, которую он любит и к которой навеки привязан. Ведь это о ней он писал в одном из лучших и пронзительных стихотворений: „...Деревья, избы, лошадь на мосту, / Цветущий луг – везде о них тоскую. / И, разлюбив вот эту красоту, / Я не создам, наверное, другую”»⁶². Рубцов радовался («это по-нашему»), когда находил знакомое, привычное, вологодское в природе, быте. И огорчался, что «вездे одинаковы ... убогость и неприбранныность»⁶³. Володин вспоминает, что всего только одно родное название – Никольское – заставило его поехать и посмотреть это алтайское село: «Родным пахнуло от одного названия. Ведь я вырос в Николе»⁶⁴.

Воспоминания Г. Володина подтверждаются мемуарами Б. Шишаева: «Когда шли по Оби на теплоходе, Николай внимательно присматривался к проплывающей мимо местности, стараясь найти хоть отдалённое сходство со своей Вологодчиной. ...Чутко прислушивался к говору нечунаевских земляков и однажды сказал, что сибирская речь всё-таки беднее вологодской. “У нас, – доказывал, – что ни фраза – то байка, бухтина, подковырнут, посмеются обязательно, а тут как-то сурово идержанно всё...” ...Природа здесь, по мнению Рубцова, тоже проигрывала по сравнению с вологодской. “Наша как-то мягче и пышней”, – говорил Николай, и тёплые нотки звучали в его голосе. ...Занимались и рыбной ловлей. ...Николай шёл рядом, выбирал из сетки добычу и удивлялся простому способу лова, который был ему раньше незнаком, радовался обилию рыбы. Без конца попадались лещи, щуки, чебаки и окунь. “Тут я молчу, – разводил он руками, – насчёт рыбы у нас на Вологодчине победнее”»⁶⁵.

В конце концов, тяга его к родным местам победила: «Понемногу гористая местность начала надоедать ему, равнинному человеку»⁶⁶. «Видно, надоели ему и горы, и мы все вместе взя-

⁶² Володин Г. Лето с Рубцовым. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 37.

⁶³ Там же. С. 38.

⁶⁴ Там же. С. 37.

⁶⁵ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 53–54.

⁶⁶ Там же. С. 52.

тые»⁶⁷. В письме А. Романову уже от 28 июня 1966 г. он пишет: «...Скажу ещё только, что сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...»⁶⁸.

В письмах Рубцова звучит тоска по Вологодчине, но в стихах она приглушена новыми впечатлениями, которые расширяют личностные границы поэта и смысловые границы поэзии. Об этом он писал еще в раннем стихотворении «Счастье»: «Не утратил, не утрачу / Тягу в отчие края. / Просто шире и богаче / Стала молодость моя».

Так своя Сибирь или чужая? «Сибирь, как будто не Сибирь! / Давно знакомый мир лучистый ... Тележный скрип, грузовики, / Река, цветы и запах скотский, / Ещё бы церковь у реки, - / И было б всё по-вологодски». Но церкви в этом пейзаже быть не может: Сибирь корневая, которую прозревает Рубцов, – это «башни, идолы, гробницы», это «клинопись птиц». «Чужое» в реальности так и не становится «своим». Но иначе происходит в художественном тексте. Перевёрнутая лодка, старое тележное колесо, используемое на Алтае для стирки, увиденное в прибрежной грязи в деревне Кислухе, станут поэтическими образами стихотворения «В сибирской деревне»⁶⁹, отзывааясь стихотворением того же года: «В святой обители природы, / В тени разросшихся берёз / Струятся омутные воды / И раздаётся скрип колёс». И «настоящим российским пейзажем» назовёт увиденное Рубцов, и даже «уголком Руси». Именно поэтому между алтайским циклом и «северными» стихами Рубцова есть родство.

Чёткая ассоциативная связь прослеживается и между стихотворениями «Шумит Катунь» и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны». Декорации иные: не башни, идолы, гробницы, шумная река – а луг, гармошка, ивы над обрывом, догнивающая лодка. Но, написанное в 1963 г. «Я буду скакать...», всё же отозвалось в алтайском цикле и в непосредственном впечатлении: «Сколько сору прибило к берёзам / Разыгравшейся полой водой!» («Весна на берегу Бии») – «А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме / Весенние воды, и брёвна неслись по реке...» («Я буду скакать...»), и в пространственно-временном мироощущении:

⁶⁷ Володин Г. Лето с Рубцовым. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 38.

⁶⁸ Цит. по: Суров М. В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 682.

⁶⁹ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 54–55.

«Мимо башен, идолов, гробниц» – «по следам миновавших времён». В алтайской «клинописи птиц» отзываются «прошлогодние», 1965 года, «Журавли»: «Широко по Руси предназначенный срокувяданья / Возвещают они, как сказание древних страниц» (в другом варианте – «как сказанье библейских страниц»).

Таким образом, говоря о «своём-ином», нельзя думать, что Рубцов противопоставляет «малую родину» большой. И Сибирь, и Вологда – всё Россия. «Я еду, я еду по свету, / Я знаю, что будет потом: / Россия! Куда ни приеду, / Ты всюду отчизна и дом» («Над Липиным Бором – мерцанье»). Разные её уголки объединяет общая история. Лирический герой стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», которое Рубцов читал на Алтае поэту С. Вторушину и художнику Н. Иванову, – «неведомый сын удивительных вольных племён» (ср. также с лирическим героем «Волн и скал»: «Эх, коня да у达尔 азиата / мне взамен чернильниц и бумаг ... как разбойник, / только без кинжала, / покрестившись лихо / на собор...»). Само стихотворение перекликается (в чём-то, возможно, спорит) со «Скифами» Блока: «Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, – / С раскосыми и жадными очами!». «Скифское» ощущение времени близко «катуньскому»: «Для вас – века, для нас – единый час. / Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух / враждебных рас – / Монголов и Европы! / Века, века ваш старый горн ковал / И заглушал грома лавины...». Продолжая тему традиции и родства в аспекте «свой-иной», предположим, что «Шумит Катунь» («И всё в просторе сказочно-огнистом / Бежит Катунь с рыданием и свистом ... / В горах погаснет солнечный июнь, / Заснут во мгле печальные айлы») перекликается с «Родиной» М. Лермонтова (по воспоминаниям близкого знакомого Н.Н. Шантаренкова – едва ли не любимейшего поэта Рубцова⁷⁰): «...тёмной старины заветные преданья ... Дрожащие огни печальных деревень ... И на холме средь жёлтой нивы / Чету белеющих берёз. ... / Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом». Пейзаж различен, но общее настроение всё же сходно (ср. «печальные айлы» и «печальные русские деревни»), хотя исторически «во мгле печальные айлы» противостояли «светлым русским деревням», что подчёркивается в тексте и колоритом, противопоставлением «тёмное-светлое»: «И Чингисхана сумрачная тень / Над целым миром солнце затмевала, / И чёрный дым летел за перевалы / К стоянкам светлых русских деревень...» (тема

⁷⁰ Личная беседа автора.

Азии в историческом аспекте также прослеживается в «Видениях в долине», в «Видениях на холме», в стихотворении «Русский богатырь Иван Рощункин», где упоминается и Бия, в аспекте современности и аспекте своей-чужое – в стихотворении «По дороге к морю»: «И азиатская чужбина / Бог знает, что за сторона?»).

Важной для темы «своё-иное» представляется свежая находка в отделе письменных источников Вологодского государственного музея-заповедника. Летом 2015 г. Д. Шеваров в рабочих блокнотах поэта встретил строки, которые не входили ни в одно издание поэта. Среди них – следующие: «Пою о тёмных избах на снегу, / О криках птиц на сером берегу, / О грусти луга, – / Я вырос в бедном северном раю, / Но и о вашей родине пою, / О пальмы юга!»⁷¹. Это, очевидно, не вошедшие в окончательный вариант строки стихотворения «Пальмы юга». Вопросом остается – почему. В отсутствие этих строк стихотворение теряет острое противопоставление своё-иное, но «пальмы юга» приобретают символическое значение – чего-то недостижимого, «прекрасной страны», «dahin».

Рубцов в своих высказываниях в отношении «географии поэзии», «малой родины» поэзии противоречив. Так, известны его слова в передаче Б. Укачина: «– География поэзии – это всё-таки человеческая душа, невидимая струна живого сердца, – как-то однажды убеждённо говорил он мне. – И пусть поэзия эта говорит только о деревне или о городе, если она настоящая, то всё равно охватит наш шар земной, все человечество. Ведь нет же такого человека, который жил бы без сердца и души?..»⁷². При этом Б. Укачин отмечает «немаловажный факт из биографии Рубцова. Его не оставляли равнодушным творения ребят из национальных республик и областей. Он интересовался стихами своих сокурсников, принимал активное участие в их обсуждении, охотно читал подстрочки ... перевёл ряд стихотворений...»⁷³. И всё же – писал о селе Никольском: «А ещё потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле»⁷⁴. Именно поэтому необходимо сохранять и развивать «малую родину»

⁷¹ ВГМЗ Ф. 144. Шеваров Д. Тихая его родина: Осенние прогулки с другом по вологодским адресам Николая Рубцова. // РГ неделя, № 256 (6827) от 12.11.2015. С. 31. <http://www.rg.ru/2015/11/12/rubcov.html>

⁷² Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей. // Алтайское лето Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Библиотека журнала «Барнаул», № 2. Барнаул, 2011. С. 19.

⁷³ Там же. С. 19.

⁷⁴ Письмо А.Я. Яшину от 25 сентября 1964 г. Цит. по: Суров М.В. Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства. Вологда, 2005. С. 663.

Рубцова⁷⁵ – как один из залогов сохранения и развития «большой», общей родины.

Своё, родное неистребимо жило в душе поэта и тянуло к себе: «Я разлюбить не смогу / Край, где родился и рос» («Вспомнилось море»), «Не утратил, не утрачу / Тягу в отчие края...» («Счастье»), «Любимый край мой, нежный и весёлый. / Мне не забыть у дальних берегов / Среди полей задумчивые сёла, / Костры в лугах и песни пастухов ... Как я грущу у дальних берегов!» («Грусть»), «Но моя родимая землица / Надо мной удерживает власть. / Память возвращается, как птица – в то гнездо, в котором родилась» («Долина детства»), «Ну словом, как бог, я везде побывал, / И всё же, и всё же домой воротился...» («Жар-птица»), «Скоро все улетим в небеса / И увидим, что это такое... / Только знаю: потянет на Русь! / Так потянет, что я поневоле / Разрыдаюсь, когда опущусь / На свое вологодское поле...» («На злобу дня»), «Но в краю незнакомом / Будет грусть неизменной / По родному в оконке лучу» («Песня»). Может быть, неслучайно раннее и не слишком рубцовское стихотворение «Долг» при жизни Рубцова не было включено в сборники: оно внутренне противоречиво и строками «Не грущу о том, что где-то / Луг цветёт и зреет рожь. / Да простит меня за это / Край родных полей и рощ! Для меня так много значат / Флот и новые края...» противоречит одноименному стихотворению «Долг» («Холодный шум ночного океана...»).

И в 1966 году (до или после Алтая?) рождается знаменитое: «О, вид смиренный и родной! / Берёзы, избы по буграм / И, отражённый глубиной, / Как сон столетий, божий храм...» («Душа хранит»).

Как бы то ни было, Алтай многое дал Рубцову. С. Вторушин вспоминал об отрешённости Рубцова этого периода: «По всей видимости, его одолевали тяжёлые думы, но он никогда не рассказывал о них другим людям. ... ему не с кем было поделиться ни радостью, ни горем, он всё переносил в себе»⁷⁶. Но Рубцова на Алтае принимали очень тепло, и он отогрелся там. «Встречая Рубцова в Москве после его возвращения из Барнаула, я видел, что он хорошо отдохнул

⁷⁵ Кошелева М. Н. Заволжская Фиваида. На странице: <http://biruzovy-dom.ru/zavolzhskaya-fivaida/>; Акимова М. С. Литературное краеведение как теоретическая и практическая проблема (обзор материалов и итогов Круглого стола «Литературное краеведение – окно в мир», 15.10.2015 г.). На странице: <http://biruzovy-dom.ru/6163/>

⁷⁶ Вторушин С. В его стихах звучала музыка: алтайское лето Николая Рубцова. // Наш современник.– № 1.– 2014. С. 242.

*и душой и телом*⁷⁷. Путешествие – это всегда не только освоение нового пространства, но и постижение себя, обретение нового взгляда на «своё». В этом отношении алтайское лето сыграло важную роль – Рубцов ещё твёрже уяснил свою дорогу в поэзии: способность воспринять иное, не утратив своего, ещё сильнее проявив «своё». *«При каждой встрече Коля уверял меня, что непременно снова посетит Горный Алтай»*⁷⁸. Этого не произошло. Но уже полвека «алтайский цикл» живет и объединяет (или определяет) «своё» и «иное».

Использованная литература

1. Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул: Библиотека журнала «Барнаул», 2011. 104 с. На странице: http://www.ap22.ru/netcat_files/File/book_rubcova.pdf
2. Воспоминания о Рубцове. Архангельск, Вологда, 1983.
3. Вторушин С. В его стихах звучала музыка: алтайское лето Николая Рубцова. // Наш современник. – №1. – 2014. С. 241–245. На странице: <http://nash-sovremennik.ru/archive/2014/n1/1401-16.pdf>
4. Дементьев В. Мир поэта. М.: Советская Россия, 1980.
5. Жизнь Н.М. Рубцова во время учебы в Литературном институте. На странице: http://lit-helper.com/p_Jizn_Rubcova_N_M_vo_vremya_uchebi_v_Literaturnom_institute
6. Зайцев В.А. Николай Рубцов.– М.: Издательство МГУ, 2002.
7. Соловьев Б. Чувство времени. Заметки о молодой поэзии. На странице: <http://rubtsov-poetry.ru/critica/soloviev.htm>
8. Шеваров Д. Тихая его родина: Осенние прогулки с другом по вологодским адресам Николая Рубцова. // РГ неделя, № 256 (6827) от 12.11.2015. <http://www.rg.ru/2015/11/12/rubcov.html>

⁷⁷ Шишаев Б. Алтайское лето Николая Рубцова. // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 55.

⁷⁸ Укачин Б. Гори, сияй, звезда полей! // Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. Барнаул, 2011. С. 25.

СТИХОТВОРение Н. М. РУБЦОВА «В СТАРОМ ПАРКЕ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ УСАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ

У Н. М. Рубцова есть удивительное стихотворение, которое одновременно и гармонично укладывается в его поэтический мир, и стоит особняком. Это стихотворение «В старом парке» (1967), посвященное старинной дворянской усадьбе.

Как это ни странно для биографии советского человека, усадьбы будто сопровождали Рубцова с самого детства. В деревне Красково Вологодского района, где в детском доме некоторое время пребывал Коля Рубцов, находилась усадьба Золотиловых-Саблинских-Никановых-Аловых, здесь родился писатель В. М. Гаршин.

Затем – пребывание в знаменитом Приютине, где столетием раньше у Олениных перебывал весь цвет русской культуры. Однако Приютино не оставило заметного следа в творчестве поэта. Неудивительно: к середине XX в. роскошная усадьба с множеством построек из красного неоштукатуренного кирпича, с оранжереями, живописным парком с прудом утратила былое величие, и не только потому, что в годы войны в непосредственной близости были «Дорога Жизни» и аэродром; уже с середины XIX в. она использовалась скорее в утилитарных целях: после революции здесь образовался совхоз, а также был испытательный артиллерийский полигон, в ведении которого и оказались усадебные постройки. Собственно, потому Рубцов и оказался в Приютине – он и его брат Альберт работали на полигоне. Рубцов оказался здесь в начале 1955 г., устроившись слесарем-сборщиком, затем приезжал на побывку в период службы во флоте (1955–1959 гг.). И хотя возлюбленная Рубцова, Т. Смирнова (Голубева) вспоминала, что «тут парк такой хороший был, так народ к нам даже из города приезжал»⁷⁹, тем не менее, в 1950-х гг. мало что здесь напоминало об усадебном прошлом. В Приютине были написаны стихотворения «О собаках», «Морские выходки», «Воспоминание», также стихи, которые бы в XIX в. назвали стихами «на случай» («<...> Не подберу сейчас такого слова, / Чтоб стало ясным все в один момент. / Но не забуду Кольку Белякова / И Колькин музикальный инструмент» (1957). Н. Белякову, другу тех лет, он посвящает четверостишие: «И дубы вековые над нами / Оживленно листвою трясли. / И со струн под твоими руками / Улетали на юг

⁷⁹ Коняев Н. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2001. 364 с. На странице: <https://www.booksite.ru/fulltext/rub/tsov/index.htm>

журавли...». Приметы Приютина здесь еле уловимы: «Когда-то я мечтал под старым дубом...» («Не подберу сейчас такого слова...»), «Маленько захолустье» («О собаках»), «Помню, мы брали в ларьке вино / И после пили в беседке. <...> Словно о прошлом, играл потом / «Вальс цветов» на баяне. / Помню я дождь и грязь на дворе, / Вечер темный, беззвездный, / Собака лаяла в конуре / И глухо шумели сосны...» («Воспоминание»). В Приютине Рубцова одолевали другие трудности – юношеская, оказавшаяся несчастливой любовь к Т. Смирновой, бытовая неустроенность («Я жил в гостях у брата. / Пока велись деньжата, / все было хорошо...» – напишет он в «Морских выходках»). Н. Беляков вспоминает: «Бродили, колобродили, по ночам не спали. Рубцов много рассказывал, стихи читал, вспоминал детство свое, какое оно у него было плохое <...> мы с ним частенько в этом парке сидели, разговаривали. <...> на гармошке любил играть»⁸⁰. Приютино так и не стало Рубцову домом: брат переезжает, любимая выходит замуж. Но мысленно Рубцов будет возвращаться в эти пенаты – и в действительности, и в поэзии: в 1968 г. в «Повести о первой любви», а в конце жизни вспомнит о «Вальсе цветов»: «В саду, где пела радиола, / Где танцевали “Вальс цветов”» («Наследник розы», 1970).

Бывал Рубцов и в вологодской усадьбе Хвалевское, назвав местный парк «былинным»⁸¹. Наверняка, бывал и в других усадьбах (не говоря уже о городских – например, в усадьбе Яковлева, где располагается Литературный институт).

Но большинство исследователей (Л. Вересов⁸², Ю. Кириенко-Малюгин⁸³) сходятся на том, что стихотворение «В старом парке» было написано по следам посещения усадьбы Погорелово под Вологдой. В наши дни состояние соответствует названию: дома нет и следа, «парк зарос кустарником, дикой малиной. <...> Пруды загрязнены, летом застают ряской. <...> элементы регулярного стиля. <...> липы, сосны и единственный дуб <...> Низкие места парка заболочены

⁸⁰ Коняев Н. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2001. 364 с. На странице: <https://www.booksite.ru/fulltext/rub/tsov/index.htm>

⁸¹ Шиловская В. В селе Борисово-Судское Бабаевского района восстанавливается дворянская усадьба Хвалевское. На странице: <http://cultinfo.ru/infoproject/recovery/index.php?id=32>

⁸² Вересов Л. Н. Н. Рубцов и С. Чухин. Переплетение судеб русских поэтов. На странице: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/veresov_12.htm; Вересов Л. Н. «Зеленые цветы» Николая Рубцова. На странице: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/veresov_17.htm

⁸³ Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 208–210.

*и заросли ивой, черемухой, малиной. <...> характерен бурьянистый травянистый покров, состоящий из крапивы, сныти, лопуха*⁸⁴. Рубцов бывал там неоднократно: это были родные места его знакомого, поэта С. Чухина. Усадьба начала приходить в упадок еще до революции. Г. К. Лукомский в 1914 г. писал об особняке 1820-х годов постройки: «Теперь он в печальном состоянии <...> потолки во многих комнатах провалились, многое разрушается»⁸⁵. После революции разрушение только усилилось. В 1920 г. И. В. Евдокимов писал: «Теперь это красивое гнездо умерло, разрушается, осел фундамент дома, валится и облезает штукатурка, рухнули кое-где потолки, почернели зияющие рамы без стекол...»⁸⁶. Рубцов побывал здесь почти полвека спустя. Но и в 1960-е здесь еще сохранялись остатки сада, пруда, дома.

«По воспоминаниям старожилов, парк был основным местом отдыха местных жителей в довоенное и послевоенное время. Территория парка была обустроена: поставлены скамейки, проложены прогулочные тропинки <...> в 70-е годы на одном из островов в летнее время была танцплощадка»⁸⁷. Интересно, что это воспоминание расходится с образом рубцовского «старого парка», где приметы времени гораздо ощутимее, концентрируясь в каждой строке: «в зеленый пруд / Упавшие деревья <...> Желтая грустно, / Старый особняк / Стоит в глухи / Запущенного парка – / Как дико здесь! / Нужна покрепче палка, / Чтоб уложить / Крапиву кое-как... / Покрыввшись пеплом, / во тьме / Унылого строенья, / Забытого навек / Без сожаленья <...> редкие вишни». Безличные глаголы, отрицательные частицы не-ни передают ощущение пустоты, не-прикаянности: «Не отыскать / Заросшие следы, / Ничей приход / Не оживит картины»; а черно-желтый колорит «создает тревожное ощущение инобытия»⁸⁸.

⁸⁴ Виноградова Я., Панкова М. Старинный парк села Погорелово: прошлое и настоящее. // В помощь библиотекам: Информац.-метод. бюллетень.– № 32: Из усадебной культуры Вологодской области: Эколого-краеведч. чтения 2007–2008 гг. Вологда, 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁸⁵ Лукомский Г. К. «Погорелово» усадьба Зубовых. // Вологда в ее старине. СПб., 1914. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁸⁶ Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда. 1920. С. 67.

⁸⁷ Виноградова Я., Панкова М. Старинный парк села Погорелово: прошлое и настоящее. // В помощь библиотекам: Информац.-метод. бюллетень.– № 32: Из усадебной культуры Вологодской области: Эколого-краеведч. чтения 2007–2008 гг. Вологда, 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁸⁸ Чернова А. Е. Этнопоэтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»: Журнал научных публикаций.– 2014.– № 3.– Часть 2.– С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

Но в этом расхождении правды и условности есть большая художественная правда. «Старый парк» Рубцова – пример превращения достоверных реалий в глубокий, мощный образ, как это почти всегда бывает в его поэзии. «Малина», о которой со слезами вспоминает барин, действительно есть в погореловском парке, как есть она и в других местах усадебного мира и поэтического мира Рубцова, в котором в том же 1967 г. она мелькнет символом счастья здесь и сейчас: «...с куста нарву для милых уст / Малины крупной, молодой и сладкой» («Взглянул на кустик», 1967).

Подбор деталей, которые станут стихотворными образами, с одной стороны, индивидуален, отражает внутренний мир лирического героя. Но одновременно он глубоко укоренен и исторически и художественно обоснован. Так, тот факт, что усадьба была покинута владельцами и стала разрушаться еще до революции, неизвестен, да и, по большому счету, неинтересен Рубцову, который с большой смелостью и сочувствием (кроющемся в любви к родной земле) изображает в стихотворении судьбу дворянства – по сути, вычеркнутого из советского бытия: «Здесь барин жил. / И может быть, сейчас, / Как старый лев, / Дряхлея на чужбине, / Об этой сладкой / Вспомнил он малине, / И долго слезы / Катятся из глаз...». Но не вычеркнута эта тема у Рубцова, кровно ощущавшего связь времен. Он был соприроден русской классической культуре, русской провинциальной жизни, в одном из главнейших споров ХХ в. – споре «урбанистов» и «деревенщиков» – встав на сторону последних. Рубцов не мог пройти мимо темы «дворянского гнезда» – важнейшей универсальной модели бытия русского человека XIX столетия. Вспомним Тургенева: *«И понемногу начало назад / Его тянуть: в деревню, в темный сад <...> Там хорошо; там только – русский дома»*. А. С. Панарин, размышляя об архетипах в культуре, отмечал «подсознательное давление определенной культурной традиции...»⁸⁹. У Рубцова мы наблюдаем проявление этого архетипа; в частности, стихотворение «В старом парке» может быть отнесено к образцам «усадебной поэзии».

Тема «усадебной поэзии» теоретически еще недостаточно разработана. Большинство исследователей понимают под ней особый тип поэзии, «сочетающей пространственно-временные атрибуты, реалии дворянской эпохи, символико-метафорическое оформление и особый эмоциональный ореол. Общность сюжетно-тематических

⁸⁹ Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 288 с. С. 152.

узлов, постоянного круга образов и мотивов, символико-метафорического комплекса позволяют говорить о своеобразии усадебной поэзии, следований единым принципам в создании одного из центральных художественных хронотопов дворянской эпохи <...> Изображения сформировались в самом начале XIX века и затем долгое время бытовали, представляя собой инварианты одного и того же образа»⁹⁰, даже несмотря на довольно широкий диапазон инвариантов: от поэтизации и идеализации усадебной жизни до критического пафоса и реалистической детали.

Т. М. Жаплова⁹¹ отмечает, что важнейшими для усадебной поэзии являются мотивные комплексы (они же пространственные зоны) дома и сада, имеющие разный генезис и свои подмотивы. «Из памяти русских дворян-помещиков не стерлись образы <...> Палладио и его последователей <...>, оставивших след в ордерных конструкциях, купольных ротондах-миловидах, белых колоннах, высоких окнах усадебных домов по всей России <...> устремленности стен вверх, к куполу здания, напоминающих о храмовых постройках и соответствующей им атмосфере <...> белые колонны у входа <...> плавно переходящие в колонны натуральные, природные – бесчисленные стволы лесных и парковых деревьев»⁹². У Рубцова в середине XX в. эти мотивы представлены эталонно. Прежде всего, это влияние личного впечатления от знакомства с усадьбой Погорелово: «Чудесный бело-желтый шестиколонный дом обвит венком глубоких прудов, повсюду обступают дом вековые лиственницы, кедры и липы, у въезда старинная ограда, каменные ворота <...> Дом серьезный, прямой, стройный, какой-то торжественный, храмоподобный. Внутри еще сравнительно недавно все свидетельствовало о большом художественном вкусе владельцев и неизвестного мастера»⁹³; некогда дом был внушительный: «имел длину 13 сажен, ширину 10 сажен, имел 16 печей, 50 окон, 18 комнат»⁹⁴. Но именно такой

⁹⁰ Жаплова Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дисс. ... д. ф. н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poesiya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда. 1920. С. 67. См. также: Лукомский Г. К. «Погорелово» усадьба Зубовых. // Вологда в ее старине. СПб., 1914. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁹⁴ Историческая справка о селе Погорелово. // Из истории дворянской культуры Вологодского уезда. Усадьба Зубовых Погорелово: Эколого-краеведческие чтения. Погорелово, 2008. Б. м., 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_32.htm

Сысоев В. Дом с колоннами. Погорелово. 1920. Источник: Альбом «Зубовы и их усадьбы». https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_usadba.htm

образ и укоренен в культурном сознании. И в стихотворении мы видим «желтеющий старый особняк»: желтый цвет привычен для городской и загородной усадьбы, хотя, безусловно, несет на себе и собственно семантику желтого цвета (болезнь, увядание, разлука, смерть), особенно в сочетании с желтыми глазами кошки во мраке. Видим деревья-колонны (уже упавшие в «зеленый пруд» – модус инварианта характернейших для усадебной лирики водных атрибутов в ведущей для рубежа XIX–XX вв. форме, когда «образ застывшей, зацветшей или пересохшей водной глади воспринимается персонажем как одно из самых красноречивых свидетельств запустения в усадьбах и смены укладов русской жизни»⁹⁵). Рубцов использует и востребованный в усадебной поэзии образ песчаной аллеи («Песчаный путь / В еловый темный лес»). А образ барина-старого льва («Как старый лев, / Дряхлея на чужбине») вызывает

⁹⁵ Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дисс. ... д. ф. н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poesiya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

в памяти не только образ светского льва, но и архитектурных львов, в изобилии встречавшихся в классической усадьбе.

Помимо личных впечатлений, можно с уверенностью говорить и о литературной традиции, повлиявшей на Рубцова. Небезынтересно наблюдение А. Е. Черновой, что стихотворение Рубцова «В старом парке» перекликается со стихотворением И. А. Бунина «И снился мне, что осенней порой...» (1893). «*Поэтическая ситуация повторяется почти дословно, с той разницей, что лирические герои меняются местами. Лирическим героем стихотворения Бунина оказывается тот самый барин, о судьбе которого размышляет лирический герой Рубцова. Барин Бунина возвращается во сне в свою усадьбу, разрушенную и забытую <...> Оба произведения изображают запустение*»⁹⁶: «И снился мне, что осенней порой / В холодную ночь я вернулся домой. / <...> Вошёл я в пустынный, покинутый двор. / И сжалось сердце от боли во мне, / Когда я кругом поглядел при огне! / Навис потолок, обвалились углы, / Повсюду скрипят под ногами полы / <...> Заброшен, забыт, / Навеки забыт он, родимый наш дом! <...> / И сад обнажённый гудел и стонал...». Эта версия правдоподобна, тем более что стихотворение эмигранта Бунина в 1960-е стало доступно массовому читателю: вышел девятитомник его сочинений, куда было включено и это произведение – видимо, по той причине, что оно было написано еще до революции⁹⁷. Рубцов, знавший творчество Бунина, не мог не обратить внимание на это стихотворение с близкой ему темой – возвращения домой, возвращения к истокам.

Можно увидеть и еще ряд литературных источников рубцовского стихотворения. В частности, стихотворение «Развалины» любимого Рубцовым И. С. Никитина: «<...> Лежат в пустыне молчаливой / Обломки старого дворца. / Густою пылию покрыла / Рука столетий камни стен <...> Тяжелый свод упастъ готов, / Карниз массивный обвалился <...> / И моха желтого узор, / Однобразно испещренный, / Покрыл разбитые колонны. / Как чудно вытканный ковер. <...> Была пора, здесь жизнь цвела. / Пороки, может быть, скрывались / Иль благородные дела / Рукою твердой совершились. / И может быть, среди пиров / Певец, в минуты вдох-

⁹⁶ Чернова А. Е. Этнопоэтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»: Журнал научных публикаций.– 2014.– № 3.– Часть 2.– С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

⁹⁷ Бунин И. А. Стихотворения // Собрание сочинений в 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965.

новенья, / Здесь пел о доблестях отцов / И плакал, полный умиления; / И песням сладостным его / В восторге гости удивлялись, / И дружно кубки вокруг него / В честь славных дедов наполнялись. / Теперь все тихо... нет следа / Минувшей жизни. Небо ясно, / Как и в протекшие года, / Земля цветущая прекрасна... / А люди?.. Этот ветерок, / Пустыни житель одинокой, / Разносит, может быть, далеко / С их прахом смешанный песок!...» (1852). Оно неоднократно публиковалось в подборках сочинений И. Никитина, в частности, в полном собрании сочинений в том же 1965 г.⁹⁸

Оставляя в стороне другие возможные литературные источники стихотворения, скажем главное: «В старом парке» – классическая руинистическая элегия, в XX в. явление нечастое, но подкрепленное самой историей страны. Некогда усадьба, согласно планам развития российского государства, должна была символизировать в миниатюре незыблемость и могущество необъятной империи; одновременно и логично она стала символизировать красоту и гармоничную жизнь в согласии с природой и с заветами предков, запечатленную в жанре идиллии. На протяжении XIX в. поэты становились свидетелями угасания усадьбы, выражая постигшее ее запустение и сиротство постоянными на рубеже веков мотивами опустевших комнат, разрушенных фонтанов, балконов, беседок, «зацветших» прудов. Теперь же призванное быть устойчивым пространство было разрушено окончательно.

В жанровом плане Рубцов по преимуществу элегический поэт, и ему оказалось близко ретроспективное мышление лирического героя усадебной идиллии, обращенность в прошлое и сопряженные с ним ценности – семейные, родовые, земледельческие, утраты которых воспринимается болезненно («На сенокосе», «Купавы»). Роднит Рубцова с усадебной поэзией и сквозной мотив возвращения героя на «малую родину» («Словно ворона веселая, / Сяду опять на забор!», «Вернулся я – былое не вернется!»⁹⁹) как проявление архетипической оппозиции «ухода» – «возвращения» («встречи»). Один, но емкий пример: «Здесь роща, помню я, стояла, / Бежал ручей, – он отведен» (К. Случевский) – «Там, где я

⁹⁸ Никитин И.С. Полное собрание стихотворений. Изд. 2-е. М.–Л.: Советский писатель, 1965. 615 с.

⁹⁹ Стока из стихотворения «Ночь на родине», написанного, по мнению В. Белкова и местных жителей, также в деревне Погорелово. Приметы «высокий дуб, глубокая вода» и время написания указывают именно на Погорелово. См.: Ермаков Д. «Настроив душу на добро...». На странице: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/nastroiv_dushu_na_dobro/

плавал за рыбами <...> / Вырыли люди канал» (Н. Рубцов). И там, и там, с небольшими нюансами, «мифологическое время [всегда в прошлом и замкнуто на прошлом] созвучно биографическому, характеризующему этапы детства, юности, зрелости лирического героя, а также времени историческому, отражающему неумолимую смену укладов русской жизни, неизбежную смену поколений»¹⁰⁰. И вкупе такие соответствия, с поправкой на время, сглаживают отличия, которые неизбежны у поэтов-представителей разных литературных эпох: так, в случае со «старым парком» Рубцов бродит не по своей усадьбе, не по уголкам своей памяти. (Этим, думается, можно отчасти объяснить непрокомментированное наблюдение А. Е. Черновой: «Бунин больше описывает разрушения внутри помещения, комнат, где прошло его детство; Рубцов обращает внимание на заброшенность парка, он ходит вокруг дома, но внутрь не заглядывает»¹⁰¹). Между тем, мы видим здесь не дистанцирование, а, скорее, присвоение усадебного прошлого как прошлого своей страны и его приятие, свойственная усадебной поэзии идеализация старины. Быть может, этим и объясняется любопытный факт из творческой биографии Рубцова: «В творческой папке Рубцова имеется преддипломный цикл под названием “Детство”. В оглавлении поэт зачеркнул название и изъял стихотворение “В старом парке”¹⁰². Заменил его на “Зелёные цветы” из-за возможных идеологических сложностей на защите диплома. Книжку “Звезда полей” и подборку стихов “Зелёные цветы” Рубцов представил как выпускную работу на заочном отделении Литинститута им. А. М. Горького и сдал государственные экзамены 26 декабря 1968 года»¹⁰³.

И тем не менее, несмотря на непривычность, нехарактерность такого творчества, самоцензуру и цензуру («уж больно много церквей и крестов у него в стихах, и <...> всё это не пропускали»¹⁰⁴),

¹⁰⁰ Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дисс. ... д. ф. н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poesiya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

¹⁰¹ Чернова А. Е. Этнопoтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». Журнал научных публикаций.– 2014.– № 3.– Часть 2.– С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

¹⁰² Заметим: не в «старинном», а в «старом».

¹⁰³ Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 232.

¹⁰⁴ Из воспоминаний Леонида Беляева «Свой штришок в образ Николая Рубцова» // Лелянова З. Путешествие по череповецким адресам поэта Николая Рубцова. На странице: https://rubtsov-poetry.ru/research/puteshestvie_po_cherepovetskim_adresam_3.htm

голос Рубцова смог появиться на свет – во многом благодаря эпохе оттепели с ее относительной свободой, интересом к лирике как проявлением интереса к внутреннему миру отдельного человека (у Рубцова осложненного переживанием трагедий национального, а нередко и вселенского масштаба).

Нельзя сказать, чтобы в своем обращении к ушедшей натуре Рубцов «там и тогда» был совершенно одинок. Всё чаще поэт из города, комсомольской стройки уходит (возвращается) к tandemu природы и культуры, который теперь часто покрывает собой эвфемизм «парк», или «сад». Восходящий к райскому саду и всегда об этом помнящий, в XVIII в. воспевавшийся, в XIX в. ставший риторической фигурой, условным местом романтических переживаний, обнаруживший способность принимать неподдельное участие в душевной жизни человека, в XX в. «сад – это местность, в которой русские поэты <...> искали и находили убежище от советского официоза... Потребность в этом слове-понятии появилась в шестидесятые годы прошлого века после большого перерыва. И у Ахмадулиной, и у Кушнера, и у Рейна¹⁰⁵ сады явились в качестве соединительной ткани, продlevающей поэзию начала века с ее *репрессированными классиками*¹⁰⁶, ведь советская поэзия «*откровенно презирала сад как принадлежность буржуазной жизни*¹⁰⁷. Собственно, тот факт, что гармония сада запечатлена и в послереволюционной неэмигрантской лирике XX в. (Ахматовой, Пастернака, других поэтов-свидетелей агонии «вишневых садов» и «дворянских гнезд», в образах позднего творчества Арсения Тарковского), наиболее ярко иллюстрирует приверженность образованного русского человека к осмысленному,циальному существованию в поместье¹⁰⁸.

Были и другие примеры. Крайне интересно сопоставить рубцовское «В старом парке» с самойловским стихотворением-ровесником и тезкой. «Зabor крапивою зарос, / Но, несмотря на весь

¹⁰⁵ «В старой усадьбе бессмертные липы / нас пропускают едва на задворки, / но присмиревшие, как инвалиды, / шепчут вдогонку свои поговорки»; «На первом этаже выходят окна в сад, / который низкоросл и странно волосат / от паутины и нестриженых ветвей»; «Иссохший сад дремучего стекла, / ты разорен, но я в тебе блуждаю...» (Е. Рейн)

¹⁰⁶ Невзглядова Е. Сады в русской поэзии. // Звезда, 2013, № 10. На странице: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/10/11n.html>

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дис. ... д. ф. н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poeziya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

разор, / Необычайно свеж рассол / Настоянных на росах зорь. / Здесь был когда-то барский сад, / Где молодой славянофил / Следил, как закипает таз / Варенья из лиловых слив. <...>» (Д. Самойлов, «Старый сад», конец 1968 или начало 1969 г.). Просыл, атмосфера здесь совершенно разные. Гармония нарушается даже на уровне стиха: неизящные ассоцансные «жестяные» (Е. Невзглядова¹⁰⁹) рифмы, грубоватая интонация оченьозвучны Д. Самойлову, который часто демифологизирует, казалось бы, незыблемые представления о культуре (взять хотя бы его стихотворение «Доммузей»¹¹⁰). В особом ключе и с пониманием контекста традиции звучит обращение Э. Багрицкого к сыну: «Ты начисто выруби со- сны в саду, / Ты выкорчуй куст смородины!».

То, что усадебная тема у Рубцова, в конце концов, всё же прозвучала и прозвучала как продолжение историко-литературной традиции, ознаменовало творческую зрелость поэта. Очень возможно, что на его душевный настрой повлияло и зрелище разоренной усадьбы и, напротив, совершенная летом 1967 г. поездка по Волго-Балту на агиттеплоходе вместе с вологодскими писателями, когда удалось увидеть своими глазами древние Кириллов, Белозерск, Ферапонтов монастырь и др.¹¹¹ Но душевный склад Рубцова был уже определен зрелищем красот родного края, разрушенных прекрасных церквей, пустеющих сёл – и вот, разрушенной усадьбы. Героическая, но трагическая история страны в этот период проговаривается у Рубцова в сквозном мотиве шума древних сосен (голоса времени и вечности), которые «Вдруг зашумят, / Застонут, занемогут...» («В старом парке»). Мотив этот у поэта настолько устойчив, что дал название целому сборнику.

И стихотворение «В старом парке», по иронии судьбы увидевшее свет в белозерской газете «Новый путь» от 17 августа 1967 г., позже по праву было включено Рубцовым в этот последний прижизненный сборник «Сосен шум» издательства «Советский писатель»¹¹², что тем более удивительно, что в сборнике русское начало иногда буквально противостоит советскому: «И песни русские слышны, / Все чаще новые, / Советские, / Все реже – грустной старины...» («На сенокосе»). В сборнике «Со-

¹⁰⁹ Невзглядова Е. Сады в русской поэзии. // Звезда, 2013, № 10. На странице: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/10/11n.html>

¹¹⁰ В этом отношении интересна и повесть С. Довлатова «Заповедник».

¹¹¹ https://rubtsov-poetry.ru/research/puteshestvie_po_cherepovetskim_adresam_3.htm

¹¹² Кириенко-Малюгин Ю.И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 208, 210.

сен шум» мотив старины, сохранения (и разрушения) традиции, времени (и связанной с ним смерти) стал одним из главнейших. Его поддерживают изнутри отсылки к традиции, в разных формах – сюжетных, интонационных и т. д. Это может быть отсылка к традиции литературной – пушкинской: «И старуха метель не случайно, / Как дитя, голосит за углом» («Зимняя ночь», 1969), лермонтовской: «Запомнил скандальные пляски / Нарядных больших мужиков» («Далекое», 1970), «Пальмы юга», чьего Рубцова не скрывает, а, напротив, подчеркивает: «И, как живые, в наших разговорах / Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон» («Вечерние стихи», 1969). В этом же ряду стоит и обращение Рубцова к теме усадьбы как одному из проявлений культурного кода нации.

К концу 1960-х гг. Рубцов окончательно созревает в русского национального поэта. В его лирике, укорененной в национальной традиции, нашлось место, любовь и сочувствие и крестьянской усадьбе, и прекрасным разрушенным церквям; «он первый в русской поэзии советского периода приступился к самому запретному, самому страшному из нашей истории: «Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, / но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей». По литературной легенде, о достоверности кой не могу судить, была и другая редакция: «Не жаль мне, не жаль мне разрушенной царской короны, но жаль мне, но жаль мне расстрелянных царских детей»¹¹³. И очень органично продолжило лирику Рубцова стихотворение «В старом парке» – образец усадебной лирики на новом витке, в поле советской литературы, надолго вычеркнувшей тему русской усадьбы. Голос Рубцова прозвучал здесь особняком от других. В его лирике вновь слились воедино мотивы дома и сада, часто разлученные в поэзии ХХ в. В ней отразились субъективные лирические переживания событий эпического масштаба, когда личное переживание неразрывно срастается с переживанием общего, исторического бытийного и усадьба становится не только фоном, но и объектом переживаний. Судьба конкретной усадьбы становится обобщенным образом национальной истории и судьбы, воплощая историческую глубину современности.

Статья написана в рамках проекта № 18-18-00129 Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», рук. О.А. Богданова.

¹¹³ Баранова-Гонченко Л. И я молюсь – о, русская земля! (Рождественские размышления о поэзии Николая Рубцова). На странице: http://rubtsov-poetry.ru/critica/baranova_gonchenko.htm

*Величко Надежда Олеговна, Воробьева Т.А.,
ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область*

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОСЕНЬ» В ПОЭЗИИ Н.М. РУБЦОВА

Характеристика лексической структуры поэтического текста предполагает внимание не только к семантическим, но и к ассоциативным связям слов, поэтому основным способом организации лексики в поэтическом тексте становятся ассоциативно-семантические поля.

По парадигматике лексическая структура книги стихов – это совокупность и взаимодействие различных ассоциативно-семантических полей, сменой и пересечением которых формируется смысловое развитие¹¹⁴.

Используя понятие ассоциативно-семантического поля, мы опираемся на трактовку семантического поля Ю.Н. Карапуловым и определение сущности этого явления Н.С. Болотновой.

Ю.Н. Карапулов является автором концепции семантического поля, согласно которой языковые единицы объединяются в СП при наличии между ними семантических связей (непосредственных – наличие общей темы и опосредованных – ассоциативных). Таким образом, семантическое поле у исследователя – единица комплексная, вбирающая в себя и свойства ассоциативного поля, и тематического класса¹¹⁵.

Н.С. Болотнова характеризует поле как «концептуально обединенные лексические элементы на основе их эстетических значений, то есть системных текстовых качеств слов»¹¹⁶. Перенос на семантическое поле свойств ассоциативного поля в художественной речи оправдан и возможен вследствие учета самой природы художественной действительности, особенностей функционирования общеязыковых единиц в поэтическом тексте.

¹¹⁴ Воробьева Т.А. Отражение целостного фрагмента поэтической картины мира в лексической структуре лирического цикла (на материале цикла Н.А. Заболоцкого «Последняя любовь») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Архангельск, 2007. С. 263.

¹¹⁵ Карапулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 175 с.

¹¹⁶ Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск. 1994. 40 с.

Под ассоциативно-семантическим полем (АСП) мы понимаем совокупность характеризующих доминанту слов. Отбор АСП мотивирован способностью называть основные понятия книги стихов, раскрывать их смысл, выступать «семантическим компонентом текста»¹¹⁷. Вычленение АСП предусматривает привлечение к работе толковых и ассоциативных словарей современного русского языка, компонентный анализ лексики, работу со значениями слов, описание структуры поля и составление схем.

Слова в языке не живут изолированно, но объединяются в группы – системы – разных объемов. Под системой понимается совокупность взаимообусловленных элементов, образующих нечто целое. Из всех систем, которые мы обнаруживаем в языке, лексическая система самая подвижная.

Настоящая работа посвящена изучению ассоциативно-семантического поля «осень», составленного на материале поэзии Николая Рубцова. Актуальность исследования обусловлена вниманием современной лингвистики к специфике идиостилей отдельных поэтов, к лексической структуре текста, к индивидуальной языковой картине мира.

АСП осень представляет собой структуру, состоящую из ядра и функциональной области, актуализирующую его. Центр АСП выполняет в лексической структуре роль «узла» (термин Н. С. Болотновой), фокусирующего пучки связей и отношений лексических элементов.

Внутри АСП выделяются семантический и ассоциативный уровни. Семантический уровень представлен словами, связанными с ядром в их прямых и переносных значениях. В этот уровень включаются парадигматические группы, объединяющие члены поля по типу синонимического сближения, на основе общих лексических сем.

Ассоциативный уровень представлен ассоциативными группами, в которые входит лексика, попавшая в радиус образного действия доминанты поля, и дистрибутивными группами, основываящимися на линейных связях. Особенность ассоциативных групп в том, что они сближаются с доминантой поля не на основе семной общности, а на основе некоторых индивидуальных ассоциаций, благодаря которым и постигается художественное содержание поэтических произведений.

¹¹⁷ Степанова В. В. Лексическая структура текста (Парадигматика и синтагматика) // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996. С. 55.

Рассмотрим структуру АСП поля «осень».

Осень – время года между летом и зимой; пора увядания, старости, приближения конца чего-либо¹¹⁸. Это частотное слово в текстах Н. Рубцова.

Сравним: *По мокрым скверам проходит осень, лицо нахмурия!.. Осень! Летит по дорогам осени стужа и стон... Мотыльки над водою, усыпанной желтыми листьями, не мелькали уже – надвигалась осень... Какой покой! здесь только разве осень / Над ледоносной мечется рекой... А между прочим, осень на дворе... и др.*

Лексема осенний является ближайшей к ядру по своему значению. Осенний – относящийся к осени, происходящий осенью¹¹⁹.

У Рубцова: осенний ветер; осенний бор; осенний лес; осенний мрак; осенняя река; листья осенние; день осеннего распада и др.

С помощью прилагательного осенний в текст включаются слова, не имеющие общих сем с ядром: поток, золото, дождь, лес, мрак, бор, ветер, распад, листья, река, предчувствие. Это достигается с помощью создания словосочетаний-образов на основе согласования с ближайшей лексемой.

В ассоциативно-семантическом поле осень выделяются следующие парцеллы (термин Ю.Н. Кацулова):

1. **Осень – атмосферные явления** (*тяжелый ливень, играет буря, в обнимку с ветром, стужа и стон, дождь и др.*). Составляющие этой парцеллы обладают интегральными семами «ненастье», «непогода», «плохая погода».

С помощью лексемы дождь в АСП входят такие конкретные детали пейзажа осени, как туча, лужа (*и вдруг с ухаба шлепаются в лужу; между туч проносилась луна и светилась во мраке ненастья*); мокрый, размытый (*мокрый дикий ветер; в мокрой конуре; по мокрым скверам; в мокрых сетях полутьмы; размытый путь*); грязь, слякоть, слизь (*грязь кругом, а тянет на болото, дождь кругом, а тянет на реку; последние листья... над заснеженной грязью и слизью осыпались в конце октября*). Интегральная сема – «вода», «дождь».

Основанием для объединения этих лексем в поле служит наличие тематической связи с общим понятием, отнесенность к одной более или менее ограниченной области действительности.

¹¹⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

¹¹⁹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

- 2. Осень – осенние месяцы** (*Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли; Бушует сентябрь; Прошел октябрь / Пустынно за овином; В бездне таится небесной ветер и грусть октября*). Компоненты объединяются в парцеллу партитивными отношениями (целое – части).
- 3. Осень – дерево осеню** (*В зарослях пасмурных ив лошадь идет с водопоя; я люблю, когда шумят березы* и пр.). Особенно значим в рубцовском тексте образ березы как образ-символ России для поэта-патриота.
- Основанием для включения тематической группы «дерево» в АСП «осень» служит синтаксический критерий: синтагматические связи с «осенней» лексикой (*пасмурные ивы* и пр.).
- В эту парцеллу включается прилагательное *голый* в значении «лишенный листвьев»¹²⁰ и существительное *листопад* (*я люблю, когда шумят березы, когда листья падают с берез*).
- 4. Осень – осенние плоды** (*И под каждой березой гриб – подберезовик, и под каждой осиной гриб – подосиновик; клюква; да брусничных глухих трясин лапы лапушки*).
- 5. Осень – цвета осени.**
- В рубцовском тексте цвета осени – **желтый** (*желтой, захолустной стороной березовой моей; желтый куст; желтый плес*); **золотой** (*Листья осенние / Где-то во мгле мирозданья / Видели, бедные, / Сон золотой увяданья*); **багряный** (*Что я хотел бы превратиться или в багряный тихий лист иль в дождевой веселый свист*).
- 6. Осень – звуки осени.**
- Это шум (*шум порывистых берез*), свист (*Когда в окно осенний ветер свищет и вносит в жизнь смятенье и тоску*), шорох (*И слышен волн печальный шум и шорох*), стон (*Осень! Летит по дорогам осени стужа и стон*), вой (*Было слышно, как воют над крышей ветер, ливень, труба, провода*). «Музыка осени» связана с движением ветра: осень шуршит, шумит, свистит, стонет.
- Особенностью идиостиля поэта является слово *глухой* (*глухой – незвонкий, приглушенный, неясный*¹²¹, неразрывно связанное с образом осени).

¹²⁰ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

¹²¹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

- Одновременно с музыкальностью осень поэта глуха. Лексемы *глухой, глухо* являются одними из самых употребительных.
7. **Осень – увядание** (*Aх, эта злая старуха осень, лицо нахмуря, ко мне стучится, и в хвое сосен не молкнет буря! срок увядания; среди погаснувших полей; день осеннего распада*).
Старуха осень (общие семы – увядание, приближение конца) – яркий образ, который притягивает в АСП метафоры, олицетворения, связанные с осенней тематикой и создающие образный уровень поля.
8. **Осень – состояние души** (забытость, утраты, смятение, грусть, сиротство, скука, тоска, уныние, покой).
- Сравним:
- И забытость болот, и утраты знобящих полей* (утраты, забытость – осень);
Вот замолкли – и вновь сиротеют душа и природа (сиротеет душа – сиротеет природа – осень);
И только я с поникшей головою, как выраженье осени живое, проникнутый тоской ее и дружбой (тоска – осень);
Как по саду, садику багряному / Грустно-грустно листья шелестят (грусть – осень);
Какой покой! здесь только разве осень / Над ледоносной мечется рекой (покой и смятение – осень);
Когда в окно осенний ветер свищет и вносит в жизнь смятенье и тоску (осень – тоска, смятение);
И слышен волн печальный шум и шорох (осень – печаль).
Это ассоциативный уровень поля. Осень у поэта ассоциируется с темным временем суток, вечером, ночью. Осень – время дел, дум, предчувствий лирического героя. Природа осени – период распада, увяданья, уныния, сна.
- Любопытно, что лексемы *печальный, грустный, печально, грустно, пасмурный, тоска, тоскливыи, бедный* не столько описывают состояние лирического героя, сколько участвуют в создании образа осенней природы.
- Итак, понятие **поля** является продуктивным в исследовании лексической организации художественного текста. С его помощью можно увидеть большую группу текстов как единое организованное семантическое пространство. С помощью лексических средств, составляющих АСП, отражаются интенции автора и его видение. Доминанта поля (осень) принадлежит к традиционным образам и, конечно, отражает имеющуюся в обществе традицию её употребления. Но, кроме того, она несет на себе и печать

индивидуально-авторского осмысления и использования, обратившись дополнительными ассоциациями¹²².

Использованная литература

1. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск. 1994. 205 с.
2. Воробьева Т.А. Отражение целостного фрагмента поэтической картины мира в лексической структуре лирического цикла (на материале цикла Н.А. Заболоцкого «Последняя любовь») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Архангельск, 2007. С. 262–267.
3. Караполов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 338 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Степанова В.В. Лексическая структура текста (Парадигматика и синтагматика) // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996. С. 51–63.

Вересов Леонид Николаевич,
общественная организация «Вологодский союз писателей-краеведов»,
член Союза писателей России,
г. Череповец, Вологодская область

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАЛЬМЫ ЮГА» – ГЕНИАЛЬНЫЙ РИТМИЧЕСКИЙ И ЛИРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПОЭТА

«Пальмы юга» – это несколько необычное стихотворение в зрелой лирике Н.М. Рубцова. Не совсем понятое при жизни поэта, не всеми принятное, критикуемое и в то же время самим поэтом публикуемое во всех прижизненных сборниках стихов, начиная со стихотворной книги «Душа хранит» 1969 года.

Что это, как не рубцовская уверенность в том, что народ разберётся в его тексте, в тональности, смысловой нагрузке, мечте-печали о чём-то светлом, в данном случае о «пальмах юга»?

¹²² Воробьева Т.А. Отражение целостного фрагмента поэтической картины мира в лексической структуре лирического цикла (на материале цикла Н.А. Заболоцкого «Последняя любовь») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Архангельск, 2007. С. 262–267.

Да, не бывает пальм севера, как об этом написано в приписке к машинописи стихотворения «Пальмы юга» из Государственного архива Вологодской области (ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 188), но мало ли чего не бывает в чувствах. Ведь мы любим, верим, печалимся, надеемся, не всегда ясно осознавая, за что, кого и как.

К тому же поэт Рубцов писал для народа, а многие простые люди, вологодские работяги, как и сам поэт, никогда не бывали на юге, и образ пальмы противопоставлялся ими северной суровой зиме, бездорожью, снежным заносам, деревьям в снегу. Это была как бы мечта о вечном лете, о счастье посмотреть мир и насладиться тем, что недоступно.

Первая публикация стихотворения «Пальмы юга» состоялась в газете «Вологодский комсомолец» 29 января 1969 года. А это означает, что черновые варианты стихотворения, поиски Николаем Рубцовым лучшего образного ряда произведения относятся ко второй половине 1968-го. Текст некоторых стихотворных строф сохранился в двух записных книжках поэта, переданных в отдел рукописей Вологодского государственного музея-заповедника спургой поэта Виктора Коротаева после его смерти [1]. Перед нами, как и в случае со стихотворением «В минуты музыки», черновые варианты этого стихотворения [2]. Мы опять сможем заглянуть в творческую лабораторию поэта, чтобы лишний раз убедиться, что талант – это труд, если, конечно, хочешь раскрыть его до конца.

Но вначале о том, где и когда было опубликовано стихотворение «Пальмы юга» при жизни автора Н. М. Рубцова. После упомянутых публикаций в «Вологодском комсомольце» и сборнике стихов «Душа хранит» следующий рубцовский сборник стихов «Сосен шум» тоже содержит стихотворение «Пальмы юга», как и вышедший через три месяца после гибели поэта сборник стихов «Зелёные цветы». Особняком стоит публикация в журнале «Наш современник» № 1 за 1970 год. Во всех этих публикациях Николай Рубцов верен себе. Он совершенствует своё стихотворение, меняя хотя бы некоторые слова. Приведём текст стихотворения по последней прижизненной публикации в сборнике «Сосен шум».

ПАЛЬМЫ ЮГА

Еще один
Пропал безвестный день,
Покрыты снегом
Крыши деревень
И вся округа,

А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудно все –
И горы, и луна,
И пальмы юга...

И я глядел,
Глядел на перевал,
Где до сих пор
Ни разу не бывал...
Как воет выюга!
За перевалом первым
Побывал,
А там открылся
Новый перевал...
О пальмы юга!

Забуду все.
Займусь своим трудом.
И все пойдет
Обычным чередом,
Но голос друга
Твердит, что есть
Прекрасная страна,
Там чудно все –
И горы, и луна,
И пальмы юга...

Не стану верить
Другу своему,
Уйду в свою
Заснеженную тьму, –
Пусть будет выюга!
Но, видно, так
Устроен человек,
Что не случайно
Сказано навек:
– О пальмы юга!

Во втором четверостишии в сборнике «Сосен шум» читаем «Как воет выюга», точно так же и в первой публикации в «Вологодском комсомольце». Но в сборнике «Душа хранит» и журнале «Наш современник» эта строчка печатается так: «Как стонет выюга». В машинописной копии из ГАВО изменено одно слово из последней строфы «Уйду в свою заснеженную тьму» на «Уйду в свою заявленную тьму».

В этом смысле интерес представляет первая строчка публикации из журнала «Наш современник», отличная от обычной. «Ещё один пропел безвестный день», вместо «пропал» как везде и всюду. Почему-то не хочется думать, что в строчке из журнала обязательно опечатка. Как-то по-особому, по-рубцовски могло прозвучать, что прошедший день «пропел» свои песни жизни, а не «пропал» безвестно. Поэт, как жизнелюб, надеется, что не раз ещё пропоёт песни света в будущем, хотя грустновато, что песни этого дня угасли.

Оказалось, что Дмитрий Шеваров в «Российской газете» не так давно опубликовал как неизвестные строки Рубцова одно четверостишие из черновиков стихотворения «Пальмы юга» наряду с несколькими строчками из вариантов стихов Н. М. Рубцова [3]. Известный автор довольно небрежно отнёсся к данной публикации. В блокнотах Н. М. Рубцова много больше неизвестных рубцовских строк, в том числе и из черновиков стихотворения «Пальмы юга». Нельзя же просто отодвинуть в сторону то, что в черновиках стихотворения тоже является творческим наследием поэта. Шеваров выбрал, или ему выбрали, может быть, самую складную, лакомую черновую строфу, неизвестно почему невшедшую в стихотворение. Наверное, просто выпавшую из логики окончательного варианта Рубцова.

*Пою о темных избах на снегу,
О криках птиц на сером берегу,
О грусти луга,—
Я вырос в бедном северном раю,
Но и о вашей родине пою,
О пальмы юга!*

Должен заметить, что нами ранее уже публиковались неизвестные стихотворения и строчки из рассматриваемых записных книжек поэта [4].

В. С. Бушин, известный поэт, критик, публицист в совсем недавно обнаруженной рецензии на рукопись стихов Н. М. Рубцова «Душа хранит» 1969 года, очень цельной, утверждающей современность и жизнестойкость поэзии Рубцова, так же не принимает этого стихотворения, по крайней мере, в момент написания рецензии [5]. Вот что писал Владимир Бушин в рецензии о неизвестном стихотворении «Пальмы юга». «Я не хочу сказать, что в сборнике Рубцова всё замечательно. Нет, в нём есть и слабые и незначительные стихи. Например, «Я забыл, как лошадь запрягают», «О собаках», романовые строки о «пальмах юга» (пальм севера не существует)». Так вот кто оставил пометку на машинописи из ГАВО...

В советское время критик-рецензент просто обязан был наряду с положительными сторонами выделить и недостатки. В. С. Бушин в этом отношении не стал исключением. Защитив в целом рукопись Николая Рубцова, он нашёл то, что ему лично было не по душе. В какой бы вопрос этого мира человек серьёзно не углублялся, он приходит к основам, к истине, к первопричине не только в своём вопросе, но в принципе углубляется в принципиальные вопросы мироздания в целом. Слепок мироздания есть в семени, селении, факте, теории, памятнике, уникальном строении, аксиоме, стихотворении, романе, философском труде, если ко всему подходить серьёзно. Они все по-своему объясняют и интерпретируют основные постулаты мироздания. В нашем случае стихотворение позволило приблизиться к языковому обоснованию определённых горизонтов основ нашего мира. Но только в том случае, если мы хотим видеть и разделяем этот факт.

В сохранившихся черновиках стихотворения «Пальмы юга» Николай Рубцов стремится к гармонии, а гармония – это, пожалуй, и есть главное в нас и в нашем существовании. Итак, поэт в основном работает над первым, возможно, отчасти, вторым четверостишием. Желание развернуть стихотворный лад как противопоставление любимому, но суровому Северу и мягкому Югу явно прослеживается в черновой работе поэта. Он ищет яркие рифмы, запоминающиеся образы, неожиданные сравнения и эпитеты. Но приходит понимание тщетности этой работы, и в повсеместно публикуются версии «Пальм юга» скорее нет этого противопоставления, кроме как в первой строфе, а дальше обычная тяга поэта к перемене мест. Однако и в своём kraю много чудесного, а друзья, которые и сами часто нигде не были, твердят, что южные страны

это нечто особенное. В жизни всегда есть место прекрасной мечте, но свой край неповторим и любим родившимся в нём человеком.

Рубцов ищет упорно и настойчиво рифмы к «пальмам юга», понимая, что только это многообразие даёт стихотворению тот поэтический простор и ностальгическую нотку, которой он добивался. Какие же рифмы он пробует в черновиках, и какие частично вошли в окончательный вариант стихотворения? «*Округа, луга, над лугом, за снегом луга, и ветрах луга, о грусти луга, о тучах луга, о бурях луга и даже о сказках луга*». Н. М. Рубцов на свой поэтический вкус пробует, на сей раз не в голове, а на бумаге эти варианты. Собственно все они из одной записной книжки.

Далее приведём как примеры упорного труда Рубцова почти все черновые строфы, в которых меняются слова, рифмы, представляются строчки [6]. А это значит, что творец видит перспективу этого стихотворения и готов работать над ним до изнеможения. А конечный результат оформлен в очередной рубцовский лирический шедевр, потребовавший так много душевных сил от поэта. Вот начало этого варианта стихотворения, где родина Рубцова и родина пальм юга (ВГМЗ, 10008).

*Люблю её сугробы и зарю,
Но почему-то грустно говорю
О пальмы юга!
Пою о тёмных избах на снегу,
О криках птиц на сером берегу
И ветрах луга,
Но и о вашей родине пою,
О пальмы юга!*

На этой же странице возможное другое продолжение.

*О пальмы, пальмы, южные моря
Ласкают вас играя и горя.*

На следующей странице (10009) тот же текст, но с одним изменением «О сказках луга». На странице 10010 вот такой вариант.

*Я вырос в бедном северном краю,
Люблю снега, сугробы и зарю,
Но почему-то грустно говорю:
О пальмы юга!*

И что со мной никак не разберусь (продолжения
эта строчка не получила – Л.В.)

*Пою о тёмных избах на снегу,
О криках птиц на сером берегу,
О бурях луга.*

На странице 10012 дан вариант, приводимый Дмитрием Шеваровым. Он отличается другим порядком строчек и уже приводился ранее в данной работе. Стоит привести и вариант страницы рукописи 10013, несколько отличный от опубликованного в «Российской газете», но также неизвестный.

*Пою о тёмных избах на снегу,
О криках птиц на сером берегу,
О тучах луга.
Но и о вашей родине пою,
И вижу вас в безоблачном kraю,
О пальмы юга!*

Может быть, с точки зрения поэта, написанные на странице 10015 торопливые строчки, не всегда точно читаемые, были какими-то неожиданными продолжениями образного ряда стихотворения, но скорее всего это часть процесса поиска. В начале страницы ещё одно трёхстишие из известных строк.

*Но вспомню вас в безоблачном kraю
И вновь о вашей родине пою!
О пальмы юга!*

А дальше начало какого-то неожиданного стихотворения, записанные быстрым почерком мысли, не получившие развития в черновиках поэта, но связаны они со строчками стихотворения «Пальмы юга»:

*Скелеты лип стучат во мне
Чтобы свои деревья и зарю*

Стучат над ним костяшками ветвей

Как документ приведём две страницы следующей записной книжки из фондов Вологодского государственного музея-заповедника [7].

Недолго светит зимней заря,
 В тихих снегах играя и горя.
 Люблю мороз, сугробы и зарю
 Но почему-то часто говорю
 О, пальмы юга!

За перевалом - там они - юны,
 Суровы, зеленые, сплошь, издают
 За склоном, зеленые, издают
 И с снегами, юные, издают
 За яркою, юные, издают не юны...
 О, юные юны!

Прошли годы. Просыпай, моя юность
 Нас юных!
 За прелестей юности погибла,
 А там, откуда юность прошла...
 О, юные юны!

За годы нас о юности мы забыли,
 О юности нас о юности забыли,
 Не зная юности,

2
 За юности юности
 Западные юности юности
 И все издают юности юности!
 О, юные юны!

Это возможный начальный или промежуточный вариант этого стихотворения. Не законченный, в мучительном поиске слов – образов, строф – такелажа, и недостроенного, ещё на стапеле и самого стихотворения – корабля. Но думается, любителям русской поэзии это будет интересно, ибо из хаоса строительного материала стихотворения уже вырисовывается его тонкий лирический силуэт, который, как всегда у зрелого Рубцова, будет великолепен. Попробуем расшифровать уже явно не каллиграфический почерк Н. М. Рубцова.

*Недолго светит зимняя заря
 В глухих снегах играя и горя
 Встаёт над лугом, (?)
 Люблю мороз, сугробы и зарю
 Но почему-то часто говорю
 О, пальмы юга!
 За перевалом - там они вдали
 Где вечно зелень, солнце, корабли
 За снегом луга
 И я смотрел, смотрел за перевал
 Где я ещё ни разу не бывал
 О, пальмы юга!
 Прошли годы. Прощай мой край (?)
 Моя округа (?)*

*За перевалом первым побывал
А там открылся новый перевал
О, пальмы юга!
Я долго пел об избах на снегу
О криках птиц на сером берегу
Но миг пройдёт
Займусь своим трудом
И всё пойдёт обычным чередом
О, пальмы юга!*

Можно сказать, что это неизвестная версия стихотворения Н. М. Рубцова «Пальмы юга». Слова и строчки, которые не удалось точно перевести, помечены знаком вопроса, знаки препинания в черновике, естественно, почти отсутствуют.

Последнее, чем хотелось закончить данный материал, думается, будет тоже неожиданным для читателя. А как может рассматриваться это стихотворение Н. М. Рубцова современной наукой стихосложения? Самому мне этот вопрос с должным профессионализмом не осилить, и потому пришлось обратиться за помощью к вологжанину, поэту, теоретику поэзии, моему другу Александру Соколову. Вот его суждением о техническом мастерстве поэта Рубцова, его месте в сложном стихотворческом современном мире и хочется закончить данный материал, одновременно поблагодарив Александра за помощь.

Для себя мной был сделан вывод, что Рубцов необыкновенно современен, традиционен и одновременно неожиданно новаторски неповторим в своих поэтических поисках. Что сказать, кроме как то, что таковы и должны быть великие стихи большого русского поэта.

ПАЛЬМЫ ЮГА (Николай Рубцов)

*Еще один
Пропал безвестный день,
Покрыты снегом
4. Крыши деревень 10 00 1 хорей 3 стопы – нарушение ритма.
И вся округа,
А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудно все –
И горы, и луна,
И пальмы юга..*

*И я глядел,
Глядел на перевал,
Где до сих пор
Ни разу не бывал...
Как воет выюга!
За перевалом первым
Побывал,
А там открылся*

*19. Новый перевал... 10 00 1 хорей 4 стопы – нарушение ритма.
О пальмы юга!*

*Забуду все.
Займусь своим трудом,
И все пойдет
Обычным чередом,
Но голос друга
Твердит, что есть
Прекрасная страна,
Там чудно все –
И горы, и луна,
И пальмы юга..
Не стану верить*

*32. Другу своему, 10 00 1 хорей 3 стопы – нарушение ритма.
Уйду в свою*

*Заснеженную тьму,-
Пусть будет выюга!
Но, видно, так
Устроен человек,
Что не случайно*

*39. Сказано навек: 10 00 1 хорей 3 стопы – нарушение ритма.
О – пальмы юга!*

На первый взгляд может показаться, что стихотворение, не совершенное технически: по ритму и рифме. В стихотворении, написанном коротким метром ямбом 2 и 3х-стопным, имеются сбои ритма в стихах 4, 19, 32, 39, и отсутствие рифмы в 10-стишной строфе в 1, 3, 6 и 8 стихах.

Однако при исследовании стихотворения, при объединении строк от рифмы до рифмы наблюдается чисто классическое стихотворение. И вот его графика:

(// – знак цезуры – словораздела, который делит стих на полустишия)
(0 – безударный слог, 1 – ударный слог)

*Еще один // Пропал безвестный день, 01 01 01 01 01 ямб 5 стоп,
Покрыты снегом // Крыши деревень 01 01 01 00 01 ямб 5 стоп,
И вся округа, 01 010 ямб 2 стопы,
А где-то есть // Прекрасная страна, 01 01 01 00 01 ямб 5 стоп,
Там чудно все – // И горы, и луна, 01 01 01 00 01
И пальмы юга... 01 010 ямб 2 стопы.
И я глядел, // Глядел на перевал,
Где до сих пор // Ни разу не бывал...
Как воет вьюга!
За перевалом первым // Побывал,
А там открылся // Новый перевал...
О пальмы юга!
Забуду все. // Займусь своим трудом,
И все пойдет // Обычным чередом,
Но голос друга
Твердит, что есть // Прекрасная страна,
Там чудно все – // И горы, и луна,
И пальмы юга.
Не стану верить // Другу своему,
Уйду в свою // Заснеженную тьму,-
Пусть будет вьюга!
Но, видно, так // Устроен человек,
Что не случайно // Сказано навек:
О – пальмы юга!*

Что я вижу?

Строфа стихотворения 6-стишная.

Рифмовка сложная по схеме: aabccb – своеобразная – не часто используемая авторами.

Кроме того короткие стихи на одну рифму и объединено стихотворение этой рифмовкой.

То есть, в каждой строфе 6-й стих одна и та же рифма слово «юга», что является лексическим повтором – эпифорой межстрофной. Так же и эпифора повтор в рифме слово «вьюга» – эти слова на одних и тех же местах в строфе - третьим стихом во 2 и 4 строфе, что тоже повтор упорядочен и лексический. А фразы: «А где-то есть // Прекрасная страна» и «Твердит, что есть // Прекрасная страна» – то же повтор лексический, как и повтор фразы «Там чудно все – // И горы, и луна». В одном случае это мнение лирического героя, в другом – утверждение друга. Не лексическим повтором в рифме второй строфы являются слова «перевал» и однокоренные

слова «побывал» и «не бывал». Но это индивидуальный подход автора. Видим, чтобы избежать глагольной и существительной рифмы (грамматической) и не рифмуются два глагола и два существительных, а рифмуются глагол и существительное. По теории стихосложения глагольную рифмовку применять не желательно.

Скорей всего Рубцов пожертвовал технической стороной стиха, отдав преимущество смысловой. Рифмы в стихотворении точные. Мужские – сухи, женские несколько напевны.

Д/ень – дерев/ень, – ассонансная, близкая к точным.

Стран/а – лун/а, перев/ал – не быв/ал, побыв/ал – перев/ал, труд/ом – черед/ом.

Свое/у – тьм/у, челов/ек – нав/ек, – точная.

Окр/уга – др/уга – точная,

въ/юга – /юга – ассонансная – близкая к точным.

Стих разностопный: упорядоченное сочетание ямба 5-стопного и 2-стопного. Из той графики стиха, в какой опубликовано стихотворение, понимаю, что стихи в стихотворении разрываются на цезуре на смысловые отрезки и разносятся в разные строки.

Клаузулы на цезуре несколько не упорядочены.

Если в большинстве стихов они мужские:

Еще один // Пропал безвестный день 01 01 + 01 01 01,

то в некоторых стихах она женская:

Покрыты снегом // Крыши деревень 01 010 + 10 00 1

А там открылся // Новый перевал... 01 010 + 10 00 1

Не стану верить // Другу своему, 01 010 + 10 00 1

Что не случайно // Сказано навек: 00 010 + 10 00 1,

из-за чего при разрыве данных стихов размер стиха не сохраняется.

Но ведь ритм стихотворения всё равно остается классический. Такой стих теоретики стиха называют НОВЫМ.

В данной графике, что опубликовано стихотворение, оно выглядит привлекательнее, нежели в классическом варианте. Такое бывает и в классическом стихе, и в тоническом, и в логаэде и в белом стихе и даже в верлибре. Автор, перенося часть стиха в другую строку, выделяет смысл стихотворных отрезков. Стихотворение написано простым языком, доходчиво.

Примечания:

1. В действительности таких записных книжек, хранящихся в отделе рукописей Вологодского государственного музея-заповедника, семь, но только в двух из них сохранились наброски и черновые варианты стихотворения «Пальмы юга».
2. Л.Н. Вересов «Архивные смальты поэтической мозаики поэта Н.М. Рубцова. Стихотворение «В минуты музыки». Путь к совершенству» В книге «Из души живые звуки» Поэт Н.М. Рубцов: жизнь и творчество» Вологда 2016, стр. 339–352. В журнале «Берега» Калининград № 6 (24). 2017, стр. 108–113.
3. Д.Г. Шеваров «Тихая его родина» Осенние прогулки с другом по вологодским адресам Николая Рубцова». Российская газета – Неделя № 6827 (256) от 12.11.2015.
4. Основные публикации статей о новых архивных находках стихов Н.М. Рубцова, никогда ранее не появлявшихся в печати. Л.Н. Вересов 1. «В день рождения общая любовь». Неизвестные архивные стихи Н.М. Рубцова». 2. «Неизвестные стихи Н.М. Рубцова: новые архивные открытия». Публикации состоялись в сборнике Леонида Вересова «Из души живые звуки» Вологда 2016, в газете «Красный Север» от 13 января 2016 года, в журнале «Невский альманах» № 5 за 2013 год, № 5 за 2014 год, № 1 за 2016 год и др. Следует сказать, что некоторые стихи и четверостишия обнаружились в записных книжках поэта из Вологодского музея-заповедника.
5. Рецензия В.С. Бушина на рукопись сборника стихов Н.М. Рубцова «Душа хранит» обнаружена в Государственном архиве Архангельской области, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 95, стр. 145–148. Опубликована в книге Л.Н. Вересова «Поэт Николай Рубцов и Северо-Западное книжное издательство. Документальные истории издания сборников стихов «Лирика» и «Душа хранит», стр. 122–125.
6. Записная книжка Н.М. Рубцова из фондов Вологодского государственного музея-заповедника 3718359.
7. Записная книжка Н.М. Рубцова из фондов ВГМЗ 3718358.

*Данилова Тамара Валентиновна,
комитет по культуре Вологодского землячества,
Рубцовский центр, г. Санкт-Петербург*

О СУДЬБЕ ПОСЕДЕВШЕЙ РУСИ (Историзм поэзии Николая Рубцова)

Образ Родины, как отмечалось в трудах многих рубцововедов, – центральный образ поэтического мира Николая Рубцова [1, 2, 3, 4]. Рубцовский образ Руси-России – рельефен и многогранен, дышит первозданностью и незамутненной чистотой, проникнут печалью и светом, по своей духовной глубине и выразительности достигает сакральной силы.

С одной стороны, рубцовская Русь – это единство природного, человеческого, исторического и духовного.

С другой стороны, образ Родины творится поэтом как некое целое, состоящее из нескольких (вложенных один в другой) миров: на самом верхнем уровне – Россия как единое целое, держава, далее – составляющая часть – Земля Вологодская, еще глубже – земля Тотемская, наконец – русская деревня и конкретно родная деревня Никола.

С сотворению центрального, стержневого образа – Родины – служат такие поэтические образы, традиционные для русской поэзии и фольклора, как дорога, звезда, поле, береза, ель, ива, изба-избушка и др., но в поэзии Рубцова они принимают самобытное, рубцовское звучание, необычайно чистое и живое вдохновение.

Например, образ избы-избушки встречается в двух десятках стихотворений Рубцова.

Рубцовские поэтические «избушки» разнообразны по настроению и мироощущению. Среди них есть образы, проникнутые печалью и грустью: «потемнели избушки», «грустит избушка», «прошальной дымкою повиты старушки избы над рекой». В других строках поэта – бесконечная сыновья нежность, неизбывная любовь, неразрывная связь с русской избушкой, с родиной.

В некоторых стихотворениях образы избы предстают оплотом, надеждой, символом крепости русского духа и традиций, символом судьбы «поседевшей Руси».

Поседевшая Русь... Это словосочетание вызывает ощущение исторической, многовековой глубины, духовное проникновение в давно прошедшее, изначальное. Это даже не «былая Русь», а гораздо сильнее и древнее. Это Русь кондовая, стержневая.

Широко известно, что поэзия Рубцова проникнута чувством тревоги за судьбу Родины, и судьба России многими читателями воспринимается через тревожные, предсумеречные, предвечерние, предзимние настроения поэта. И в таком же ключе трактуется исследователями.

Мне хотелось бы подробнее коснуться темы судьбы Родины в плане историзма Николая Рубцова, на примере некоторых стихотворений.

Прежде всего отмечу, что историзм поэзии Рубцова не лежит на поверхности, а имеет глубинный характер, воспринимается далеко не сразу. Поэт очень тонко и органично вплетает исторические нити в ткань пейзажа или действия других стихотворных зарисовок.

60-е годы. Еще крепкие колхозы, совхозы. А у Рубцова «*Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность, и сам председатель плясал, выбиваясь из сил!*» (Колхоз уже в прошлом!) Из какого же далека смотрел поэт на настоящее и что в нем видел?

Настойчиво искал он признаки взлета, но чаще видел приметы упадка.

Рубцов тосковал по былому величию России. «*Какая жизнь отликовала!*»

И очень тонко и точно подмечает, что наш день вскормлен «образом свободы». Действительно, если проанализировать историческое прошлое (давнее и недавнее), то можно увидеть, что все перевороты, революции и перестройки совершались под привлекательными лозунгами, в число которых обязательно входит обещание свободы!

Высказывание поэта «*Эх, козыри свежи, а дураки те же!*» после восклицания «*Эх, Русь, Россия! Что звону мало! Что загрустила? Что задремала?*» – также проявление глубокого понимания Рубцовыми законов истории. Здесь говорится об информационно-идеологическом сопровождении политических переворотов («козыри свежи»), об обманутых народах («дураки те же»), на крови которых повсеместно, не только в России, свергаются национальные правительства, разрушаются государства!

И, наконец, как известно, обещания практически никогда не выполняются, и, как подметил Лев Котюков [5], обещанная свобода всегда «мелькает впереди», т. е. остается мечтой.

В стихотворении 1960-го года «*Видения в долине*» впервые поэт определенно говорит:

*Но кто там снова звезды заслонил?
Кто умертвил твои цветы и тропы?
Где толпами протопаючи они,
Там топят жизнь кровавые потопы...*

В те годы для большинства советских людей оставалось скрытым наличие в государстве сил, осуществляющих разрушительные процессы, направленные на подтачивание державных устоев изнутри, на будущее полное и решительное, безжалостное разрушение государственности, которое произошло позднее и свидетелями которого большинство из нас явилось.

В 60-е подобные поэтические прозрения, предостережения казались непросвещенному большинству аллегориями, расценивались как обращение к историческому прошлому, а по отношению к настоящему воспринимались фантастикой.

Теперь, при внимательном прочтении этих строк и сопоставлении с тем, что произошло с сильным государством впоследствии, ясно, что поэт вел речь не только о прошлом.

Еще определенное тревога и предостережения проступают в более позднем (и более известном) варианте этого стихотворения – «Видения на холмах».

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Гляди, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Эти строки, на мой взгляд, не следует трактовать как обращение к теме Великой Отечественной войны [6], хотя полностью исключить такую возможность нельзя. (В стихах Рубцова, как ни у кого другого, прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно!).

Николай Михайлович говорит о настоящем: о татарах, монголах, фашистах и прочих завоевателях и разрушителях, настоящих и, возможно, будущих. Это отмечается многими [1].

Какую большую жизнь прожил поэт между этими «Видениями»! Второй вариант более тонок, глубок, но в то же время более четок и убедителен. Он более поэтичен, избавлен от броских эпитетов и поэтому обладает невероятной силой проникновения. Небольшое по размеру стихотворение приобретает силу поэмы!

Богатый жизненный опыт приобрел Николай Михайлович с осени 1959 по лето 1962 года в ленинградский период. Надо

сказать, что в записной книжке поэта большинство адресов – ленинградские. (А ведь после этого были Москва и Вологда!) Можно представить, с какой страстью впитывал он впечатления столичной жизни после четырех лет службы на флоте, пребывания в довольно замкнутом окружении.

И вот результат: через год ленинградской жизни (и еще задолго до знакомства с Тайгиным) – «*Но кто там снова звезды за-слонил?*». Удивительное прозрение!

Эти несколько примеров (а их перечень можно продолжить) говорят о глубоком понимании Николаем Михайловичем истории (не говоря уже о литературе!). Так мог писать человек не просто образованный (знающий), а просвещенный (понимающий законы истории, постигающий ее скрытые пружины).

А еще В. И. Даль говорил, что народу нужна не грамотность, а просвещение! Скольких ошибок и бед тогда можно было бы избежать! Тогда бы не столь легко «из искры возгоралось пламя».

Нельзя не отметить глубокий историзм великолепных белых стихов «Осенние этюды», а также «Русского огонька», «Жар-птицы» и др.

Даже на основе этих кратких набросков можно сделать вывод о высокой гражданственности поэзии Николая Рубцова, о четкой гражданской позиции поэта.

Этот срез рубцовской поэзии показывает, что он действительный наследник и продолжатель Федора Ивановича Тютчева, который известен не только как поэт, певец родной природы и Родины, но и как философ и первый русский geopolитик. В этой связи хотелось напомнить высказывание В. Баракова: «*Кроме того, она (русская философия, – прим. авт.), как и литература, всегда была крепко связана с идеологией и политикой, иногда даже слишком крепко, до удушения*» [2]...

В заключение хотелось бы подчеркнуть веру поэта в будущее России: «В этой деревне огни не погашены!» «Кто мне сказал, что надежды потеряны?»; «И надо мной – бессмертных звёзд Руси, спокойных звёзд безбрежное мерцанье...».

Использованная литература

1. Тимашова Л. Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
2. Бараков В. Отчизна и воля: книга о поэзии Николая Рубцова.

3. Коняев Н. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2001.– 364 с.
4. Полетова М.А. «Пусть душа останется чиста!». Николай Рубцов, малоизвестные факты биографии. М., Московский писатель, 2008.– 416 с.
5. Котюков Л. Демоны и бесы Николая Рубцова. М.: Московская организация Союза писателей России, 1998 г.– 194 с.
6. Ботадеева М.В. История и судьба России в восприятии Н.М. Рубцова и К.В. Смородина.– 2010.

И ЭТОТ ДУХ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ВЕКА!..

«Когда же возродится великая русская поэзия?» – задавался вопросом выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин в своей одноименной статье и здесь же отвечал: «Великая русская поэзия возродится тогда, когда в русской душе запоет ее последняя священная глубина, которая укажет поэтам новые, глубокие темы и дарует этим темам свою форму, свой ритм, свой размер и свои верные, точные слова» [1].

«Эта последняя священная глубина» русской души, определенная, заданная генотипом, природой, – изначальна, первична, она всегда была и есть, она непобедима, неистребима никакими средствами. Это суть то, что определяет характер народа, то, что определяет его историческую роль, место среди других народов.

Почему же философ так волновался за успехи именно поэзии? Потому, очевидно, что герои и поэты-пророки – портрет нации, и если хочешь постичь народ, то познай его героев, приди к его пророкам. Народ, не рождающий поэтов, теряет свою живоносную суть, перестает быть народом. Народ, рождающий светлых гениев, подобных Рубцову, обладает мощным зарядом глубинных нравственных сил и способен к духовному обновлению, возрождению.

«Все русские великие поэты, – продолжает разговор о поэзии Иван Александрович, – сосредотачивали свой чувствующий опыт на том, что есть главное, важнейшее или прямо священное в жизни мира и человека. Они созерцали эту Божественную суть, и сердце их начинало петь. Это поющее сердце приносило их поэзии все остальное, без чего стихотворение не есть стихотворение, и поэтому у них нередко делалось такое чувство, что и слова, и размер строки, и ритм, и рифма приходят к ним сами» [1].

Поэзия, как показывает философ, не рождается одною мыслью, воображением или волевым усилием, и хотя подлинная поэзия

требует всего человека: и его волю, и его мысль, но важнейшее и главное есть поющее сердце, и все иные силы и способности должны подчиниться ему.

Эти замечательные, вдохновенные мысли Ивана Ильина изложены им были во второй половине 40-х гг. прошлого столетия.

В это время в селе Никольском подрастал русский мальчик Коля Рубцов, опаленный войной и ранним сиротством, которому было предначертано стать не только воплощением русской поэзии, каковым он был воспринят современниками уже при жизни, но и более того – голосом своего народа, который явил в своей Поэзии его творческую национальную силу, что осмысливается, и то не в полной еще мере, только сейчас.

Многие любят Рубцова просто потому, что он – отражение глубинных свойств и состояний наших, потаенных связей наших с мирозданием, которые объективно существуют – признаем мы это или нет, отражение самого священного и наиважнейшего в нас и в мироздании; причем это не обязательно осознается, это в первую очередь чувствуется, а затем становится необходимым. Необходимым становится Рубцов, как никто другой, и потому любим читателем без какой-либо рекламы и пропаганды сверху.

И если мы вспомним рубцовские строки, посвященные поэзии, выдержки из его писем, то увидим ясно, насколько сходны взгляды его на поэтическое творчество с позицией Ивана Ильина. Вспомним, как писал он о том, что главное – это переживания (работа души и сердца), и если, например, у человека нет старинных переживаний, то не будет и старинных форм и слов.

*Но если нет ни радости, ни горя,
Тогда не мни, что звонко запоешь...*

«Первая задача поэта, – давал наказ будущим русским поэтам Ильин, – углублять и оживлять свое сердце; вторая – растить, очищать и облагораживать свой духовный опыт. Это и есть путь к великой поэзии» [1]. Этим путем шел Николай Рубцов и всю жизнь искал «благоговейным сердцем Божественного».

В 50-м году, в то время, когда Ильин работал во славу будущей России, 14-летний Коля Рубцов с сердечным восторгом воскликнул, глядя на пейзаж с крыльца дома Сергея Багрова: «Как много здесь русского!», задавался вопросом: «Откуда все это? И для кого?». Уже тогда не только ощущил, но и осмыслил, выразил вслух свое данное свыше и не зависящее от его воли предназначение: «Значит,

мне предстоит понять это...» [2]. Запела в его душе священная глубина, сердцем начал он постигать, видеть внутренним взором «старую дорогу», дорогу духа, чтоб затем провозгласить: «Здесь русский дух в веках произошел!».

Духовность – необходимое условие, основа всякого рода подлинно культурной деятельности, основа великой культуры. Однако духовность и культура не могут быть для всех народов одинаковыми, они не могут быть безликими, они всегда – национальны. «Каждый народ, – пишет Ильин, – имеет свой национальный инстинкт, данный ему от природы... И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить... Словом, у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт. Так обстоит дело от природы и от истории... Так нам всем дано от Бога. И это прекрасно...

Мысль погасить это многообразие..., свести все к мертвому подобию и однообразию... может родиться только в духовно мертвой, больной душе... она есть порождение рассудочной души, злой и завистливой» [1].

Тема национального в культуре развивалась и другими русскими мыслителями.

Николай Трубецкой в 20-х годах XX века писал о вреде космополитизма: «европейски образованным» людям «шовинизм и космополитизм представляются... противоположностями», а на самом деле, по его мнению, «принципиального различия между ними нет, это ... два аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур...

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру... Какое же содержание вкладывают космополиты в термин “цивилизация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы...

Таким, образом, культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист... Разница лишь

в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит... разница только в степени, а не в принципе...» [3].

Только подлинно национальная культура, которая национальна по духу, по своей глубинной сути, а не по внешним эффектам и признакам, становится всемирным достоянием. Стихи Николая Михайловича переведены на несколько европейских и восточных языков – и этот процесс продолжается. И для иностранного читателя Рубцов становится близким, любимым поэтом.

Вадим Кожинов отмечал: «...то, что Трубецкой называет “космополитизмом”, в наше время определяется чаще всего как приверженность к “общечеловеческим ценностям”, но в действительности при этом речь идет именно и только о западных ценностях, которые обладают-де абсолютным превосходством над ценностями других культур» [4].

А теперь, когда мы вдоволь вкусили современной западной культуры, ценность ее стала для нас более чем сомнительной, определяясь как псевдокультура, а современная массовая культура, основу которой составляют «западные ценности», представляется орудием духовного уничтожения.

«Искусство нашего века,– писал Георгий Свиридов – несет большую ответственность за то, что оно настоятельно и талантливо проповедовало бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую, интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслаждение и еще того хуже: упоенно воспевало и поэтизировало всякого вида зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию, видя в нем освежение, обновление мира. Все это, несомненно, нанесло огромный вред человеческой душе...» [5].

«Но,– утверждает Иван Ильин,– нельзя народному организму “запретить здоровье”, он прорвется к нему любой ценой, нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства – эти попытки только пробудят его к новому осознанию и к новой силе». После великих смут и нравственных блужданий, «...после тяжелых мучений и лишений человек опомнится, выздоровеет и снова обратится к настоящему, органическому и глубокому искусству...» Это грядущее искусство не будет, по мнению Ильина, «невиданным», «неслыханным» новаторством, ломающим переворотом, опрокидывающим «открытием». Погоня за потрясающими эффектами, за формальным новшеством – проявление духовной смуты и отсутствия подлинной глубины, порождение болезненного тщеславия авторов и скучающих пресыщенных зрителей,

ищающих сильных внешних возбуждающих их ленивый спящий дух толчков. «Новое искусство возникнет из обновленного духа и из глубоко-чувствующего сердца, из тех слоев души», которые были и будут источником истинных художественных творений.

«Мы имеем полное право ожидать от грядущего русского искусства новых, т. е. первоначально-подлинных, духовных содержаний и новых, т. е. предметно-оригинальных, форм: это будут новые образы, выговоренные на языке первоначальной подлинности и с силою впервые рожденной формы» [6]. Эти строки выдающегося русского философа неизменно вызывают глубокое душевное волнение, пробуждают творческую энергию. Труды Ивана Ильина как никакие другие помогают осмыслить Николая Рубцова, который свершал свой творческий акт в состоянии глубокого духовного погружения в неведомые стихии и естественно и органично добивался первозданности, первородности, органичности; того, что его стихи берут за душу. В письме А. Я. Яшину от Рубцова говорится, что «за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном, о природе... писал по-другому... Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас» [7]. Рубцов как настоящий художник «отправлял духовное служение».

Пробуждение новой духовной силы русской культуры проявилось, помимо Николая Рубцова, в творчестве Василия Шукшина, Александра Вампилова, художника Константина Васильева, композиторов Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина – и этот список можно продолжить.

Валерий Гаврилин: «Творчество Н. Рубцова я понял не сразу... Я думаю, это оттого, что его духовный, душевный мир был гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. С годами мой жизненный опыт привел меня к Рубцову – и теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов. Я учусь у него, много перенимаю и верю во все, что он пишет, даже если сам я этого не испытал. Он стал для меня школой, одним из учебников духовного опыта» [8].

Николай Рубцов возродил в литературе XX века подлинную поэзию, органичную и нерукотворную, глубинным образом связанную со стихией жизни, стихией всего мироздания, обладающую свойством не только отражать и сохранять дух своего народа, но и возрождать, творить этот дух.

Какой же предстает в поэзии Николая Рубцова дорога русского духа?

Основа ее – горячая неизбытная любовь к Родине, выражение которой в поэтическом мире Рубцова достигает непревзойденной, эпической силы и глубины. Рубцовская дорога русского духа неразрывна с родной землей и природой, соткана из света и добра, любви и великодушия; это дорога памяти и доблести народной. «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» «Это же эпос! Это «Слово о полку Игореве!», – восклицает челябинский литераторовед А. Л. Казаков.

Для поэзии Рубцова в целом характерен высокий уровень развития светлого жизнеутверждающего, творческого начала. Это позитивное благое высокодуховное начало, истоки которого мы находим в славянской и ведической мифологии, органично соединяет в себе как человеческое, так и природное.

Поэт напоминает о том, кто мы, откуда и какие мы, будит национальное самосознание, пробуждает достоинство русского человека.

Николай Рубцов облеч в прекрасные живые формулы, уникальные в поэтическом мире, основополагающие черты русского характера: душевную чистоту, сердечность и доброту, трудолюбие, великодушие, силу духа.

*Там в избе деревянной, без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной, добрый Филия живет.*

*И сыплет листья лес, как деньги медные,—
Спасибо, край чудес! Но мы не бедные...*

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

*Острова свои обогреваем,
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...*

Труд, творческое начало в поэзии Рубцова предстают не как наказание за грехи, а как естественная потребность нормального здорового человека, как неотъемлемая составляющая полноценной счастливой человеческой жизни, как, наконец, необходимое сотворчество со светлым, божественным началом.

*Все в мире в этот час свежо и мудро.
Слагается в душе негромкий стих.
Не верю я, что кто-то в это утро
Иное держит в замыслах своих.
Бросаю радость полными горстями.
Любому низко кланяюсь кусту.
Выходят в поле чистое крестьяне
Трудом украсить эту красоту.*

Рубцов вводит в картину раннего утра человека, который принимает деятельное участие в акте творения света и добра, в торжестве Света над Тьмою, причем трудящийся человек (поэт, крестьянин), с чистыми помыслами, – достойное завершение этой картины, необходимый элемент, превращающий ее в совершенство.

Символом деятельной любви, горячего сердца, неутомимого духа выступил в творчестве Рубцова «русский огонек», где из бытовой казалось бы сцены сделано гениальное обобщение и удивительный переход так, что этот огонек стал пламенем любви, добра и света и принял планетарные масштабы. Из деревенской избы читатель волею поэта и вместе с поэтом переносится в какие-то громадные пространства, и русский огонек согревает не только отдельного попавшего в беду человека, а спасает от уничтожения целые народы и культуры. Россия, являя собою неиссякаемый источник любви и силы, способна «среди тревог великих и разбоя» «гореть во мгле», нести свет и протягивать руку помощи тем, кто «от друзей отчаянно далек». Только сильные самодостаточные люди и народы в целом способны на истинное великодушие – это для них естественно. Агрессивными, завистливыми и злобными являются, как правило, существа слабые и неуверенные в себе, с психологией беспощадного, утверждающегося в жизни подростка.

Однажды я прочла «Русский огонек» женщине, далекой от литературной деятельности. Она со слезами на глазах воскликнула: «Как точно и верно ему удалось это выразить! Еще 50 лет назад! В стихах! Выразить эту особую роль и миссию России, которая проистекает из любви!»

Иван Ильин назвал ядро произведения, основную концепцию художника «духовным цветком». «Этот духовный цветок не есть субъективная выдумка... художника. Он есть реальность, духовная сущность. Его можно было бы обозначить как духовный первообраз, как живой способ бытия, как классическое, каждому

человеку доступное жизнестояние. Это жизнестояние переживается самим художником, созерцается им и становится его предметом. Он находит его в Боге, в человеке или природе вещей» [6]. И вновь Рубцов будто бы вторит мыслителю, утверждая, что «поэты – носители и выразители поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и бытия» [7].

*О чем писать?
На то не наша воля!*

Поэт сродни ученому. Последний открывает законы природы, законы объективные, не выдуманные. Поэт открывает и провозглашает законы духовные, т. е. законы, которые отражают связи человека (его духа, души, сердца) с обществом и мирозданием. Это отношение человека к природе, родине, к прошлому и будущему, ко всей сложной и многообразной системе человеческих достижений, к культуре во всей ее многогранности. И чем глубже эти законы, чем более наполнены они содержанием и новыми смыслами, тем они дороже читателю. Не потому ли стихи Николая Рубцова так сразу «ложатся на душу», что они и есть подлинная наша душа, и истинно наш дух. А все искусственное и надуманное не принимается читателем.

Многие стихи Рубцова имеют статус самостоятельных духовных явлений. Они лишены нарочитости, назидательности и звучат как разговор о самом главном и насущном в жизни человека. Поэт, словно следя наставлениям философа, погружался в духовную глубину, в пространства духовного опыта предшествующих поколений, приносил оттуда самые лучшие цветы. И вновь попадание «в десятку»! Невероятное сходство образов рубцовской поэзии с философскими образами Ивана Ильина. «Буду поливать цветы...» Рубцов скорбел, когда цветы поэзии в его сердце увядали, старательно их лелеял и возвращивал, «поливал».

Николай Рубцов оставил нам в дар «подлинный, чудесный и очистительный аромат своих духовных цветов», среди которых одним из самых ярких, на мой взгляд, является «русский огонек».

Поэт, постоянно испытывая жизненные невзгоды, жил в непостижимом и недостижимом для многих пространстве духа, шел по дороге русского духа, «перекликаясь с теми, кто прошел, перекликаясь с теми, кто проходит», провозглашая «И этот дух пройдет через века!».

Список использованных источников

1. Ильин И.А. Наши задачи / М.: Алгоритм.– 2017 г.– 464 с.
2. Воспоминания о Николае Рубцове / Вологда: КИФ «Вестник», 1994.– 426 с.
3. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М.: ЭКСМО.– 2015 г.– 304 с.
4. Кожинов В.В. Россия как цивилизация и культура / М.: Институт русской цивилизации, 2012.– 1072 с.
5. Свиридов Г. В. Музыка как судьба / М.: Молодая гвардия, 2002.– 798 с.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности / М.: Республика, 1993 г.– 431 с.
7. Рубцов Н. М. Русский огонек. Стихи, переводы, проза, письма / Вологда: КИФ «Вестник», 1994.– 425 с.
8. Гаврилин В. А. О музыке и не только... Записи разных лет / СПб.: Композитор, 2003.– 344 с.

*Елистратова Ксения Александровна,
Минец Диана Владимировна,
ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область*

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Н. М. РУБЦОВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Топонимическая лексика наряду с онимами других разрядов в художественном тексте относится к разряду поэтонимов – онимов литературного произведения. Согласно точке зрения Н. В. Подольской, поэтоним (иначе – поэтическое имя) – это имя художественной литературы, выполняющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции¹²³. Данный вид онимической лексики представляет собой важную составную часть лексикона любого художественного произведения: поэтонимы выступают неотъемлемым компонентом выражения творческого замысла автора.

В рамках настоящей статьи на основе осуществленной ранее выборки топонимических единиц из поэтических текстов Н. М. Рубцова (1936–1971) предпринимается попытка реконструкции относительно стабильных элементов локальной картины

¹²³ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 108.

мира, отмеченных выраженной региональной спецификой в авторском дискурсе. Выявление значимой для поэтического сознания информации о Вологодском крае представляется важной задачей в изучении региональной картины мира. Художественное осмысление региона выступает в этом случае как один из источников определения актуальных сведений о крае¹²⁴.

Все найденные в поэтических текстах Н. М. Рубцова топонимические единицы условно можно разделить на 2 группы: 1) эксплицитно выраженные реалии; 2) имплицитно выраженные (уровень климатических и бытовых деталей).

Топонимы – достаточно частое явление в текстах Рубцова. Эта онимическая группа представлена в его поэзии гидронимами (и прежде всего – названиями рек, иначе – потамонимами): «И, утверждая трезвые порядки, упрямо волны двигала Двина!» («На берегу»; Северная Двина – река на севере Европейской части России, образуется слиянием рек Сухона и Юг у города Великий Устюг в Вологодской области, далее течёт на север, в Архангельскую область); «На реке Сухоне» (название стихотворения; Сухона – крупнейшая и самая длинная река в Вологодской области России, левая и основная составляющая Северной Двины); «Я уплыву за Вологду-реку! / Огни в реке и Вологду во мгле...» («Вечерние стихи»; Вологда – река в Вологодской области, правый приток Сухоны бассейна Северной Двины); «Нас на Вую вызвал Лёва, / А на Вое нету клёва...» («Экспромт»; Воя протекает в Тотемском и Междуреченском районах Вологодской области, правый и крупнейший приток Ихалицы) и пр. Данные гидронимические единицы отражают объективные сведения о Вологодской области, вместе с тем «проникновение» их в поэтические тексты свидетельствует о значимости данных реалий для автора.

Не менее обширную группу составляют ойконимы (названия населенных пунктов): «И вдруг заржал он молодо, / гордясь без похваль, / когда увидел Вологду / сквозь заволоку мглы!» («Старый конь», Вологда – областная столица, административный, культурный и научный центр Вологодской области, центр Вологодского района). В семантике любого топонима можно выделить три слоя: собственно топонимическое значение (т.е. номинативное),

¹²⁴ Минец Д. В., Елистратова К. А. Специфика репрезентации концепта «Русский Север» в современной вологодской поэзии (на материале текстов Наты Сучковой) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сборник научных статей / Отв. ред. Е. Н. Ильина; Вологодский государственный педагогический университет. Вологда, 2013. С. 124.

дотопонимическое (этимологическое) и посттопонимическое¹²⁵, иначе – образное, стилистическое (оно возникает в процессе функционирования). Именно последний тип значения крайне важен для авторской интерпретации топонимических реалий. Текст представляет собой поэтическую интерпретацию классического сюжета возвращения героя на родину, областной центр малой родины маркирован положительно («И вдруг заржал он молодо, / гордясь без похвалы...»). В данном стихотворении автор задействует и этимологический пласт значения ойконима, опираясь на народные версии происхождения названия географического объекта: самое популярное народное объяснение связывает имя города со словом «волок» («Хоть волки есть на волоке, / и волок тот полог, / едва он сани к Вологде / по волоку волок»). Эту версию можно встретить в книге В. А. Гиляровского «Мои скитания»: «Было на месте настоящего города тогда поселеньице, где жили новгородцы, которое, может быть, и названия не имело. И вернулся непроходимыми лесами оттуда в Новгород какой-нибудь поселенец и рассказывает, как туда добраться.– Волок да волок, волок да волок, а там и жилье. И невольно остаётся в памяти слушающего музыка слов, и безымянное жилье стало: – Вологда»¹²⁶.

В некоторых текстах поэт обращается и к более частным деталям пространства города. В стихотворениях «Вологодский пейзаж» («Живу вблизи пустого храма, / На крутизне береговой, / И городская panorama / Открыта вся передо мной»; «Кончаясь лишь на этом склоне, / Видны повсюду тополя, / И там, светясь, в тумане тонет / Глава безмолвного кремля...») и «Выпал снег» («Вдоль по улице по узкой / Чистый мчится ветерок, / Красотою древнерусской / Обновился городок»; «Снег летит на храм Софии, / На детей, а их не счастье, / Снег летит по всей России, / Словно радостная весть») представлены микрообъекты городского пространства (**урбанонимы**): Софийский собор (Собор Софии Примадости Божией) – православный храм, ныне музей, древнейшее сохранившееся каменное сооружение на территории Вологды, одна из крупнейших построек эпохи Ивана Грозного.

Ойконим «Вологда» в некоторых текстах поэта выступает и в метонимической функции (Вологда = Вологодская область, «родная земля»): «За Вологду, землю родную...» («Гост»), в ряде текстов его субSTITУТОМ является перифрастическая единица «самый

¹²⁵ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 240.

¹²⁶ Гиляровский В. А. Мои скитания. М., 2015. С. 12.

древний град»: «В леса глухие, в самый древний град / Плыл пароход, разбрызгивая воду...» («Последний пароход»).

Топонимы данной группы употребляются в большинстве случаев только в прямом значении и используются для описания ситуаций, являющихся значимыми для автора: «Хотя проклинает проезжий / Дороги моих побережий, / Люблю я деревню Николу, / Где кончил начальную школу!» («Родная деревня»; деревня Никола – населенный пункт в Тотемском районе Вологодской области, административный центр Толшменского сельского поселения). Микротопоним актуализирует оппозицию «провинция – столица» («Ну что по провинции шляться? / В столицу пора отправляться!»), сохраняя авторскую симпатию за милым сердцу родным уголком («Когда ж повзрослеет в столице, / Посмотрит на жизнь за границей, / Тогда он оценит Николу, / Где кончил начальную школу...»). Данный текст развивает и характерную для региональной поэзии оппозицию универсальных амбивалентных концептов «свой» и «чужой» с явным доминированием первого компонента. Глубинный культурный смысл концепта «свой» раскрывается посредством реализации концептов «край», «деревня», «дом» в разных вариантах их языковой презентации. Кроме того, топоним «Никола» является прямой отсылкой к теониму «Николай Чудотворец». Церковь Святого Николая Чудотворца во Владычной слободе – один из старейших сохранившихся храмов города Вологды. Праздник святого Николая Угодника по традиции отмечают два дня: первый – 19 декабря (этот день носит названия праздник Николая Угодника зимнего) и весной – 22 мая. Николай Чудотворец на Вологодчине является наиболее чтимым святым. Именно поэтому неслучайно в текстах Рубцова частое обращение к его имени в разных вариациях и огласовках.

В отдельных случаях в текстах Рубцова имеют место оттопонимические образования: «И подают **kaduyskoe** вино...» («Вечерние стихи»). В поэтических описаниях нашли отражение специфические региональные промышленные реалии. Кадуй – посёлок городского типа, административный центр Кадуйского муниципального района Вологодской области. Кадуйский винодельческий завод существует с 1937 года. Тогда он назывался экстрактным – из местного сырья (клюквы, брусники) выпускали экстракты. С 1949 года здесь начали выпускать плодово-ягодные вина. Любителем кадуйского вина был поэт Николай Рубцов. В Вологде он частенько заходил в ресторан «Поплавок», в котором подавали вино, произведенное в районном селе Кадуй из калины,

рябины и других растущих в окрестностях ягод по рецептам, известным еще с дореволюционных времен. В своем произведении «Вечерние стихи» Рубцов писал именно об этом ресторане, где «на окне стоят цветы герани, / И редко здесь бывает голос браны, / И подают кадуйское вино...»¹²⁷. Данный пример – яркая поэтическая отсылка к региональной промышленности. Кадуйское вино как оттопонимное образование со всей очевидностью может быть отнесено к единицам, отражающим общие, фоновые знания, объединяющие представителей региона. Употребление подобных единиц, метонимически отсылающих к образу вологодской земли и ее территорий, выступает в качестве продуктивного приема презентации регионального сознания автора.

Ферапонтово (село в Кирилловском районе Вологодской области) – еще один значимый маркер топонимического поэтического пространства в поэзии Н. М. Рубцова, например, в стихотворении «Ферапонтово»: «В потемневших лучах горизонта / Я смотрел на окрестности те, / Где узрела душа **Ферапонта** / Что-то божье в земной красоте» (Ферапонт Белозерский, Ферапонт Можайский – святой Русской православной церкви, почитается как чудотворец, основатель Белозерского Ферапонтова и Лужецкого Ферапонтова монастырей). Ферапонтов Белозерский Богородице-Рождественский монастырь – один важнейших культурных и религиозных просветительских центров Белозерского края. Ферапонтов монастырь с росписями Дионисия является редким образцом стилевого единства русского северного монастырского ансамбля XV–XVII веков: «И небесно-земной **Дионисий**, / Из соседних явившись земель, / Это дивное диво возвысил / До черты, небывалой досель...». Антропонимы «Дионисий» и «Ферапонт» в данном случае тоже выступают субститутами Вологодского края.

Вологодские микротопонимы становятся важными точками на поэтической карте малой родины Рубцова: «Мы сразу стали тише и взрослей. / Одно поют своим согласным хором / И темный лес, и стаи журавлей / Над тем **Бобришным** дремлющим угором...» («Последний пароход», Бобришный угор – место в Никольском районе, дача А. Я. Яшина); «Остановись, дороженька моя! / Все по душе мне – сельская каморка, / Осенний бор, **Гуляевская горка**, / Где веселились

¹²⁷ Астафьев В. Затесь о Николае Рубцове // Николай Рубцов в воспоминаниях друзей: ранее не опубликованные стихотворения и материалы / Николай Попов [худож.: Озеров И. А.]. М., 2008 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/rubtsov/life16.htm>.

русские князья» («Гуляевская горка», Гуляевская горка – деревня в Вологодском районе Вологодской области).

В региональной картине мира выделяются различные компоненты: а) имеющие ярко выраженную региональную специфику, то есть фиксирующие информацию, уникальную для того или иного региона; б) представляющие собой элементы «провинциального» мировосприятия и не являющиеся специфичными для отдельно взятого региона. Выявление значимой для поэтического сознания информации о Вологодском крае в текстах Н. Рубцова представляется важной задачей в изучении региональной картины мира. Художественное осмысление региона выступает в этом случае как один из источников определения актуальных сведений о крае. В данном случае речь идет об имплицитно выраженной топонимической информации.

Исследователи, изучая образ Севера в русской литературе, пользуются термином «северный текст», толкуя его содержание весьма неоднозначно¹²⁸. Однако в рамках данной статьи мы оперируем текстами, написанными поэтом, родившимся и прожившим много лет на территории Вологодской области. Полагаем, что произведения, созданные именно таким автором, позволяют сосредоточиться на особенностях эстетического освоения природы русского севера, в окружении которой вырос сам поэт. И в этом отношении допустимо говорить о региональной поэзии, которой (даже при широком понимании «северного текста») должно быть отведено особое место.

Лексемы, участвующие в создании образа малой родины, в поэзии Рубцова крайне разнообразны. Значительную группу составляет лексика, презентирующая определенный фрагмент данного географического пространства или его признак, характерную черту. Тексты Рубцова – это картины-миниатюры деревенской жизни. Лексико-семантическое поле «Север» представлено в его текстах в соответствии со словарным определением: это местность, расположенная в полосе холодного и умеренно-холодного климата (СРЯ 1999, Т. 4: 67): «*Вот он и кончился, покой! / Взметая снег, завыла вьюга. / Завыли волки за рекой / Во мраке луга. / Сижу среди своих стихов, / Бумаг и хлама. / А где-то есть во мгле снегов / Могила мамы. / Там поле, небо и стога, / Хочу туда, о, километры! /*

¹²⁸ Скепнер Л. С. О литературоведческом аспекте «северного текста» // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н. И. Николаев. Архангельск, 2003. С. 13–19.

Меня ведь свалият с ног снега, / Сведут с ума ночные ветры! / Но я смогу, но я смогу / По доброй воле / Пробить дорогу сквозь пургу / В зверином поле!..» («Памяти матери»); «Короткий день. / А вечер долгий. / И непременно перед сном / Весь ужас ночи за окном / Встает. Кладбищенские елки / Скрипят. Окно покрыто льдом» («Зимовье на хуторе»); «Мимо изгороди шаткой, / Мимо разных мест / По дрова спешит лошадка / В Сиперово, в лес. / Дед Мороз идет навстречу. / – Здравствуй! – / Будь здоров!.. / Я в стихах увековечу / Заготовку дров. / Пахнет елками и снегом, / Бодро дышит грудь, / И лошадка легким бегом / Продолжает путь» («По дрова»).

Семантический параметр «климат» становится важной составляющей авторского эстетического освоения вологодского края. В определенной степени подобная оценка отражает особенности природы вологодского Севера, но значительна здесь и доля мифологизации. По существу, именно холодная зима становится предметом поэтического осмысления автора.

Созданию образа родного края способствуют и традиционные персонажи и реалии русской деревни, ее быта, ландшафта: «Ах, сколько рыжиков! / Ну как во сне... / Я счастлив, родина, / – Грибов не счастье. / Но есть смородина, / малина есть»; «А чем утешены, / что лес покинули / Все черти, лешие / И все кикиморы?..» («В лесу»); «Привезу я дочеке Лене / Из лесных даров / Медвежонка на колене, / Кроме воза дров. / Мимо изгороди шаткой, / Мимо разных мест / Вот и въехала лошадка / В Сиперово, в лес. / Нагружу большие сани / Да махну кнутом / И как раз поспею к бане, / С веником притом!» («По дрова»).

Отмеченная выше оппозиция универсальных амбивалентных концептов «свой» и «чужой» с явным доминированием первого компонента в текстах поэта актуализируется общими семантическими компонентами: «личный», «мой», «принадлежащий мне»: «Остановись, дороженька **моя!**» («Гуляевская горка»), «Мне хорошо в **моей** пустыне, / Не страшно мне, когда темно» («Зимовье на хуторе»).

Очевидно, что у поэта в описании края преобладает прежде всего эмоциональное восприятие. Эмоциональный образ родного края создается благодаря частому использованию диминутивов: «Меж потонувших в зелени домишк...», «Из-за каких-то мелких окунишек» и пр. («Последний пароход»).

Таким образом, можно говорить о том, что архитектоника родного края в поэтических текстах Н. М. Рубцова представлена следующим образом: Север – это местность, расположенная в полосе

холодного и умеренно-холодного климата. В структуре значения преобладают климатические оценочные реакции. Рассмотрение поэтического материала было осуществлено с двух позиций. Важным было, во-первых, выяснить, каков эмоционально-оценочный компонент образа Вологды как родины; во-вторых, установить содержание образа вологодского края посредством определения эстетически освоенных фрагментов реальности – топонимов прежде всего.

Итак, Н. М. Рубцовым конструируется образ Вологодчины в следующих координатах: 1) климатические (время года в абсолютном большинстве текстов – зима); 2) географические (место действия – провинция: областная столица, районные центры, вологодские деревни); 3) бытовые (репрезентируемый материал – «проза жизни», привычные «картинки» из провинции, бытовые подробности деревенской жизни).

При помощи отбора и актуализации специальных средств языка поэт идентифицирует себя с регионом, демонстрируя знание реалий, названий, известных жителям края и людям, которые по данным знакам могут воссоздать специфические черты регионального пространства. Проведенный анализ показал, что целью использования автором средств «регионального языка» в поэтических текстах является стремление продемонстрировать принадлежность к географическому или культурному пространству региона, выразить отношение к этой земле. В этом случае систему всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность автора, можно рассматривать как особый, региональный языковой код, служащий активизации региональной картины мира носителей русского языка.

Использованная литература

1. Астафьев В. Затесь о Николае Рубцове // Николай Рубцов в воспоминаниях друзей: ранее не опубликованные стихотворения и материалы / Николай Попов [худож.: Озеров И.А.]. М., 2008 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/rubtsov/life16.htm>.
2. Гиляровский В. А. Мои скитания. М., 2015.
3. Минец Д. В., Елистратова К. А. Специфика репрезентации концепта «Русский Север» в современной вологодской поэзии (на материале текстов Наты Сучковой) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сборник научных статей / Отв. ред. Е. Н. Ильина; Вологодский государственный педагогический университет. Вологда, 2013. С. 124–130.

4. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. М., 1974.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
6. Скепнер Л.С. О литературоведческом аспекте «северного текста» // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н.И. Николаев. Архангельск, 2003. С. 13–19.

*Иванова Елена Владиславовна,
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный
университет», г. Москва*

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. М. РУБЦОВА «НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ...»

Антиномия «жизнь и смерть» является одной из центральных в творчестве Н. М. Рубцова. Ее оттеняет мотив сиротства. Вечный поиск маминой могилы, ее поэтические описания преследовали поэта всю жизнь.

Кладбищенских сцен и надгробильных пейзажей в поэзии Н. Рубцова немало (см. стихотворения «Березы», «Тихая моя родина», «Утро утраты», «Поэт перед смертью...»). С ними связаны образы оград, мраморных плит, надгробных роз, желтеющих берез, белых ромашек. Интересен образ малинника, подчеркивающего сладость жизни.

Сквозным образом является в творчестве поэта образ смертного креста. В православии этот образ является одним из ключевых. Человек всю жизнь несет свой крест, проносит его через все испытания. Крестное знамя отводит беду, выручает в самые тяжелые моменты. Большой кладбищенский крест – центральный образ кладбищенского пейзажа. В стихотворении «Над вечным покоем» этот образ вынесен в первую строку. Произведение входит в сборник «Звезда полей» (1967), впервые опубликовано в альманахе «День поэзии» в 1966.

Для А. С. Пушкина в надгробиях важны имена («Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный Волны, плеснувшей в берег дальний, Как звук ночной в лесу глухом. Оно на памятном листке Оставит мертвый след, подобный На непонятном языке»). Для Н. М. Рубцова важен погребальный крест как своеобразный жизненный итог.

Все это обрамлено темой памяти об ушедших, их следа в этом мире. Это относится как к творческим людям, так и обычным.

В стихотворении «Над вечным покоем» тему смерти наиболее фундаментально выражает название произведения. Образ вечного покоя – энергетически уравновешенный, монументальный образ.

Символическое значение образа многогранно. Вечный покой – постижение мира, свойственный «тихой лирике» как поэтическому течению. Стихотворение удачно вписано в поэтическое творчество Н. Рубцова поминальной тональностью, могло бы быть названием сборника. Оно переплетается со стихотворением «Село стоит».

Кладбище – непременная часть сельского пейзажа. Тема смерти неразрывно связана с темой любования миром. Все это в русле есенинской традиции. Лирический герой С. А. Есенина в двадцатилетнем возрасте начинает прощаться с миром, с красотами родной земли.

Поэт всю жизнь жил в ожидании смертного часа, с волнением ждал этого перехода души в небытие. Это мгновение представлялось Н. Рубцову во всей своей простоте. Не случайна рифма: «ромашка – рубашке». В «счастливой рубашке» люди рождаются – в белой чистой холщовой умирают. Образ рубашки тесно связан в образной структуре поэтических текстов Н. Рубцова с образом смерти. Ярко прозвучал он и в стихотворении «Утро утраты».

Во всех стихотворениях этой тематики неизменно звучит элегическая тональность. В жанровом отношении стихотворение «Над вечным покоем» тоже можно рассматривать как элегию – песню грустного содержания. Плавная элегическая интонация во второй строфе дополнена анафорическим повтором: «Там фантастично тихо в темноте, Там одиноко, боязно и сыро, Там и ромашки будто бы не те – Как существа уже иного мира». В последней строке сказывается пантеистическое видение мира.

Интересна инструментовка стихотворения. В нем есть и аллитерации, выделяющие ключевые образы строфы («малины», «могильные», «малинник»), внутренние рифмы («нашел» – «нашел» – «ушел»), звуковые удвоения («и так в тумане», «смертным и святым»), ассонанс («...Я хотел упасть и умереть И обнимать ромашки, умирая...»).

В третьей строфе есть перекличка со стихотворением «До конца»: «...До конца не будет мне покоя».

В произведении много восклицаний, ярких, запоминающихся восклицаний. Повторы строфы («Пускай меня за тысячу земель

Уносит жизнь! Пускай меня проносит По всей земле надежда и
метель, Какую кто-то больше не выносит!»).

Как и в других стихотворениях Н. Рубцова, здесь важна игра света и тени («темные кусты», «тихо в темноте», «в тумане омутной воды»). На фоне этих мрачных образов рельефно высвечиваются белые ромашки и белая горестная рубашка похоронного обряда.

Никанорова Екатерина Борисовна,

Череповецкий Рубцовский центр, г. Череповец, Вологодская область

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВРЕМЁН В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

К изучению вопроса проблемы времени в поэзии Н. Рубцова обращались многие исследователи. В своих воспоминаниях «Искры памяти» Александр Романов писал: «Зрение у Николая Рубцова (в обычном понимании) было как ясновидение времен». Размышляя о поэзии, Рубцов утверждал: «Современность – это вечность. В прошлом – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление. А вечность – это и есть предмет поэзии»¹²⁹.

В работе Валерия Редькина «Время и пространство в поэзии Н. Рубцова» находим: «В творчестве Н. Рубцова время почти не выступает непосредственно как тема произведения. Поэт приходит к мысли о связи времен, стремится философски осмыслить эту связь. В основе хронотопа лежит пересечение времен. Многие стихи поэта появляются на перекрестье движения или развития мысли во времени. Поэт утверждает единство времени и вечности как полноты бытия»¹³⁰.

Схожее утверждение мы находим в работе М. Акимовой: «Время и пространство у Рубцова становятся достаточно условными». «Основу целостности поэтического мира, сотворённого поэтом, составляет мотив движения во времени (из настоящего в прошлое и будущее, из конкретного дня в вечность, из бытового в бытийное)»¹³¹

¹²⁹ Романов А.А. Искры памяти. Сайт «Душа хранит».

¹³⁰ Редькин В.А. Время и пространство в поэзии Н. Рубцова. В кн. «...звезды труда, поэзии, покоя...» К 80-летию Н.М. Рубцова.– М., РАН, Институт научной информации по общественным наукам, 2016.– С. 100.

¹³¹ Акимова М.А. Время и пространство в алтайском цикле Н. Рубцова. Материалы конференции.– М, ИМЛИ.

«Грамматическое время в стихотворениях – настоящее, но сюжетное время – т. н. вневременное (всевременное) устремляется в прошлое, возвращается в настоящее, а потом в будущее – время вечных истин. Тема времени – это размышления о бренности и вечности. Время безмолвно, вечность тиха, равнодушна к деталям, вообще равнодушна и спокойна». Исследователи увидели своеобразие «темы времени» в таких стихотворениях, как «Видения на холме», «Старая дорога» (В. Редькин), стихотворениях алтайского цикла (М. Акимова).

Для решения проблемы своеобразия времени в лирике Н. Рубцова проанализируем стихотворения поэта, созданные им после пребывания в различных населенных пунктах Вологодского края.

География поездок Николая Рубцова по территории Вологодской области необычайно широка. Мы не берем во внимание Вологду и Николу. В этих населенных пунктах поэт жил продолжительное время. Речь в работе пойдет только о поездках. Эти «странствия» продолжались всего 5 лет: с 1965 года по 1970, но поэт побывал во многих уголках Вологодчины.

В Шуйское, правда, приезжал, будучи молодым, трижды: в 1954 году, 1960 и 1962 годах. В Череповце бывал у сестры Галины, приезжал с Виктором Коротаевым к его матери, на областное телевидение, в редакцию газеты «Речь» (в то время «Коммунист»). В Белозерске – в гостях у Леонида Беляева. С ним выезжали в колонию на остров Сладкий, где выступали перед заключенными. В Бабаево – несколько месяцев работал в редакции районной газеты «Ленинский путь». Из Бабаево выезжал в Борисово-Судское, деревню Афанасово. Во время творческой поездки на корабле по Волго-Балту побывал в Горицах, в Кириллове, в Белозерске, в Липином Бору, Вытегре. В Липин Бор приезжал трижды: в августе, в сентябре и в декабре 1967 года. В Кириллове и Ферапонтово провел свое последнее лето. По воспоминаниям Анатолия Мартюкова, в 1970 году приезжал в Великий Устюг. В Никольск ездил с группой писателей на открытие музея Александра Яшина в 1968 году. Были у поэта творческие командировки в город Сокол, Грязовец, Шексну. С Сергеем Чухиным приезжал в его родные края, в деревни Новленское, Погорелово, Дмитриевское. Можно назвать город Харовск и деревню Тимониху, куда Рубцов приезжал по приглашению Василия Белова.

В Тотьме учился два года в техникуме, но памятной для поэта стала поездка в этот город в 1969 году.

Конечно, жителей этих городов, поселков и деревень интересует вопрос: посвятил ли Николай Рубцов их родным местам стихотворение? Об этом пишут, например, в своих воспоминаниях бывшие сотрудники редакции бабаевской газеты «Ленинский путь». Долго искали хотя бы упоминание – не нашли. Татьяна Короткова рассказывает, что всю жизнь искала стихотворение о ее родном Междуречье, пока Галина Алексеевна Зиминова из Вологды не показала ей строки «катится древняя Шуя...».

Из 25 упомянутых населенных пунктов Рубцов написал стихи только о четырех: Шуйское («В белой рубашке в осоке лежу...»), Липин Бор (причем, сразу два стихотворения: «Сосен шум» и «Гуляевская горка») и четверостишие «Над Липиным Бором мерцанье», Тотьме («Тот город зеленый и тихий...», «У церковных берёз») и Ферапонтово (стихотворение с одноименным названием).

Закономерный вопрос – почему? Почему именно здесь родились поэтические строки? Почему именно в этих местах пришло к поэту вдохновение? Поразила красота? Несомненно, да. Красота Тотьмы с храмами-парусниками и Липина Бора со столетними сосновыми, Ферапонтова с его «диводивным» монастырем. Но так же поражают красотой и Кириллов, и Белозерск, и Великий Устюг. Глубина чувств, испытанных поэтом? И снова – да. Чувство отчаяния. Поэт окончательно понял, что его первая любовь оказалась безответной, что его окончательно отвергли, попросили даже не встречаться, не разговаривать в Шуйском. Чувство удачи, радости – встречи с близкими друзьями в Липином Бору, печатание (по памяти!) 120 стихотворений для нового поэтического сборника. Глубина переживаний – поездка в город юности в Тотьму, где поэт уже давно не был и где на него нахлынули воспоминания. Восторг от встречи с прекрасным – в последнее лето 1970 года поездка в Ферапонтово, красота которого заставит и обычного человека замереть, не говоря уже о человеке с возвышенной поэтической душой. И еще, наверное, чувство удовлетворения: в апреле этого года выходит сборник «Сосен шум», а в июле поэт готовит к печати уже пятый поэтический сборник и обговаривает его название.

Но есть, на наш взгляд, еще один, пожалуй, самый важный критерий, который объединяет все эти стихотворения. Это – чувство Времени, чувство единства прошлого, настоящего, будущего – это пересечение времен.

Мы проанализировали все 5 стихотворений, но для статьи предлагаем анализ одного – «Тот город зеленый и тихий...».

Стихотворение «Тот город зеленый и тихий...» написано Н. Рубцовым в 1969 году после поездки в город Тотьму. Оно

имеет интересную композицию: в нем 35 строк, не разбитых на строки (автор хочет передать свои мысли и чувства как единое, неразрывное целое). Условно можно выделить 5 четверостиший и 3 пястишия (трижды появляется одна лишняя строка). В тексте 162 слова, из них глаголов – 18. Если проследить движение мысли лирического героя во времени, то появится очень сложная схема: Н – Б – Н – П – Б – П.

Первыми идут глаголы настоящего времени: *поет, громыхнет, тянет, летают, бывает, столпился* (глагол в форме прошедшего времени, но используется для оживления действия в настоящем). Таким видит автор «город зеленый и тихий», когда с пристани поднимается на высокий берег реки и идет на главную площадь. Эта картина вызывает в его душе состояние радости: «Ну что там отрадней, счастливей / Бывает еще на земле?» Далее мы видим ряд глаголов в будущем времени: *взгляну, порадуют, сорву, заволнуюсь, вспомню*. Лирический герой через взгляд (*взгляну*), через движение руки (*сорву*) начинает испытывать глубокие чувства: радость, волнение; он погружается в воспоминания. Глаголы в прошедшем времени подтверждают это: *целовал, страдал, верил*. В прошлом, в далекой юности, именно в этом городе он испытывал глубокое чувство первой любви. Тут же глагол в настоящем времени *гаснут*, но он имеет значение и прошедшего времени – они гасли и тогда, в момент их свидания, но так же и гаснут сейчас. О силе чувств говорят и восклицательные предложения – их три, и прием анафоры – все три предложения начинаются с частицы КАК.

Окончание стихотворения – обращение в будущее время: «Сей образ прекрасного мира / мы тоже оставим навек». Далее глагол в повелительном наклонении: *пусть будет*. Автор замыкает в будущем в кольцо вечности все, что было и в прошлом, и в настоящем, все, что он любил: «...город, и юность, и лето, и небо...».

И еще одно наблюдение. Классическое построение стихотворения было бы, если бы оно имело 32 строки, 8 четверостиший. У поэта, как мы уже говорили, 35 строк. Лишняя строка в четверостишии нарушает привычный ритм звучания, голос как будто срывается, что говорит о взволнованности автора, о глубине переживаемых чувств. Так вот лишняя строка появляется в строфе, где как раз речь идет о времени – настоящем, прошедшем и будущем. В настоящем – это радость встречи, в прошлом – это горечь неразделенной любви, в будущем – а оно звучит, как заклинание, страстное желание, чтобы в этом зеленом городе все, что свято,

осталось навсегда. Этим самым подчеркивается мысль о вневременности, а значит, о вечности в стихах Рубцова.

Об этом свойстве поэзии Николая Рубцова писал Н. Коняев: «Истоки многозначности произведений Н. Рубцова в особом устройении времени его стихов. «Давно сказано, что о русском языке надо говорить как о храме, как о средстве выражения Богооткровенной истины. Особое значение придавалось аористу, который обозначал действие в чистом виде; действие, не соотнесенное со временем; действие вне времени, в вечности... При описании обычной жизни аорист был не нужен, но когда речь шла о действиях Бога, который не подвластен времени, который сам Владыка и Господь времени, аорист становился необходимым», – в подтверждение своей мысли Коняев приводит высказывание доцента Международного славянского университета А. Беляева. Так вот Рубцов и воссоздает поэтическими средствами аорист, осуществляя связь времен. Эта молитвенная «аористическая» одновременность обнаруживается во многих стихотворениях»¹³². Далее Коняев анализирует такие стихотворения, как «Старая дорога», «Видение на холме».

Из этого умения – одновременно видеть три времени – и пророческое в Николае Рубцове. Это умение заглянуть в будущее поражало и его современников, поражает и нас. У всех на слуху многие его пророческие поэтические строки.

Расцвет поэзии Н. Рубцова – это 60-е годы XX века. Как сообщают Википедия – это время «радикальных, новых, захватывающих открытий» во всех сферах человеческой деятельности. Это и обретение свободы – 32 колониальные страны получили независимость, и научно-технические достижения: пионерская космонавтика, сверхзвуковые самолеты, демонстрация лазера, и перемены в политике: Карибский кризис, возведение Берлинской стены, завершение хрущевской оттепели, празднование 50-летия Октябрьской революции. В области литературы значительными событиями можно назвать получение Нобелевской премии М. Шолоховым, публикацию романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Откликов на все эти грандиозные события у Рубцова нет, разве только бегло упомянут полет в космос. Такая вот позиция была у поэта. Он принимал настояще, но понимал, что все в нем проходящее. И еще одно, на наш взгляд, веское утверждение. В своем творчестве он отразил народное мироощущение, национальное

---

¹³² Коняев Н. Николай Рубцов.– М., Алгоритм, 2006. С. 128–130.

сознание. Как-то мало люди в деревнях переживали об этих радикальных мировых событиях. Больше всего в 60-е годы деревенских жителей беспокоил вопрос: не будет ли войны? (И это, мы знаем, отражено в стихотворении «Русский огонек»).

В заключение хочется подчеркнуть следующее: своеобразие проблемы времени в лирике Н. Рубцова говорит о его гениальном даре – видеть, понимать и принимать все три времени в целом, предугадывать события в будущем, таким образом оставаться в Вечности.

*Новиков Алексей Евгеньевич,
ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область*

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА И Н. М. РУБЦОВА

И. С. Шмелев и Н. М. Рубцов – два самобытных русских писателя, ярчайших выразителя российского менталитета, сумевших в разные исторические эпохи проникновенно воплотить глубинные черты национального самосознания.

Зрелый период творчества Шмелева приходится на послеоктябрьский этап истории России, когда, как известно, происходит советизация и интернационализация отечественной культуры, разрушение ее духовных основ, изгнание из нее всего национально-русского. В этих условиях, находясь в эмиграции, Шмелев сумел в своих произведениях (прежде всего, в повести «Богомолье» и повествовании в рассказах «Лето Господне») воссоздать по-настоящему самобытный и светлый, глубоко правдивый и возвышенno идеальный образ России, сумел в своем языке ярко выразить национальную стихию русского человека. Не случайно другой русский писатель – А. И. Куприн – назвал Ивана Сергеевича «последним и единственным из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка». Шмелев, по словам Александра Ивановича, «изо всех русских самый распределенный, да еще и коренной, прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа».

Рубцов же жил и творил в годы, казалось бы, полного господства советской идеологии, когда сами слова «Русь», «русский»

были фактически преданы забвению. Но в своем творчестве он выразил самые глубинные основы национального самосознания, которые нашли отражение и в языке, и в образной системе его поэзии. И сделал это столь ярко и проникновенно, что его даже назвали «последним русским поэтом».

При этом И. С. Шмелева называют лучшим из русских писателей «бытописателем русского благочестия», выражителем православного миросозерцания русского народа в обыденной жизни. А его «Лето Господне», по словам архиепископа Чикагского и Детройтского Серафима (Иванова), «лучшее, что было когда-либо написано в литературной форме о благодатном нашем церковном быте».

Н. М. Рубцов же, хотя и вырос в период забвения религиозных основ национальной жизни и, по словам бывшего архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана, «вероятно, не осознавал себя православным», но, как считает владыка, «был таковым по мироощущению, по своей сути». «Он не писал явно и конкретно о Православии, – пишет далее архиепископ Максимилиан, – но его стихотворения напитаны духом Православия. Классическая русская литература вся построена на православных ценностях, ей свойственно христианское мировосприятие и мироощущение. И потому любой писатель, чьё творчество продолжает традиции великой русской литературы, является православным по сути, даже если он не был церковным человеком. Так и Николай Рубцов, несмотря на внешнюю удаленность от Церкви, все-таки был православным поэтом – как не может не быть православным русский писатель».

Таким образом, мы можем вполне обоснованно говорить об определенной близости Шмелева и Рубцова как выражителей основ национального самосознания, характерного для русских православного взгляда на мир. Интересно было бы, на наш взгляд, проанализировать и сопоставить и особенности некоторых образов, создаваемых Шмелевым и Рубцовым в своих произведениях. Например, образа лошади...

Вообще, следует заметить, что образы животных играют немаловажную роль в художественной системе многих произведений как И. С. Шмелева, так и Н. М. Рубцова. Среди них центральным, несомненно, является образ лошади (коня). Причем, конечно же, его использование в произведениях Шмелева в значительной степени было связано с отражением реалий жизни русских людей в конце XIX – начале XX столетия, когда эти домашние животные играли исключительно важную роль в их быту. В то же время у Шмелева

образ лошади оказывается и органично связанным с нашедшим отражение в его творчестве миром православных традиций. Так, в повести «Богомолье» маленький паломник Ваня радуется, что и старая лошадка Кривая отправляется с ними в Троице-Сергиеву лавру. «Господи, и Кривая с нами!» – восклицает автор вместе с шестилетним Ваней. «Я забираюсь в денник, к Кривой, – рассказывает он далее, – проползаю под ее брюхом, а она только фыркает: привыкла. Спрашиваю ее в зрячий глаз, рада ли, что пойдет с нами к Преподобному. Она подымает ухо, шлепает мокрыми губами, на которых уже седые волосы, и тихо фырчит-фырчит – рада, значит». «А Преподобный будет рад, что и Кривая с нами, а? Ему будет приятно, а?» – спрашивает Ваня у Антипушки. «Ничего. Он тоже, поди, с лошадками хозяйствовал. Он и медведю радовался...» – отвечает утвердительно старый кучер. А в «Лете Господнем» та же лошадка Кривая оказывается незаменимой для поездки Горкина с Ваней на постный рынок во время Великого поста. В Рождественский же сочельник, когда «вся тварь играет», лошади, по словам кучера Антипушки, «лучше нашего чуют» происходящее – «как за слышали благовест, ко всенощной... ухи навострили, все слушали».

Детство и отрочество Рубцова, проведенные им в вологодской «деревне Николе», приходятся на время, когда лошадь еще играла важную роль в хозяйственной жизни села. И это, конечно же, находит отражение в его стихах, где мы слышим «ржание стреноженных молодых коней», где «легко в упряжке скачут кони, / И по дорогам меж полей, / Как стаи белых голубей, / Взлетает снег из-под саней...», где, наконец,

*Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес.*

Помимо включения образов лошадей в мир реалий православного быта семьи Шмелевых, деревенской жизни, оба автора рассматривают также и проблему взаимоотношений с ними человека. Например, в повести И. С. Шмелева «Мэри» рассматривается нравственный аспект таких взаимоотношений. В этом произведении скаковая лошадь Мэри, являющаяся фактически главной героиней повествования, помогает старому жокею Федору Числову «вернуть свою славу», получить «заветный приз, из-за которого бываются все владельцы конюшен, жокеи, спортсмены», но надрывается во время скачек, заболевает и спустя некоторое время умирает.

Невольно возникает вопрос: а насколько оправданной оказывается эта жертва, принесенная ради удовлетворения честолюбивых желаний потерявшего славу жокея? По мнению внука Числова Сеньки – ничем не оправдана. «Она была здорова тогда... Зачем ты уводил ее, зачем?..» – вопрошают-упрекает мальчик своего дешушку. Да и сам старый жокей приходит, по существу, к такому же выводу. «Проклятая слава!» – восклицает он с горечью в конце повествования...

В стихотворении Н. Рубцова «Вечернее происшествие» рассматривается другой аспект взаимоотношений человека и животных (лошади). Это, по мысли поэта, два разных существа со своим особым внутренним миром, живущих своей особой жизнью, не способных понять до конца друг друга и имеющих право на свое особое, независимое друг от друга существование. Вот как описывает Рубцов свою неожиданную вечернюю встречу с лошадью – существом, отличным от человека:

*Мы были две живых души,
Но не способных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.*

Внезапно столкнувшись с лошадью в кустах, автор, по его признанию

*...спешил – признаюсь вам –
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных –
Не встречаться!*

И, конечно же, образы лошади (коня) в творчестве Шмелева и особенно Рубцова часто приобретают обобщающее-символическое звучание, соединяясь с представлениями о судьбе человеческой и смысле человеческого существования. К примеру, в «Светлой странице» Шмелева рассказывается о лошадях – Стальной, Губошлепе, «Вот те на!» (Ваське) и Сахарной, которые трудятся на водокачке: ходят по кругу и приводят в действие специальный механизм, при помощи которого вода подается в бани. Здесь они, по словам Сидора, завершают «свой круг жизни». «Так и жизнь

человеческая, – подводит итог своим размышлениям «хозяин» водокачки. – Кружишься-кружишься, а потом...» Близкий этому образ потерявшего свободу, шагающего по мостовой «коня в упряжке» создается Рубцовым в стихотворении «Судьба»:

*Бодро шел себе,
накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом...*

И опять-таки это не только судьба коня, но и судьба человеческая, которая тоже кружится, катится «колесо за колесом».

Представление о судьбе человеческой тесно связано с образами пути, движения, дороги, играющими существенную роль в творчестве как Шмелева, так и Рубцова. У Шмелева – это и движение в пространстве (например, совершение паломничества), и движение во времени (возвращение в прошлое). И образ движущейся лошади помогает осмыслиению этого движения (в частности, в повести «Богомолье», где за Кривой «тихо потукивает тележка. Мы тихо идем за ней», и это воспринимается не только как конкретное движение в пространстве (в данном случае – возвращение Вани со спутниками из Троице-Сергиевой лавры), но и как движение во времени, в прошлое... Аналогичные образы коня (лошади) мы неоднократно встречаем и в стихах Рубцова. Они связаны и с движением в пространстве (стихотворение «Старый конь»), и с движением судьбы человеческой:

*Я повода оставил,
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
И правил,
Да мне дороги нет...*

И с движением во времени с целью осмыслиения особенностей исторического пути развития своего народа:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!*

Как видим, образы лошади (коня) играют значительную роль в творчестве и Шмелева, и Рубцова, они занимают важное место в художественной системе произведений каждого из авторов.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. РУБЦОВА И С. ЕСЕНИНА

Образы животных занимают значительное место в произведениях Н.М. Рубцова. При этом в их изображении поэт следует общим гуманистическим традициям русской литературы, связанным в первую очередь с сочувственным отношением к «братьям нашим меньшим». Чувством жалости, сострадания к представителям животного мира проникнуты строки многих стихов Рубцова. К примеру, в стихотворении «Ласточка» глубокое сочувствие лирического героя к этой птице вызывает приключившаяся с ней беда: «выпал птенец из гнезда»¹³³, представленная автором как настоящая трагедия. Это подчеркивают и строчки чернового варианта этого произведения, хранящегося в ГАВО.

*Ласточка в горе великом
Мечется, как никогда*¹³⁴,

указывает поэт.

Правда, в окончательный вариант первого четверостишия этого стихотворения указанные строчки не вошли. Н. Рубцов заменяет их другими («Дети окрестные мигом / Все прибежали сюда»¹³⁵), также подчеркивающими драматический динамизм происходящего, но в то же время снимающими стилистически не совсем удачный повтор, возникающий в первом варианте («ласточка носится», «ласточка мечтается»). При этом акцент переносится поэтом в начало заключительного четверостишия этого поэтического произведения, где вместо первоначального варианта «Долго кричала, летая / Под мезонином своим...»¹³⁶ появляются строчки «Долго носилась, рыдая / Под мезонином своим»¹³⁷ (здесь и далее – курсив наш – А.Н.), в значительной степени усиливающие, на наш взгляд, трагическое звучание стихотворения за счет фактического очеловечивания образа ласточки.

Лирический герой Рубцова, сочувствуя ласточке, своими действиями пытается утешить её («Взял я осколок металла / Вырыл могилку птенцу»¹³⁸, в то же время упрекая ее за беспечность, про-

¹³³ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2.- М.: Терра, 2000. С. 126.

¹³⁴ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3.- М.: Терра, 2000. С. 255.

¹³⁵ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2.- М.: Терра, 2000. С. 126.

¹³⁶ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3.- М.: Терра, 2000. С. 255.

¹³⁷ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2.- М.: Терра, 2000. С. 126.

¹³⁸ Там же. С. 126.

явленную по отношению к птенцу... Тема сострадания к животным получает развитие и в других стихах поэта («Воробей», «Ворона», «Медведь» и др.).

Тема сочувствия, сострадания к животным находит отражение и во многих стихах С. А. Есенин, который, по словам А. М. Горького, был «не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия...»¹³⁹ Особен-но проникновенное воплощение эта тема получает в стихотворе-нии «Песнь о собаке», в котором повествуется о том, как

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят¹⁴⁰*

Однако

*Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок¹⁴¹.*

А затем приняла их

Воды незамерзшей гладь¹⁴².

Как и Рубцов в стихотворении «Ласточка», Есенин обращается к изображению в этой драматической ситуации внутреннего состояния матери-собаки. Лексический повтор «бежала» – «бежать» в строчках «По сугробам она бежала / Поспевая за ним бежать»¹⁴³ помогает ему передать ее обеспокоенность, предчувствие неминуемой беды, когда она устремляется, не разбирая дороги, вслед за хозяином. Затем, после совершения трагедии (для изображения которой С. Есенин использует фигуру умолчания, паузу, разделяющую стихотворение на две части – «до» и «после» гибели щенят), также при помощи эмоционально-окрашенных глаголов с подчиненными им словами и деепричастий он передает состояние

¹³⁹ Горький А. М. Сергей Есенин. Очерк.- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/vospominaniya/sergej-esenin.htm>.– Дата обращения: 14.12.2015.

¹⁴⁰ Есенин С. А. Сочинения.– М.: Худож. литер., 1988. С. 93.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

собаки, которая «чуть плелась обратно» (здесь и далее курсив наш – А.Н.), «в синюю высь звонко / Глядела <...>, скуля», увидела в облике месяца одного из своих щенков, наконец, заплакала («Покатились глаза собачьи / Золотыми звездами в снег»¹⁴⁴). Таким образом, в отношении к животным («зверью», по словам поэта) определяющим у Есенина (как и у Рубцова) является чувство жалости, сострадания, которое находит воплощение в целом ряде его произведений (помимо «Песни о собаке» в стихотворениях «Корова», «Лисица» и др.). В одном из своих стихотворений («Мы теперь уходим понемногу...») Есенин даже ставит себе в заслугу, что

...зверье, как братьев наших меньших
Никогда не бил по голове¹⁴⁵.

В то же время в изображении животных Есенин прибегает к использованию ярких метафор, эпитетов, сравнений. Рубцов же оченьдержан в выборе художественных средств. Например, в типологически сходных стихотворениях «Ласточка» Н. Рубцова и «Песня о собаке» С. Есенина, к которым мы уже обращались, поэты, чтобы передать горе ласточки и собаки, пользуются принципиально разными изобразительными средствами. У Рубцова – это глагол движения, эмоционально окрашенная глагольная форма («Долго носилась, рыдая, / Под мезонином своим»¹⁴⁶ (здесь и далее – курсив наш – А.Н.), у Есенина – красочная метафора, синонимичная рубцовскому «рыдая» («Покатились глаза собачьи / Золотыми звездами в снег»¹⁴⁷), придающая концовке есенинского стихотворения изысканную декоративность, эффектность, но и некоторую вычурность, искусственную красивость, несколько уводящую, на наш взгляд, в сторону от смысла стихотворения...

Еще одно важное отличие в изображении животных Рубцовым и Есениным заключается, по нашему мнению, в том, что в творчестве вологодского поэта при всем его гуманном отношении к «братьям нашим меньшим» грань между миром животных и миром людей сохраняется. Так, в стихотворении «Вечернее прописание» лирический герой Рубцова неожиданно встречается вечером в кустах с лошадью и испытывает при этом не самые приятные ощущения, в полной мере осознав свою принадлежность к совершенно иному «классу» существ.

¹⁴⁴ Есенин С.А. Сочинения.– М.: Худож. литер., 1988. С. 93.

¹⁴⁵ Есенин С.А. Сочинения.– М.: Худож. литер., 1988. С. 220.

¹⁴⁶ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2.– М.: Терра, 2000. С. 126.

¹⁴⁷ Есенин С.А. Сочинения.– М.: Худож. литер., 1988. С. 93.

Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза¹⁴⁸,

- признается поэт и в заключение делает вывод о том, что

...лучше разным существам
В местах тревожных -

Не встречаться!¹⁴⁹ (Курсив наш – А. Н.)

Есенин же, наоборот, не только жалеет «зверье», но и готов вступить с некоторыми из «братьев меньших» в самые дружеские отношения. Например, он готов, «как друга», ввести в свой дом собаку, напомнившую ему о юности (стихотворение «Сукин сын»¹⁵⁰), или жмет «на счастье» лапу Джиму – собаке Качалова¹⁵¹...

Таким образом, в изображении животных Н. Рубцов и С. Есенин в целом следуют гуманистическим традициям русской литературы, но в то же время в их произведениях, связанных с анималистикой, встречаются существенные отличия, подчеркивающие разность поэтических миров двух великих поэтов России...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. ОБ ИСКУССТВЕННОСТИ СБЛИЖЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ

Николай Рубцов и Владимир Высоцкий – два выдающихся представителя поколения «шестидесятников» прошлого столетия, которых ряд исследователей (А. Грунтовский, В. Бараков и др.) старается сблизить друг с другом, представить чуть ли не как единомышленников, борцов с «системой», равновеликих поэтов... На наш взгляд, такое сближение носит несколько искусственный, надуманный характер.

В какой-то степени некоторым основанием для такого сближения служит ряд воспоминаний. А. В. Грунтовский, к примеру, ссылается на свидетельство одного из современников Высоцкого и Рубцова о единственной встрече между ними, когда Высоцкий

¹⁴⁸ Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1.– М.: Терра, 2000. С. 222.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Есенин С. А. Сочинения.– М.: Худож. литер., 1988. С. 229.

¹⁵¹ Там же. С. 291.

стал свидетелем чтения Рубцовым стихотворения «Поезд» и назвал его гениальным (Высоцкий, по его словам, по-видимому, стал «первым, кто публично назвал Рубцова гением»¹⁵²). А по воспоминаниям писателя Германа Александрова, который однажды пришел к Рубцову вечером, «он сидел на полу, тут же рядом стоял проигрыватель, звучали песни Высоцкого. Одну из них он проигрывал снова и снова, внимательно вслушиваясь в одни и те же слова, а потом спросил:

– Ты бы так смог?

И как бы сам себе ответил: – Я бы, наверное, нет...»¹⁵³

Между прочим, если эти воспоминания соответствуют действительности, то мы с большой долей вероятности можем установить, какие песни Высоцкого слушал тогда Рубцов и предположить, что привлекло его внимание. Дело в том, что при жизни Рубцова появился всего лишь один диск с произведениями Высоцкого: в 1968 г. фирма звукозаписи «Мелодия» выпустила маленькую гибкую пластинку (т. н. «миньон») с песнями из кинофильма «Вертикаль». В нее вошли песни «Прощание с горами», «Песня о друге», «Вершина» («Здесь вам не равнина, здесь климат иной...») и «Военная песня» («Мерцал закат, как сталь клинка...»)¹⁵⁴. Безусловно, романтика горных восхождений, преодоления трудностей, дух товарищества, получившие воплощение в указанных произведениях Высоцкого, и его прекрасное самобытное их исполнение не должны были оставить поэта равнодушным. Но, увы, никакого конкретного отражения в творчестве Рубцова, в его письмах это не получило. Впрочем, в творчестве Высоцкого никаких упоминаний о Рубцове и его поэзии тоже нет.

После гибели Рубцова в его квартире были обнаружены и магнитофонные ленты с записями песен Высоцкого¹⁵⁵. К сожалению, нам неизвестно их содержание, а это очень существенный момент, хотя некоторые соображения на этот счет высказать можно.

Во второй половине 60-х – 70-х гг. прошлого столетия в нашей стране получает широкое распространение т. н. пленочно-маг-

¹⁵² Грунтовский А.В. Русская философия: Н.М. Рубцов и русские писатели-трационалисты // <http://rubtsov-poetry.ru/critica/gruntovsky1.htm> (дата обращения – 24.11.2018).

¹⁵³ Александров Г. «Над золотом осенним...» // Воспоминания о Николае Рубцове.– Вологда: КИФ «Вестник», 1994. С. 266.

¹⁵⁴ См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения – 24.11.2018).

¹⁵⁵ См.: Бараков В. Н. Слову предела нет: Литературоисследование. Критика. Публицистика. - Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005.- 80 с. // <https://www.booksite.ru/fulltext/slo/vup/red/ela/net/index.htm> (дата обращения – 24.11.2018).

нитофонная культура. Важное ее отличие заключалось в том, что она носила фактически неподцензурный характер. Поэтому, естественно, получили «хождение» и пленки с записями песен Высоцкого, которые по условиям того времени не могли быть исполнены публично или выпущены в виде диска фирмой «Мелодия». Конечно же, именно они и вызывали наибольший интерес у «продвинутой» публики, ведь запретный плод всегда сладкий!

Кстати, автору этих строк в начале 1970-х (году 1972–1973-м) довелось слушать такие записи (мог их, безусловно, слышать и Н. Рубцов). Помнится, среди них были небезызвестные песня-баллада «Про дикого вепря» (про «бывшего лучшего, но опального стрелка», который «принцессу с королем опозорил») и антисказка «Лукоморья больше нет». Честно говоря, я поверил, что это написал Высоцкий, только тогда, когда увидел эти и другие «опусы» Владимира Семеновича напечатанными «черным по белому» в собрании сочинений знаменитого барда. Тогда, впрочем, вопрос об авторстве не имел для меня существенного значения. Хрипловатый голос, вырывавшийся из чрева магнитофона, несколько шокировал и действовал гипнотизирующее, а тексты многих песен вызывали смутный внутренний протест и устойчивое неприятие. Но дворовым друзьям-приятелям это нравилось (тогда – уже тогда! – все «блестящее», с похабцей было в моде), спорить было бесполезно (да тогда, честно говоря, вряд ли я и смог бы привести веские аргументы против того, что большинству представлялось бесспорным...) и приходилось помалкивать...

Особенно поразили меня тогда песенки Высоцкого «по следам» пушкинских произведений – «Песня о вещем Олеге» и «Лукоморья больше нет». Их тексты своеобразно «накладывались» на только что изученные нами в школе гениальные стихи Пушкина (я учился тогда, по-моему, в 6 классе) и вызывали серьезный диссонанс в сознании. Известный литературовед А. В. Кулагин, рассматривая песню про Лукоморье, считает ее «пародией в древнерусском ее понимании, где противопоставлены “мир” и “антимир”, и отмечает, что не случайно она была опубликована в нашумевшем альманахе «Метрополь» в 1979 г., «задуманном как своего рода “антимир” официальной советской литературы»¹⁵⁶. А профессор В. Н. Бараков замечает по поводу фольклорных экзерсисов Высоцкого, что он модернизировал традиционные персонажи сказок

¹⁵⁶ Кулагин А. В. «Лукоморья больше нет». В жанре «антисказки» // <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/kulagin-lukomorya-bolshe-net.htm> (дата обращения – 24.11.2018).

и использовал их для пародирования определенных социальных явлений. При всем том, на наш взгляд, объектом пародии в указанных нами произведениях в первую очередь становится пушкинский текст и в этом смысле ключевой в антисказке о Лукоморье, например, является фраза «все, о чем писал поэт, это бред»¹⁵⁷ (курсив наш – А.Н.). На самом деле для слушавших это произведение весь его якобы социальный подтекст не мог иметь существенного значения (ну, в самом деле, кого там мог иметь в виду Высоцкий под «бородатым Черномором, лукоморским первым вором» или Русалкой, «что честь недолго берегла» – поди догадайся!). А вот пушкинские образы были легко узнаваемы и всем хорошо знакомы (ведь это было программное произведение, которое школьники учили наизусть и которое было у всех на слуху!). Они-то и становятся фактически объектом пародирования (точнее сказать, глумления) Высоцкого. Правда, можно сказать, что свободолюбивый бард выступал тем самым против крайне заидеологизированной и заформализованной системы советского образования, но причем здесь тогда Пушкин?

Заметим, что другие авторы, не менее критично относившиеся к тому, что происходило в стране, таких двусмысленностей старались избегать. К примеру, сказочные и литературные образы для сатирического изображения советской действительности использовал в своей пьесе «До третьих петухов» В.М. Шукшин, однако никаких пародийных выпадов по отношению к Н.М. Карамзину, А.С. Пушкину или И.А. Гончарову, герои которых были представлены в повести-сказке Василия Макаровича, мы здесь не находим. Ничего подобного мы не обнаружим и у Н.М. Рубцова, хотя тот же В.Н. Бараков и пытается указать на некоторую близость Высоцкого и Рубцова в использовании фольклорных образов (в частности, в обращении Рубцова к «блестящему» фольклору в его ранней лирике (в экспромте «Сколько водки выпито! / Сколько стекол выбито!»¹⁵⁸, представляющем, впрочем, чуть ли не единственный пример подобного рода в его творчестве)). Но тот же В.Н. Бараков подчеркивает, что «Н. Рубцов редко использовал, в отличие от В. Высоцкого, приемы сатиры и пародии»¹⁵⁹, тем более, добавим от себя, в том глумливо-ироническом тоне, что позволял себе не-

¹⁵⁷ Высоцкий В.С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3.– СПб.: АОЗТ «Технэкс – Россия», 1993. С. 138.

¹⁵⁸ Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.– М.: ТЕРРА, 2000. С. 167.

¹⁵⁹ Бараков В.Н. Указ. соч.

редко Владимир Семенович (заметим, кстати, что о «глумливости» как отличительной черте некоторых произведений Высоцкого писала поэтесса и проницательный критик М. В. Кудимова, по мнению которой также неловко называть сатирами его «потешные» песни¹⁶⁰).

В очень своеобразной форме отметил в свое время это различие между поэтом и бардом писатель В. П. Астафьев. «...никогда и нигде вы в его (Н. Рубцова – А. Н.) стихах не найдете и отзыва словесного поганства, этой коросты, ныне покрывшей русский язык и оголтелое наше общество, и, в первую голову, разнузданную эстраду»¹⁶¹, – писал Виктор Петрович в своих «Затесиях». А далее он подчеркивал, что «всей этой блатной оголтелости не фортинку, не окно открыл, но стену проломил и впустил в наш дом погань не кто иной, как Владимир Семенович Высоцкий. Он, он, дорогуша, он, кумир современников, хрюпел им о недостатках, о провалах нашей жизни и морали. Теперь, когда публика насытилась напевом Высоцкого и сделалось возможно прочесть его всего, приумолкли восторженные вопли о страдальце-гении. Не был он никаким страдальцем, забубенной головушкой он был и забулдыгой, тьяницей и наркоманом, но при этом умел прекрасно играть на сцене и в кино, виртуозно владел гитарой и сгубил себя и свой талант сам».

Принципиальные различия, на наш взгляд, характеризуют и тематически близкие произведения Н. Рубцова и В. Высоцкого, например, «морские» стихи. Так, у Высоцкого песни «морской» тематики связаны, прежде всего, с воплощением темы «мужественного героизма» (термин М. В. Кудимовой) и в этом смысле близки его песням «военного» и «горного» циклов.

Жажда приключений, встречи с неизведанным, с манящей в свои необъятные дали морской стихией, стремление испытать себя на прочность заставляют героев Высоцкого «заболеть морем».

*Изведать то, чего не ведал сроду,–
Глазами, ртом и кожей пить простор!
Кто в океане видит только воду,
Тот на земле не замечает гор¹⁶²,* – подчеркивает автор.

¹⁶⁰ Кудимова М. В. Созависимость // <http://magazines.russ.ru/continent/2010/146/ku27.html> (дата обращения – 24.11.2018).

¹⁶¹ Астафьев В. П. Затеси // <http://rubtsov-poetry.ru/knigi/ast4.htm> (дата обращения – 24.11.2018).

¹⁶² Высоцкий В. С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1.– СПб.: АОЗТ «Технэкс – Россия», 1992. С. 138.

Нечто подобное, необъяснимо-иррациональное встречаем мы и в стихах Н. Рубцова, душу которого «так волна волновала, / Попытала на сушу / Брызги сильного шквала»¹⁶³.

Лирического героя Рубцова, как и у Высоцкого, влечет к морю «штормовая романтика», возможность испытать себя в экстремальной ситуации и «любовь необъяснимая / К полночным северным судам»¹⁶⁴.

*Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал...*¹⁶⁵

– признается поэт в одном из своих «морских» стихотворений.

В то же время море для Рубцова – это не только место суровых испытаний, проявления терпения и мужества, но и источник поэтического вдохновения, поражающий воображение своей удивительной красотой, поэтому в его «морских» стихах значительное место занимают лирически-исповедальные мотивы, пейзажные зарисовки.

Для «морских» же песен Высоцкого характерно стремление к созданию образа мужественного героя, вступающего в борьбу с различными (часто – непреодолимыми) препятствиями, сюжетность и склонность в целом к неким занимательным коллизиям; наконец, использование эпитетов и деталей эпатирующего характера, наиболее привлекающих внимание большинства слушателей и характерных для традиций массовой культуры.

Это же, на наш взгляд, отличает и любовную лирику Н. Рубцова и В. Высоцкого, и произведения, посвященные другой тематике.

Таким образом, при всей схожести тем и обращении практически к одним и тем же образам стихи Рубцова и песни Высоцкого имеют частую принципиальные отличия, не позволяющие, на наш взгляд, излишне сближать их. Поэтому неоднократно предпринимавшиеся и предпринимающиеся попытки включить Рубцова в круг бардовской песенной поэзии являются, на наш взгляд, малоубедительными...

¹⁶³ Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1.– М.: ТЕРРА, 2000. С. 43.

¹⁶⁴ Там же. С. 56.

¹⁶⁵ Там же. С. 47.

**Соболев Михаил Павлович,
Ерёменко Ростислав Сергеевич,**
международное научно-творческое объединение
«Родимая землица» им. Н. М. Рубцова, г. Архангельск

«ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, КАК ПТИЦА...»

Судьба поэзии Николая Рубцова (1936–1971) поражает воображение. При жизни гения русской поэзии ценил узкий круг профессиональных литераторов. Поэзия Николая Михайловича обрела всенародное признание с середины 70-х годов. Стремительный рост славы поэта произошёл совершенно стихийно, то есть без участия властных структур и средств массовой информации, словно движимый не зависящей от людей природной силой. Поэтому слава Николая Рубцова до сих пор сохраняет редкостный характер задушевности и целомудрия: она проникла в сокровенную глубь нашей духовной жизни. *«И если всерьёз разобраться в существе дела, рост славы Николая Рубцова обусловлен прежде всего духовным ростом миллионов читателей – то есть в конечном счёте целого народа.*

Поэзия Николая Рубцова, законного наследника классических традиций и вместе с тем нашего современника, предстаёт как доступный всем и каждому путь к отечественной поэзии в её полном объёме» [1, с. 1].

Известный исследователь Л. А. Аннинский утверждает: «Всенародная слава, начало которой успел почувствовать при жизни Николай Рубцов, отодвинула сегодня в сознании читателей пережитую им драму. Сегодня в горнице его светло» [2, с. 10]. «После гибели (нелепой и случайной) слава Рубцова не только стала расти, она стала светлеть: к ней уже не пристаёт болотная грязь колхозных колёс. Только грусть – не проходит» [2, с. 10].

«При жизни о нём круто спорили. Он делал вид, что эти споры его не интересуют. Иные скандалы, возможно, провоцировал сам, когда, отслужив на флоте срочную, поступил в Литературный институт и предался обычной студенческой гульбе» [2, с. 10].

«Его называли поэтом «долгожданным» (Глеб Горбовский), почитали главой органической поэзии, противостоящей творчеству «книжному», видели в нём стихийного выразителя языка и духа. Конечно, все эти определения – в той или иной мере метафоры, художественные формулировки, не претендующие на историческую точность». «Хорошо помню, как после невероятного стадионного успеха

Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и наступившего вдруг затишья ждали нового Пушкина – и появился Рубцов. Он не сыграл вполне эту роль. Но для многих стал тем, кто заполнил стихами душевный вакуум «вдали от шума городского». Что же до противопоставления органического «книжному» – те, кто это делал, едва ли были столь наивными, чтобы думать, будто Рубцов запел, как птичка Божия. Просто его спешили определить в ряд самих великих, привычно ранжируя при этом знаменитых предшественников. Пушкин – первый, а кто второй? Есенин, Блок?» [3, с. 36]. «Думаю, Николай Рубцов всё-таки занял своё место – в сердцах читателей. Что же касается литературного ранжира, то, наверное, некоторые предрассудки не вполне преодолены. Здесь столкнулись два вектора: один на повышение – «современный Пушкин», второй – наоборот – «эпигон Есенина». Крайности взаимно уничтожаются, а истинное достоинство поэта остаётся» [3, с. 36].

Игорь Немчинов безапелляционно утверждает: «Да, его высоко ценили некоторые известные и более удачливые (в бытовом плане) братья по ремеслу, литературные критики, у него имелся круг верных читателей-почитателей. Но этого, конечно же, было мало. Как всякий крупный поэт, он знал себе настоящую цену...» [4, с. 35]. «Однако положенного ему места в классической русской литературе Николай Рубцов не занял до сих пор. И такую несправедливость не мешало бы исправить» [4, с. 35].

«Он (Е. А. Евтушенко.– Прим. авт.) был до перестройки самым издаваемым поэтом (потом его по тиражам обошёл Николай Рубцов, а сегодня – и Иосиф Бродский), собирал стадионы, был всесоюзно известен». «Когда мои вологодские друзья – покойные уже поэты Александр Романов и Виктор Коротаев – решили в начале 80-х проводить праздник поэзии убитого Николая Рубцова, Евтушенко, бывший тогда нареком, не вылезавший из загранкомандировок, помчался в Тотьму и село Николу, отметиться в глубинке, застолбить участие в первом празднике и, думаю, попытаться понять, в чём же магия и неотразимое воздействие лирики Рубцова?» [5, с. 4].

Маститый поэт, эссеист, публицист, критик и искусствовед Ю. М. Кублановский в канун своего 70-летия в интервью «Литературной газете» не просто оценил, а неповторимо восхитился талантом Николая Рубцова: «Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливы.

«– Где тут погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу».

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну что тут патриотичного? А ведь здесь вся наша родина» [6, с.7].

Все мнения (Вадима Кожинова, Льва Аннинского, Игоря Шайтанова, Игоря Немчинова, Александра Боброва и Юрия Кублановского) о признании поэта при жизни и его славе после гибели одинаково интересны и равнозначны.

В самом зените своего пути Николай Рубцов сотворил неопровергимые строки: «Перед всем старинным / Белым светом / Я клянусь, / Душа моя чиста...».

В изумляющем стихотворении «До конца» он ответил на вечный вопрос: как жить? И это было одним из неотъемлемых условий его поэтического подвига.

Вещие строки Николая Рубцова, ушедшего из жизни в ночь на 19 января 1971 года в первые часы Крещения Господня, стали хрестоматийными. Автор «заглянул» в самый жуткий миг собственного будущего:

«Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат берёзы...».

«Точно неизвестно, когда в конце шестидесятых было написано стихотворение «Я умру в крещенские морозы».

Как вспоминала Валентина Алексеевна Рубцова, Рубцов говорил о своей смерти в крещенские морозы ещё в 1965 году, приехав к брату Альберту в Невскую Дубровку» [7, с. 163].

Невероятно точное, связанное с мрачным финалом предсказание, пожалуй, единственное таинственное в биографии Николая Рубцова. И даже страшная развязка жизненной драмы не считается для многих удивительной. Разве дожили до седин и умерли естественной смертью крупные русские поэты Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гумилёв, Есенин, Маяковский...? Кажется, пророчество категорически против долголетия людей такого таланта. К теме преждевременного ухода из жизни духовных собратьев по перу Николай Рубцов возвращался не раз, особо выделяя Сергея Есенина: «Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта. / Но была ли кабацкая грусть? / Грусть, конечно, была... Да не эта! / Это музя не прошлого дня. / С ней люблю, негодую и плачу. / Много значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу».

Но самая сильнейшая тревога у него была за будущее Родины: «Они несут на флагах чёрный крест, / Они крестами небо закрестили, / И не леса мне видятся окрест, / А лес крестов в окрестностях России...». Так же страстно переживала за судьбу России

Юлия Друнина: «Только вдумайся, вслушайся / В имя Россия! / В нём и росы, и синь, / И сиянье, и сила. / Я бы только одно / у судьбы попросила – / Чтобы снова враги / Не пошли на Россию!».

Россия в его странствии не «место действия», а загадка судьбы. «Рубцов весь соткан из «русскости», – такие, как он, носят родину на подошвах сапог» [8, с. 92]. «Эх, Русь, Россия! Что звону мало? / Что загрустила? Что задремала?» / «Только знаю: потянет на Русь! / Так потянет, что я поневоле разрыдаюсь, / когда опущусь на своё вологодское поле...».

Ожидание неизбежной беды – и готовность принять её с улыбкой – это у Рубцова неразличимо! Он жил в своём мире, на границе ночи и ветра. Нерасторжимость света и тьмы – всё это названо, описано и раскрыто в космическом и глубоко философском, пророческом стихотворении «Поезд»: «Поезд мчался / с грохотом и воем, / Поезд мчался / С лязганьем и свистом, / И ему навстречу жёлтым роем / Понеслись огни / В просторе мглистом. / Поезд мчится с прежним напряжением / где-то в самых дебрях мирозданья, перед / самым, может быть, крушеньем я кричу кому-то: «До свиданья!...».

Такое же прекрасное и одинокое, редкое по силе стихотворение «Неизвестный». «Бежал бродяга с Сахалина» – сюжет традиционный, но какова настигающая судьба определённого человека, его ледяное одиночество в мире: «Он шёл против снега во мраке, / Бездомный, голодный, больной. / Он после стучался в бараки / В какой-то деревне лесной».

Вечные вопросы: кому на Руси жить хорошо; с чего начинается Родина; что является национальной идеей страны и как нам обустроить Россию – обсуждают всегда все и везде, но никогда никто и нигде не вопрошал: а что является матерью России? Ответ мы нашли у Николая Рубцова в стихотворении «Острова свои обогреваем...»: «Не кричи так жалобно, кукушка, / Над водой, над стужею дорог! / **Мать России целой – деревушка**, / Может быть, вот этот уголок...».

Деревня и мать России, и родина души, души России!

При обращении поэта к этим истокам всегда ощущается потрясающий необыкновенный подъём и смелый взгляд в прошлое, особенно в его песнях («Песня», «Зимняя песня», «Осенняя песня», «Прощальная песня»): «В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь! / Светлыми звёздами нежно украшена / Тихая зимняя ночь»; «Я уеду из этой деревни... / Будет льдом покрываться река, / Будут ночью поскрипывать двери, / Будет грязь на

*дворе глубока»; «Одна у нас в деревне мглистой / Соседка древняя
жива, / И на лице её землистом / Растёт какая-то трава...»; «Когда,
смеясь на дворике глухом, / Встречают солнце взрослые и дети,- /
Воспрянув духом, выбегу на холм / И всё увижу в самом лучшем
свете».*

Поразительно, как Рубцов блистательно соединил простое с высоким, бытовое-земное с небесным.

Николай Рубцов был человеком с обострённым чувством Пути. Сам по себе путь (даже нестерпимо трудный) не представляет нравственной ценности. Уважаем и почитаем только истинный Путь. Не во внешнем благополучии, а в осознании единственности избранного Пути, невозможности другого видел счастье Поэт: «...Я знаю наперёд, / Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает, / Кто всё пройдёт, когда душа ведёт, / И выше счастья в жизни не бывает!».

Гениальный поэт не свободен в выборе своего Пути. Ни о чём так много не писал Николай Рубцов, как о дороге, о Пути, где совершается спасение души. И именно в умении ощущать одновременность прошлого, настоящего и будущего заключается секрет удивительной прозорливости Николая Михайловича. Рубцов всегда завершает свою работу, он доводит свои стихи до того уровня высшей художественности, когда они становятся самостоятельными явлениями духовного мира. «И тогда-то и возникает то самое говорение из души в душу, когда стихотворение независимо от того, понимаем ли мы весь пройденный в этом стихотворении его автором путь, начинает звучать в нас» [7, с. 167]. Он искал подлинный Путь в обретении им единства с миром, не выбирая своей судьбы, но предугадывая её. Рубцов не мог изменить судьбы, но всегда предошущал, когда она являлась ему. И тогда он уже не сворачивал с выбранного Пути. Из всего многоголосия властно звучит тема души и вечности: «Взойдёт любовь на вечный срок, / Душа не станет сиротлива. / Неувядаемый цветок! / Неувядаемая нива!».

«Медалью» Пути поэта является свобода и воля, в том числе отчётливо слышится «кабацкий», разгульно-пьяный мотив: «Быть может, я для вас в гробу мерцаю, / но должен я сказать в конце концов: / я – Николай Михайлович Рубцов – / возможность трезвой жизни отрицаю...».

Все спорили, втягивая его то влево, то вправо, но Рубцова не интересовали никакие программы. Он беседовал только с берёзами: «Русь моя, люблю твои берёзы! / С первых лет я с ними жил и рос. / Потому и набегают слёзы / На глаза, отвыкшие от слёз...».

Особое видение мира заключено в высших созданиях Рубцова – ослепительных классических шедеврах: «Тихая моя Родина», «Русский огонёк», «В горнице», «Родная деревня», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «Памяти матери», «Добрый Филя», «Окошко. Стол. Половики...», «Звезда полей», «Видения на холме»...

А чудные, сделанные из вечности, художественно оригинальные строки: «сиротский смысл семейных фотографий», «ветер всхлипывал, словно дитя», «мать придёт и уснёт без улыбки», «стоит берёза, старая как Русь»!

О нерасторжимости бесприютного русского поэта с родной землёй, о чутком равновесии внешнего и внутреннего миров, об острой грани между холодной тьмой и холодным светом, о тревожной беззащитности русского бытия, о материнской могиле, затерявшейся где-то среди ив и соловьёв, о грусти, неотделимой от любви, – обо всём Николай Рубцов написал с неповторимой молитвенной интонацией: «Не порвать мне мучительной связи / С долгой осенью нашей земли, / С деревцом у сырой коновязи / С журавлями в холодной дали...»; «Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи... / Мать моя здесь похоронена / В детские годы мои. / – Где же погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. – / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу...»; «В горнице моей светло. / Это от ночной звезды. / Матушка возьмёт ведро. / Молча принесёт воды...».

В неведомом тысячелетии будет звучать одна из прощальных песен поэта: «И откуда берётся такое, / Что на ветках мерцает роса, / И над родиной, полной покоя, / Так светлы по ночам небеса!».

И он навсегда останется с народом, которого не только чтил, но поклонялся ему, как иконе, любовался им: «Я уплыву на пароходе, / Потом поеду на подводе, / Потом ещё на чём-то вроде, / Потом верхом, потом пешком / Пройду по волоку с мешком – / И буду жить в своём народе!»; «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствуя самую жгучую, / Самую смертную связь».

Евангелист Иоанн обронил нетленные слова: «Человек может делать только то, что ему поручено небом». Наверное, в полной мере столь смелое утверждение можно отнести к Николаю Рубцову, его творчеству.

«Я много размышлял о Рубцове и, не зная подробностей жизни, почти разгадал его связи с Землёй и Небом, почуял благоволение

Бога к поэту, и книга Сергея Багрова «Россия, Родина, Рубцов», лишь укрепила меня в предположениях» [9, с. 5].

И нам хочется завершить своё исследование схожими любимыми строками гениальных неразрывных поэтов Сергея Есенина и Николая Рубцова: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла!»; «Но моя родимая землица / Надо мной удерживает власть. / Память возвращается, как птица / В то гнездо, в котором родилась».

Список использованных источников

1. Кожинов, В. «И буду жить в своём народе / В. Кожинов // Литературная газета.– 2016.– № 1–2 (6538).– С. 1.
2. Аннинский, Л. Николай Рубцов: Я умру в крещенские морозы / Л. Аннинский // Российская газета.– 2016.– № 8 (6876).– С. 10.
3. Шайтанов, И. Точка зрения / И. Шайтанов // Свой.– 2016.– № 1.– С. 36.
4. Немчинов, И. «Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать» / И. Немчинов // Свой.– 2016.– № 1.– С. 35.
5. Бобров, А. Евгений Евтушенко – эхо эпохи / А. Бобров // Советская Россия.– 2017.– № 34 (14421).– С. 4.
6. Галкина, В. Интернет убивает чтение / В. Галкина // Литературная газета.– 2017. № 16 (6595).– С. 7.
7. Коняев, Н. Николай Рубцов / Н. Коняев // ЖЗЛ «Николай Рубцов»: – 2015.– Москва: Молодая гвардия.– С. 163, 167.
8. Аннинский, Л. Такие, как он, носят родину на подошвах сапог... / Л. Аннинский // Родина.– 2016.– № 1.– С. 92.
9. Личутин, В. «В деревне оскудела душа» – слова Рубцова / В. Личутин // Двина.– 2016.– № 1 (61). С. 5.
10. Сазонов, Г. У истока Поэта / Г. Сазонов // Общеписательская литературная газета.– 2016. № 1 (74).– С. 1, 5.
11. Смирнов, В. И буду жить в своём народе / В. Смирнов // Литературная газета.– 2016. № 1–2 (6538).– С. 7.

*Тимашова Лариса Владимировна,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
Арсеньева Ирина Альбертовна,
ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
г. Москва*

«ГРУСТЬ, ПОХОЖАЯ НА РАДОСТЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В 2016 году на факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН авторами статьи был проведён ассоциативный эксперимент, объектом которого являлась эмотивная лексика китайского языка, а именно такие эмотивы, как *радость*, *грусть*, *страх*, *гнев* и другие¹⁶⁶. Данный метод исследования предполагает «моделирование языкового сознания через построение ассоциативно-вербальной сети по данным массового ассоциативного эксперимента»¹⁶⁷.

Анализ результатов проведённого эксперимента позволил нам провести исследование, посвящённое рассмотренным эмотивам *радость* и *грусть* в русском и китайском языковом сознании и в поэзии, поскольку «образы, лежащие в основе многих метафорических значений эмотивной лексики, при конкретной реализации в разных языках имеют национально-специфический характер»¹⁶⁸. Данная статья содержит основные положения этого исследования.

В рамках ассоциативного эксперимента вниманию каждого из 100 респондентов (студентов из Китая) была предложена таблица, переведённая на китайский язык. Приведём здесь её фрагмент, включающий эмотивы «радость» и «грусть».

Респондентам были даны все разъяснения по заполнению анкеты носителем китайского языка: в свободных полях анкеты было предложено написать по-китайски любое слово или слово-

¹⁶⁶ Irina A. Arsenyeva – Natalia A. Antonova – Anna S. Ivanova – Vladimir V. Yakushev – Larisa V. Timashova. Visualization of the emotional vocabulary of the Chinese language as exemplified in the associative experiment // http://www.xlinguae.eu/2018_11_01_21.html.

¹⁶⁷ Уфимцева Н. В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27.– С. 240.

¹⁶⁸ Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира. М.: Наука, 1988.– С. 173–204.

Таблица 1

Анкета на русском языке

Концепт	Ассоциация							
	Цвет	Вкус	Вода	Огонь	Растение	Воздух	Животное	Птица
Радость								
Грусть								

сочетание, которое приходит в голову при его прочтении. С целью выявления первичной реакции время заполнения анкеты было ограничено, что исключало обдумывание, так как важна была первая реакция. В задачу эксперимента входило установление ассоциаций эмоциональных состояний человека с каким-то цветом, вкусом, чем-то жидким, огненным, воздушным, растением или животным, которые возникают у носителей китайского языка, как если бы эти эмоциональные состояния имели такие признаки, как *цвет, вкус, жидкое, воздушное, огненное* и др. Следующий этап эксперимента заключался в обратном переводе содержания заполненных на китайском языке анкет на русский язык, который был осуществлён китайскими стажёрами. Затем был проведен тщательный анализ этих анкет авторами статьи.

Мы рассматривали ядро и центры ассоциативных полей анализируемых эмотивов, периферию оставляя без внимания. Анализ результатов ассоциативного эксперимента с участием эмотива *радость* позволил нам сделать следующие выводы:

1) наиболее разветвлённым ассоциативный ряд выступает по признакам «огонь» (*тёплый, блестеть, светить, сверкать, гореть, огонь, вспышка, пламя, костёр, факел, греть*) и «вода» (*море, дождь, вода, река, волна, ручей, чистый, плыть, фонтан, сок апельсина*), по которым дали ответы 76 респондентов;

2) наименее выражены ассоциации по признаку «животное, зверь» (*кусать, бежать, собака, мчаться, панда, белка, кенгуру, гладить*), по данному признаку дали ответы всего 30 респондентов, большинство (70 человек) затруднились с ответом;

3) наиболее активное участие в опросе приняли респонденты по признаку «вкус» (81 человек), 65 из которых упомянули коннотативный признак 'сладкий'.

Таким образом, можно констатировать, что носителями китайского языка такое эмоциональное состояние, как *радость*, представляется в виде чего-то красно-жёлтого (37), сладкого (65), жидкого (76), быстро движущегося (76), яркого, светлого и тёплого (76), небольшого, но увеличивающегося (72), высокого и лёгкого (61), ласкового и быстрого (31), маленького и стремительного (65). Ощущение большого душевного удовлетворения выражено в китайском (так же, как и в русском) языке в перифразе «радость брызжет», где радость ассоциируется с брызгами, каплями, которые разбрасываются в разные стороны подобно фонтану. Весёлое чувство проявляется внешне в движениях человека, что наблюдается в китайском выражении «руки и ноги танцуют от радости» (ср. также русское выражение «прыгать от радости»).

Грусть, состояние душевной горечи, представляется в сознании китайских носителей в виде чего-то тёмного (чёрно-серого) (53), горького (46), толстого, солёного, дурно пахнущего и грязного (55), гаснущего и темнеющего (19), стремящегося и обращённого вниз (72), непрозрачного, нечистого (30), лишённого силы и жизнеспособности (21) (ср. русское выражение «утонуть в глубокой печали»).

В рамках сопоставительного анализа русского и китайского языкового сознания интересно проследить сходства и различия в семантике лексем *радость* и *грусть* (*печаль*). Коннотативные признаки вкуса, жидкого, воздушного, огненного, животного проявляются в семантике несвободных сочетаний анализируемых эмотивов в русском языке: *радость брызжет*, *прыгать от радости*; *предаваться грусти* и др. Данные несвободные словосочетания свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка *радость* – это что-то жидкое и большое, то, чем хочется поделиться и от чего поднимается настроение; *грусть* – что-то жидкое, большое, глубокое и не отпускающее человека.

В русском языке *радость* и *грусть* – антонимы, но в восприятии человека они часто образуют единое целое. Это прослеживается в произведениях русской художественной литературы и прежде всего в русской поэтической традиции, берущей начало в творениях А. С. Пушкина: «Мне грустно и легко; печаль моя светла» («На холмах Грузии лежит ночная мгла»). В поэзии и А. А. Фета и Ф. И. Тютчева лексика, называющая эмоции *радость* и *грусть*, передает переживания лирического героя и содействует созданию природных картин:

*Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть...*

(«Странное какое-то чувство в несколько дней овладело»
А. А. Фет)

*О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!*

(«Она сидела на полу...» Ф. И. Тютчев)

*Всё обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!*

(«Двум сёстрам» Ф. И. Тютчев)

Эти мотивы продолжены в поэзии XX века: «Мелодией одной звучат печаль и радость...» в лирике А. А. Блока. Показательно в данном контексте творчество Н. М. Рубцова. Его стихотворения пронизаны «пушкинской» печалью – светлой, разлитой в воздухе родных просторов: «Светлеет грусть, когда цветут цветы...» («Зеленые цветы»), «И всей душой, которую не жаль / Всю потопить в таинственном и милом, / Овладевает светлая печаль, / Как лунный свет овладевает миром...» («Ночь на родине»). Ещё читаем:

*И передаст стихов живая краткость,
Что с этой грустью радостно дружить,
Что эта грусть, похожая на радость,
Мне помогает Родине служить!*

(«Грусть»)

«Грусть, похожая на радость» – так, на наш взгляд, словами Николая Рубцова можно охарактеризовать эмотивы радость и грусть в языковом сознании русского человека. «Всего прочнее на земле печаль...» – мог бы повторить поэт вслед за Анной Ахматовой. В его лирике преобладает грустная интонация, сознание скоротечности бытия, но слышатся не горечь утраты, недоумение или гнев, а прежде всего радость жизни, спокойствие и умиротворение. Подобно произведениям устного народного творчества, в поэзии Н. М. Рубцова «минуты музыки печальной» не противоречат веселью и праздничной гульбе, как и у С. А. Есенина:

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам...
И Русь все также будет жить,
Плясать и плачать у забора.*

(«Устал я жить в родном kraю...»)

Эта особенность мировосприятия характерна для русского языкового сознания и для русской поэтической традиции.

Проблема межъязыковых соответствий актуальна в сфере оптимизации межкультурного общения, требует пристального изучения и всестороннего анализа. Непросто найти слова в разных языках, которые выражают «одно и то же понятие и не отличаются друг от друга эмоционально-экспрессивной, стилевой или каким-либо другим видом константной знаменательной информации» [Виноградов 1978]. И всё же следует констатировать, что в ассоциативных значениях эмотивов в русском и китайском языках много общего (ср. рус. «прыгать от радости» и кит. «руки и ноги танцуют от радости», рус. «радость брызжет» и кит. «всплеск радости» с признаком ‘проявление чувства’; рус. «утонуть в глубокой печали» и кит. «глубокая печаль» с признаком ‘глубина проявления’).

Выявлены и некоторые расхождения в семантике данных эмотивов. Интересно то, что в восприятии носителей китайского языка *радость* и *грусть* не образуют единство, которое есть в русском языке. Для них это чисто антонимичные понятия. Русский человек может чувствовать радость и грусть одновременно, китаец же только радуется или только грустит. Светлая грусть – отличительная черта исключительно русского характера. Это подтверждает и китайский исследователь Лю Вэньфэй (刘文飞) в книге «Светлая грусть: память о России» (明亮的忧伤：重温俄罗斯)¹⁶⁹.

При этом стоит отметить, что Хай Цзы (1964–1989), один из самых известных и популярных китайских поэтов 20 века, называл себя «китайским Есениным». У него есть цикл стихотворений «Поэт Есенин». Стиль его поэзии действительно близок есенинскому. Стихи Хай Цзы очень искренние, грустные. Он много писал о природе, о деревне, у него есть образы, сходные с русской крестьянской поэзией. Грусть (печаль) в центре поэзии Хай Цзы. Это грусть об одиночестве, о смерти и жизни, о любви и душе

¹⁶⁹ Лю Вэньфэй (刘文飞) Светлая грусть: память о России (明亮的忧伤：重温俄罗斯). Шанхай: Центр восточного издания (东方出版中心), 2000.

и т.д. Но наряду с этим есть и «светлое начало» в его поэзии, яркий пример – стихотворение «У моря в цветении весны»:

(...) Вам, незнакомцы, тоже пожелаю счастья,
Вам пожелаю светлого пути
И пожелаю свадьбы, наконец, влюбленным,
Вам счастья пожелаю в этом бренном мире,
А мне лишь быть у моря в цветении весны.
О пшеничное поле!
Ты немыслимый
Непостижимый вопрос!
Так позволь мне в печали стоять пред тобой.
Ты не можешь сказать, что я гол как сокол,
Ты не можешь сказать, что ладони мои опустели.
О Пшеничное поле!
Ты – страдание рода людского!
Ты несёшь нам и песни, и свет!

«Поле и поэт», 1987)¹⁷⁰

Поэзия Хай Цзы явление не типичное. Но его популярность среди современных читателей свидетельствует о том, что традиция русской поэзии и русское мировосприятие могут быть близкими и понятными носителям китайской культуры, несмотря на очевидные различия в языковом сознании даже на примере рассмотренных эмотивов.

Исследование содержания общечеловеческих ценностей – это одно из направлений внешней лингвистики, начатое ещё в работах Т. Моммзена, В. О. Ключевского, Э. Бенвениста, продолженное серией работ Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова по лингвострановедению, а также трудами В. В. Воробьёва по лингвокультурологии и важным для нас словарем русской культуры Ю. С. Степанова¹⁷¹. В рамках поставленной цели и полученных результатов эксперимента существенна мысль о том, что в настоящее время лингвистами обосновывается острые необходимость исследования системы общечеловеческих и этнокультурных ценностей, при этом в области духовной культуры прогнозируется тенденция к синтезу западных и восточных ценностей, способных обеспечивать

¹⁷⁰ Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / Сост. Лю Вэньфэй.– СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007.– С. 240.

¹⁷¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.– 991 с.

наибольшие шансы для выживания человечества¹⁷². Русское языковое сознание имеет национальные особенности, органично синтезируя западный прагматизм и восточную философскую мудрость. В этом контексте сравнительный анализ русского и китайского языкового сознания представляется перспективным направлением современной науки, а сравнение литературных произведений – её органичной частью.

Авторы благодарят к. ф. н. Лу Вэнья (Китай) за помощь в подготовке статьи.

*Тимашова Лариса Владимировна,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва*

О ПРИРОДЕ ИСКУССТВА ПОЭЗИИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Мысль о том, что поэзия не модна и не современна в наши дни, ни для кого не нова. Не чувствуют школьники поэзию, не интересуется классикой и современными поэтами большая часть взрослой читательской аудитории. Сама социокультурная ситуация не располагает к общению с высокими идеалами и стилем отечественной классики. Сейчас довольно популярны поэтические сайты, но их пользователи в большинстве своём – сами авторы опубликованных там сочинений.

Что же такое поэзия и в чём притягательность произведений Н. Рубцова для читателя? О природе поэзии сказано много в трудах по философии (начиная с Аристотеля) и теории литературы, психологии художественного творчества, в творчестве писателей. Вот как в XIX веке определил поэзию В. И. Даляр: «Изящество в письменности; всё художественное, духовно и нравственно прекрасное, выраженное словами, и притом более мерною речью. Поэзии, отвлечённо, зовут изящество, красоту, как свойство, как качество, не выраженное на словах, и самое творчество, способность, дар отрешаться от насущного, возноситься мечтою, воображением в высшие пределы, создавая первообразы красоты; наконец зовут

---

¹⁷² Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1(15).– С. 9-17.

поэзией сами сочинения, писания этого рода и придуманные для сего правила: стихи, стихотворения и науку стихотворства. Одни считали поэзию рабским подражанием природе; другие – видениями из духовного мира; третьи видят в ней соединенье добра (любви) и истины» [2; 376]. Всё чётко и понятно. На первом плане здесь прекрасное, художественное, дар и сочинения, возвышающие человека.

Вопрос о сущности поэзии весьма актуален в наши дни. Обратимся к самому доступному для современного человека источнику – к Интернету. Как всегда, в первых рядах поисковых систем – «Википедия». Читаем: «Поэзия (греч. ποίησις, «творчество, сотворение») – особый способ организации речи; привнесение в речь дополнительной меры (измерения), не определенной потребностями обыденного языка; словесное художественное творчество, преимущественно стихотворное (в узком смысле термина)». Творчество и сотворение в переводе оказываются особым способом организации речи... В этом суть проблемы, основа ошибочного представления о природе поэтического творчества. Есть литературоведческие школы, которые пытаются превратить науку об искусстве слова в науку о «поэтическом языке». Всякий иной подход к искусству слова с этой точки зрения считается отказом от филологического анализа и уходом в чуждые сферы.

Далее: «Дополнительной мерой речи является стих (стихотворная строка), а также рифмы, метр и проч. Нередко слово поэзия употребляется в метафорическом смысле, означая изящество изложения или красоту изображаемого, и в этом смысле поэтичным может быть назван сугубо прозаический текст». Вполне справедливо – о языке, не о поэзии в целом.

И ещё: «В современной культуре под поэзией обычно понимают вид искусства, забывая, что и в нынешней повседневной жизни достаточно текстов поэтических, но не художественных (например, рекламные)». Поправим, не «поэтических», а просто стихотворных. Сейчас много рифмованной рекламы, но она не имеет отношения к поэтическому творчеству.

Ничего близкого к определению В. И. Даля в приведённых мыслях нет. Возникает вопрос: изменилась сама поэзия или её роль в жизни человека? Может, современность диктует новые законы творчества и критерии оценки произведений искусства?

Сайт «Википедия» не научный источник, но он фиксирует современное толкование самых разных понятий и пишется самими пользователями. Это важно, ибо сама поэзия существует не

для исследователя, а для читателя. Доступная для всех данная статья – реальный взгляд современного человека, испытавшего влияние разных школ и учителей. Сказанное далее как между прочим перечёркивает всё предыдущее и последующее: «Смотреть на тропы, как на внешнюю прикрасу поэтической речи – как смотрела на них старая риторика и смотрит до сих пор школьная теория, ставя их наравне с «фигурами», – очевидно невозможно: это не эстетическая прибавка – это следствие неистребимой потребности мысли «восстанавливать чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону слов»; троп – не материал поэзии, а сама поэзия». Здесь сказано много. Художественная речь не явление языка, а явление искусства поэзии. Кроме того, упомянута школьная теория. Разве школьная теория возникла и существует сама по себе? Она обязательно имеет научное обоснование, но анализ поэтического произведения действительно «застрял» в старой риторике. Студенты на педагогической практике стараются не проводить уроки по изучению лирики. А если проводят, то часто неосознанно и бессмысленно. Вопросы: «О чём?», «Какова идея?», «Какие художественные средства здесь есть?», «Что хотел сказать автор?» – как правило, становятся самоцелью. Общение с сочинениями классиков как с произведениями искусства в таких случаях не предполагается. В чём причина? Быть может, сами на этом уровне изучали литературу в школе, и вуз пока не изменил ситуацию.

Вернёмся к вопросу о поэзии... В современном литературоведении определены три основных её значения.

Первое – как противопоставление обыденному, серому в жизни и в искусстве. Поэзия – понятие, которое относится прежде всего к литературе. Но поэтичность понимают более широко как «особый характер мышления». Нет ни одного вида искусства, не пронизанного поэтическим мышлением. Поэзией пропитана вся наша жизнь, хотя мы не всегда это замечаем. Это основа нормальных человеческих отношений. Слово «поэзия» употребляется в метафорическом значении, а именно: «прекрасный», «изящный», «романтичный», отражая субъективную оценку вещи или явления.

Второе – как художественная литература при её разделении с научной. Так трактовали термин, в частности, Н. Карамзин, В. Белинский, Н. Чернышевский, А. Григорьев.

Третье – как произведения в стихах в отличие от произведений в prose. Нередко считается синонимом лирики. Последнее значение наиболее часто употребляется в филологической науке.

При изучении стиха в методической литературе часто наблюдается необоснованное предпочтение тех или иных средств выразительности, которым придаётся самостоятельное художественное значение. Тем самым разрушается целостное восприятие произведения учащимися.

Художественная речь обладает специфической «внутренней формой» – не языковой, а собственно поэтической. Это глубоко исследовано ещё в работах А. А. Потебни, Г. О. Винокура. Язык для поэзии только строительный материал. Эта мысль доказывается современной наукой: «В основе художественной речи лежат внеязыковые явления и закономерности, ... художественная речь по своей сущности есть феномен искусства, поэзии, а не языка, и потому её нельзя понять «через язык», нельзя видеть в ней собственно языковую «структуру». Так же, как и «музыкальность стиха не есть явление акустическое по своей природе...». Все средства выразительности должны рассматриваться во взаимосвязи, возводиться к интонационно-речевой системе, определяющей особенности образной системы и стиля поэта.

Действительно, если мы проанализируем художественную речь С. Есенина и его «наследника в поэзии» Н. Рубцова, то придём к естественному выводу о том, что их поэтические приёмы во многом различны. Так что же сближает поэтов? Следование традиции заключается в поэтическом пафосе, во внутреннем, духовном родстве, что проявляется и во впечатлениях читателя (или слушателя) при восприятии произведений. Родственность эстетических отношений поэтов к действительности роднят поэзию С. Есенина и Н. Рубцова.

«Быть поэтом – это значит то же, // Если правды жизни не нарушить...» – определяет С. Есенин. С полным правом и основанием поэт утверждает: «Я сердцем никогда не лгу». Главной темой его творчества является судьба России, её прошлое, настоящее и будущее.

«Негромкие есенинские песни // Так громко в сердце // Бьются и звучат» в лирике Н. Рубцова с верой в Россию и мольбой: «Поверьте мне: я чист душою...» Н. Рубцов, как С. Есенин, неотторжим от природы России, от её нрава и песни. С этих позиций вернее всего и открывается преемственность в поэзии.

Услышать поэта, прочувствовать силу его выразительности – вот задача читателя и исследователя. Поэтическая речь обращается к средствам выразительности «многократного смыслового значения». Прямая логика, прямой смысл в них заключен внутри,

не всегда и не сразу проявляясь внешне. «Вспыхивающим и озаряющим сознание сочетанием слов» является язык поэзии. И свойствен он не только прославленным мастерам слова, размышляет Н. Асеев, но и выражениям народной мудрости: «Сидит как в рот воды набравши», «Последняя спица в колеснице», «Не красна изба углами, а красна пирогами». Язык поэзии живёт и в нашей повседневной жизни, рождая яркие выражения, неожиданные метафоры и сравнения.

Обратимся к А. С. Пушкину. Эпизод появления Петра в «Полтаве»:

*Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как божия гроза.*

Ужасен, быстр и прекрасен, как гроза! Блеск молний и гром, сияние и темнота – слились в образе Петра. Эта краткая выразительность слов, заменяющая собой длинное описание, и есть поэзия.

Не все строки поэт может отредактировать и выстроить, ибо лучшее диктуется вдохновением, которое сам А. С. Пушкин определял как «благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами и вы обретаете живые неожиданные слова для воплощения видений ваших...»

А вот строки Н. М. Рубцова, поэта другой эпохи:

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.*
(«Прощальная песня»)

Грязь «глубока», как омут, как печаль. Вся безысходность, тоска, неизбежность расставания, соответствующая настроению привычная картина будущей поздней осени в родном поэту селе, тревога и неустроенность... – в одном четверостишии без особенностей вычурных слов! Лирика Н. М. Рубцова сочетает прозрачность и ясность языка с психологической тонкостью наблюдений. В этой свойственной поэту «простоте» живёт настоящая поэзия, покоряющая искренностью и силой выражения.

Н. Рубцов сказал просто: «О чём писать? На то не наша воля!» и поэзия, читаем в его стихах, «мелькнёт порой, покорная судьбе». Вполне в пушкинском духе.

Наши классики создали богатое поэтическое «исследование» природы поэзии. Об этом написано немало трудов. Тема поэта и поэзии прочно вошла в школьную практику. Современные поэты не перестают обращаться к этой всегда актуальной теме.

Психология рассматривает искусство, с одной стороны, как акт психической деятельности, с другой – как общение. Через общение «искусством» осуществляется актуализация и развитие личности, её мотивационной, эмоционально-волевой, этической стороны. Искусство может быть названо своеобразным «полигоном», на котором «люди учатся быть людьми». Поэзия – это общение чувствами и, по известному выражению, – это самосознание народа. Она помогает нам понять себя. С другой стороны, отношение к поэзии отражает состояние культуры общества.

Согласимся с классиком отечественной литературы в том, что «поэты – руководители людей к благородному понятию о жизни и к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить всё благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добре, благороднее» (Чернышевский Н. Г.).

Эстетическая природа поэзии очевидна. Цель искусства, и поэзии в том числе, – служить человеку, способствовать его счастью, совершенствованию, содействовать сплочению людей. Это давно известная истина, но сейчас её нужно повторять, ибо современное обилие стихотворной продукции не имеет отношения к литературе и искусству. Потрясает и поэтическая безграмотность. Часто люди говорят, что любят читать, но не стихи. В этой мысли «кроется неправда», – писал Е. Евтушенко в 1975 году, – человек, не любящий поэзию, не может по-настоящему любить и прозу, воспитание поэзией – это воспитание вкуса к литературе вообще». Поэтический дар рождается с человеком, а поэтический слух и художественный вкус вполне поддаются развитию и воспитанию. На это должно быть нацелено чтение книг детям, изучение литературы в средних и высших учебных заведениях. Тогда есть надежда, что русская поэзия станетозвучной душе современного человека и её чтение займёт прежние прочные позиции в нашей стране. Творчество Н. Рубцова, певца русской души, вносит весомый вклад в приобщение современного человека к искусству.

«КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА» ПРОГРАММНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

С «ключевыми словами» мы встречаемся в самых разных областях деятельности. Они стали привычными не только в поисковых системах Интернета, но и в учебниках, и в научных статьях. Толкование этого терминологического словосочетания есть в стилистических, финансовых, юридических, переводоведческих, технических словарях и справочниках. Некоторые исследователи художественной речи называют их «смысловыми вехами текста», выражающими главную идею целого художественного произведения. «От них идут невидимые нити к портретам действующих лиц и пейзажам. Они создают внутреннее единство лексической системы произведений, становясь существенным элементом его композиционного построения. <...> Ключевые слова в литературных произведениях одной своей, предметно-вещной, стороной обращены к деталям быта, а другой – к социальным и нравственно-этическим проблемам. Они семантически многомерны, отсюда их образно-символическое значение» [2; 54–57]. Современный учебник по методике обучения литературе определяет «ключевые слова» как «опорные пункты для анализа текста» [3; 100]. Работа с ключевыми словами является актуальным приёмом школьного литературного анализа.

Поэзия Николая Рубцова имеет завидную читательскую аудиторию. Раскрыть секрет популярности поэта, притягательности и народности его сочинений стремятся многие читатели, публицисты, критики, литературоведы, исполнители. «Певец русской души», «достойный сын Отечества», «наследник Есенина», «великий русский поэт» – эти определения стали общим местом в рассуждениях о Николае Рубцове. Поэт близок современному человеку своим мироощущением, его «светлая грусть» вселяет радость за день сегодняшний и веру в лучшее будущее. Этим объясняется востребованность его поэзии в наши дни. Рассмотрим ключевые слова его программных произведений.

Обратимся к стихотворению «Звезда полей». Здесь «ключом» к анализу может быть заглавие произведения. Заглавие – самая «сильная позиция» текста. Это – открытие художественного произведения, имя текста, первое, что видит читатель. Анализ художественного произведения от заглавия носит «точечный» характер, т. е. будет привлекать различные элементы текста, которые являются смыслообразующими. В процессе такого анализа будут

проясняться различные смысловые оттенки слов, явлений, ситуаций, которые помогут проникнуть в подтекст произведения.

Само название стихотворения напоминает о Полярной звезде. Зимой она особенно заметна над Николой, на Родине поэта: «только здесь, во мгле заледенелой, она восходит ярче и полней». Поэтический образ «звезда полей» – это путеводная звезда, ангел-хранитель Родины. Она напоминает Рождественскую звезду. Текст из второй главы Евангелия от Матфея гласит: «И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец». По свидетельству современника поэта, впервые Н. М. Рубцов прочитал «Звезду полей» в начале 1960-х гг. в дни Рождества, говоря о том, что поэзия – это «возвращение словам их первоначального смысла». При осмыслиении слов поэта вспоминается текст из первой главы Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Смыслообразующая роль глаголов в стихотворениях Н. М. Рубцова значительна. «Звезда полей» – живое действующее лицо: она «остановившись, смотрит», «горит», «горит, не угасая», «восходит»... Выделим ключевые слова стихотворения, которые мы встретим в других произведениях поэта: звезда, сон, родина, горит, тихо, счастлив.

У каждого самобытного автора свои пути «создания ключевых слов, наполнения их образно-символическим содержанием, установления внутренней связи между обобщенным значением и предметно-бытовым значением других слов в контексте целого. Во всем этом проявляется особый склад художественного мышления писателя» [2; 54–55]. Некоторые стихотворения поэта, в их числе и «Звезда полей», названы по первым словам текста. Это подчёркивает верность выбранного нами пути аналитической работы. Таковы и хрестоматийные произведения «Тихая моя родина» и «В горнице».

Николай Рубцов считается наиболее ярким представителем направления в поэзии 1960-х годов, условно названного «тихой лирикой». Особенное чувство рождает слово тихо (тихая, тихий) у поэта: мелькнул «тихий свет», звезда полей горит «тихо за холмом», «Тихо ответили жители, // Тихо проехал обоз». Создают лирическое настроение и близкие к понятию «тишина» слова: «глухие луга», «задремавшее стадо», «хуторок, задремавший счастливо», «Над вечным покоем», «шёпот ив», «шелест зелёной листвы», «Филя! Что молчаливый?», «молча принесёт воды». В стихотворении «Тихая моя родина» слово «тихо» встречается

5 раз. Это типично для поэта: ключевые слова часто повторяются в его стихах, они связаны с образной тканью и тональностью произведения. Тихая не означает безлюдная, безразличная. На родине легко дышится, чувствуется умиротворённость и «самая жгучая, самая смертная связь» «с каждой избою и тучею». И главное – «счастье тут: // Россия, дети, и природа, // И кропотливый сельский труд!...» («Меня звала моя природа»). Эта мысль о счастье сквозной нитью проходит через всё творчество Н. М. Рубцова. Спокойная, размеренная жизнь в мире труда и заботы о ближнем была мечтой самого поэта, и ей не дано было осуществиться.

Стихотворение «В горнице», как отмечено, включает ключевое слово «молча», близкое к понятию «тихо». Здесь оно имеет иной смысловой оттенок. Именно молчанием события переводятся из обычного мирского измерения в таинственное. «Как герой волшебной сказки, засыпая, переступает из одной реальности в другую, так и в стихотворениях Николая Рубцова чудесный сон, окутывая земной простор, раскрывает иное, существующее вечно, царство» [6; 23]. Существенно, что матушка ничего не отвечает. Так было и в черновом варианте стихотворения «В звездную ночь», где лирический герой обращается к матушке с вопросом: «Матушка, который час? // Что же ты уходишь прочь? // Помнишь ли, в который раз // Светит нам земная ночь?» [4; 186] Полное отсутствие звука типично для образа потустороннего мира, поскольку «молчание – форма ритуального поведения, соотносимая со смертью и сферой потустороннего» [1; 292].

И другие ключевые слова стихотворения типичны для поэтической речи Н. М. Рубцова: светло, звёзды. Опять же существенны глаголы: возьмёт, догниёт, дремлет, будет, буду поливать, думать, мастерить. С водой из родников и колодцев связано много поверьй. Одно из толкований сна: доставать воду из колодца означает черпать достаток. Быть может, поэтому последнее четверостишие отличается по настроению, дарит надежду на лучшие перемены.

«Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Из-за них существует стихотворение» (А. Блок). Эта характеристика может быть отнесена и к ключевым словам поэтического произведения.

Так в стихотворении Николая Рубцова «Русский огонёк» ключевыми являются слова живой (жизнь), свет (и близкое по значению огонёк), добро, любовь, расплатимся, гориши. Они, повторяясь и раскрывая свою многозначность в разных словосочетаниях и предложениях, составляют смысловой стержень поэтического

произведения: «один живой», «...в тусклом взгляде жизни было мало»; «тихий свет», «белый свет», «За всё добро расплатимся добром, // За всю любовь расплатимся любовью...», «скромный русский огонёк»; «...в предчувствии тревожном гориши...», «Гориши, гориши как добрая душа, // Гориши во мгле – и нет тебе покоя». Заметим также, что «русский огонёк» горит, как и «звезда полей». Он наделён «доброй душой», т.е. способностью мыслить, чувствовать и действовать. Слова, обозначающие действие, как мы видим, имеют в поэтической речи Н. М. Рубцова ведущее значение. Это очевидно и в стихотворении «Старая дорога», по которой «июльские деньки идут», «зной звенит», «дремлет пыль», «Душа, как лист, звенит, перекликаясь // Со всей звенящей солнечной листвой...» События былых времен подразумевают деление времени на прошлое («Здесь русский дух в веках произошёл»), настоящее («И ничего на ней не происходит») и будущее («Но этот дух пойдёт через века»). Внимательней остановимся на двух строчках:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Одним из признаков ключевых слов принято считать их «акцентный» характер (выделенность) и частоту употребления. В этих строчках – ключевые слова стихотворения, каждое повторено дважды. Было бы странным, если бы русский поэт призывал расплатиться за добро и любовь как-то иначе. Тем не менее, здесь заключен глубокий смысл. Выделим при чтении слово «расплатимся»... Сама необходимость отвечать на добро и любовь, не оставаться безразличным к людям – вот поэтическое выражение активной жизненной позиции автора и интуитивного приближения к православной вере.

Ключевые слова усиливают смысловую емкость произведения, расширяют изобразительные возможности художественной речи, а читателю помогают проникнуть в глубины подтекста произведения. Они могут быть в названии, в первых строчках произведения, в особо важных эпизодах, в конце, могут быть распределены по тексту равномерно. Они входят в подсознание, что и составляет основу восприятия и понимания произведения. В лирических сочинениях ключевые слова могут рассматриваться во взаимосвязи в контексте всего творчества автора. Это мы проследили на примере стихотворений Н. М. Рубцова.

Кроме того, ключевые слова Н. Рубцова могут быть рассмотрены как ключевые слова русского менталитета. Имеется в виду лексика, выражающая опорные понятия, и символы, определяющие идеи и представления традиционного русского национального мировоззрения и миросозерцания. Можно выделить несколько групп таких слов (по тематическому или предметно-понятийному принципу): «1) слова, обозначающие понятия и предметы традиционного народного быта, преимущественно крестьянского (дом, усадьба, земля, семья, хозяин и др.); 2) слова, обозначающие основные понятия рус. государственности и общественной жизни (государство, родина, отчество, держава, народ, соборность, мир, артель и др.); 3) слова, обозначающие мир русской души и народной этики (Бог, правда, совесть, справедливость, сострадание, милосердие, терпение, раскаяние и т. д.)» [5; 272].

Перечисленные группы слов не представляют собой закрытые ряды и могут быть представлены с разной степенью детализации. В особенностях значения этих слов, их соотношений со словами сходными и противоположными по значению, их сочетаемости и употребления отражается специфика национального русского менталитета (в его историческом прошлом и в современном состоянии). Естественно, что такие слова-понятия, занимающие весомое место в системе ценностных представлений, в духовном мире народа и отдельной личности, требуют особенного внимания и пристального изучения. У Николая Рубцова мы встречаем такие слова-понятия: земля, изба, деревня, село, родина, народ, красота, Господь, душа, дух, храм, собор. Характерно, что Родная земля в его лирике изображается как «тайное пространство Божьего мира» [6; 14]. Одно из стихотворений поэта так и называется – «Тайна». Отношение человека к природному миру как к величайшей тайне характерно для русского религиозного типа сознания. Тайна взаимосвязана с русской стариной и с грустью, с печалью. Но печаль эта особого рода, отмеченная еще А. С. Пушкиным – светлая, разлитая в воздухе родных мест: «И всей душой, которую не жаль // Всю потопить в таинственном и милом, // Овладевает светлая печаль, // Как лунный свет овладевает миром...» («Ночь на родине»). Подчеркнем, что поэт не был истинно православным человеком. Его поэзия наполнена образами храмов, колокольным звоном, но лишь внешне. Всё это не связано с церковными таинствами. Вера жила в нём на уровне чувства, ощущения, как основа русского мироустройства. Произведения поэта убеждают читателя в том, что «мир устроен грозно и прекрасно» и правят им любовь, справедливость и светлая вера в будущее.

Использованная литература

1. Агапкина Т.А. Молчание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Т.А. Агапкиной, О.В. Беловой, М.М. Валенцовой; под общ. ред. Н.И. Толстого.– Т. 3.– М.: Международные отношения, 2004.– 704 с.
  2. Петровский В.В. О ключевых словах в художественной прозе // Русская речь.– 1977.– С. 54–57.
  3. Романичева Е.С. Введение в методику обучения литературе. Учебное пособие.– М.: Флинта, Наука, 2012.– 125 с.
  4. Рубцов Н.М. Собр. соч.: В 3 т. / Н.М. Рубцов; сост., вступ. ст., примеч. В.Д. Зинченко.– Т. 3.– М.: Терра, 2000.– 432 с.
  5. Сквородников А.П. О ключевых словах русского менталитета. // Светлица.– 1993.– № 1. http://stylistics.academic.ru/56/%D0%9A%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BA
  6. Чернова А.Е. Этнопоэтические константы в лирике Николая Рубцова // Автореферат на соискание учёной степени кандидата филол. наук.– Москва, 2014.– 25 с.

Федунова Любовь Петровна,
Рубцовский центр, г. Санкт-Петербург

«СЛОВНО ЗЕРКАЛО РУССКОЙ СТИХИИ»: РУБЦОВ И ПУШКИН

В 1977 году поэт Глеб Горбовский пишет поэму «Русская крепость», посвященную Николаю Рубцову.

*Мне явился прохожий в лаптях.
За плечами - котомка.
Можжевеловый посох
И синяя - взгляда каёмка.
Весь он был непонятный,
какой-то киношный, потешный
и пропахший дорогой -
не нашей, бензинной, а - пешей.*

Такими словами начинается поэма, где странник призывает из «современной крепости» – из мирка, «облицованного камнем», пройти вновь дорогами России, чтобы начать своё духовное вос-

хождение к тем «русским крепостям», которые «шлифовали сердца»: через Петербург, Москву, Новгород, Псков. И вот перед лирическим героем поэмы возникают «святогорские камни».

...Святогорские камни!
Как мудро, что вы уцелели.
Вас не чудо хранило,
не строгие буквы запрета,
а всего лишь –
угасшее, бренное тело поэта.
Святогорский утёс.
Мавзолей из листвы над могилой...
По ступеням иду.
Каждый камень наполнен тут силой
не гранитной – духовной!

Неслучайно поэма посвящена Николаю Рубцову, названному Горбовским «долгожданным поэтом», без которого «надвигалось кислородное голодание эпохи». Её страницы помогают нам осмыслить духовные устремления современного человека, связанные с постижением русской истории и литературы, со стихией русской жизни, с художественным видением поэта, для которого фигура странника является одной из главных. Но это не обычный странник, а странник с душой поэта, «очарованный странник», идущий старыми дорогами России.

Здесь каждый славен – мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит...
Но этот дух пройдет через века!

(Николай Рубцов. «Старая дорога»)

Душа поэта, в какую бы эпоху он ни жил, может стремиться к постижению вечности, но не всякому поэту она откроет свои врата, ведущие к свету. Для этого поэту нужно подняться над веком, а значит – над самим собой. Духовное восхождение, духовное самоутверждение важны для каждого поэта, а для русского поэта они невозможны без понимания «русской стихии».

Понятие «стихия» очень ёмкое. У Владимира Даля, как одно из значений этого слова, «стихия – это вещественное начало, основа, природное основанье». Выражение «русская стихия» – очень ёмкое выражение, но особенно глубокий информационный пласт заключается в нём, когда мы произносим его в контексте стихотворения Н. Рубцова «О Пушкине».

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её...*

Слов немного в этом поэтическом этюде, но они все ключевые по отношению к творческой судьбе поэта. Очень важны паузы между словами, которые «словно выдохнуты, без усилия выхвачены из творческого сознания поэта» (В. Кожинов). В этом небольшом стихотворении – художественная завершённость, свой внутренний сюжет, связанный с трагической, но прекрасной судьбой, потому что своё главное назначение поэт выполнил: «отразил он всю душу России» и «погиб, отражая её». Велика роль контекста, как во всех остальных поэтических этюдах Н. Рубцова о русских писателях, связанного с глубиной понимания жизненной, гражданской и литературной позиции поэта.

Сравнивая Пушкина, а значит – мир его поэзии с «зеркалом русской стихии», Николай Рубцов подчёркивал «природное основанье» (В. Даль) его таланта, обладающего цельностью и глубиной знания русской жизни, русской истории, природы, русского духа и русского слова. Именно это было самым главным для Рубцова в духовном опыте поэта. Вспомним рецензию Н. Рубцова на стихи Ольги Фокиной; она начинается словами: «Поэты – носители и выражатели поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, в мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта».

Уместно было бы напомнить тем писателям, которые смотрят и по сей день на Россию из-под насупленных бровей, находя в истории наших предков только «садизм» и «устрашающие примеры варварства», что основу её цивилизованного своеобразия составили духовность русского человека, склад ума и характер которого формировались безграничностью равнинных просторов России, полноводием рек, шумом вековых лесов. Именно это определяло широту натуры русского человека, распахнутость его души, постоянную устремлённость в безграничную даль, в бесконечность.

Подлинные художники слова, среди которых были Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой и др., стремились создать свою «правду» о России, и она не была, по мысли Н. Бердяева о Достоевском, «слащавой», «розовой правдой народолюбия и народопоклонства», это была «правда трагическая» (Н. Бердяев. «Духи русской революции»). Но самое главное, они были особенно чутки к России «в годину величайших народных унизений, созерцая образ нетленной красоты и древней славы её» (Г. Федотов. «Лицо России»), интуитивно чувствуя, что в русской душе скрываются огромные внутренние силы для обновления всего мира, о чём писал А. Блок в стихотворении «Скифы».

Поспешным выводам некоторых современных писателей, которые считают, что душа России «груба и жестока», следует напомнить слова А. С. Пушкина о том, что «Россия слишком мало известна русским». Поэтому с раннего детства он впитывал в себя всё то, что было насыщено русским духом. Будучи в зените славы, внешне погружённый в заботы суетного света, отстаивал своё право на реалистическую поэтику. Столкнувшись с широким мнением критиков о том, что он «отстал от времени», Пушкин пишет стихотворение «Румянный критик мой, насмешник толстопузый...» (1830 г., при жизни поэта не опубликовано), где ведёт воображаемый спор с теми, кто привык видеть деревню, изображённую только в идиллических красках. Пушкин одним из первых в русской литературе показал прозаическую изнанку деревни, проза решительно вторгается в поэзию.

Смотри, какой здесь вид: избушек
ряд убогий,
За ними чернозём, равнины скат
отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где тёмные леса? Где речка?
На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду
взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено...

И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две
бабы вслед.

*Без шапки он; несет подмышкой
гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.*

Лаконизм, простота, искренность стали основой реалистической поэтики Пушкина, основой русской литературы. И. Ильин писал: «Пушкин показал, что искусство чертится алмазом: что «лишнее» в искусстве нехудожественно, что духовная экономия, мера и искренность составляют живые основы искусства и духа вообще».

Преодолевая соблазн внешнего искушения, собственного малодушия, Пушкин с ранней юности неутомимо работал над самим собой и ясным, сильным умом осмысливал бегущие мимо события. После казни декабристов долго и безуспешно бродил по острову Голодай, отыскивая место их захоронения. По бездорожью отправился в Оренбургский край, чтобы собрать достоверные материалы к «Капитанской дочке». Вспомним, какой богатый материал о пугачёвцах дала эта поездка: например, Ирина Афанасьевна Бунтова рассказала, что под крепостью Татищево во время весенней оттепели реки вскрылись, и тела убитых поплыли мимо крепостей, а жёны и матери старались узнать своих близких среди них. Одна казачка клюквой пригребала плывущие трупы со словами: «Не ты ли, моё детище? Не ты ли, мой Стёпушка? Не твои ли чёрные кудри свежа вода моет?» И фамилия казачки – Разина (мать отыскивала среди пугачёвцев своего сына Степана Разина; был такой пугачёвец – Степан Разин (Игорь Смольников. «Путешествие Пушкина в Оренбургский край»).

Каждая встреча с Пушкиным нас всегда волнует, как волнует дорога к храму, в котором «светлое пророчество» может осенить нашу душу. Мы относимся к его творчеству как к духовному завещанию, потому что, по словам Достоевского, «повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь». В нём, считает писатель, не было желания «поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием, всё роднило его с народом взаимно и доходило до какого-то простодушного умиления». Разве могут нас не взволновать мысли Пушкина о России: «Клянусь вам моей честью, что я ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, такую нам послал Бог». Как много открыл бы для

нас великий русский поэт, если бы мы, по мысли философа Ивана Ильина, научились бы «подходить к Пушкину не от деталей его эмпирической жизни и не от анекдотов о нём, но от главного и священного в его личности, от вечного в его творчестве, от кутины неопалимой, от его пророческой очевидности». Особенно ценные «художественные прозрения поэта», считал Достоевский, оставленные для «будущих работников на этой же ниве»: «Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов». «Пушкин, как художник», «стоит на абсолютной высоте», считал С. Аксаков, потому что он был «цельный художник с живою русскою душою». Эта «русская стихия» виделась Аксаковым у Пушкина «не в одном только русском языке, доведённом Пушкиным до изумительного совершенства, силы, образности и мужественной красоты», «не только во внешней стороне его творений, но и во внутренних сторонах его творчества».

Каждая встреча с Пушкиным, с поэтом, который, «отстояв назначенье своё», отразил «всю душу России» и «погиб, отражая её», проходила очень глубоко через сердце Николая Рубцова, через его биографию. Александра Меньшикова, учитель Никольской школы, вспоминала, что нередко на уроках грамматики она читала стихи Пушкина, а Коля внимательно слушал и улыбался. Валентин Сафонов, характеризуя «круг литературных привязанностей» Рубцова на военной службе, называет имена Есенина, Тютчева, Фета, Блока, Хлебникова и, конечно, Пушкина и Гоголя. Сергей Багров как-то побывал в Николе и позднее вспоминал разговор с Рубцовым о поэзии. Речь зашла о Тютчеве, о Пушкине, и Рубцов с «задумчивым, мрачным и неспокойным лицом» произнёс: «Нам бы вместе сойтись – Пушкин, Тютчев, Есенин, Рубцов». А после отъезда Багрова прислал ему письмо, где были такие строчки: «Я очень рад был твоему приезду. Спасибо тебе, что «наш двор уединенный, пустынным снегом занесенный, твой колокольчик огласил!»

Но, конечно, приверженность Рубцова великому поэту состояла не в том, сколько раз он повторил его имя или цитировал его стихи. Главное для него – высокое гражданское чувство поэта, острота ощущения своего времени, осмысление отношения к поэтическому слову.

*Творя бессмертное творенье,
Смиряя бойких рифм дожди,
Тружусь. И чувствуя волненье*

*В своей прокуренной груди.
Строптивый стих, как зверь страшенный,
Горбатясь, бъётся под рукой.
Мой стиль, увы, несовершенный,
Но я ж не Пушкин, я другой...*

(Н. Рубцов. «Мой чинный двор зажат в заборы»)

И, может быть, современному «румяному критику» не понравилась бы картина, нарисованная в стихотворении Н. Рубцова «Осенний этюд», так похожая на пушкинское творение.

*Утром проснешься на чердаке,
Выглянешь – ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.
С гробом телегу упорно трясет
В поле меж голых ракит. –
Бабушка дедушку в ямку везет, –
Девочке мать говорит...
Ты не печалься! Послушай дожди
С яростным ветром и тьмой,
Это цветочки еще – подожди! –
То, что сейчас за стеной.
Будет еще не такой у ворот
Ветер, скрипенье и стук.
Бабушка дедушку в ямку везет,
Птицы летят на юг...*

(Н. Рубцов. «Осенний этюд»)

Для каждого поэта его поэзия – это, прежде всего, условие духовного самоутверждения, но для подлинного русского поэта, каким был А. С. Пушкин, да и Николай Рубцов, которых «русская стихия» ни на минуту не отпускала от себя, было главным желание увидеть живую Россию со всеми ее национально и исторически сложившимися трудностями и противоречиями.

*Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дом не заволок!*

(Н. Рубцов. «Поэзия»)

Укромный, чистый уголок России – это уголок поэзии, где «расцвёл душою Пушкин молодой», откуда пришёл «сказочный Кольцов, где вместе с чувством «древности земли» «радость на душе струится». Этот уголок чистоты органически входил в душу лирического героя Николая Рубцова. Поэт относился к творчеству Пушкина как к духовному завещанию, стремясь постигнуть азбуку русского национального характера, заглянуть в тайны русской души, русской истории, стремясь к художественному обобщению «русской стихии» через слово. Он опирался на его художественный метод, основанный на мощном синтезе природы и человека. Пушкин был дорог Рубцову не только своим художественным дарованием, но и своим восхождением к общечеловеческим нравственным идеалам, своей духовной мудростью.

Рубцов воспринимал старину, как и А.С. Пушкин, не любяясь археологическими находками, а стремясь к художественному обобщению через слово. Для него главное – не лубочные картинки старой Руси, а исповедальные мотивы. Всё, что «выплывает» из прошлого, становится только «родней и больней» для поэта, душа которого «хранит всю красоту быльых времен». Сердце Рубцова постоянно откликается на прореческий призыв Пушкина «...вижь и внемли».

*Снег летит, гляди и слушай!
Так вот просто и хитро,
Жизнь порой врачает душу...
Ну и ладно! И добро.*

Рубцов – вечный слушатель и собеседник России, поэтому она открывает ему всё больше своих тайн и истин.

*Взглянул на кустик – истину постиг.
Он и цветёт, и плодоносит пышно,
Как в тишине поёт его родник.*

Рядом с невысоким кустиком, который постиг истину земного существования и поэтому «пышно плодоносит», растут «худые деревца», стремящиеся к солнцу, но забывшие, что земля им нужнее, потому что питает живительной влагой. Они «обожглись», т. к. растут далеко от родника, на скудной лужайке. В этом стихотворении Н. Рубцова заключена аллегория, важная для постижения стихии рождения поэтического чувства, обобщающая опыт жизни поэта и его творческий порыв. Его лирический герой никогда не

стремится приподняться над толпой, над шумной суетой жизни: он тянется ко всякой стихии, и его чувства растворяются в ней, что позволяет душе человека соединиться в неразделимое целое, в одну гармонию с природой и поэтическим словом.

Поэтому неудивительно, что вырастающие на такой «скучной лужайке» писатели, да и литературные критики, не понимающие специфики художественного видения поэта, для которого прошлое, настоящее и будущее слиты в одну гармонию поэтического чувства, завидуя посмертной славе поэта, начинают упрекать его в «славянофильстве». Они недальновидно считают, что «историческое не входит органично в плоть стихов Н. Рубцова, не растворяется в них, оставаясь лишь не поверхности», и что «поэт ощущал прошлое слишком общо и неконкретно».

«Исторические стихи только тогда могут быть хороши, когда автор обладает особым складом воображения, при котором исторические картины в его сознании оживают, наполняются движением, подробностями», – пишет Э. Шнейдерман в книге «Слово и слава поэта. О Николае Рубцове и его стихах». Но следует заметить, что Рубцов никогда неставил перед собой задачу писать «исторические стихи» и из древности никогда не делал икону, а, следовательно, интереса к наружным деталям истории у него не было. Его лирический герой стремится осмысливать и прошлое, и настоящее, и будущее одновременно.

*Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.*

Нельзя согласиться с Э. Шнейдерманом и в том, что «Русь» у Рубцова «была совершенно нереальной, выдуманной целиком»: «Он сам её такую в себе выстроил из отдельных отзвуков, облесков, обломков... Но строил – по чужому чертежу, – была ведь уже такая лет за сто до того, однако развалилась, обветшав, и это её обломки он использовал для своей постройки...»

Да, Рубцов возводил в стихах собственную модель Руси с «могильными крестами», «туманом над омутной водой», с «усталым полюшком», с «гнетущей погаснувшей высью», с «ветвями больничных берёз», но его «неприкаянный, мрачный, ночной» лирический герой стремится принять душой стихию света: он созерцает «звёзды над бездной», «пустынnyй свет на звёздных берегах» и «вереницы птиц» над Россией. Душа его постоянно тянется

к спасительному свету. С каждым новым произведением Рубцов всё ближе подходил к народному идеалу, как и его духовный предшественник А. С. Пушкин, творчество которого, по словам Белинского, представляло «землю, проникнутую небом».

Лирический герой и Пушкина, и Рубцова – это личность замечательная своей душевной чистотой и вселюбческим обаянием, это представитель нации, который как бы аккумулирует в себе историю России, отражает её самобытность.

Это человек с обострённым чувством чести, непримиримый ко лжи и лукавству, одухотворённый человеколюбием и красотой окружающего мира. Он постоянно стремится к свету, открывающему тайны мира и тайны русской души.

*Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!*

(Н. Рубцов. «Тайна»)

Николая Рубцова Э. Шнейдерман упрекает и в том, что главное «население деревенских стихов» – это, главным образом, «старики и старухи, думающие свою думу, целиком погружённые в себя». Но это прямое подтверждение тому, что Рубцов, как и Пушкин, не стремился «поднять народ до себя», «все роднило его с народом взаправду»: он вслушивается в «тревожный ропот вечерних нескольких старух», беседует с «добрым Филей», с пастухом, и все они открывают кладезь мудрости для поэта.

- *А ты не заметил, как годы прошли?*
- *Заметил, заметил! Попало, как надо.*
- *Так что же нам делать? Узнать интересно.*
- *А ты, – говорит, – полюби и жалей, И помни хотя бы родную окрестность,*
Вот этот десяток холмов и полей...
- *Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...*

(Н. Рубцов. «Жар-птица»)

Николай Рубцов всей глубиной своей души чувствовал драму русской деревни; его стихи наполнены правдой жизни, правдой

мироощущения художника слова, испытывающего и гордость, и боль за Россию.

*Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом брезвистные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.*

(Н. Рубцов. «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...»)

Микрокосм русской души сложен и многообразен, особенно если это душа художника слова. В этом мы убеждаемся, когда пытаемся осмыслить поэтические этюды Н. Рубцова о русских писателях, душа которых, как зеркало, отражала «русскую стихию», русский путь.

В стихотворении «Однажды», в котором дано философское осмысление драмы Гоголя, Рубцов нарисовал эпизод, когда, устав от духоты, писатель вышел из кареты на свежий воздух, чтобы «оплакать детства светлые года», «время надежд и счастья». Когда-то он был убеждён, что его творчество поможет найти обществу моральные рычаги, с помощью которых можно было бы переворотить Россию, но, надломленный несбыточной утопией нравственного совершенствования помещиков, столкнувшись с правдой жизни, уставший от борений с собственным душевным недугом и физическим, он отступает и от своих мыслей, и от своего могучего дарования. И теперь уже «силуэты позабытых тощих деревень», кроме жалости, ничего не вызывают в его душе. Стихия этих чувств заключена в словах: «Не мог представить будущее время и произнес: «Как скучно, господа». Какой лаконизм и, вместе с тем, какова глубина осмысления Рубцовым драмы Гоголя, приведшей, в конце концов, к той роковой ночи, когда была уничтожена рукопись второго тома «Мёртвых душ»!

Взгляд Рубцова на судьбу и творчество русских писателей отражает природно-духовно-социальную почву их таланта; особенно очевидным это становится, когда Рубцов пишет о Достоевском: он создаёт в стихотворении «В гостях» модель художественного видения самого писателя.

*Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!*

*В трущобный двор ворвался Достоевский,
Как тяжело ссупулился, исчез...*

(Н. Рубцов. «В гостях»)

Нельзя не заметить, что лирический герой Рубцова тесно слит со стихией героев Достоевского, с приметами петербургского пейзажа: «трущобный двор», «жёлтый свет», «ветер резкий». При этом стихия ветра как бы соединяет два временных пласта в одно пространство, отражая нелёгкую судьбу писателей двух эпох. Жизнь на виду у толпы, со всеми бытовыми дрязгами, когда в дверях кто-нибудь «торчит», была до боли знакома Рубцову. Но в стихотворении это не главный мотив. Для лирического героя страшнее всего «гаснущая лира поэта, который, пройдя через суровые жизненные испытания, потерял веру в себя («жёлтый свет в окне без занавески не рассеивает мглу»). Проблема «угла» для творческой личности близка и понятна лирическому герою Рубцова. Это подчёркивается уже первой строкой стихотворения «Трущобный двор. Фигура на углу».

Этюды Н. Рубцова о русских писателях пока ещё не нашли достойной оценки в рубцоведении, а отдельные авторы называют их «неудачными», «придуманными». Но если рассматривать их с точки зрения художественного видения Рубцова, которое является уникальным по лаконизму и силе выразительности слова, то можно в каждом из них почувствовать глубокую художественную правду о поэтической судьбе, об идеалах и разочарованиях Гоголя, Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Есенина, глубокое знание их внутренней драмы, связанной с судьбой России.

Например, говоря о поэтической судьбе Сергея Есенина, Рубцов не называет конкретные детали «прошлого дня» из жизни поэта, а чтобы мы почувствовали атмосферу русской жизни того времени, он употребляет выражения: «все земные святыни и узы», «вёрсты все потрясённой земли», «своенравность есенинской музы», и за ними – боль и любовь поэта Сергея Есенина, его внимательное и ревнивое отношение к России, осознание собственной любви и боли, своего неповторимого чувства к «земным святыням и узам», к поэзии.

*Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В свою равность есенинской музы!*

А как высок интонационный взлёт и эмоциональный накал последнего четверостишия и мысль о неразделимости поэтических судеб двух поэтов!

*Это муга не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

(Н. Рубцов. «Сергей Есенин»)

Нельзя не почувствовать, читая этюды о русских писателях, что Рубцов стремится глубоко переосмыслить пушкинский заповед «жить, чтобы мыслить и страдать» по отношению к каждому из них, что Рубцов, как и Пушкин, – поэт-мыслитель, а сфера его мысли – духовный опыт русских писателей. Поэтому для него не было необходимости воспроизводить подробности их эмпирической жизни. Эти стихи исповедальны, потому что вбирают в себя духовный опыт самого автора, в них – светлая грусть горячей и любящей души, ощущение бесконечной широты духовного пространства, сознание стихии народной жизни, отразившейся в судьбе художника слова, каждый из которых – сын своего века и своего поколения, а значит, по словам философа И. Ильина, «своей судьбой заплатил дань времени».

В 1835 году Пушкин написал стихотворение «Странник», которое при жизни не было опубликовано. Это было вольное переложение первой главы «Пути паломника» Джона Беньяна. Пушкин ввёл вместо слова «пилигрим» – «странник», придал стихотворению более исповедальный характер. Сама фигура странника связана с художественной традицией русского фольклора, древней литературы, с образами скитальцев, искателей счастливой доли. Образы русских «странников», несомненно, отражают народную стихию, т. к. душа «странника» никогда не отдыхает, она несёт в себе особую энергию, связанную с обострённым чувством чести, высоким чувством долга и непримиримостью ко лжи, лукавству. Зачастую «странники» – люди, одухотворённые человеколюбием, как Иван Северьянович Флягин (Н. Лесков. «Очарованный странник»), который объясняет причину своих странствий очень просто: «Мне за народ помереть хочется». В них – непомерная душевная сила в противовес тем людям, которые не имеют доброго идеала, а увлечены только новыми веяниями. Это «странники» Лескова, Достоевского, Чехова, Толстого. Странничество – яркое проявление духовности русского характера, стихийное стремление к добру и

тем нравственным идеалам, которые таятся в глубоких и чистых родниках народного сознания.

В стихотворении Пушкина «Странник» странничество можно трактовать как состояние духовного беспокойства, устремлённости от земного к вечному. Поэт считал, что в самом человеке уже с рождения есть «таинственный инстинкт сверхъестественного», потому что он «есть создание Духа мудрости и любви». Но не у всякого человека этот инстинкт проявляется с такой силой, как в герое стихотворения «Странник».

*Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь, как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»*

Лирический герой стихотворения обнят «скорбию великой», томим страхом смерти и суда загробного, поэтому ищет духовного прибежища. Но его тревоги, слёзы непонятны окружающим, и даже в собственной семье признают безумцем. Своего героя Пушкин называет «духовным тружеником». После встречи с таинственным юношем он бежит из дома, потому что юноша открывает перед ним таинственный свет и главную для духовного искания истину.

*«Я вижу некий свет», – сказал я наконец.
«Иди же, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
«Ступай!» –
И я бежать пустился в тот же миг.*

(А. Пушкин. «Странник»)

Несомненно, у этого стихотворения библейская основа. «Я – свет миру, – сказал Спаситель, – входите тесными вратами, потому что широкие врата и пространен путь, ведущие к гибели, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Божественный дух непостижим, но нам дано знать, что он – могучий источник духовного света для человека. А духовный свет – это движение потока мыслей, сознания

людей. Духовный свет наполняет энергией душу и тело. Духовный свет делает человеческую душу разумной, он пробуждает в человеке совесть. Пробуждение совести – великое благо для человека, а потеря её – страшная беда.

Лирический герой произведений Пушкина и Рубцова – это зачастую «странник», идущий к свету истины, «духовный труженик»; в нём непрерывно идёт процесс созревания и углубления духовной умудрённости и нередко возникает «горная, сумрачная цепь загадок и вопросов».

Пушкин, постоянно чувствуя, что душа его наполнена страстью, упрекал себя в том, что ум взволнован сомнением.

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, праздней ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.
(«Дар напрасный, дар случайный»)*

Он бесстрашно погружает нас в своей лирике в бездну души поэта, идя «тесными вратами» к истине, и тем самым возвышает нас над этой бездной.

*Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый,

Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой –
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткой миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...*

Вспомним определение лирической поэзии, которое даёт Гоголь в «Учебной книге словесности для русского юношества»: «Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений. Она есть, начиная от самых высших до самых низших её родов, не что иное, как отчёт ощущений самого поэта (По книге Б. Бурсова «Судьба Пушкина», стр. 237). Как

близки эти слова стихам Рубцова, в которых он сравнивает Пушкина с «зеркалом русской стихии».

Философ И. Ильин очень ярко сформулировал творческую задачу поэта: «Такое было великое задание Пушкина: принять русскую душу во всех её исторических и национально сложившихся трудностях, узлах и страстиах; и найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать России достойный её творческий путь, преодолевающий эти трудности, развязывающий эти узлы, вдохновенно облагораживающий и оформляющий эти страсти». Но, чтобы понять стихию русской души, самые глубинные её моменты, чтобы принять её в полном объёме и глубине, надо уметь видеть живую Россию и открывать глубинные моменты народной жизни. Именно в этом и заключался «русский ум» Пушкина, о котором пишет И. Ильин и который так близок Рубцову, назвавшему поэта «зеркалом русской стихии».

«Сумрачная цепь загадок и вопросов» никогда не покидает лирического героя Рубцова: это «человек с раздумьем на лице, который «чуток, как поэт» и «бессилен, как философ».

Как же так – скажи на милость! –
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?
Красным, белым и зелёным
Нагоняя сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

(Н. Рубцов. «Гость»)

Свобода, когда душа пустым взглядом «блуждает по иконам», отражает образ стремительного и катастрофического движения времени и судьбы, о чём с тревогой писал еще в 1911 году Николай Гумилёв:

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Стихийное отпадение человека от Бога, от возвышенного нравственного идеала, нарушение гармонической ясности души, когда человек становится рабом какой-то бытовой стихии, подвергаясь

греховным соблазнам власти, богатства, открывает перед человеком бездну зла.

Николай Рубцов, как истинный сын России, стремился тоже, как и Пушкин, постичь азбуку русского национального характера, заглянуть в бездны русской души, увидеть её путь к свету истины, к покаянию и воскрешению через покаяние, к возможному выбору «тесного пути между светом и тьмою». А борьба стихии «света» и «тьмы» в природе – одна из ключевых в поэтическом мире Николая Рубцова. В. Кожинов отмечал, что «свет в поэтическом мире Николая Рубцова предстаёт как необычно гибкая, богатая движением и оттенками стихия». И всё это связано с человеческой судьбой, поэтому читатель чувствует себя причастным к этому движению.

*Когда стою во мгле,
Душе покоя нет:
И омуты страшней,
И резче дух болотный.
Мирь глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный, но холодный...*

(Н. Рубцов. «Ночное ощущение»)

Несмотря на то, что «миры глядят с небес, свой излучая свет», лик этот будет «прекрасным, но холодным», потому что момент духовного просветления в душе человеческой еще пока не наступил: он достигается лишь внутренним зрением и слухом, когда происходит слияние мира и человека и преодолевается «граница» между ними.

*Усни, могучее сознанье!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовется увяданье
Цветов, белеющих во мгле.
И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там – полночные светила
Наводят много-много дум...*

Пушкин пришёл в русскую литературу в тот период, когда мировая история и литература очень глубоко начали осмысливать,

что же такое Россия, что такое русский человек и русский народ, чем он отличается от человека Запада и Востока и что заимствовал у него. Именно над этими вопросами размышляет в своей речи о Пушкине Достоевский, увенчанный лавровым венком за свою речь и положивший его к подножию памятника Пушкину в Москве. Достоевский говорил о «русском скитальце», которому необходима всемирная гармония. В его речи звучал пафос призыва к России «положить душу свою за други своя». Это была та проповедь, то пророчество, которые спустя век стали неоспоримым фактом для Рубцова: «Отразил он всю душу России! И погиб, отражая её...» В. Непомнящий в книге «Поэзия и судьба» объясняет нам, почему так близок Пушкин всякой творческой личности: «В Пушкине есть неоспоримость, и притом не стесняющая нашей свободы, дающая ей простор. Рано или поздно это начинает чувствовать любая крупная творческая личность в русской культуре» (стр. 183). Стихия народной жизни, а не лубочные картинки старой Руси, боль за Россию, правда жизни русского человека – всё это близко и дорого Рубцову в поэзии Пушкина. Особенно ярко это чувствуется, когда мы сопоставим близкие по тематике произведения, в которых мотив духовных исканий героев, напоминающих отсечённые ветви от живого древесного ствола, связан с их грехопадением, своеобразием, нарушением гармонической ясности души. Они ведут разбойничий образ жизни, но жизненные испытания приводят их к очистительным страданиям и к желанию изменить что-то в своей душе.

Речь идёт о незаконченной поэме Пушкина «Братья-разбойники» и «лесной сказке» Рубцова «Разбойник Ляля». В этих двух произведениях заложен мощный романтический пласт.

И в «Братьях-разбойниках», и в «Разбойнике Ляля» – мощный романтический пласт: он помогает нам погрузиться в бездну души героев, понять тайную мелодию сердца, в которой отражена мечта по идеалу.

По драматизму коллизии эти произведения очень близки друг другу. У Пушкина она связана с судьбой двух братьев. Среди рассказов, «сокращающих угрюмой ночи праздный час», звучит исповедь одного разбойника о юности удалой: испытав «нужды глас» и «гордое презрение к бедности», они взяли себе в товарищи «булатный нож да тёмну ночь, забыли радость и печаль, а совесть отогнали прочь». Душа старшего брата-разбойника опустошена в конце концов, т. к. «могила брата всё взяла». Окаменел мой друг жестокий, И в сердце жалость умерла.

Романтический пафос борьбы в душе человеческой «света» и «тьмы» пронизывает оба произведения – и Рубцова, и Пушкина. Жизнь души, которая выбрала «промысел опасный» («Братья-разбойники»), когда человек «сеет страх по всей лесной округе» («Разбойник Ляля»), когда забыта совесть, когда душе чужды даже стенаия детей – это «пир во время чумы», это жизнь человека без света: в подземелье или среди лесного мрака. Особенно страшна эта «смрадная темнота» для души, в которой начинают разгораться «докучной совести мученья».

Мотив совести, как пробуждения души, которая из «смрадной темноты» начинает тянуться к свету, к богу, составляет, несомненно, главный пафос обоих произведений. Душа каждого человека нуждается в очищении от зла. Патологические импульсы, стихии больного сознания могут привести к распаду личности, а могут дать движение душе. Несомненно, это движение души зарождается и у героев Пушкина, и у героев Рубцова как энергия любви, которая очень сложна, особенно если в ней нет отголосков сил Творца.

В «Братьях-разбойниках» мы слышим монолог старшего брата о том, как мучился перед смертью младший брат по поводу содеянных разбойничьих дел: «он видел пляску мертвцевов, в тюрьму пришедших из лесов», «слышал ужасный шёпот» и «близкий топот», а всё чаще образ зарезанного старца «ему на мысли приходил», и он просил старшего брата в бреду: «Не режь его на старости лет...»

Свет денности, который видели братья сквозь решётки тюрьмы, неумолимо врывается в их души и рождает мысль о свободе, достижаемой любой ценой. Побег из неволи, смерть младшего брата, «грешная молитва» над могилой – это всё движение души, разгорающийся уголёк совести в душе старшего брата.

*Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня просил.*

Постепенно мы становимся свидетелями намечающегося пути к покаянию, пусть пока еще через «грешную молитву», но всё же молитву. И это первые обнадёживающие шаги по пути к свету из смрадной жизни.

Для разбойника Ляли источником пробуждения души становится встреча с прекрасной княжной.

*Раз во время быстрого набега
На господ, которых ненавидел,
Под лазурным пологом ночлега
Он княжну прекрасную увидел.*

После этой встречи у Ляли появляется фанатичное стремление утвердить себя в этой жизни на светлых началах: желание уйти из становья с княжной, чтобы «честно жить, как христианин, наслаждаясь миром и любовью». Вместе с описанием романтических грёз Ляли расширяется романтический пласт сказки, связанный с природой. Мечты Ляли связаны со светлым образом – образом моря, который глубоко элегичен.

*Дом построим с окнами на море,
Где легко посвистывают бризы,
И, склонясь в дремотном разговоре,
Осеняют море кипарисы.
Будет сад с тропинкою в лиманы,
С ключевою влагою канала,
Чтоб все время там цвели тюльпаны,
Чтоб все время музыка играла...*

В творчестве Рубцова преобладают краски сурового северного моря: это чаще всего «норд», который дует знобяще в лицо, а волны, как мускулы, взмыленно, рьяно ходят по чёрной груди океана. Образ южного моря, нарисованного в сказке «Разбойник Ляля», связан с мотивом вечной красоты и жаждой нравственного очищения: для разбойника Ляли море – это порыв из лесного мрака к свету (мотив света пронизывает всю третью часть сказки: «под светлой луной», «светлый локон» – можно заметить нарастающую частотность слова «светлый»).

Вместе с мотивом моря в этом произведении появляется образ бриза – морского ветра. Образ ветра – это сквозной образ поэзии Рубцова, это зеркало души лирического героя. Стон ветра – это отражение постоянной, нескончаемой жизни души. Этот образ – один из главных в сказке, которую вернее было бы назвать поэмой «Разбойник Ляля». Он, ветер, повсюду сопровождает Лялю, когда тот, предчувствя беду, отправляется за княжной. Ветер так же зол, как и Ляля.

*Поздний час. С ветвей, покрытых мглою,
Ветер злой срывает листвьев горсти.
На коне испуганном стрелою
Мчится Ляля в сильном беспокойстве.*

Образ разгульного атамана и ветра сливаются в два дополняющих друг друга образа. Но помимо этого образ ветра врывается и в авторский пласт повествования: ветер сливается с душой автора, внося в сказку лирическое начало, что в большей мере присуще поэме, чем сказке. Образ ветра постепенно косвенно вносится в наше сознание через «шум сосен» (это тоже сквозной образ в поэзии Рубцова: «сказание сосен», «сосен долгий шум», «сосен долгий ряд») – всё это волнует поэта, навевает сказания, легенды и новые думы, которые дают душе просветление, т. к. ветер ведёт с хвоей вечный спор, не даёт уснуть поэтическому сердцу.

Стихия ветра, связанная со «сказанием сосен», пронизывает всю лирику Рубцова, иногда она помогает выразить отношение к миру самого автора.

*Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.
Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...*

(Н. Рубцов. «Сосен шум»)

В «Разбойнике Ляля» образ ветра помогает понять душевное состояние и Ляли, и Бархотки.

*Ляля залпом выпил из бокала
И в сердцах швырнул его к порогу –
Там, где воют ветры и шакалы,
Там, в тайге, найдешь себе дорогу!*

А в 6-й главе автор заменяет выражение «шум сосен» на «шумящий бор».

*Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховной.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.*

«Сосны-вековухи» так же грустны, как и бывшая разбойница Шалуха, которая несёт в себе сознание греха и память «о любви разбойника печальной».

Хотелось бы подчеркнуть, что лесная сказка «Разбойник Ляля» открывает новые грани поэтического таланта Рубцова, связанные с новым для него жанром – поэтической сказкой, которая очень близка к поэме, т. к. в ней особое языковое пространство, глубина философских и художественных поисков в раскрытии русского национального характера: безбрежность души и нравственные тупики, связанные с отступлением от бога, от общечеловеческих истин. Поэма всегда связана с другими гранями творчества поэта. Наличие сквозных образов: ветра, моря, пути-дороги подтверждает нашу мысль.

Судьба героев этого произведения причастна и к жизни мира, и к жизни народа, и в каждом из героев отражена стихия русского национального характера. Г. Гессе считал, что особенностью русской души является религиозно-нравственный синкретизм, при котором в одном человеке могут уживаться и боян, и нежнейшая душа, законченный эгоист и герой, способный к самопожертвованию. Поляризация нравственных принципов в душе одного и того же человека была вызвана самой российской историей, которую Н. Бердяев называл одной из самых «мучительных историй»: борьба с татарским нашествием, всегдашая гипертрофия государства, тоталитарный режим Московского царства, смутная эпоха, раскол, насилиственный характер петровской реформы, крепостное право и т. д. приводили и к самосжиганию, и к разбойничьей вольнице, и к идею странничества и богоискательства русских людей. И Пушкин, и Рубцов стремились к правде жизни и к отражению в своих произведениях стихии русского национального характера.

В душе Ляли идёт борьба между «светом» и «тъмою» (эта внутренняя борьба отражена в самом языке сказки, а в частности, в насыщенности текстуальными антонимами («светлая луна и «лесной мрак» и др.). Сила недюжинной натуры разбойника Ляли постепенно открывает перед ним новые горизонты судьбы, и кажется, что вот-вот он порвёт «со смутной жизнью». Проснувшееся чувство любви к княжне преображает его душу, но стихия негативных чувств к Бархотке не позволяет Ляле справиться с собой, потому что негативными чувствами нередко управляет рефлексия.

Характер Бархотки абсолютно лишен романтического ореола, он реалистически точен. Ляля обещал отдать своё богатство за то, что Бархотка привезёт «знатную молодку». Бархотка выполнил просьбу атамана, однако Ляля не сдержал своего слова. Бархотка охвачен злобой, и фактически доверившегося ему Лялю застает

врасплох. Чувство мести ослепило его ум, и теперь он готовит Ляле нравственную пытку, сопровождая свою речь зловещим юмором.

– Где княжна? – вскричал разбойник Ляля
Сквозь тугой порыв лесного гула.
И сказал Бархотка, зубоскаля:
– Вечным сном княжна твоя уснула...
... – Атаман! Возлюбленная ваша
Вас в раю небесном ожидает!

Финал сказки мелодраматически печален.

Тут сверкнули ножики кривые, Тут как раз и легкая заминка Происходит в повести впервые: Я всего не помню поединка. Но слетелась вдруг воронья стая, Чуя кровь в лесах благоуханных, И сгостились тени, покрывая На земле два тела бездыханных...

Некоторые издания на этой грустной ноте заканчивают повествование сказки, как, например, в книге «Последняя осень» (Москва.– Эксмо-Пресс.– 2000 г.), где не напечатаны почему-то две последние главы сказки. Исходя из такого принципа развития сюжета можно с иронией заявить, что Рубцов написал поэтический триллер: «воронья стая», «чёрные тени», «на земле два тела бездыханных». Но ведь самый главный смысл несут в себе две последние главы, где всё мудро соединено в русскую национальную стихию: и природа, и человек, где самые важные истины – «о причастности смертного человека к вечной жизни мира, народа, когда открывается сокровенная правда мира, осмысливается идеал, цель движения, стремление сохранить чистоту души» (Ю. Селезнёв. «Подорожники»).

*Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховной.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.
Как наступят зимние потемки,
Как застонут сосны-вековухи,
В бедных избах странной незнакомке
Жадно внемлют дети и старухи.*

Мотив убийства не главный в «Разбойнике Ляля». Две последние главы сказки отражают мотив покаяния, очистительных страданий. Движение души в сторону любви и добра, света началось в душе Ляли, но завершение получило в душе женщины,

которая когда-то «ласкала» Лялю, а после смерти стала богомолкой, которая «к людям всем» испытывает «жалость» и рассказывает им исповедально историю о «любви разбойника печальной». Вот самое главное – стихия добра, живущая в русской душе, как её естественное состояние.

Лаконизм, простота, искренность повествования и глубокое осознание нравственных законов, духовных заповедей русского человека – вот что объединяет два значительных произведения русской литературы: поэму Пушкина «Братья-разбойники» и лесную сказку «Разбойник Ляля» Николая Рубцова, к которым в полной мере можно отнести слова И. Ильина, сказанные о Пушкине: «Пушкин показал, что искусство чертится алмазом: что «лишнее» в искусстве нехудожественно, что духовная экономия, мера и искренность составляют живые основы искусства и духа вообще».

Василий Оботуров считал, что, написав сказку «Разбойник Ляля», Рубцов почувствовал «какой-то перевал в своём творчестве, иногда пугался этого, «но поиск подсказал бы ему новые возможности».

Николай Коняев не считает «этую поэму-сказку некоей вершиной в творчестве гениального поэта Рубцова», но назвал её «вполне профессиональной работой», первым и достаточно успешным шагом на новом поприще». Приходится только сожалеть, что творческий поиск Рубцова прервался из-за его трагической судьбы. Ведь ему был дан талант великого художника слова, поэтический дар, позволяющий в двух словах вместить описание целой жизни, нарисовать исторический пласт народной стихии. В XXI веке многие «собратья по перу» Рубцова так и остались для современного читателя в нише шестидесятников, а Рубцов стал нашим современником, потому что, как и Пушкин, своим поэтическим словом он отражает постоянные запросы русского духа. Иногда он вырастает в своих стихах до пушкинского «пророка», отклоняющего мирские радости и взваливая на себя тяжёлые вериги времени, муки подвижничества, становясь Ангелом пробуждённого сознания русского народа, Ангелом Родины.

Пушкинская и рубцовская поэзия – это светлый храм, обитель, куда мы идём, чтобы «светлое пророчество осенило наши души». И каждый из нас, входя в эту обитель, с трепетом замирает перед её главной святыней – словом, которое хранит в себе вековую память святой Руси.

Если душа поэта подвержена только влиянию тьмы и хаоса, она будет холодной и бессильной перед лицом вечности. Эту

мысль автор данной работы пытался донести начинающим авторам, которые представили свои поэтические сборники на школьную олимпиаду. Грустно было читать поэтические тексты, где шестнадцатилетние авторы, называя себя поколением «минор», констатировали свои открытия Мира и Человека в таких выражениях:

«Человек – это зло без граней и рамок».
«Мы все грызёмся за счастья кусок».
«Не для нас в этом мире вера и Бог».
«Тёмный сон губит всё вокруг,
Наплывает на разум мой,
Закрывая его от мира сего,
Окружает его чёрным туманом».

Читаешь эти стихи – и попадаешь в какую-то леденящую пустоту, с «прогнившими реками», «распятыми у дорог деревьями», с «ангелами без крыльев», с «ветром, который душит последнюю мечту», и не возникает никакого другого желания, как «выпасть вниз, в страну теней» (Фридрих Ницше).

Беседуя с ребятами, я старалась объяснить, что стихия света – это самая мощная стихия в душе Пушкина, вот почему его стихи «свежи и вечно юны».

По роду своей профессиональной деятельности мне довелось встретиться с учредителем Пушкинского приза в России – Сашей Аберкорн. Она – потомок Романовых и Александра Пушкина. В её сборнике стихов «Перо жар-птицы» мне интересны были её ассоциации с именем Пушкина. Вот они: «Пушкин – уголь чёрного дерева, неистовый и неудержимый огонь», «мерцающее пламя», «уголь слишком горячий, его не удержать надолго, он насквозь прожёг саму ткань времени».

Стихия света – одна из главных и в поэзии Н. Рубцова. В. Кожинов писал: «Можно с полным правом утверждать, что стихия света выступает так или иначе в каждом зрелом стихотворении Рубцова, а множество его вещей всецело основано на этой стихии».

Именно к свету истины ведёт нас поэзия Пушкина и Рубцова. Дорогами и бездорожьем мы идём на «русский огонёк» их души к общечеловеческому идеалу, потому что их поэтическое слово органически сливаются с русской жизнью и отражает запросы русского духа, врываясь в наши сердца, как очистительный дождевой поток, чтобы смыть «ужасные обломки» времени и наполнить нашу

душу добром. Но только надо смотреть на современную Россию добрым, открытым взглядом, как смотрели на неё два её сына: А. С. Пушкин и Н. М. Рубцов.

Использованная литература

1. Горбовский Г. Я. Собр. соч. в 7 томах.– СПб, Историческая иллюстрация, 2010 г. Т. 3. С. 486, 501, 624
2. Рубцов Н. Посвящение другу: стихотворения.– Л.: Лениздат. 1984 г.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия.– М.: издательство Эксмо-Пресс, 2001. С. 51, 624, 401.
4. Кожинов В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта.– М.: Студия, 2001 г. С. 49.
5. Кожинов В. В. Статьи о современной литературе. – М.: Современник. 1982 г. – С. 75.
6. Рубцов Н. М. Звезда полей. Собр. соч. в 1 т.– М.: Воскресенье. 1999 г. – С. 478.
7. Пушкин А. С. Стихотворения. 1824–1836.– М.: Эллис Лак, 2004. 2004 г. – С. 210–212.
8. Багров С. П. Россия, родина, Рубцов.– Вологда. 2005.– С. 80, 104, 121, 150.
9. Речи о Пушкине. 1880–1960 гг.– М., Текст, 1999 г.– С. 24, 56, 206, 223.
10. Шнейдерман Э. М. Слово и слава поэта: о Николае Рубцове и его стихах.– СПб: изд-во им. Н. И. Новикова. 2005 г.– С. 184, 231.
11. Воспоминания о Николае Рубцове. КИФ «Вестник».– Вологда. 1994 г. – С. 288.
12. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей.– М.: Республика. 1994 г.
13. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина.– М.: Советский писатель. 1987 г.
14. Бурсов Б. Судьба Пушкина. Роман-исследование.– Л.: Советский писатель. 1986 г.
15. Коняев Н. М. Николай Рубцов.– М.: Алгоритм. 2006 г.
16. Аберкорн С. Перо Жар-птицы.– СПб: Знак. 2004 г.

ЧУВСТВО ДУХОВНОГО РОДСТВА СО СВОЕЙ ЗЕМЛЕЙ В ПОЭЗИИ ВИЛИОРА ИВАНОВА И НИКОЛАЯ РУБЦОВА

«Никогда не порвётся цепочка
Междур небом, землею и мной...»

Поэзия вологодских авторов покоряет сердце читателя достоверностью и одухотворённостью изображения жизни северной деревни, причастностью лирического героя к родной земле. Эта мысль ярко запечатлена в стихотворении вологодского поэта Александра Швецова о Николае Рубцове.

*И от Тютчева он, и от Фета,
А точнее, как тот и другой,
От земли под ногами поэта,
От грозы над его головой...*

А. Яшин, В. Коротаев, С. Викулов, С. Чухин, А. Романов, О. Фокина, Н. Рубцов... Погружаясь в их поэтический мир, сразу чувствуешь дуновение северных ветров, запахи хвойного леса, слышишь неповторимый говор вологодской деревни, и не можешь не заметить их главного стремления – восстановить разрушенные связи человека с землей. Хрупкая слава им не нужна: их поэтическое слово зовёт выйти на новые широты, пройти «босиком по земле», чтобы заново открыть все земное для себя. Пройти «босиком по земле» – это вплотную приблизиться к матери-природе, «обрести птичье зрение, недоступное людям» (А. Яшин). Это чувство влекло неудержимо А. Яшина на Бобришный угор, в блудновские леса, С. Викулова – в Белозерье, Н. Рубцова – в Николу, и они покидали город, чтобы снова окунуться в мир деревенской природы: увидеть «волоки сосновые», «морошковые завалы», малинники, услышать «охотничьи побаски и рассказы», которые «из мертвых могут воскрешать». Целебный воздух малой родины, места, названные святыней, зелёной благодатью, где они «запасались светом», возвращали поэтов «в гущу народную», к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки складывает, и песни поёт, и на ком вся земля держится, – к людям, к людям.

Вилиору Иванову, поэту бабаевской земли, не нужно было ждать живительных сил, которые вливались бы в его сердце, потому что он практически почти никогда не покидал свою малую родину, где нередко бывал и его друг, поэт Николай Рубцов,

восхищавшийся живописными видами на крутых берегах Суды, называя эти места «сказочными, былинными».

В. Лукошников¹⁷³ в своих воспоминаниях о Вилиоре Иванове пишет: «Безусловно, общение, поэтическая и крепкая мужская дружба с Николаем Рубцовым обогатила поэзию Вилиора, помогла ему стать настоящим талантливым поэтом. Его стихи стали лиричнее, музыкальнее и богаче».

На мой взгляд, это происходило потому, что В. Иванов и Н. Рубцов принадлежали к числу поэтов, которые умеют «слушать жизнь». Тематические пластины их поэзии очень близки: мотив Родины, тишины, жизнь души, беспрекословной, внимательной к малейшим звукам природы и к её молчаливому покою. Чаще всего в их стихах присутствует элегическое начало, медитация; нередко лирическое и эпическое начало соединяются. Чувствуется и стилистическое сходство, которое ярче всего просматривается в стихах о родной природе, где лирический герой размышляет о таинственности, загадочности, красоте природы или о разрушительных силах, существующих в современном мире.

Рассмотрим два стихотворения этих авторов: «Глубокое молчание таинственной воды» Вилиора Иванова и «Ночь на Родине» Николая Рубцова, которые отражают одно и то же состояние души лирического героя (следует заметить, что тема души в лирике обоих поэтов – одна из главных). В стихотворении Н. Рубцова – это глубокая ночь, а у Вилиора Иванова – только начало ночи, когда сгущаются сумерки. Среди природных деталей – много общего: у Рубцова – «спокойные тени на воде», а у Вилиора – отражение на воде качающейся звезды. У Рубцова – ночной покой, когда миром овладевает тишина, – передаётся безветрием («Не встрепенется ветер у пруда...»), а у Вилиора Иванова – это просто «безветренные сумерки». Оба поэта используют приём синтаксического параллелизма, используется у Н. Рубцова анафора, чтобы соединить текстовые параллели, которые образуют один могучий мотив – стремление потрясенной души уйти в мир природы, чтобы всю «потопить в таинственном и милом». Начинаются оба стихотворения с каскада назывных предложений, которые с большой силой концентрируют наше внимание на самых важных деталях текста. Например, у Рубцова:

¹⁷³ Лукошников В. И. Бабаевские вёсны Н. Рубцова.– Бабаево, 2007. С. 20.

*Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!*

Синтаксический параллелизм и анафора усиливают медитацию:

*И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сёл не слыхивали грома!..
...И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом...
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.¹⁷⁴*

(Н. Рубцов)

*Глубокое молчанье таинственной воды,
Высокое качание единственной звезды...
...Ничто не потревожено, в природе – тишинь да гладь,
Как будто ей положено молчать да удивлять.
И боязно в безмолвии, что если вспыхнет молния
И грозно грянет гром?!¹⁷⁵*

(В. Иванов)

Состояние покоя, тишины вносит в наше сознание философские размышления о необходимости общения человека с природой, которая оказывает ему целительную помощь среди житейских неурядиц и обогащает душу только одним желанием – не спугнуть тишину.

Оба поэта влюблены в ночную тишину, в красоту ночного неба, воды, прислушиваются ко вздохам, шорохам, шёпотам природы. Очень важен подтекст стихотворений, где глубоко передается мысль о необходимости покоя для природы и человека и чтобы не было разрушительных сил в мире природы. Но главная реальность в этом мире – душа человека, чуткая ко всему, готовая «всю потопить» себя в «тайственном и милом».

Мне вспоминаются размышления писателя В. Белова в статье «Циники и симплициусы» о том, что всегда русская земля, «кукотанная лесами и травами, омытая бесчисленными родниками, ручейками и речками, и небо, отражённое в плесах великих

¹⁷⁴ Рубцов Н. Посвящение другу. Стихотворения.– Л.: Лениздат, 1984. С. 186.

¹⁷⁵ Иванов В. В. Эхо жизни: Стихи.– Бабаево. ЧП Розанова Е. С. 1996. С. 9.

рек», давали человеку «не только пищу, кров и одежду», но прежде всего внушали «земному жителю душевное равновесие». Но теперь человечество само себе создало тупиковые безвыходные положения, и люди боятся, «хватит ли им чистой воды и свежего воздуха, не станут ли они во цвете лет, а то ещё и в материнском чреве задыхаться от дыма и чаду, не проклянут ли нас за такую цивилизацию».¹⁷⁶ Размышление о разрушительной силе, которая может потревожить или разрушить мир тишины, является одним из лейтмотивов этих стихотворений:

*И боязно в безмолвии ударить топором:
Что если вспыхнет молния и грозно грянет гром?!*

(В. Иванов)

*Когда души не трогает беда, И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда уже не будет в жизни потрясений.*

(Н. Рубцов)

Оба текста насыщены ключевыми словами, словесной вязью, несущей в себеозвучие лексики, настроений авторов и их философских раздумий о тишине, о душе человеческой, о природе, «которая должна молчать и удивлять» (В. Иванов).

Ключевые слова В. Иванова: «таинственная вода», «сумерки», «темнота», «покой», «тишина», «безмолвие», «не потревожено», «молчать и удивлять», «и грозно грянет гром».

Ключевые слова Н. Рубцова: «глубокая вода», «луны свет», «тихо», «не знала потрясений», «спокойные ложатся тени», «редок коростеля крик», «не встрепенется ветер у пруда», «здесь крыши сёл не слыхивали грома».

Несомненно, что и Н. Рубцов, и В. Иванов, используя лексическое богатство, синтаксические компоненты, несут в своей лирике мощную языковую энергию, соединяя воедино мир Природы, Поэзии и Души человеческой. Стихи этих поэтов помогают нам пристально всматриваться в русскую действительность, увидеть, как соединение с природой приносит человеку высшую радость, душевную гармонию, как происходит акт очищения, просветления души, прикосновение к тайнам земли.

Оба поэта в своих стихах нередко размышляют о том, как избавиться человеку в мире научно-технического прогресса от

¹⁷⁶ Суров М. В. В. Белов. Штрихи великой жизни. Вологда. 2007. С. 537–539.

губительной слепоты и научиться смотреть на себя глазами беспристрастного судьи. У каждого из них, когда лирический герой возвращается к «тропкам заросших былых поселений», возникает боль о том, что неудачные людские поколения оставляют после себя «паутинные плетенья в забытом саду», забытые деревушки, наводящие «великую грусть, как родина, горем убитая, как милая матушка Русь» (В. Иванов).

Душа грустит о «сенокосном рае», о деревенской ночи и тоскует «по родному захолустью в тощих северных лесах» со слезами на глазах.

Было всё – любовь и радость, счастье грезилось окрест.

Было все – покой и святость невеселых наших мест...

Я брожу. Я слышу пенье и в прокуренной груди

*Снова слышу я волненье: что же, что же впереди?*¹⁷⁷

(Н. Рубцов. «Наслаждаясь ветром резким»)

Неслучайно Станислав Куняев в стихотворении «Памяти Николая Рубцова» пишет:

*В его прищуре открывалась мне
Печаль по бесконечному раздолью,
Ну, словом, все, что можно звать любовью.*

Лирический герой В. Иванова стихотворения «Я ушел из деревеньки» когда-то покинул деревню, но теперь возвращается на родительский порог, приобретя уже немало «городских грехов». Родня приняла его «без укоров и упреков». Сквозь словесную ткань стихотворения поднимается мотив беспокойной души, которая, как в стихотворении А. С. Пушкина «Странник», ищет «спасительного света», несущего в себе чувство причастности к родному дому.

Стихотворение В. Иванова «Я ушёл из деревеньки» отражает в своём сюжете и библейский сюжет «Притчи о блудном сыне»: удалившись от отеческого дома, от родной земли, человек только на короткое время может находить «услаждение чувственное», но вскоре он начинает ощущать голод душевный, потому что «нетленная душа человеческая и пищи нетленной требует». Вспомним строки Н. Рубцова из стихотворения «Ось», где автор пишет, что после дива сельского простора он «открыл немало разных див».

¹⁷⁷ Суров М. В. Белов. Штрихи великой жизни. Вологда. 2007. С. 537–539.

*Но моя родимая землица надо мной удерживает власть, –
Память возвращается, как птица, в то гнездо, в котором родилась.
И вокруг любви непобедимой к селам, к соснам, к ягодам Руси,
Жизнь моя вращается незримо, как земля вокруг своей оси!*¹⁷⁸

Строки из этого стихотворения по своему внутреннему сюжету близки стихотворению В. Иванова «Я ушел из деревеньки», в котором видно, как вдруг вспыхивает в душе лирического героя «чудесный светильник, возгорается позабытый свет совести и разума». Только вместо милостливой отчей руки («Притча о блудном сыне») возникает образ родимого очага, который принял его «без укоров и упрёков».

*Все мы в этом мире ищем, где бы просто да легко...
Чтобы стать больным и нищим, надо ль ехать далеко?
Пусть душа скорбит и плачет, но бессонницей ночей
Всё равно она богаче, всех на свете богачей!*¹⁷⁹

По словам М. Пришвина, человек – это часть природы, его нельзя разлучать с ней, ибо он, несмотря ни на что, вынужден подчиняться ее законам. «Но как ни боятся люди над собой, чтобы заморить заключенную в себе жизнь, приходит весна, почки лопаются, зелёное содержимое выходит на свет, и мы же, заскорузлые собственники заключённой природы, называемой телом, приходим в восторг, и это великое чувство свободной жизни называем любовью»¹⁸⁰. Николай Рубцов и Вилиор Иванов чувствовали, возможно, сильнее других поэтов это «зелёное чувство» природы, и поэтому чувство любви ко всему живому у них было таким огромным. Оно неудержимо звало их приобщиться к тайнам дремотных вологодских лесов, к месяцу, который становится свидетелем этой «жгучей тайны», когда мир охвачен ночной красотой и слышится пение невидимого хора, звон бубенцов «в глухи задремавшего бора». Они верили, что «заря добра и блага на земле растопит мрак», если встречать «луч не над Канадой, а над русской стороной», если «сердцем чувствовать и кожей» поднебесный светлый путь, который придет в российскую деревню. Их поэзия приблизилась настолько к органическому восприятию

¹⁷⁸ Рубцов Н. Посвящение другу. Стихотворения.– Л.: Лениздат. 1984. С. 25.

¹⁷⁹ Иванов В. В. Эхо жизни. Стихи. Бабаево. ЧП Розанова Е. С. 1996. С. 11.

¹⁸⁰ Пришвин М. М. Собр. соч. в 6 т. М.: Госиздательство художественной литературы. 1956. Т. 5. С. 701.

тию России, что сама по себе становится родником народности, уводящим от душевной слепоты. Их лирический герой – зачастую странник, который жадно впитывает каждое мгновение Родины в душу. И это позволяет через вологодскую деревеньку увидеть весь мир и сделать главное открытие: «Надо жить с Родиной!»

Критик Ю. Селезнёв в статье «Современность традиции» (о В. Белове) пишет: *«Прогресс, изменение, новаторство – двигатели жизни, но только в том случае и до тех пор, пока они находятся в пределах устойчивости, сбережения наиболее существенного в том, что изменяют. Умирает человек, но вечно человечество, умирает даже самый крепкий дуб, но «зеленеет жизни дерево». Вне жизни, вне этой постоянной устойчивости основного, наиболее существенного, нет уже и изменения, нет прогресса и нет новаторства. Вечное движение...»* Самобытный талант Н. Рубцова и В. Иванова чуток не только к важнейшим проблемам современности, но прежде всего «к зеленому веществу природы» (М. Пришвин), к «зеленеющему дереву жизни» (Ю. Селезнёв), которые позволяют им соединять истинную простоту народного начала с величайшими завоеваниями русской культуры... «Вечное движение...» Открываю книгу «Русская поэзия. ХХI век. Антология» под редакцией Г. Н. Красникова, который пишет во вступительной статье: «Мы не знаем своей России – могу повторить вслед за Гоголем его слова. Россия жива, хотя и чувствует свою тяжелую болезнь. Но она верит в свое выздоровление, и порукой тому её яркое поэтическое слово, её современная поэзия!..» А вот передо мной сборник стихов вологодского поэта Михаила Каравчева «На окраине далекой», поэтический дар которого одним из первых признал Вадим Кожинов, как в своё время высоко оценил талант Николая Рубцова. Михаил Каравчев призывает нас пройти «старинною стезею в край деда и бабки», полить «покаянной слезою» могильные грядки:

*На отчем погосте, где сгорбились ёлки, где крестная сила
Всю кровную память для нас втихомолку навек сохранила.¹⁸¹*

К этой «кровной памяти» поколений, которую хранит русская земля, обращается почти в каждом стихотворении вологодский поэт Вилиор Иванов. Вот оно, вечное движение в природе, душе человеческой... Вот – вечное движение русского слова, которое, если

---

¹⁸¹ М. Каравчев. На окраине дали далекой. Вологда, 2002. С. 15.

автор воплощает догадки, прозрения многих поколений русских людей, то становится само по себе творцом жизни, эхом жизни и взвыает к Руси грядущей.

Литература

1. *Вакомин-Сорокин С.А.* «Свет надежды или русский талант». Книга о поэте Николае Рубцове. СПб. Родные просторы. 1999.
2. *Вересов Л.Н.* Из души живые звуки. Поэт Н.М. Рубцов: жизнь и творчество. Кн. 2.- Вологда. Сад-огород. 2017.
3. *Иванов В.В.* Эхо жизни. Стихи.- Бабаево. Частный предприниматель Розанова Е.С., 1996 г.
4. *Лукошников В.И.* Бабаевские вёсны Н. Рубцова. Бабаево. 2007.
5. *Пришвин М.М.* Собр. соч. в 6 т. М., Госиздательство художественной литературы. 1956. Т. 5.
6. *Рубцов Н.М.* Посвящение другу. Стихотворения. Л.: Лениздат. 1984 г.
7. *Русская поэзия. 21 век.* 2011.
6. *Селезnev Ю.И.* Вечное движение. М.: «Современник». 1975.
7. *Суров M. В. В.* Белов. Штрихи великой Жизни. Вологда. 2007.

*Чернова Анастасия Евгеньевна,
газета «Православная Москва», г. Москва*

СОСНОВЫЙ ШУМ В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Сосна считается одним из распространенных символов не только в русской, но и во всей мировой народной культуре. Однако значения этого символа у разных народов могут быть разными. В русской лирической поэзии особым сакральным значением наделяется не только сосна, но даже шум сосен.

В стихотворениях Н.М. Рубцова «В старом парке» и «Сосен шум» в шуме деревьев чудится глас веков. И в одном и в другом случае – речь идет о соснах, которые названы старинными, а тревожный гул их ветвей сравнивается со сказанием. Чутко вслушиваясь в прошедшие эпохи, лирический герой пытается разгадать смысл этого сказания.

Вот в стихотворении «В старом парке» он идет по заброшенной, забытой всеми усадьбе и невольно вспоминает барина, который когда-то здесь жил:

Здесь барин жил.
И может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлея на чужбине
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слезы
Катятся из глаз... [5, 275]

В нескольких строках воссоздается судьба дворянства: вспоминая родную землю, барин плачет на чужбине. Такая ситуация в духе народных песен, стихов, пословиц: «и кости по родине плачут», «скучно Афонюшке на чужой сторонушке», «жил был молодец – в своей деревне не видел веселья, на чужбину вышел – заплакал», «на чужбине и собака тоскует» [2, 254–255].

Стихотворение Рубцова «В старом парке», написанное в 1967 году, перекликается со стихотворением И.А. Бунина «И снился мне, что осенней порой...» (1893 г.). Поэтическая ситуация повторяется почти дословно, с той разницей, что лирические герои меняются местами. Лирическим героям стихотворения Бунина оказывается тот самый барин, о судьбе которого размышляет лирический герой Рубцова. Барин Бунина возвращается во сне в свою усадьбу, разрушенную и забытую:

...И снился мне, что осенней порой
В холодную ночь я вернулся домой.
По темной дороге прошел я один
К знакомой усадьбе, к родному селу [1, 88].

Если в стихотворении Рубцова тревожно стонут сосны, то лирический герой Бунина, погружаясь в тоскливыи гул сада, ищет «отцом посаженную ель»:

И снился мне, что всю ночь я ходил
По саду, где ветер кружился и выл,
Искал я отцом посаженную ель,
Тех комнат искал, где сбиралась семья,
Где мама качала мою колыбель
И с нежною грустью ласкала меня,
С безумной тоскою кого-то я звал,
И сад обнаженный гудел и стонал [1, 89].

Оба произведения изображают запустение: Бунин больше описывает разрушения внутри помещения, комнат, где прошло его детство; Рубцов обращает внимание на заброшенность парка, он ходит вокруг дома, но внутрь не заглядывает.

Характерны образы, передающие запустение в стихотворении Н. Рубцова: старый особняк, заросшие крапивой тропы, малинник и крупные плоды редких вишен. Вокруг – вечерняя темнота, которая соединяется со световыми всполохами, преимущественно желтого оттенка: сам особняк – желтый, а из мрака заброшенного сада тоскливо горят желтые глаза кошки.

Несмотря на то, что желтый цвет – это цвет спелых колосьев и застывшего солнечного света, в русской народной культуре он часто лишен положительной коннотации и чаще обозначает болезнь, увядание и смерть.

Если в первой строфе стихотворения Н. Рубцова изображен яркий, пылающий закат, то постепенно, по мере продвижения лирического героя вглубь парка, бирюза и огненные перья меркнут, установившаяся черно-желтая цветовая палитра создает ощущение витающего смертного духа: некогда ухоженное и обустроенное место стало запущенным, непроходимым, барский дом, а вместе с ним и весь традиционный жизненный уклад без сожаления «забыт навек». Об окончательном разрушении свидетельствуют не только заросшие тропы или пустой дом, но также и темнеющее вечернее небо, уподобленное пеплу.

*Покрывшиесь пеплом,
Гаснет бирюза [5, 274].*

Сравнение закатных туч с пеплом вновь направляет художественную мысль стихотворения к теме разрушения, полного исчезновения, а также – глубочайшей скорби. Крылатое выражение «Посыпать голову пеплом» встречается во многих местах Ветхого Завета. Оплакивая несчастье свое или своих близких, древние евреи посыпали голову пеплом.

Несколько выбивается из этой печальной картины всеобъемлющего уныния описание ярких ягод малины и вишни.

В фольклоре малина и вишня – это символ молодости, счастья и радости. Однако деепричастие «вспыхнув» («Лишь манят, вспыхнув, / Ягоды малины») подразумевает кратковременность, неустойчивость действия: вспыхнуть может только то, что обречено потом и погаснуть. Кроме того, ягоды вишни – редкие, а значит их мало; тем самым эпитет лишь подчеркивает былую пышность

барского сада, который теперь истощился и, увядая, зарастает сорными травами.

В таком пустынном, оставленном человеком («Ничей приход / Не оживит картины») месте только ветер глухо шумит, раскачивая сосны, и лирический герой задумывается, пытаясь разгадать их тревожный говор, но, оказывается, что это не так уж и просто.

*И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят [Там же].*

Колыхание сосен претворяется в печальную музыку, в которую можно долго вслушиваться, и тогда она приносит успокоение, «просветление дум». В другом стихотворении, так и названном «Сосен шум»¹⁸², лирический герой приезжает в небольшое село Вологодской области – Липин Бор и останавливается в районной гостинице.

Поэтическая ситуация вновь повторяется: протяжный шум сосен словно что-то взволнованно рассказывает, между хвоей и снежным ветром происходит таинственный «вечный спор». Схожи между собой и пространственно-временные координаты двух стихотворений. И в одном и в другом случае лирическое действие разворачивается в вечернее время, в сгущающейся темноте, разбавленной желтым светом: «В старом парке» из темноты «унуленого строенья» светят кошачьи глаза, а в стихотворении «Сосен шум» во мгле снегов горит свет соседнего барака.

«Какое русское селенье!» – говорит лирический герой про Липин Бор и называет его старинным и уютным. Признаком старины наделяется не только селение, но и сосны: Старинных сосен долгий шум...

В старинном месте, среди темноты, разбавленной желтыми огнями – будь то окно или глаза кошки – сосновый шум, напоминающий не просто человеческий говор, но древнее сказание, приводит душу лирического героя в особое состояние: он обретает способность различать «глас веков». «Глас веков» прорывается в шуме древних сосен, которые видели события прошедших эпох. Теперь спать невозможно, нужно вслушиваться.

---

¹⁸² «Сосен шум» – так называется и последняя прижизненная книга Н. Рубцова, изданная в 1970 году, что свидетельствует об особо пристальном внимании поэта к этому образу.

*Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов [5, 273].*

Познание этого сокровенного гласа – не пустое времяпрепровождение, не приятный отдых усталого путника, но важнейший момент в духовной жизни лирического героя, поэтому он и замечает:

*Я не проплюю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум... [Там же]*

Этнопоэтическая константа шумящих сосен в стихотворениях Н. Рубцова, надеясь особым, сакральным значением, выполняет фатическую функцию: протяжный гул, зреющий в ночной темноте, напоминает историческое эхо, которое тревожит своей непознанной глубиной. В нем словно сосредоточился голос, точнее даже стон прошедших поколений: «Сосен темный ряд / Вдруг зашумит, / Застонет, занеможет» [5, 275].

Сочетание черного и желтого цвета также создает тревожное ощущение инобытия: так, в видимых предметных реалиях – старом особняке, гостинице в старинном уютном селе – проступают мистические свойства кладбищенского мира.

Повторяемость этого художественного образа в фольклорных и литературных произведениях позволяет нам говорить о шумящей сосне как этнопоэтической константе, выполняющей образтворческую функцию.

Сосна считается одним из распространенных символов не только в русской, но и во всей мировой народной культуре. Однако значения этого символа у разных народов могут несколько различаться. Например, если в китайской поэзии сосна олицетворяет постоянство, супружеское счастье, жизненную силу и долголетие, то в русской – постоянство, грусть и одиночество. (Вспомним знаменитое стихотворение Лермонтова «На севере диком»). Джоао Дай-Фэн отмечает, что в русской поэзии, в отличие от китайской, сосна символизирует не только «стойкость в трудных обстоятельствах», но еще и печаль, страдание [3, 512]. Это очень важное наблюдение, позволяющее раскрыть аксеологическую особенность широко распространенного образа в преломлении национальной культуры.

Этнопоэтическая константа шумящей сосны является проводником между настоящим временем и прошлым, которое, однако,

раскрывается поэтами по-разному. В стихотворениях Рубцова «В старом парке» и «Сосен шум» личный план замещается историческим: шумящая сосна, прежде всего, транслирует «глас веков», передает историческую глубину современности. Тем самым поэтика стихотворений Рубцова сближается с художественными особенностями исторических песен. Историческая песня «воспроизводила главное – историческое время, что стало ее основным эстетическим фактором», именно в песнях «отображалось историческое сознание». [4, 250]. При этом конкретные события и реальные герои русской истории, которые действуют в исторических песнях, в этих стихотворениях Рубцова пока никак не проявлены. На тематическом уровне в стихотворениях прослеживается связь с народными лирическими песнями.

Константа сосны также как и осины, рябины, горькой полыни в русском фольклоре всегда передает состояние несчастья и горя и стойкого ему противостояния. В лирических песнях сосна колышется от ветра, и поэтому целесообразно говорить не столько о константе сосны, сколько о константе протяжного соснового шума, вызванном порывами ветра. Звуковая и предметная характеристики константы сливаются в одно единое целое.

В лирических песнях сосновый гул вызывает у доброго молодца грусть, тоску, чувство одиночества и жизненной неустроенности. Вот он ночует в темном осеннем лесу под сосной. Если в стихотворении Н. Рубцова лирический герой расположен внимать «сказанию» старинных сосен, это приносит ему не только тревогу, но и успокоение, «просветление дум», то молоцец народной песни ужасается и, напротив, уговаривает сосну не шуметь, не мешать думать о красной девушке:

*Не шуми ты в головах, зелена сосна!
Не мешай молодцу думу думати,
Думу думати, думу крепкую
Не о матушке, не о батюшке,
О душе ли то красной девушке! [6, 56].*

Внутреннее состояние молодца по принципу психологического параллелизма соответствует тревожному гулу сосновых ветвей. По аналогии мы можем предположить, что и стихший в бору ветер будет означать просветление и успокоение любовного чувства.

В другой лирической песне уже девушка обращается к ветру-ветерочку и просит не шатать в лесу сосну: сосне и без того тяжко

и невозможно стоять, тем самым сосна олицетворяет состояние девушки:

*Уж вы ветры мои, ветерочки,
Ваши тонки голосочки!
Вы не дуйте, ветры, на лесочки,
Не шатайтесь, ветры, в бору сосну!
Во бору ли сосенке стоять тошно,
Стоять тошно сосенке, невозможно* [6, 283].

Во второй части песни мы узнаем, что слезы девушки не случайны: Уж и есть у меня печаль-горе: / Отдают дружка в солдаты! [Там же].

Печаль, неустроенность личной жизни, одиночество, гибель – такие чувства передает сосновый шум в народных лирических песнях; тревожный «гул веков», который различает лирический герой стихотворений Н. Рубцова, в лирических песнях почти никак не обозначен. Кручиня и сердечная тоска вызваны у доброго молодца или красной девушки исключительно любовными переживаниями, тогда как раздумья лирического героя Рубцова больше исторического, чем личного характера, что сближает поэтику его стихотворений с историческими песнями. Константа соснового шума и в фольклоре, и в поэзии Рубцова означает тревогу, душевную боль, однако экзистенциальная причина этого волнения – различна. «Страдания любви» и «тревожный гул старины» – вот две важные, хотя и не единственные, смысловые грани, образующие константу соснового шума.

В литературной традиции психологическая функция образа шумящей сосны соединяется с фатической функцией: тревожное настроение вызвано чувством древности земли, причем зарождается сосновый шум, как правило, в ночное время.

Лирический герой стихотворения А. К. Толстого «Бор сосновый в стране одинокой стоит» (1843) душевно расположен припомнить в сосновом бору события старины и прежних грустных лет:

*Бор сосновый в стране одинокой стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину* [7, 7].

В лес он приходит, что закономерно, только по заходу солнца, когда в тумане светят лишь месяц и звезды. Так вновь возникает традиционное сочетание темных и желтых красок.

*Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что бывает порой здесь в тумане ночном! [Там же]*

В стихотворении А. К. Толстого происходит предметное смещение звукового вестника прошлого: тревожный говор лирический герой улавливает не в шуме сосен, а в шуме вод лесного ручейка:

*Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал. [Там же]*

Шум воды и шум сосен соединяются в стихотворении И. А. Бунин *«Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»*:

*Зеленоватый свет пустынной лунной ночи,
Далеко под горой – морской пустынный блеск...
Я слышу на горах осенний ветер в соснах
И под обрывом скал – невнятный шум и плеск [1, 116].*

Шумят сосны, что закономерно, в ночное время, когда светит луна, и создают тревожное и тоскливоое настроение:

*И в шорохе глухом и гуле горных сосен
Я чувствую тоску их безнадежных дум [1, 117].*

Тревога, ощущение древности места, желто-черные цвета и ночное время – вот главные смысловые узлы, образующие этнопоэтическую константу соснового шума в лирике Н. Рубцова. Как и в произведениях устного народного творчества, сосновый шум передает тревогу и душевную боль; обращенность к истории сближает поэтику стихотворений Рубцова с историческими песнями. Сосен шум напоминает историческое эхо, которое зовет заглянуть в свою непознанную глубину и разрешится в других стихотворениях Рубцова¹⁸³, словно аккорд субдоминанты, яркими и правдивыми видениями...

¹⁸³ «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «Видения на холме» и др.

Использованная литература

1. Бунин, 1965 – *Бунин И.А. Стихотворения // Собрание сочинений в 9 т. Т. 1.– М.: Художественная литература, 1965.*
2. Даль, 1984 – *Даль В.И. Пословицы русского народа в 2-х т.– М.: Художественная литература, 1984.*
3. ДжАО Дайфэн, 2011 – *ДжАО Дайфэн.– Образ сосны в китайской и русской поэзии // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов: Сборник докладов IV Всероссийской научно-практической конференции.– Томск, 2011.– С. 512–514.*
4. Зуева, Кирдан, 2001 – *Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник.– М.: Флинта: Наука, 2001*
5. Рубцов, 2006 – *Рубцов Н.М. Сочинения.– М.: Российский писатель, 2006.*
6. Русская лирическая песня, 2004 – *Русская лирическая песня.– Сп-б.: Композитор, 2004.*
7. Толстой, 1977 – *Толстой А.К. Стихотворения.– М.: Советская Россия, 1977.*

Раздел третий

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

*Ерохина Татьяна Александровна,
Череповецкий Рубцовский центр, г. Череповец*

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

В мае 2017 года исполнилось 60 лет со дня первой поэтической публикации Николая Рубцова – стихотворение «Май пришел» в газете «На страже Заполярья». Его творческий путь был недолг – всего 13 лет. Но вот уже шесть десятков лет русская литература знает имя поэта Николая Рубцова. Я поставила перед собой цель – собрать все отклики в мире искусства, посвященные русскому поэту Николаю Михайловичу Рубцову. Приходится часто слышать о нем: «Такой поэт рождается раз в СТО ЛЕТ, а может быть, и реже...»

Наша цель – обосновать это утверждение, опираясь на материалы, собранные в группе «Николай Рубцов. Тихая моя родина»: <https://vk.com/club12813043>. Я являюсь администратором этой группы на протяжении 9 лет.

Тиражи книг

При жизни Николай Рубцов издал только четыре тоненьких книжечки стихов общим тиражом сорок три тысячи экземпляров. После его смерти вышли десятки изданий, тираж которых превысил пять миллионов. Его книги многократно переиздавались и переиздаются теперь, причем на разных языках. Сегодня Рубцов – самый издаваемый в России поэт, утверждал исследователь его творчества Николай Коняев, писатель из Санкт-Петербурга. Он отмечал: «Каждый год книги Рубцова расходятся тиражами от 50 до 100 тысяч экземпляров. Это очень большие тиражи и по советским меркам, а по нынешним – просто фантастические. Им могут позавидовать даже авторы популярных теперь детективов...»

Газета «Комсомольская правда» выпустила замечательную книжную коллекцию «ВЕЛИКИЕ ПОЭТЫ» – о людях, которые смогли соединить в себе писательские, композиторские и художественные таланты: ум, мелодичность, образность – воистину

таланты. В серии отобраны изумительные лирики последнего тысячелетия – такие, чье стихотворение, запав человеку в душу, способно изменить его жизнь. Творчество Николая Рубцова представлено в 45 томе.

Универсальное российское издательство «Эксмо», одно из крупнейших в Европе, выпустило серию «СТО ГЛАВНЫХ КНИГ». Стихи Николая Рубцова вошли в эту серию. Поэтический сборник предваряет аннотация к его книге «Тихая моя родина. Стихотворения»: *«Николай Рубцов (1936–1971) – выдающийся русский поэт, слышавший в глубинах сознания звучание полное смысла: он понимал пенье незримых певчих, звон листвы и стон ветра, смысл журавленного рыдания. Обладал уникальным даром слышать стихию народа, природы Вселенной. Совершенная и простая форма стихотворений поэта созвучна русской душе, они изначально чисты и животворны. Именно эти качества и определили невероятную популярность поэзии Н. Рубцова».*

Часть обложек книг собрана в альбоме группы «Тихая моя родина»: https://vk.com/album-12813043_109543972

Книги и статьи о Рубцове

Судьба Рубцова по-прежнему волнует почитателей его творчества. В Интернете опубликовано множество книг, статей, исследований о Рубцове. Можно перечислить наиболее важные из книг: В. Кожинов «Заметки о жизни и творчестве поэта», В. Белков «Жизнь Николая Рубцова», Н. Коняев «Николай Рубцов», С. Багров «Россия. Родина. Рубцов», Н. Старичкова «Наедине с Рубцовым», В. Бараков «Отчизна и воля: книга о поэзии Николая Рубцова», Л. Вересов «Николай Рубцов: легенды, были, воспоминания 20 века». На сайте «Душа хранит» в разделах «Исследования. Очерки, заметки» и «Литературно-критические статьи» помещена 121 статья, не считая мемуарных воспоминаний. Количество всех журнальных и газетных публикаций просто не поддается подсчету.

Известные люди о творчестве Рубцова

https://vk.com/topic-12813043_29130353

Здесь собрана только часть откликов. У всех на слуху такие яркие и запоминающиеся высказывания великих людей: «Николай Рубцов – поэт долгожданный» (Г. Горбовский, поэт); «Николай

Рубцов – тихий голос великого народа, потаённый, глубинный, скрытый» (Г. Свиридов, композитор); «Такой чистоты, такой одухотворённости, такого молитвенного отношения к миру – у кого ещё искать?.. дух захватывает! Какой Поэт! ... Я читаю и, честное слово, плачу» (Ф. Абрамов, писатель); «Чудный изныв русской души по Родине вслед за Есениным пропел Рубцов» (В. Распутин, писатель).

Поэтические посвящения Рубцову

Поэты посвящают Николаю Рубцову свои стихи. Нужно отметить, что эти стихи-посвящения искренние, очень глубокие в чувствах, зачастую запоминающиеся яркими метафорами. Сам поэт за свою короткую жизнь написал около четырехсот стихотворений (400). Количество же стихов, посвящённых Поэту, во много раз превышает количество стихотворений, написанных Рубцовым. Издаются книги под названием «Венок Рубцову», «Поэту посвящается». В группе «Тихая моя родина» опубликовано множество посвящений, но это только часть произведений, так сказать, верхушка айсберга. Часть стихов в нашей группе:

В теме: https://vk.com/topic-12813043_22739685
https://vk.com/topic-12813043_24657633

В альбоме «ПОЭТЫ – РУБЦОВУ»:
https://vk.com/album-12813043_149203611

Художники – Рубцову

Художники рисуют портреты Николая Рубцова, создают картины и рисунки по его произведениям. Вот малая часть того, что удалось «раздобыть» на просторах Интернета. Зачастую приходится долго разыскивать автора той или иной картины, чтобы узнать историю создания художественного полотна.

Сборный альбом: https://vk.com/album-12813043_120686139. В нем можно увидеть картины 52 художников. Они живут не только в Череповце и Вологде, Москве и Санкт-Петербурге, они из очень многих российских городов. Некоторыми созданы серии картин по творчеству Н. Рубцова: В. Корбаков, В. Паскин, Б. Непомнящий, В. Филиппова и др.

Скульпторы – Рубцову

Открытие первого памятника Поэту состоялось в середине сентября 1985 года в Тотьме. Автор – московский скульптор Вячеслав Клыков. Памятник установлен через 14 (!) лет после смерти поэта (кстати, первый памятник Пушкину создан спустя 43 года после смерти поэта, Есенину – через пятьдесят лет).

В 1996 году, к 60-летию поэта, в Вологде открыли мемориальную доску на доме по улице Яшина, где поэт жил и погиб.

Памятник Н. М. Рубцову в Вологде открыт в 1998 году, автор – череповецкий скульптор Александр Шебунин. В этом же году установлен бюст поэта в Череповце, тоже работа скульптора А. М. Шебунина.

Мемориальная доска памяти поэта Н. М. Рубцова в г. Апатиты Мурманской области установлена 20 января 1996 года на здании библиотеки-музея, где проходят ежегодные Рубцовские чтения.

Мемориальная доска на здании администрации Кировского завода в Санкт-Петербурге, где демобилизованный с Северного флота будущий поэт работал в 1960–1962 г., установлена в 2000 году.

В 2004 году памятник Рубцову установлен в Емецке Архангельской области, автор – скульптор Н. Овчинников.

Памятник в Мурманске открыт в феврале 2006 года, скульптор Александр Арсентьев.

Подготовлен к установке памятник поэту в Барнауле (Алтайский край). Двухметровая бронзовая фигура поэта создана скульптором В. Володиным из Санкт-Петербурга.

И в самом Санкт-Петербурге имя Николая Рубцова вошло в список лиц, в честь которых будут установлены в городе памятники.

В Вологде, на берегу реки, недалеко от Соборной площади установлен арт-объект – скамейка «Посидим, поокаем». В 2016 году на скамейке появился ещё один памятный знак – кованая гармошка и книга стихов. Он посвящён знаменитому вологодскому поэту Николаю Рубцову и установлен в день его 80-летия.

Памятная доска в честь поэта Николая Михайловича Рубцова установлена на доме № 26 по улице Мира села Красногорского Алтайского края, где он провел лето 1966 года. Она торжественно открыта 28 сентября 2017 года.

Кроме того, созданы скульптурные объекты «малой величины». Имена их авторов:

Алексей Контарев (г. Череповец);

Андрей Поляков (г. Санкт-Петербург);

Владимир Курочкин (г. Москва);
Николай Селиванов (г. Москва);
Тамара Дмитриева (г. Санкт-Петербург);
Татьяна Соколова (г. Москва);
Виктор Бриндач (Израиль);
Сборный альбом: https://vk.com/album-12813043_126554299

Композиторы и авторы-исполнители песен на стихи Рубцова

Лирика Рубцова на редкость музыкальна. Не случайно многие его стихи стали песнями. Фонотека нашей группы полностью состоит из песен, романсов и напевов на стихи Николая Рубцова и насчитывает более 2200 произведений. Песни исполняют эстрадные певцы, ансамбли и музыкальные группы, хоровые коллективы, барды. Основой для песен стали 240 стихотворений, из чего следует, что на одно и то же стихотворение есть множество музыкальных вариантов. Самые востребованные стихи у композиторов и авторов-исполнителей:

- «В минуты музыки печальной» – 98
- «Звезда полей» – 75
- «Плыть. Плыть. Плыть...» – 71
- «Зимняя песня» – 69
- «Я люблю, когда шумят березы» – 55
- «Журавли» – 53
- «Морошка» – 51
- «Тихая моя родина» – 49
- «Деревенские ночи» – 40
- «Улетели листья» – 39
- «Выпал снег» – 33
- «Зелёные цветы» – 31
- «Элегия» (стукну по карману...) – 31
- «Нагрянули» – 30
- «Видение на холме» – 29
- «Осенняя песня» – 28
- «Тайна» – 27
- «По мокрым скверам» – 25
- «Посвящение другу» – 27
- «Ветер всхлипывал» – 23
- «Привет, Россия!» – 21
- «Старый конь» – 19
- «Синенький платочек» – 18

«У размытой дороги» – 16.

Перед вами статистика только по фонотеке группы «Тихая моя родина», а сколько песен по всей стране? Ведь не все выкладывают свои произведения в Интернет! Никогда фонотека не будет полной, т. к. поэзия Рубцова побуждает к творчеству всё новых и новых композиторов и исполнителей песен.

Удалось проследить, где поют песни на стихи поэта. Оказалось – по всей стране от Калининграда до Хабаровска и Владивостока, от Мурманска и Архангельска до Краснодара и Ростова-на-Дону! А также в Белоруссии, Украине, Молдавии, Казахстане, Болгарии, Финляндии, Германии, Чехии, Испании, Великобритании, Мексике и др. странах.

Наиболее известные композиторы, обратившие внимание на творчество Рубцова: Г. Свиридов, А. Шилов, К. Линк, А. Лобзов, А. Морозов, А. Градский, Е. Щекалёв, Г. Заволокин, А. Петров, А. Флярковский, И. Лученок, К. Акимов, Е. Дога и др.

Известные исполнители песен на стихи Н. Рубцова: В. Толкунова, Э. Хиль, Л. Лещенко, И. Кобзон, Б. Штоколов, Р. Ибрагимов, Л. Сенчина, С. Захаров, В. Ивашов, М. Боярский, Н. Карабченцов, С. Ротару, Н. Бабкина, В. Леонтьев, Т. Буланова, Н. Басков, Юлиан, Витас и др.

Сайты, группы, сообщества

В интернете насчитывается несколько сайтов, посвящённых Николаю Рубцову: «Душа хранит» (создатель А. Кутюев), «Звезда полей» (создатель Ю. Кириенко-Малюгин), «Весь Рубцов» (сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки), «Николай Рубцов. Новый взгляд на жизнь и творчество поэта» (сайт Л. Вересова).

В социальных сетях создаются многочисленные группы и сообщества, популяризирующие творчество Николая Михайловича Рубцова.

О Рубцове можно говорить бесконечно. Он не имел при жизни ни наград, ни почестей от властных структур, которые не слишком жаловали его. Каждому человеку, любящему стихи, как говорил сам Рубцов, всегда бывает радостно, когда он находит в стихах поэзию, т. е. свежую тему, свежий смысл, свежее настроение, мировоззрение, мысли, свежие оригинальные слова. Его стихи актуальны и по сей день и так проникают в души простых людей, что именно народ признал его ВЕЛИКИМ И ГЕНИАЛЬНЫМ поэтом.

*Галушкина Вера Николаевна,
художественный отдел МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма, Вологодская область*

ПОЭТ НИКОЛАЙ РУБЦОВ И СЕЛО ЛИПИН БОР

*В старинном нашем поселенье
Не раз гостил поэт Рубцов,
И здесь являлось просветленье
Вечерних дум в ночи без снов.
Любил гулять в бору сосновом,
Которым славен Липин Бор.
А бор шумел, наступив брови,
И с ветром вёл дальнейший спор.
Рубцов в гостинице районной
Жил по-простому, печь топил.
Глядел в ночи в проем оконный,
Ходил по комнате, курил.
А бор шумел, даря поэту
Сказанья древние свои,
Которые особым светом
В его душе огонь зажгли.*

Эти строки о великом поэте написала Людмила Михайловна Старикова, жительница села Липин Бор Вологодской области, член местного поэтического клуба «Общение». Скорее всего, эти места на самом деле произвели особое впечатление на Николая Рубцова: он посвятил селу три своих стихотворения!

Осенью природа здесь особенно хороша: расцветают яркими красками многочисленные клены и березы, высаженные повсеместно вдоль дорог, особенно прозрачен и чист воздух, бездонным кажется ослепительно-голубое небо... Моя поездка в Липин Бор совпала как раз с такими ясными осенними днями, и это позволило в полной мере насладиться красотой этих мест. Чудесная природа села и окрестностей действительно способствует отдохновению души, а для людей творческих наверняка еще и эмоциональному подъему, воодушевлению.

Целью путешествия в Вашкинский район был сбор сведений о пребывании здесь нашего знаменитого земляка, хотелось побеседовать с людьми, которые встречались с Рубцовым, узнать, как в наши дни сохраняется в Липином Бору память о поэте.

Людмила Александровна Фофанова

Согласно опубликованных воспоминаний, Николай Михайлович бывал в этом селе несколько раз в 1967 году, но, по мнению Людмилы Александровны Фофановой, которая долгое время работала журналистом в местной газете «Волна», он приезжал в Липин Бор и раньше, в 1966 году.

Людмила Александровна рассказала мне, что Рубцов был дружен в это время с ее будущим мужем, ответствен-

ным секретарем редакции той же газеты. По ее воспоминаниям, Николай Рубцов гостил в их доме, запомнился ей в черном пальто с шарфом, с непокрытой головой, и показался человеком ранимым, незащищенным. Когда Виктор Михайлович попросил Рубцова почитать свои стихи, тот долго отнекивался, но потом все-таки согласился и на память прочел множество своих стихотворений. Были среди них стихи о Родине, о природе, о матери. «Когда я слушала стихи в исполнении поэта, – вспоминает Людмила Александровна, – то чувствовала какую-то щемящую грусть. Казалось, что этот человек недополучил любви, чего-то важного в жизни». Отведав соленных грибов с вареной картошкой, Рубцов рассказал хозяевам, что и сам любит собирать грибы, очень любит лес: «В лесу все плохие мысли покидают мою голову, приходит умиротворение, откуда-то сверху звучат слова, которые складываются в рифму. Лес – моя отрада...».

В личной библиотеке Людмилы Фофановой хранятся все прижизненные сборники стихов Н. Рубцова, а на обложке книги «Звезда полей» – автограф поэта: «Виктору Фофанову на добрую память о встрече 28 августа 1967 г. Н. Рубцов». Зимой 1967-го года в редакции местной газеты «Волна» работал известный вологодский поэт Сергей Чухин, редактором был Василий Елесин, в это время снова приехал в Липин Бор и Николай Рубцов. Он попросил отпечатать на машинке свои стихи, которые знал наизусть. Николай Михайлович на память надиктовал машинистке Тамаре Пахомовой (Павловой) около 120 своих стихотворений, которые и составили новый сборник «Душа хранит». По воспоминаниям Людмилы Фофановой, все в редакции были поражены его феноменальной памятью. В.М. Фофанов отнес напечатанные стихи на почту и отправил в издательство.

То, что Рубцов бывал в Липином Бору ранее 1967 года, подтверждается и тем, что в феврале 1966 года Рубцов опубликовал в белозерской районной газете «Белозерье» стихотворение об этом селе.

*Над Липиным Бором – мерцанье.
Над Липиным Бором – светло.
Как всяких забот отрицанье,
Седое почило село...
Я еду, я еду по свету,
Я знаю, что будет потом:
Россия! Куда ни приеду,
Ты всюду отчизна и дом!
Под соснами Липина Бора
Над озером Белым во мгле
Мне нравится вид с косогора
И воздух на этой земле.
И только, когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез...*

Видимо, последние два четверостишия поэт считал не совсем удачными, поэтому в последующих сборниках мы встречаем уже усеченный вариант этого стихотворения.

В библиотеке села хранятся рукописные воспоминания о Николае Рубцове Коновалова Валентина Алексеевича, бывшего главного зоотехника Вашкинского района. Он присутствовал на творческом вечере с группой писателей и поэтов, путешествовавших по Волго-Балту и выступавших в местном Доме Культуры в августе 1967 года. «Старый деревянный клуб, – вспоминал Валентин Алексеевич, – был до отказа забит людьми всех возрастов, присутствовало руководство района. Рубцов запомнился мне в черном костюме, белой рубашке, с серьезным взглядом и залысинами на голове. Читая стихи, он всех расположил к себе, слушали его очень внимательно, долго хлопали».

На этой встрече присутствовал и Аркадий Иванович Хохрин, секретарь райкома партии, его воспоминания опубликованы в местной газете «Волна». Его дальней родственницей была Нинель Старичкова, у которой в Липином Бору гостили Рубцовы. Они всей компанией ходили в лес за грибами, бывал Рубцов и в квартире Хохриных. А когда Николай Михайлович посещал Липин Бор в

составе делегации писателей, Аркадий Иванович сопровождал их в поездках по району, вместе с ними выезжал на природу, организовывал встречи с колхозниками, рыбаками, рабочими. В доме Хохриных сейчас тоже хранится рубцовский сборник с автографом, правда живут наследники в Вологде, а в село приезжают только летом.

В один из дней командировки мне удалось побывать в доме Валентины Чаловой, о которой Николай Рубцов в свое время написал статью «На ответственном посту». В 1967 году он работал еще и корреспондентом в газете «Красный Север». В Липином Бору ему предложили написать очерк о первом секретаре Варшавинского райкома комсомола Валентине Чаловой. Они уже договорились о беседе, но Валентине пришлось срочно выехать в район, и встреча не состоялась. Правда, статья все-таки была напечатана на основе информации, рассказанной сослуживцами девушки...

Из интересных встреч хотелось бы еще отметить разговор с Алиной Николаевной Шестаковой. Алина Николаевна – педагог по образованию, в 1962 году она проходила практику в Никольской школе Тотемского района.

Коллектив Никольской школы, 1962 г.
Шестакова А. Н. 4-я слева в верхнем ряду

Я поразилась прекрасной памяти и увлекательному грамотному языку пожилой женщины. Она долго вспоминала, как долго ей с напарницей пришлось зимой по бездорожью добираться до Николы, а весной в мае пустилась она в обратный путь. Добравшись до села Красного, парома на берегу не обнаружила, зато там был молодой мужчина, который вызвался перевезти ее на лодке на другой берег. Это и был поэт Николай Рубцов. Обладая цепкой памятью на лица, Алина Николаевна впоследствии узнала его на обложках стихотворных сборников.

Удалось мне пообщаться с Лилией Леонидовной Сизовой – она тоже встречалась с Рубцовым, правда, произошла эта встреча в Вологде, в общежитии у Виктора Коротаева, куда молодая девушка, тогда просто студентка, пришла с подругой по приглашению в гости. Рубцов, по признанию Лилии Леонидовны, активно оказывал ей знаки внимания, но как мужчина впечатления на нее

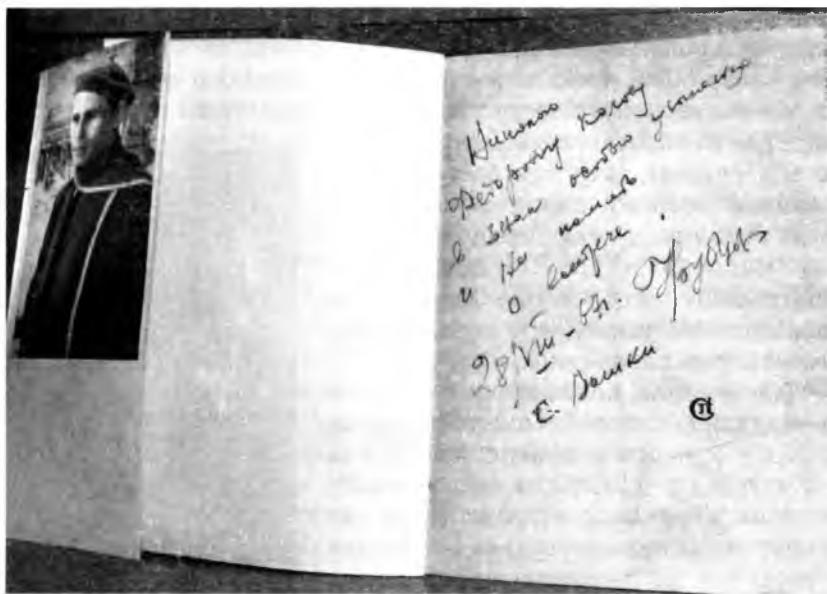

Лилия Леонидовна Сизова

не произвел. Мне кажется, что Лилия Леонидовна – в молодости ослепительная красавица с пышными рыжими волосами – пример как раз того женского типажа, который так нравился поэту.

В семье Сизовых бережно хранится автограф нашего земляка на обложке книги «Звезда полей»: «Леониду Александровичу Таманину, одному из руководителей прекрасного коллектива на память о встрече с полным уважением. 28 августа 1967 г. Н. Рубцов». Книга подписана отцу Лилии Леонидовны, который с Рубцовым находился в очень хороших отношениях.

Леониду
Александровичу Таманину, одному
из руководителей прекрасного коллектива
на память о встрече с полным уважением.
Н. Рубцов. 28/VI/67.

Еще одним автографом Николая Михайловича и тоже с этой датой обладает семья Коловых. Того человека, которому подписана была книга, уже нет в живых, она хранится в семье сына Николая Федоровича Колова.

Воспоминания о пребывании Николая Михайловича Рубцова в селе Липин Бор встречаются в дневниках Александра Яшина, есть они у Василия Елесина, у Сергея Чухина, воспоминания Г.Д. Соколова опубликованы в книге М. Сурова. Много писала о Рубцове в Липином Бору Нинель Старичкова. Мне кажется, это место действительно было знаковым для поэта, здесь он отдыхал душой и телом, встречался с друзьями, много гулял в окрестных лесах и борах, здесь приходило к нему творческое вдохновение.

В наше время жители Липина Бора знают и хранят память о местах, связанных с поэтом Рубцовым. В селе сохранился дом родственников Нинель Старичковой, где прошло ее детство, и где гостил Николай Рубцов. Одно из его стихотворений, посвященных селу, называется «Гуляевская горка». На пересечении улиц Пионерской и Первомайской в быльые годы заканчивался Липин Бор, далее был красивейший сосновый бор, и очень крутая горка вела на аэродром. Называлась она Гуляевская, в честь помещика

Дом помещика Гуляева

Гуляева, проживавшего когда-то на берегу реки Боровки. Сейчас на месте этой горки просто небольшая возвышенность, так как для удобства движения транспорта, горку на этом месте почти сравняли и уложили асфальтовую дорогу. Зато на краю так называемого Больничного парка до сих пор стоит усадебный дом помещика Гуляева. Сейчас он в частных руках, но пока не подвергся глобальной перестройке.

В стихотворении «Сосен шум» поэт описывает моменты своего пребывания в Липином Бору и упоминает про районную гостиницу. По воспоминаниям Сергея Чухина, Рубцов провел в гостинице только одну ночь – холодно, да и шумно, а в дальнейшем ночевал уже в редакции газеты. Я побывала в этом здании: когда-то оно было деревянным, а потом было облицовано белым кирпичом. Интересно, что обстановка внутри, расположение кабинетов с того времени не менялось. Сохранилась печь, которая холодными зимними вечерами обогревала Николая Рубцова, сохранилась пишущая машинка, на которой был отпечатан его сборник «Звезда полей», в редакции есть ряд предметов того времени: радиола, часы-будильник. Когда-то здесь в небольшом подсобном помещении

была организована мини-экспозиция, посвященная нашему знаменитому земляку, но т. к. она «морально устарела», со временем была демонтирована. Сегодняшний редактор газеты Андрей Баранов поделился с нами планами разместить на здании редакции памятную доску и организовать новую выставку, рассказывающую о поэте. Для этого благого дела редактор готов даже пожертвовать своим личным кабинетом.

Жители Липина Бора любят и ценят творчество Николая Михайловича Рубцова. В районной библиотеке постоянно действует выставка, где представлены материалы о поэте и его сборники, здесь регулярно организуется Рубцовская литературно-музыкальная гостиная, а также фотовыставки, посвященные рубцовским местам Липина Бора. В детской библиотеке проходят конкурсы чтецов. Рубцову посвящают свои стихи местные поэты: Людмила Старикова, Николай Кириллов, Сергей Круглов, Валентина Мельникова, Геннадий Морозов. На стихи Рубцова сочиняет песни местный автор-исполнитель Андрей Мишанов, ставший дипломантом творческого конкурса «Звезда полей-2005», проводимым рубцовским центром города Москва. Память о поэте жива в этих краях и, я уверена, будет жить еще долго.

*Кошелева Марина Николаевна,
АНО «Бирюзовый дом»,
с. Никольское (Вологодская область) – Москва*

МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР «БИРЮЗОВЫЙ ДОМ»: ПОДВОДЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

В январе 2016 года в Резолюции научной конференции «Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России» была поддержана идея создателей АНО «Бирюзовый дом» о формировании в селе Никольском Литературного музея «Долина детства: звук, слово, образ».

В качестве обоснования необходимости такого Музея в селе Никольском автор упомянула в своем докладе мировую и отечественную практику, в которой в дополнение к действующему мемориальному дому-музею гения места, вводится творческий интерпретационный центр.

В числе характерных особенностей таких центров – тесная связь с современной жизнью и ее проблемами, работа с местным сообществом, постоянная реинтерпретация экспозиционного пространства, организация пространства диалога, тщательное сопряжение «вещей» и «слов», четко выраженная ориентация не только на трансляцию знаний, но и на порождение переживаний.

Творческий интерпретационный центр с выше упомянутыми особенностями был создан в селе Никольском через год после конференции. В апреле 2017 года он был презентован на «Библионочи в Николе» под названием «Музейно-выставочный центр «Бирюзовый дом».

Требование «постоянной реинтерпретации экспозиционного пространства» и «организации пространства диалога» были учтены в МВЦ «Бирюзовый дом» при формировании выставочного зала (15,6 кв. м.) и литературной гостиной (22,9 кв. м).

Такая характерная особенность интерпретационного центра, как «работа с местным сообществом», проявилась в МВЦ «Бирюзовый дом» в период с 2012 по 2018 годы при активном участии в возрождении Храма Николая Чудотворца (организация песнопений в Храме в 2012 году, приобретение первого подсвечника для Храма в одной связке с «Русским переплением», доставка колоколов из Тутаева, издание брошюры об истории Храма, сбор средств на его возрождение), продвижении ландшафтно-мемориального памятника «Церковная гора» в конкурсе «Вологодчина: сокровища Русского Севера» (2016 год, результат – 2 место), создании сотен фотопортретов о событиях в МО «Толшменское» с их размещением в социальной сети ВКонтакте (группа «Бирюзовый дом»), проведении мероприятий для местных жителей (экскурсии в Бирюзовом доме, «Библионочь в Николе», шахматные турниры, мастер-классы по живописи, походы).

Особую степень значимости имеет деятельность МВЦ «Бирюзовый дом» по вовлечению местных жителей – хозяев сельских подворий – в развитие туризма в МО «Толшменское», подготовку и проведение экспедиций для групп из Москвы и Вологодской области.

В результате появились «точки роста» в Слободе, Манылово и Успенье. Были подготовлены и апробированы экскурсионные и туристические программы: «Над рекою, где бакен желт» (Усть-Толшма), «Музей крестьянских ремесел» (Маныловский Погост), «По лягам к Серому камню» (по лесной дороге к посёлкам специ-переселенцев), «Жемчужины Камешкуря» (река, плес, перекат, гата, старица), «Закружило меня от села вдали» (лес, болото), «Взбегу на холм и упаду в траву» (гора, холм, камень), «От Благовещенья до Успения» (храмы долины реки Толшмы), «Дай дорогу, пеший!» (Монзенская железная дорога). В программах МВЦ «Бирюзовый дом» и его партнёров достопримечательности МО «Толшменское» соотносятся с местным фольклором и лирикой Николая Рубцова.

Во время экспедиций 2012–2018 годов АНО «Бирюзовый дом» вовлекал местных жителей и гостей МО «Толшменское» в изучение «Толшменской картины мира». Наиболее результативной оказалась экспедиция 2017 года – свыше 50 записей бесед ученых-филологов со старожилами Толшмы, свыше 100 этнографических рисунков художников и свыше 30 фотопортажей об экспедиции. Результаты планируется отразить в изданиях «Толшменская картина мира глазами участников экспедиций» (январь 2019 г.) и «Толшма: от устья к истокам» (апрель 2019 г.)

Для размещения участников экспедиционных групп, а также партнёров по проектам в МВЦ «Бирюзовый дом» создано гостевое пространство «Арт-резиденция» (21,8 кв. м). Установлены партнёрские связи с хозяевами гостевых домов в селе Никольском – «Старая Никола» (А. А. Огарков) и «На Дмитриевской» (Н. Н. Нечаева). Вместе с «Бирюзовым домом» партнёры принимали участников экспедиций не только в летнее, но и в зимнее время.

При вовлечении местных жителей в туристическую деятельность эффективно использовалась издательская деятельность МВЦ «Бирюзовый дом». Были выпущены: буклет А. и М. Кошелевых «Звезда полей» о семье Нечаевых, книга Г. И. Узоровой «Моя семья, мои корни» (в рубрике «Семейные хроники долины реки Толшмы»), книга краеведа Т. М. Новосёловой «Нижняя Толшма» и буклет «Заволжская Фиваида».

Такая особенность интерпретационного центра, как чётко выраженная ориентация не только на трансляцию знаний, но и на порождение переживаний, отчётливо проявилась в программе МВЦ «Бирюзовый дом» для участников летнего лагеря «Школа практической экологии» (июль 2018 г., организатор ВРО МАН «Интеллект будущего»). Один из сюжетов программы – ми-

Перекат Камешник

ни-спектакль «Театр одного стихотворения» – был реализован в естественных декорациях, на перекате Камешник, близ деревни Камешкурье.

В стихотворении «Разлад» была воспроизведена встреча лирического героя с любимой девушкой «у мельничной запруды». Такая же запруда, оставшаяся от водяной мельницы, находится и у переката Камешник. Вода здесь шумит, пробегая по камням, и можно живо представить себе, «как грохотала мельничная гать». Мы обратили внимание участников на то, как Рубцовское слово «гать» сопрягается с местным словом «гата». Так называется обустроенный переход по камням с одного берега реки на другой. Дети также узнали, как устроена водяная мельница и какое значение она имела в жизни местных жителей. Весьма интересной стало и виртуальное, через фотографии книги «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова», путешествие в местность, где проживали прототипы лирических героев стихотворения – в усадьбу Олениных посёлка Приютино.

В описанных «живых уроках» были задействованы все пять органов чувств подростков – зрение (прекрасный ландшафт с крупными природными валунами на реке, осмотр художественных

фотографий в книге), слух (шум воды, струящейся по камням), вкус (можно попробовать не только речную воду, но и другие дары природы, например, собранные по дороге ягоды), обоняние (место окружено цветущими травами), осязание (прохладные струи движущейся воды, тепло от нагретых солнцем камней, рука товарища, помогающего взобраться на камень). Знания, полученные детьми на «живых уроках», были укреплены полученными переживаниями.

Такое требование интерпретационного центра, как тщательное сопряжение «вещей» и «слов», можно проиллюстрировать находящимися в МВЦ «Бирюзовый дом» предметами «стремя» и «подкова», найденными при освобождении Храма Николая Чудотворца от метрового слоя земли. Результаты краеведческого исследования, объясняющего, как могли оказаться эти предметы в здании Храма Николая Чудотворца, привели к новому пониманию стихотворения Николая Рубцова «По вечерам», в котором строчку поэта «Здесь парни ладят стремена» можно теперь расценивать как послание Рубцова, как переданный им потомкам «образ будущего». Результат данного исследования, проведённого в МВЦ «Бирюзовый дом», отражён в буклете «Заволжская Фиваида», изданном в «Бирюзовом доме» в 2016 году.

Целый ряд примеров сопряжения «вещей» и «слов» даёт мемориальный «рубцовский камень», установленный в августе 2015 года создателями «Бирюзового дома» на Церковной горе. В сопряжении с местным фольклором, строками Николая Рубцова, текстами Священного писания, а также с текстами писателя «серебряного века» Х. Толшемского камень вносит новые смыслы в «Толшменскую картину мира».

Камень был твердый, и строчка «Взбегу на холм и упаду в траву» высекалась на нем в течение недели. Это позволяет глубже понимать рубцовский текст: «Брал человек холодный, мертвый камень. / По искре высекал из камня пламень. / Твоя судьба не менее сурова – / Вот также высекать огонь из слова!». Рубцовский камень на ландшафтной площадке «Между березой и сосной» на «Церковной горе» стал символом общественного движения «Школа Русского Слова».

Последняя из перечисленных особенностей интерпретационного центра – тесная связь с современной жизнью и её проблемами – заключается в целенаправленной и системной работе МВЦ «Бирюзовый дом» по формированию и продвижению образа «Толшма» как эффективной образовательной площадки. В результате этой работы – исследовательской, репортерской, выставочной, издательской – выдвинутый МВЦ «Бирюзовый дом» проект «Звезда полей Николая Рубцова: живые уроки на Толшме» получил в октябре 2018 года Президентский грант.

Цель проекта – формирование на территории МО «Толшменское», духовной родине поэта Николая Рубцова, образовательной площадки, на которой подрастающее поколение россиян сможет получить, через «живые уроки на Толшме», не только новые знания, но и переживания, связанные с ощущениями многовековой связи человека с землёй и переплетением земного и сакрального времени, отражённых в поэзии гения места Николая Рубцова. Это будет способствовать развитию творческих способностей молодых россиян и появлению у них желания обустраивать свою малую и большую родину.

Главная «изюминка» проекта – летний экспедиционный лагерь с творческими мастерскими «Школа Русского Слова». Целевая аудитория лагеря – группы детей с педагогом из российских городов, получающих в условиях погружения в мир сельской глубинки возможность реализовать свои собственные проекты и обменяться опытом.

*Картины Н. В. Переслегиной
в Литературной гостиной*

проложенной вдоль реки «Старой дороге» – между селом Никольским и деревней Пузовка. Второе измерение – мифопоэтическое. Оно связано с тем, что в стихотворениях Рубцова слово «поле» повторяется 72 раза. Постижение смысла в каждом из 72 случаев сможет наполнить энергией творчества не только участников «Школы Русского Слова», но и молодых людей, призванных возродить и укрепить толшменскую традицию обращения с землей как «матушкой» и «кормилицей».

«В детстве я любил ходить пешком», – писал Николай Рубцов в стихотворении «Памятный случай». Поэт любил «ходить пешком» не только в годы своего детдомовского детства и отрочества (1943–1950 гг.), но и в зрелом возрасте, когда на Толшме, у колыбели дочери, он создает свою великую книгу «Звезда полей» (1963–1965 гг.). Большинство стихотворений гения места родилось в дороге. Поэтому весьма плодотворными на образовательной площадке «Толшма» могут оказаться «Живые уроки на Рубцовских тропах». «Уроки» пройдут на уже апробированных в МВЦ

«Живые уроки на Толшме», погружающие гостей в мир тесной связи человека с природой, гости получают не только в программах Мемориального дома-музея Н. М. Рубцова, МВЦ «Бирюзовый дом», музеев Никольской и Верхне-Толшменской школ и в «народных музеях», сформированных на подворьях жителей Верхней, Средней и Нижней Толшмы, но и на объектах, получивших в проекте названия «Рубцовское поле» и «Рубцовские тропы».

«Рубцовское поле» имеет два измерения. Географически – это поле, расположенное на

«Бирюзовый дом» маршрутах по выбору: «Усть-Толшма – Манылово», «Аникин Починок – Никольское», «По лягам к Серому камню», «К перекату Камешник», «К Сиперовской излучине», «На Воротинское болото», «В заказник Вязы».

Концептуальный образ МО «Толшменское» как образовательной площадки будет отражён в изданиях «Толшменская картина мира глазами участников экспедиций» (январь 2019 г.) и в альбоме-путеводителе «Толшма: от устья к истокам» (апрель 2019 г.).

После завершения проекта «Звезда полей Николая Рубцова: живые уроки на Толшме» планируется провести работу по систематизации и описанию уникальных музейных предметов, находящихся в МВЦ «Бирюзовый дом». Выполнение данной работы будет означать, по нашему мнению, появление на площадях МВЦ «Бирюзовый дом» полноценного Литературного музея.

*Лагерев Сергей Алексеевич,
Рубцовский центр, г. Сургут, Тюменская область*

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ТЮМЕНСКИЙ КРАЙ

3 января 2016 года выдающемуся русскому поэту Николаю Михайловичу Рубцову исполнилось бы 80 лет. Но, к большому сожалению, его уже 45 лет нет с нами. Во многих городах России пройдут литературные вечера, посвящённые творчеству поэта. Сургут тоже не останется в стороне, ведь уже более 20 лет, традиционно, ежегодно в нашем городе проходят праздники поэзии Николая Рубцова. Много лет я занимаюсь изучением жизни и творчества поэта, собираю его книги, автографы, письма, различные документы. Хочу представить читателям некоторые страницы из его биографии.

В 2001 году в Сургуте проходили литературные вечера, посвящённые 65-летию со дня рождения Николая Рубцова. Среди приглашённых на эти празднества гостей был и поэт из Тюмени Николай Денисов. Он знал Рубцова, так как вместе с ним учился в Литературном институте. Мы подолгу говорили с ним о поэте. Он интересно рассказывал об их встречах, показывал редкие фотографии. Помню, тогда, в разговоре, Денисов вспоминал о том, что он в 1969 году советовал тогдашнему секретарю писательской организации писателю К. Лагунову послать приглашение Рубцову для приезда его в Тюмень на Дни литературы. Но письма этого

никто не видел, и никто не знал, отправил ли Лагунов его или нет. Во всяком случае, Николай Рубцов в Тюмень не приехал. Прошло несколько лет, и эта тема неожиданно «всплыла» вновь. В 2004 году, будучи в Вологде, я побыл в гостях у поэтессы, близкого друга Николая Рубцова – Нинель Александровны Старицкой (ныне, к сожалению, уже покойной). Она мне показывала свои архивные материалы, автографы и вещи поэта. В конце, уже перед моим уходом, Нинель Александровна вдруг ушла в маленькую комнату и принесла какой-то листок. Отдала мне со словами: «Я не знаю, что помешало ему приехать. Но пусть тогда хоть письмо будет у вас!» Это был оригинал приглашения Н. Рубцова в Тюмень на Неделю поэзии. Вот именно это письмо и было отправлено в Вологду с подачи Николая Денисова, и именно об этом он мне рассказывал в 2001 году на Рубцовских вечерах в Сургуте. На пожелавшем от времени фирменном бланке Тюменской областной писательской организации было напечатано следующее:

20/X. 1969.

Дорогой Николай!

В середине декабря будет проходить четвёртая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени.

Тюменская писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в Тобольске, на Ямале, в Приобье. Встретятся с геологами, рыбаками, нефтяниками, хлеборобами, строителями. Своими глазами увидят, как в глухой, болотистой тайге и непроходимой тундре создаётся крупнейший энергетический гигант мира.

Наша организация берёт на себя оплату всех командировочных расходов, а также за участие в коллективных выступлениях (их намечено до 20) Тюменское бюро пропаганды выплачивает гонорар каждому поэту по 30 рублей. За «сольные» поэтические вечера будет выплачиваться гонорар в зависимости от сбора, но не менее 200 рублей.

В ходе Недели участники её выступят по Тюменскому, Ханты-Мансийскому, Нижневартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет.

Мы рады будем видеть Вас на земле Тюменской, среди участников поэтической недели. Пожалуйста, сообщите нам, согласны ли Вы с нашим предложением.

С дружеским приветом.

Ответственный секретарь писательской организации

К. Лагунов

Помню, получив этот документ, я порадовался тому, что стихи Рубцова знали и любили в нашей области уже и в те годы. Позже эта тема пополнилась другими интересными фактами – например, нашлось ответное письмо Рубцова. Об этом тюменский поэт и прозаик Николай Денисов пишет в своей книге воспоминаний «В чистом поле», изданной в Шадринске в 2012 году, выдержку из которой представляю читателю:

«... Осенью 69-го года, «набрасывая» в нашем Союзе списки писателей и поэтов, которых мы хотели пригласить на планируемые летом 1970-го года первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области, я попросил ответственного секретаря Константина Лагунова внести в список и Николая Рубцова. Лагунов послал в Вологду приглашение поэту. (Этот документ и подарили мне Н.А. Старичкова.– С.Л.) Николай Рубцов ответил быстро. Вот что он писал:

Дорогой Константин Лагунов!

Я получил Ваше письмо с приглашением на Неделю Тюменской поэзии! Благодарен Вам за это предложение и отвечаю на него полным согласием. В таком случае держите меня, пожалуйста, в курсе дела, сообщите, пожалуйста, конкретные шаги в этом направлении.

Сердечный привет тюменским писателям и поэтам!

Николай Рубцов.

Мой адрес: г. Вологда, Писательская организация

12/XI-69 г.

...Аккуратная наша секретарь-бухгалтер Зинаида Алексеевна Белова, как все входящие письма и документы, прибрала к месту, «подшила» и письмо из Вологды. По каким причинам приезд Рубцова в Тюмень в июле 70-го года не произошёл, не знаю».

Николай Рубцов так и не побывал на Тюменщине. Ответное его письмо один раз публиковалось в газете «Тюменская правда» от 15.05.2004 года, а потом где-то затерялось. Все мои попытки отыскать его ни к чему не привели. Говорят, что письмо хранится у кого-то в личном архиве. Найти его пока не могу. А хотелось бы.

Поиски старшего брата поэта

26 июня 1998 года в Вологде открывали памятник Николаю Рубцову. Мне, по приглашению вологодской писательской организации, тоже посчастливилось участвовать в том мероприятии. День, помню, был прохладным и дождливым, но народа на

церемонию открытия собралось много: земляки-вологжане, почитатели таланта поэта из других городов, известные писатели и артисты. Приехала из Санкт-Петербурга дочь поэта Елена Николаевна со своей семьёй. Как часто бывает в таких случаях, было и торжественно, и, вместе с тем, немного грустно. Тогда же я познакомился с руководителем Рубцовского центра Вологды критиком и литературоведом Вячеславом Белковым. В этом старинном городе я был впервые, и Слава показывал мне Вологду, водил по местам, связанным с Николаем Рубцовым. Мы подолгу разговаривали с Вячеславом о творчестве поэта, о его жизненных нелёгких дорогах, а также о трагической судьбе всей семьи Рубцовых. Белков сказал мне тогда, что по-прежнему нет никаких сведений о местонахождении братьев Николая Рубцова, и напомнил, что старший брат поэта Альберт, по некоторым данным, бывал у нас в Тюменской области. Просил помочь в поисках и подарил мне свою книгу «Жизнь Рубцова», на последней странице которой было написано следующее послесловие:

«Давно ищу братьев замечательного русского поэта Николая Рубцова (1936–1971). Стихи и песни безвременно погибшего поэта известны сегодня всем – «Тихая моя родина», «В горнице моей светло», «Букет», «Улетели листья с тополей...». А вот о жизни Рубцова известно мало. Может, кто-то из читателей поможет мне разыскать родных братьев поэта. Вот некоторые сведения о них:

Рубцов Альберт Михайлович. Родился в 1932 году в Вологде. Жил и работал в Ленинградской области (Всеволожск, Приютино), затем в Воркуте (работал на шахте?), Донецке, Свердловске, Крыму... Мы не знаем даже главного – жив ли сейчас Альберт Михайлович.

Рубцов Борис Михайлович, младший брат. Родился 23 мая 1937 года в селе Емец Архангельской области. Жил в детдоме, в Вологде окончил вечернюю школу. Одно время жил и работал в Краснодарском крае (с. Успенское), родом из этих мест была его жена Валентина. На этом все сведения обрываются... А просьба одна – помогите найти!».

К сожалению, в 2006 году Вячеслав Белков ушёл из жизни. Я никогда не забывал о его просьбе. На поэтических вечерах, а также в газетных статьях обязательно рассказывал о братьях Николая Рубцова. Так пролетело почти три года после моей поездки в Вологду, прошлое отдалялось всё дальше и дальше, и казалось, что ничего уже о судьбах Бориса и Альберта мы не узнаем, и никого из них не найдём. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь

располагает. Подошёл юбилейный для поэта 2001-й год. Поэтические вечера в честь 65-летия Николая Рубцова проводились тогда на нескольких культурных площадках нашего города. Как-то раз после одного из таких мероприятий ко мне подошла журналистка Галина Владимировна Кондрякова (профессиональная память не подвела опытную журналистку!) и сказала, что её подруга говорила ей о каком-то Альберте Рубцове, проживающем в селе Горнослинкино Уватского района Тюменской области. Что будто бы тот играл на многих музыкальных инструментах, писал стихи, выступал в клубе и на свадьбах. Я, конечно, заинтересовался этим сообщением, так как не только имя и фамилия соответствовали старшему брату поэта, но и способности, и то, что он был по жизни «перекати полем». Я срочно, через председателя журналистской организации города Анатolia Прохоровича Зубарева направил запрос в Администрацию и милицию Уватского района. Вскоре пришёл официальный ответ: Да! Это был он – Рубцов Альберт Михайлович, старший брат поэта! Но, к большому сожалению, его уже не было в живых, он скончался в 1984 году и похоронен там же, в селе Горнослинкино. Я, зная, что у ленинградского писателя Н. Коняева уже на выходе книга о Николае Рубцове в серии ЖЗЛ, сразу же отправил ему копию полученного документа. И Н. Коняев успел его опубликовать. Потом послал это сообщения Лене – дочери Николая Рубцова, а она его уже передала жене Альberta – Валентине Алексеевне, а также его детям – Марине и Николаю, которые живут в городе Коммунаре под Санкт-Петербургом. Как мне рассказывала Лена, Валентина Алексеевна, прочитав официальную бумагу, заплакала, потом успокоилась и сказала: «Вот и, Слава Богу! Теперь на душе будет спокойнее. Я теперь знаю, что он похоронен по-человечески и знаю, где его могилка». Сейчас нет уже в живых и самой Валентины Алексеевны. С дочерью Николая Рубцова – Леной, с дочкой старшего брата поэта – Мариной, я поддерживаю дружеские отношения и сейчас.

Старая история

Какое-то время тому назад прояснился ещё один факт из биографии Николая Рубцова – отчисление поэта из Литературного института за «недостойное поведение в ЦДЛ и общежитии». Об этой истории в воспоминаниях современников написано немало, называются различные фамилии, якобы причастные к решению конфликта. Но вот о том, кто поставил последнюю точку в том

деле, нигде не сказано ни слова. И сам Николай Рубцов не знал об этом. Восполню этот пробел – вот что мне рассказал известный государственный политический деятель СССР и России, поэт Анатолий Иванович Лукьянов: «Где-то в конце 1964 года, в то время я был заместителем заведующего отделом Президиума Верховного Совета СССР, мне позвонил поэт Александр Яшин и попросил принять его по очень важному делу. В назначенное время Яшин пришёл не один, а с поэтессой Вероникой Тушновой. Суть их просьбы была такова: вологодского поэта Николая Рубцова исключили из Литературного института, и они с Тушновой просили меня посодействовать о его восстановлении. К этому времени я уже знал это имя и читал подборки его стихов в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Октябрь» и понимал, что Николай Рубцов – большой талант, что это настоящее явление в русской поэзии. Я позвонил в Литературный институт, представился, и поговорил о поэте с ректором (сейчас не помню его фамилию). Говорил, примерно, следующее: «Как вы не понимаете? Вы совершаете непростительную ошибку. Вы отчисляете из института, может, второго Есенина. Этого категорически нельзя допустить!» (Кстати, почти то же самое говорил В. Кожинов своему отцу, когда пригласил Рубцова в свой дом в новогоднюю ночь 1965 года). Меня вежливо выслушали и пообещали это дело уладить. Через какое-то время перезвонили и уведомили о том, что поэт восстановлен, только на заочное отделение. А для того, чтобы показать мне, я так понимаю, на какие уступки пошли руководители Литинститута, прислали даже копию строчек Николая Рубцова, которые «ходили» по институту, они сейчас известны всем. Я этот листок берегу по сей день.

*Возможно, я для вас в гробу мерцаю,
Но заявляю вам, в конце концов:
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.*

Николай Рубцов был восстановлен, а потом успешно закончил Литинститут».

От имени всех почитателей таланта Николая Рубцова благодарю Анатолия Ивановича Лукьянова, поэта и политика, и просто хорошего человека за участие в судьбе замечательного русского поэта.

Лу Вэнья,
Пекинский университет иностранных языков,
г. Пекин, Китай

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ НИКОЛАЯ РУБЦОВА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Николай Рубцов – один из самых талантливых русских поэтов во второй половине XX века. Он не только является выдающимся народным поэтом, но и пользуется мировой славой; его поэтическое творчество не только оказывает глубокое влияние на русскую поэзию, но и занимает влиятельное место в мировой поэзии. Можно ощутить всемирную влиятельность сквозь призму переводов его стихотворений на китайский язык. Теперь рассмотрим и обобщим историю переводов стихотворений Николая Рубцова на китайский язык.

Появляются стихотворения Н. Рубцова перед китайскими читателями, главным образом, в двух видах: они либо публикуются в литературных журналах, либо зачисляются в разнообразные сборники стихотворений. Впервые перевод стихотворений Н. Рубцова на китайский язык был напечатан в журнале «Иностранная литература» в 1981 году, спустя 10 лет после смерти поэта. Это текст «清晨» ([«Утро») и «白桦树» ([«Берёза»), автором перевода был специалист по иностранной литературе, профессор Нанкинского университета, – Ван Шоужэнь. Вместе с переводным текстом Н. Рубцова опубликовались и стихотворения Л. Мартынова, Г. Эмина, Ю. Друниной, Я. Смелякова и В. Солоухина. Все эти переводные стихотворения потом вошли в книгу «Избранные советские лирики», которую Ван Шоужэнь сам переводил и составлял.

В 1984 году переводчик Дин Лу опубликовал четыре стихотворения Н. Рубцова в журнале «Литература и искусство СССР» – «鹤» ([«Журавли»), «松涛» ([«Сосен шум»]), «九月» ([«Сентябрь»]), «河上荡漾着美妙的月光» ([«Чудный месяц плывет над рекою»]). Его перевод стал весьма классическим вариантом среди всех переводных текстов и часто цитировался в других работах.

«Литература и искусство СССР», которая теперь переименована в «Литературу и искусство России», является самым важным научным журналом о русской литературе в Китае. В 1987 году именно в этом журнале опытный переводчик Фэн Юйлюй опубликовал шесть переводных стихотворений Н. Рубцова –

«田野的星星» («Звезда полей»), «大雁» («Журавли»), «房里» («В горнице»), «离家途中» («По дороге из дома»), «我的家乡是多么宁静» («Тихая моя родина»), «松涛阵阵» («Сосен шум»). В его переводах слово «журавли» было ошибочно переведено на «дикие гуси»; но существовало и немало преимуществ, например, как в оригинале, в котором каждая строка состоит из семи слогов (в том числе трёх ударений), в переводе каждая строка состоит из шести иероглифов, что позволяет переводу весьма сблизиться с оригиналом по структуре. В том же выпуске Фэн Юйлюй составил статью под названием «Изливается заветная любовь тихо – о современном советском поэте Н. Рубцов», в которой автор изложил и оценил поэтическое творчество Н. Рубцова, ознакомил китайских читателей с этим талантливым русским поэтом и его великим поэтическим наследием. Он выяснил особенность его поэзии на примере своих переводных текстов, притом указал три достойных внимания фактора в формировании его творческого стиля – несчастная жизнь поэта, изменение деревни и конфликт «тихой лирики» с «громной лирикой».

В 1997 году в известном журнале по литературному переводу «Ильинъ» были напечатаны три лирики Н. Рубцова – «田野之星» («Звезда полей»), «故乡之夜» («Ночь на родине»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина»), автором был переводчик Ли Хуа. Это был уже относительно недавний вариант в истории переводов стихотворений Н. Рубцова на китайский язык, автор справлялся о различных предыдущих переводах и в результате сделал идеальный перевод – и точный, и изящный.

Особого упоминания заслуживает поэт молодого поколения Ли Хань, что родился в семидесятые годы. Он перевёл одно из немногих любовных стихотворений Н. Рубцова «Букет» в 1999 году и опубликовал его в Аомыньском журнале «Поэзия востока и запада» в 2013 году. Я недавно переписывалась с ним и он сказал мне, что, когда он жил в России, он купил календарь с короткими стихами, «Читал, читал, и полюбил, поэтому я попытался переводить их» – написал он. Ли Хань считается не столько учёным, сколько свободным поэтом. Он очень чуток к поэзии, можно сказать, его уровень перевода не ниже любых учёных предыдущего поколения.

Кроме вышеуказанных отдельных переводов, напечатанных в литературных журналах, стихотворения Н. Рубцова входят в поле зрения китайских читателей ещё в виде сборников стихотворений. Во многих из этих сборников мы читаем не только переводы его стихотворений, но и описание жизненного и творческого пути поэта. Ещё в 1981 году кафедра советской литературы Шанхайского

института иностранных языков составила книгу «Избранные современные советские стихотворения», в которую были включены четыре стихотворения Н. Рубцова – «惜别之歌» («Прощальная песня»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «田野上的星星» («Звезда полей»), «心灵保留着» («Душа хранит»), которые переводил Фэн Ижо.

Как упоминалось выше, в 1984 году выпустили в свет книгу профессора Ван Шоужэнь «Избранные советские лирики», в которую были подобраны десять стихотворений Н. Рубцова, в том числе «田野之星» («Звезда полей»), «故乡之夜» («Ночь на родине»), «清晨» («Утро»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «白桦树» («Берёза»), «冬天的歌» («Зимняя песня»), «界限» («Границы»), «离别之歌» («Прощальная песня»), «火车» («Поезд»), «枯叶飘去» («Улетели листья»). В данном сборнике количество его стихотворений превзошло любых других лириков, что демонстрирует особое внимание китайского учёного к Н. Рубцову и значительное место Н. Рубцова в истории советской лирики. Стоит отметить, что сам Ван Шоужэнь не знал русский язык, он переводил все эти стихотворения с помощью английского переводного текста, но его перевод был удивительно точным.

В 1985 году издательство «Собрание переводов Лицзян» выпустило универсальное собрание переводов, включающее в себя и поэзии, и прозы, и пьесы, и письма. В этой книге были собраны девять стихотворений Н. Рубцова, все они были переведены знаменитым переводчиком и исследователем русской поэзии Гу Юньпу. Это «我宁静的家乡» («Тихая моя родина»), «你好啊,俄罗斯...» («Привет, Россия»), «田野上空的星» («Звезда полей»), «绿色的花» («Зелёные цветы»), «离别吟» («Прощальная песня»), «松涛» («Сосен шум»), «一块冰冷死寂的石头» («Брал человек Холодный мертвый камень...»), «诗意» («Поэзия») и «美妙的月光在河上荡漾» («Чудный месяц плывет над рекою»). Его перевод отличается стройной формой и высокой поэтичностью, и между строк мы чувствуем классическую красоту, например, в «Тихой моей родине» он прибавил эпитет к «ивам» «рекой» и «соловьям», чтобы перевод становился более звучным.

После этого стихотворения Н. Рубцова непрерывно появлялись в нескольких собраниях. В список книги «Однокая роза – сборник современных иностранных лирик» (1986) были включены «渡口之夜» («Ночь на перевозе») и «无题» («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»), которые переводил Чжан Цаожэнь; в «Избранных материалах известных советских стихов» (1987) Сюй Сяньсюй выбирал и переводил «Доброго Филю» («善良的菲利亚»);

в «Международной поэтической трибуне (4-ый выпуск)» (1988) были помещены «我的宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «在堂屋里» («В горнице»), «面包» («Хлеб»), «我的靴子» («Сапоги мои – скрип да скрип»), «献给朋友» («Посвящение другу»), автором которых явился авторитетный русист и переводчик Гу Юй; в «Советских лириках» (1991) Тан Юйцян переводил «Журавли» («仙鹤»). Помимо этого в 1989 году знаменитый переводчик и критик Фэй Бай сочинил крупный «Словарь известных мировых поэзий» и зачислил туда два стихотворения Н. Рубцова – «别离曲» («Прощальная песня»), «故乡之夜» («Ночь на родине»). В 2008 году его ученик У Ди заново переводил «Ночь на родине» («故乡之夜») в своей монографии «Оценка поэзий XX века».

Для того, чтобы воспринять историю переводов стихотворений Н. Рубцова на китайский язык ясно и чётко, мы составляем таблицу этих переводов согласно хронологии издания.

Таблица 1

	Переводчик	Переводные стихотворения	Издание	Время
1	Фэн Ижо	«Прощальная песня» «Тихая моя родина» «Звезда полей» «Душа хранит»	«Избранные современные советские стихотворения»	1981
2	Ван Шоужэнь	«Звезда полей» «Ночь на родине» «Утро» «Тихая моя родина» «Берёза» «Зимняя песня» «Границы» «Прощальная песня» «Поезд» «Улетели листья»	«Избранные советские лирики»	1984
3	Дин Лу	«Журавли» «Сосен шум» «Сентябрь» «Чудный месяц плывет над рекою»	«Литература и искусство СССР»	1984
4	Гу Юньпу	«Тихая моя родина» «Привет, Россия» «Звезда полей» «Зелёные цветы» «Прощальная песня» «Сосен шум» «Брал человек Холодный мертвый камень...» «Поэзия» «Чудный месяц плывет над рекою»	«Закрытая канава»	1985

	Переводчик	Переводные стихотворения	Издание	Время
5	Чжан Цаожэнь	«Ночь на перевозе» «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»	«Однокая роза – сборник современных иностранных лирик»	1986
6	Фэн Юйлюй	«Звезда полей» «Журавли» «В горнице» «По дороге из дома» «Тихая моя родина» «Сосен шум»	«Литература и искусство СССР»	1987
7	Сюй Сяньсюй	«Добрый Филя»	«Избранные материалы известных советских стихов»	1987
8	Гу Юй	«Тихая моя родина» «В горнице» «Хлеб» «Сапоги мои – скрип да скрип» «Посвящение другу»	«Международная поэтическая трибуна (4-ый выпуск)»	1988
9	Фэй Бай	«Ночь на родине» «Прощальная песня»	«Словарь поэзий XX века»	1989
10	Тан Юйцян	«Журавли»	«Советские лирики»	1991
11	Ли Хуа	«Звезда полей» «Ночь на родине» «Тихая моя родина»	«Илинь»	1997
12	У Ди	«Ночь на родине»	«Оценка поэзий XX века»	2008
13	Ли Хань	«Букет»	«Поэзия востока и запада»	2013

Обзор таблицы показывает, что всего тринадцать китайских переводчиков переводили двадцать восемь стихотворений Николая Рубцова. Среди них восемь стихотворений имеют не меньше двух вариантов перевода. Количество переводов «Тихой моей

родины» поразительно достигает шести вариантов, кроме того, пять учёных переводили стихотворение «Звезда полей», четыре – «Прощальная песня» и «Ночь на родине», три – «Журавли» и «Сосен шум». Это, несомненно, свидетельствует о том, что достоинство этих стихов было широко признано. В целом следует сказать, что все эти двадцать восемь стихотворений являются классическими произведениями в истории русской поэзии.

Что касается качества перевода, то большинство из этих переводчиков представляют собой авторитетных мастеров в области перевода русской поэзии, и у каждого есть своеобразный стиль. Мы возьмем, к примеру, стихотворение «Тихая моя родина» и почувствуем оттенки в стилях: особенность пера Гу Юньпу заключается в стройности, Ван Шоужэн – в эмоциональности, Фэн Юйлюй – вдержанности, Гу Юй – в вольности, Ли Хуа – в простоте, Фэн Ижо – в лиричности, и т.д. Эти переводчики взвешивали каждое слово и, опираясь на добросовестное отношение и высокое мастерство, вносили огромный вклад в перевод поэзии Н. Рубцова.

Как мы заметили, большинство из этих переведенных стихотворений были опубликованы в восьмидесятые и девяностые годы прошлого века. Советские лирики, такие, как Есенин и Рубцов, оказывают глубокое воздействие на литературный стиль и вкус русистов старого поколения. Однако, к сожалению, в последние годы перевод поэзии Н. Рубцова недостаточен. Кроме того, множество классических произведений, таких, как «Русский огонёк», «Видения на холме», «Я умру в крещенские морозы» ещё не доступны китайским читателям. Тем более, по сравнению с другими замечательными русскими поэтами XX века, такими, как Блок, Брюсов, Ахматова, Маяковский, Есенин и т.д., до сих пор не вышел в свет ни один специальный сборник переводов Н. Рубцова в Китае. Нам предстоит пройти еще долгий путь в этой области.

Использованная литература

1. Гу Юньпу. Тихая моя родина (перевод) // Закрытая канава. Гуанси: издательство «Собрание переводов Лицзян», 1985. С. 416–417.
2. Фэн Юйлюй. Изливается заветная любовь тихо – о современном советском поэте Н. Рубцове // Литература и искусство СССР, 1987 № 4. С. 99–101.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ В КИТАЕ

Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) – выдающийся русский поэт второй половины XX века, ведущий представитель «тихой лирики» в поэзии советского периода. За всю свою жизнь он создал более 400 лирических стихотворений (в том числе одну поэму), издал шесть сборников стихов. Среди них количество стихотворений, переведённых на китайский язык и опубликованных в журналах или сборниках, не более тридцати. Стихи Рубцова переводили известные переводчики и учёные: Гу Юньпу, Фэй Бай, Гу Юй, Ван Шоужэнь, Фэн Ижо, Дин Лу, Чжан Цаожэнь, Фэн Юйлюй, Сюй Сяньсюй, Тан Юйцян, Ли Хуа, У Ди, Ли Хань. Многие важные произведения Рубцова уже переведены на китайский язык, а некоторые из них имеют более одного варианта перевода.

Что касается исследования поэзии Рубцова в Китае, надо сказать, что этот процесс начался ещё в начале 80-х годов. Обзор творчества поэта можно читать в большинстве учебников по истории русской литературы для китайских студентов-русистов. Кроме этого, существуют несколько статей, диссертаций и монографий, в которых подробно и оригинально исследуется художественный мир Николая Рубцова.

К настоящему времени в Китае появилось всего три магистерские диссертации на тему поэзии Н. Рубцова.

В 2005 году Е Линлин (Шанхайский университет иностранных языков) защитила магистерскую диссертацию «О лирике Николая Рубцова», в которой в основном изложены главные темы и художественные особенности поэзии Рубцова. Автор полагает, что самые главные темы в творчестве Рубцова – это «город и деревня», «Родина и дорога», «Время и память»; а художественные особенности его поэзии проявляются главным образом в трех аспектах: разговорность, музыкальность и народность.

В 2015 году Чжан Юйвэй (Цзилиньский университет) в своей магистерской диссертации «Исследование концепта “Тишина” в лирике Рубцова» рассматривает этот концепт в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах. В лингвокогнитивном аспекте автор рассматривает вербализацию концепта «Тишина» в лирике Н. Рубцова, обобщает его ядро, формирующееся в основном посредством однокоренного ряда слов, приядерные зоны, связанные семантически с ядром через ближайший контекст и словарные объяснения, периферийные зоны, имеющие субъективно-лирическую тональность. В лингвокультурном аспекте автор анализ-

зирует концепты, соотнесенные с «Тишиной» в стихотворениях Рубцова, как Смерть, Дорога-путь, Природа, Родина-деревня и т.д. и приходит к выводу, что «Тишина» – это душевное стремление поэта.¹⁸⁴

В том же году Ма Сяо (Пекинский педагогический университет) выполнила магистерскую диссертацию «Исследование темы родины в поэзии Н. Рубцова». Автор сначала обобщает главные образы рубцовской поэзии, связанные с родиной, основываясь на жизненный путь поэта, затем толкует образ его родины в географическом, культурном и духовном смыслах и анализирует процесс написания темы родины поэта на разных этапах жизни. В конце диссертации автор всматривается в социальные противоречия, спрятанные за темой родины, на историческом фоне и исследует проблемы формирования идентичности и самоидентификации.

В Китае опубликованы две авторитетные статьи о Николае Рубцове: в 1984 году – «Изливается заветная любовь тихо – о современном советском поэте Николае Рубцове» автора Фэн Юйлюй в журнале «Литература и искусство СССР»; в 2008 году – «Стремление к тишине после “громкой лирики” – впечатление от чтения стихотворений “Ночь на родине” и “Прощальная песня” Николая Рубцова» исследователя-руссиста У Ди.

В своей статье Фэн Юйлюй кратко описывает творческий путь Рубцова и указывает три главных фактора в процессе формирования стиля поэзии Рубцова. Во-первых, из-за страданий войны он особенно дорожит мирной жизнью. Поскольку он потерял своих родителей в детстве, он особенно жаждет золотого детства. Каждая травинка и каждое дерево, даже каждый мелкий звук в ушах может вызвать тонкое чувство и глубокие раздумья поэта. Однако он выражает не только свои личные чувства, душа поэта тесно связано с душами каждого обычного советского человека. Во-вторых, в конце 50-х годов бурно развивалась советская научно-техническая революция. Много молодых людей пошли в город из деревни, в итоге население сельских районов резко упало. Они покинули деревню, но не могли оторваться от деревни духом, поэтому у них оживало чувство одиночества. Отражение этой тенденции можно найти в «деревенской прозе», представителями которой являются Белов, Шукшин, Распутин и другие. А поэзия «тихой лирики», в которой в основном раскрываются темы ро-

¹⁸⁴ Чжан Юйвэй. Исследование концепта «Тишина» в лирике Рубцова. Магистерская диссертация.- Цзилинь. 2015. С. 4-5.

дины и деревенской жизни, имеют общие корни с «деревенской прозой». В-третьих, Рубцов начинал писать стихи в противовес «громкой лирике». Наряду с этим Фэн Юйлюй также упоминает, что Рубцов очень любит создавать образы с помощью звуков природы, но, чтобы лучше показывать внутренний мир, поэт часто подавляет звук внешнего мира, даже «затыкает уши». Помимо этого, Рубцов также любит изобразить свет природы.¹⁸⁵

В своей статье У Ди с помощью метода внимательного прочтения дает тщательный и глубокий анализ стихотворений Рубцова «Ночь на родине» и «Прощальная песня», в особенности отмечая «тихий» и «печальный» стиль его поэзии.

Помимо этих статей известный учёный Гу Юньпу в своей монографии «Найти красоту в стране поэзии: исследование искусства русской поэзии» (2004 г.) подробно рассматривает художественные особенности «тихой лирики» в лице Николая Рубцова в контексте истории развития русской поэзии. Автор сначала с тщательностью излагает творческое окружение Рубцова и «тихой лирики», т.е. тенденцию развития русской поэзии в 50–60 годы XX века, обобщает основные черты русской поэзии того времени. Гу Юньпу разделяет русскую поэзию второй половины XX века на три ветви: «умная лирика» в лице Н. Заболоцкого, «громкая лирика» в лице Е. Евтушенко и «тихая лирика» в лице Н. Рубцова, затем на примере строф из «Тихой моей родины» указывает отличие «тихой лирики» от предыдущих направлений: для «умной лирики» характерен глубокий смысл, для «громкой лирики» – идея и стремление, а для «тихой лирики» – искреннее чувство. Он также считает, что направление «тихой лирики» появляется в результате трёх новых эстетических требований – требования очищения природы, души и поэзии. В конце автор отмечает недостаток творчества поэтов «тихой лирики» – их ограниченность в ёмкости и широте, в то же время утверждая их поэтические достижения.

В 2017 году мною защищена диссертация на тему «Исследование поэзии Николая Рубцова: традиция и новаторство», которая является первой докторской диссертацией в Китае, посвященной поэзии Николая Рубцова. В диссертации систематически рассматривается творчество Н. Рубцова с позиции развития классической традиции с элементами новаторства, исследуется поэтическая ценность его произведений на эстетическом и нравственном

¹⁸⁵ Фэн Юйлюй. Изливается заветная любовь тихо – о современном советском поэте Николае Рубцове. // Литература и искусство СССР. 1987. № 4. С. 99–103.

уровнях, анализируется литературный, культурный и исторический контекст поэзии Н. Рубцова, раскрывается его поэтическая личность. В некоторой степени работа заполняет пробелы в относящихся к теме Рубцова исследованиях в Китае.

Диссертация состоит из трёх частей: в первой главе исследуются главные литературные и культурные традиции, которые оказали существенное влияние на развитие творчества Н. Рубцова: русские поэтические традиции Золотого и Серебряного веков, русский фольклор и народная песня, русская православная духовная традиция; анализируются причины восприятия Рубцовым разнообразных литературных и культурных традиций, подробно рассматриваются влияния разных традиций на его творчество. Во второй главе исследуются вопросы художественного новаторства Рубцова на основе продолжения традиции, а также эстетические устремления поэта. Данная глава состоит из трёх частей – новаторство в стиле, музыкальности и образной системе. На уровне музыкальности мною исследовано новаторство поэзии Н. Рубцова, выраженное в звуке и ритме; на уровне образной системы дан анализ новаторства поэзии Рубцова в звуковых и световых образах, особое внимание удалено образу «тихой родины»; на уровне стиля исследуются элегичность и «светлая грусть» поэзии Рубцова. В третьей главе раскрывается тема новаторства поэта, а также личность Рубцова в духовно-нравственном аспекте. Представлена общая поэтическая атмосфера, в которой жил и творил Рубцов. Анализируются различные литературные течения и направления, оказавшие огромное влияние на творчество Рубцова, особое внимание удалено противостоянию и слиянию «тихой лирики» и «громкой лирики», а также феномену «деревенской прозы». Подчёркивается индивидуальность стиля Рубцова как тонкого и глубокого лирика, что позволило поэту стать ярким выразителем души своего народа и Родины большой и малой.

Кроме этого, мною сделан перевод на китайский язык ряда рубцовских стихотворений, ранее не переведившихся; к ним относятся «Русский огонёк», «Видения на холме», «Старая дорога», «Шумит Катунь» и т. д.

Надеюсь, что в будущем все большее и большее число китайских русистов примет активное участие в исследованиях поэзии Николая Рубцова и переводах его стихотворений на китайский язык.

Литература

1. Лу Вэнья. Поэзия Николая Рубцова в Китае. // Вестник Московского городского педагогического университета. 2016. № 2. С. 103–104.
2. Фэн Юйлюй. Изливается заветная любовь тихо – о современном советском поэте Николае Рубцове. //Литература и искусство СССР. 1987. № 4. С. 99–103.
3. Чжан Юйвэй. Исследование концепта «Тишина» в лирике Рубцова. Магистерская диссертация.– Цзилинь. 2015. С. 4–5.

*Мартюкова Галина Алексеевна,
обособленное подразделение «Дом-музей Н. М. Рубцова»
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
с. Никольское Тотемского района*

МЕМОРИАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА В ФОНДАХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Первые материалы о жизни и творчестве поэта Николая Рубцова были собраны в Тотемской средней школе № 1 и краеведческом музее Тотьмы еще в семидесятые годы прошлого столетия. После открытия Мемориального музея Николая Рубцова в селе Никольском в 1990 году комплектование музейных фондов по данной теме было продолжено и активизировано.

В настоящее время фонд Н. М. Рубцова в ТМО насчитывает более 4000 единиц хранения. Это книги, газетные публикации, личные вещи поэта и членов его семьи, фотографии, документы, предметы изобразительного искусства. В архиве хранятся первые публикации Николая Рубцова в коллективных сборниках и в периодической печати, прижизненные книги и многое другое. Большой и интересный материал собран о детдомовском периоде жизни поэта: фотографии, выписки из Книги приказов, воспоминания. В музейном фонде также хранятся письма, документы, личные вещи его гражданской жены- Генриетты Михайловны Шамаховой (Меньшиковой), а также материалы из личных архивов Надежды Михайловны Щербининой, двоюродной сестры поэта и брата Николая Рубцова по отцу – Александра Михайловича Рубцова. Все вместе это собрание составляет мемориальную коллекцию поэта Николая Рубцова.

Мемориальная коллекция – это коллекция, предметы которой связаны с выдающимся лицом или историческим событием. *Memoria* в переводе с латинского – память, способность вспоминать. В более узком формате – это предметы, которые принадлежали выдающемуся человеку или членам его семьи. Сегодня хочется рассказать о мемориальной коллекции Н. М. Рубцова в более узком формате, а именно – о подлинных предметах, которые принадлежали самому Рубцову либо которыми когда-либо пользовался известный поэт. Данная коллекция в собрании ТМО немногочисленна, всего чуть более тридцати единиц хранения, тем ценнее каждый ее предмет.

Восемь единиц хранения относятся к флотскому периоду жизни Николая Рубцова. Это, прежде всего, учетная карточка члена ВЛКСМ на имя Рубцова Николая Михайловича¹⁸⁶, которая составлена политотделомвойской части номер 20546 10 октября 1956 года. Как мы знаем, Николай Рубцов был призван на флот осенью 1955 года. Следовательно, карточка составлена через год после поступления его на службу. Документ поступил от Забродиной Валентины Васильевны из Адыгеи. По словам Валентины Васильевны, карточку она получила от Генриетты Михайловны Шамаховой еще в семидесятые годы для проведения вечера памяти Николая Рубцова в Никольской библиотеке, где она в то время работала. После вечера карточка хранилась в библиотеке, а позднее находилась в личном архиве семьи Забродиных.

Другой подлинный документ, относящийся к флотскому периоду жизни, это удостоверение, данное матросу Рубцову Николаю Михайловичу в том, что он награжден значком Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» первой ступени¹⁸⁷. Основание выдачи документа – приказ командира войсковой части 62 656 от 20 апреля 1958 года. «Готов к труду и обороне» – программа физического воспитания молодежи, которая была создана в 1931 году и просуществовала до 1991 года. Для получения первой ступени нужно было сдать зачеты по 21 виду упражнений.

Еще одно удостоверение «Классного специалиста Военно-Морского флота»¹⁸⁸, подтверждает, что предъявитель сего матрос

---

¹⁸⁶ ТМО 38532 Учетная карточка члена ВЛКСМ на имя Н. М. Рубцова.

¹⁸⁷ ТМО 27836 – Удостоверение матроса Н. М. Рубцова «Готов к труду и обороне».

¹⁸⁸ ТМО 27835 – Удостоверение матроса Н. М. Рубцова «Классного специалиста Военно-Морского флота».

Рубцов Н. М. действительно является классным дальномерщиком Военно-Морского флота. На второй страничке удостоверения значится, что 5 февраля 1958 года Рубцову присвоена квалификация 2 класса.

Следующий документ, относящийся к данному периоду жизни поэта, это письмо из газеты «Комсомолец Заполярья» органа Мурманского обкома ВЛКСМ от 26 декабря 1958 года¹⁸⁹. Приведем несколько строк из этого письма:

«Уважаемый тов. Рубцов!»

Во многих ваших стихах есть чувство, искренность, поиски своего слова в поэзии. Такие стихи мы с радостью печатаем. Но есть и другие, в которых трудно отыскать главную мысль в вороне цветастых фраз, надуманных образов...» Далее идет разбор двух стихотворений «На рейде» и «Утро на море».

Не со всеми выводами рецензента сейчас можно согласиться. Но тогда это были стихи начинающего автора и иногда предвзятый взгляд на его творчество. Интересно, что все эти документы и письма Николай Рубцов хранил долгие годы. Значит, они были важны для него. А ведь и хранить-то было достаточно сложно, так как долгие годы он не имел своего угла, и все его имущество помещалось в одном чемодане. Но, тем не менее, дошли до наших дней многие письма, написанные Николаю Рубцову в разные периоды его жизни, фотографии его близких и знакомых. Все это было обнаружено после трагической гибели поэта в последнем его жилище в квартире на улице Яшина в Вологде. Эти материалы в настоящее время находятся на хранении в ГАВО.

А мы продолжаем знакомить вас с подлинниками, находящимися в собрании ТМО. Следующее письмо, на сей раз из редакции газеты «Советский флот», датируется 10 марта 1960 года, периодом жизни Николая Рубцова в городе Ленинграде¹⁹⁰. Адрес, который указан в начале письма: улица Севастопольская, дом 5, квартира 16. Так как письмо коротенько, приведем его полностью: «Уважаемый тов. Рубцов! Из письма Вашего товарища (фамилия не разборчиво) узнали, что Вы не получили гонорар за стихотворение «Счастье», опубликованное в газете 25 октября 1959 года. Деньги будут высланы в ближайшее время по Вашему новому адресу. Редактор отдела литературы подполковник: Н. Шиманов».

¹⁸⁹ ТМО 27837 Ответ редакции газеты «Комсомолец Заполярья».

¹⁹⁰ ТМО 27833 Письмо редакции «Советский флот».

★
С С С Р
РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
СОВЕТСКИЙ ФЛОТ

Орган
Министерства Обороны
Союза ССР

10. Мая 1960.
№ 2545
Москва, В. Масленка, 73

г. Ленинград-99
ул. Севастопольская, 5, кв. 16
Рубцову И.

Уважаемый тов. Рубцов!

Из письма Вашего товарища В. ~~Бушнина~~ узнали, что Вы не получили гонорар за стихотворение "Счастье", опубликованное в газете 25 октября 1959 г. Деньги будут высланы в ближайшие дни по Вашему новому адресу.

Редактор отдела
литературы
подполковник

Н. Шиманов
Н. ШИМАНОВ

иа

Зак. 4696

Впоследствии это письмо Николай Рубцов использовал как черновик. На обратной стороне письма две записи. Возможно, это начало стихотворения, а может быть, какой-то экспромт:

*Пишу щутя
стихи пустые
Финтикуль-
мяпистые*

А на другой стороне листа сделана запись рукой Николая Рубцова «ВКЛ. радио». Видимо, таким образом поэт делал себе напоминание, чтобы прослушать какую-то заинтересовавшую его передачу. Эти материалы переданы в фонды Тотемского краеведческого музея дочерью поэта Еленой Николаевной Рубцовой в июле 1978 года.

К флотскому периоду жизни поэта относятся и три вырезанные из газет заметки, переданные Генриеттой Михайловной Шамаховой уже после открытия Мемориального дома-музея Николая Рубцова в Никольском. Заметки, по ее словам, хранились в чемодане Николая Рубцова, который она привезла из Вологды.

Первая заметка называется «У флотских поэтов и прозаиков» с фотографией, на которой изображена группа матросов, в том числе и Николай Рубцов¹⁹¹. Статья сохранилась не полностью: нет окончания и подписи автора, как нет отметки, что это за газета и какого числа она вышла. Но благодаря статье Н. Т. Ефремова, опубликованной в журнале «Площадь первоучителей» за номером 16 от 2006 года, под заголовком «История одной фотографии» мы можем узнать, что это вырезка из газеты «На страже Заполярья» от 1 сентября 1959 года. В заметке говорится о встрече членов литературного объединения газеты «На страже Заполярья» с ленинградскими писателями Николаем Петровичем Вагнером и Зериком Яковлевичем Штейнманом.

Об этой литературной встрече есть воспоминания друга Николая Рубцова по флоту – Валентина Сафонова. По его словам, встреча проходила в Доме офицеров 30 августа 1959 года. Было две секции: поэзии и прозы. По мнению Сафонова, на поэтической секции разговор шел преимущественно о стихах Рубцова¹⁹². Еще одна заметка как раз посвящена Валентину Сафонову, называется она «В добрый путь, Валентин Сафонов»¹⁹³. Под заголовком «В добрый путь...» выходили первые публикации поэтов-североморцев в газете «На страже Заполярья». Известно, что и у Николая Рубцова 23 марта 1958 года тоже вышла подборка стихов в данной рубрике. Третья заметка: «В добрый путь, Юрий Якунин»¹⁹⁴. Юрий Якунин – сослуживец Николая Рубцова. По-видимому эти люди были близки Рубцову, раз он хранил первые их публикации в своих личных вещах.

Следующие мемориальные предметы относятся уже к ленинградскому периоду жизни Николая Рубцова. В 1996 году в фонды музея поступила пластмассовая авторучка, которой пользовался Рубцов при подготовке к изданию книги «Волны и скалы». Авторучку передал издатель первой книги поэта Борис Иванович Тайгин. Привез в Никольское сей ценнейший предмет музеяного значения большой друг музея Алексей Васильевич Антуфьев.

В 2013 году краевед из города Дзержинска Першин Станислав Алексеевич передал в музейный фонд оригинал-макет данного сборника с сопроводительным письмом такого содержания:

¹⁹¹ ТМО н. в. 9443 Вырезка из газеты «На страже Заполярья».

¹⁹² ТМО б. 10756 Валентин Сафонов «Поэт и босоножка» Рязань. 2004 год.

¹⁹³ ТМО н. в. 10721 Вырезка из газеты «На страже Заполярья».

¹⁹⁴ ТМО н. в. 8417 Вырезка из газеты «На страже Заполярья».

«Настоящий рабочий оригинал-макет, подготовленный Борисом Ивановичем Тайгиным, совместно с Н. М. Рубцовым в июне-июле 1962 года в Ленинграде в комнате Бориса Ивановича Тайгина, с которого напечатаны шесть экземпляров «Волны и скалы» первой книги Николая Рубцова. Подарен мне Борисом Ивановичем летом 2005 года. Алексей Васильевич Антуфьев вспоминает свое первое посещение Б. И. Тайгина в его квартире: «...Когда зашла речь о музее в селе Никольском, Борис Иванович, не задумываясь, сказал: «Вот для мемориального музея Коли подарю любой документ, связанный с его творчеством, только там, на его родине, должна быть лучшая экспозиция».

Испытывая глубочайшее почтение к Борису Ивановичу и полное согласие с его мыслю-завещанием, передаю сей бесценный документ в Дом-музей Николая Рубцова в селе Никольском. Станислав Першин».

Станислав Алексеевич при передаче данных материалов поставил условие, чтобы в экспозиции музея была отдельная витрина, посвященная книге «Волны и скалы». В 2016 году это условие благодаря финансовой помощи В. Е. Позгалёва было выполнено, и сейчас у посетителей музея есть возможность познакомиться с этими уникальными музеиными экспонатами

В 2017 году С. А. Першин прислал в музей газету «Кировец» от 11 мая 1962 года, в которой были завернуты стихи Н. М. Рубцова, отобранные для публикации автором. Газета, которая сохранилась частично, также из архива Б. И. Тайгина, передана с его со-проводительной запиской. И это лишь часть материалов, которые поступили в музей Рубцова от С. А. Першина, за что ему большое спасибо.

Следующий предмет музейного значения относится к московскому периоду жизни Николая Рубцова. Это еще одна уникальна книга – сборник стихотворений Ф. И. Тютчева. 1899 года¹⁹⁵. Книгу подарили музею во время праздничных мероприятий, посвященных 60-летию поэта, которые проходили в Никольском в 1996 году, известный писатель Станислав Юрьевич Куняев. Книга с дарственной надписью Станислава Куняева Николаю Рубцову такого содержания: «Дорогому Коле от Гали и Стасика. 6 мая 1964 года». Вот что пишет об этой книге сам Станислав Юрьевич: «Как-то Рубцов уезжал из моего дома в ночь, и мне захотелось принести ему какую-нибудь маленькую радость. Я подарил ему книжку, будучи уверен, что Рубцов с его безытностью в скромом времени обязатель-

¹⁹⁵ ТМО 35767 – Ф. И. Тютчев «Стихотворения». 1899 год. Москва.

но потеряют ее. Но друзья из Вологды рассказали, что книга всегда была с ним в последние годы, а после смерти ее нашли в его скучной библиотеке. Кроме книги Станислав Юрьевич передал музею автограф стихотворения Николая Рубцова «Ночь на родине»¹⁹⁶, на обратной стороне листа которого написал следующее: *«Музею Николая Рубцова от Станислава Куняева. Стихи посланы осенью 1964 года из Никольского».* Во время праздничных мероприятий в Николе также были переданы в музей наручные часы Николая Рубцова. Это дар сестры поэта Галины Михайловны Шведовой. Привезла часы из Череповца Вера Владимировна Попова.

В 1978 году дочерью поэта Еленой Николаевной Рубцовой кроме документов, относящихся к флотскому периоду жизни поэта, была передана открытка Лене Меньшиковой от отца. Открытка такого содержания: *«Лена! Поздравляю с днем рождения, желаю тебе вырасти хорошей и счастливой»*¹⁹⁷. Открытка 1967 года, без почтового штемпеля. Вместе с открыткой поступила и книжка Василия Белова «Катюшин дождик»¹⁹⁸. На второй странице книги два автографа: Белова и Рубцова. Василий Белов написал следующее: *«Лене из деревни Николы Белов. 7 апреля 1970 года»*. Запись, сделанная Рубцовым, гласит: *«Лена! Поздравляю с твоим семилетием. Желаю счастья! Рубцов»*. День рождения у Лены Рубцовой (Меньшиковой) – 20 апреля. Все эти подарки говорят о том, что Николай Рубцов заботился о своей дочери и старался сделать ей что-то приятное. По воспоминаниям никольчан, он также привозил в Николу игрушки, фрукты, покупал дочери одежду.

Известно, что в селе Никольском Николай Рубцов пережил свою «болдинскую осень», когда за два месяца им было написано более пятидесяти стихотворений. Случилось это в летние месяцы 1964 года. В это время он проживал вместе с Генриеттой, ее мамой и дочерью в старом доме на улице Дмитриевской. В 2014 году в музей поступил шкаф «горка» из этого дома. По словам Генриетты Михайловны, шкаф в 1965 году переехал вместе с ее семьей в квартиру под сельсоветом, куда также приезжал Николай Рубцов.

К никольскому периоду относится еще один музейный предмет, который в настоящее время экспонируется в одной из музеиных витрин. Это гармонь, на которой играл Николай Рубцов, приезжая в Николу. Музикальный инструмент бытовал в доме

¹⁹⁶ ТМО 38531 – Автограф стихотворения Н. М. Рубцова «Ночь на родине».

¹⁹⁷ ТМО 27834 Открытка Лене Меньшиковой от отца.

¹⁹⁸ ТМО н. в. 10719 В. И. Белов «Катюшин дождик». Воронеж. 1969 год.

*Гармонь, авторучка и сборник стихов Ф. И. Тютчева –
вещи, которыми пользовался Николай Рубцов.
Витрина мемориального музея в селе Никольском*

сельского фельдшера Чудинова Василия Алексеевича. В Никольском у Рубцова своей гармошки не было, поэтому он брал поиграть у Чудиновых. В 1997 г. музей выкупил гармонь у сына Василия Алексеевича – Максима Васильевича. В одной витрине с гармонью экспонируется и шарф Николая Рубцова, который передала сестра Генриетты Михайловны Шамаховой – Тамара Ивановна Солдатова из поселка Советский. Рубцов общался с родственниками гражданской жены, неоднократно бывал у Солдатовых в гостях. По словам Тамары Ивановны, шарф Генриетта Михайловна передала Солдатовым после смерти Николая Рубцова на память о поэте.

В 2010 году в музее была открыта так называемая «мемориальная комната Рубцова». В этой комнате экспонируется подлинная мебель из вологодской квартиры поэта. Это: кровать, письменный стол, кресло, кухонный стол, дорожка. Эта мебель приобреталась Николаем Рубцовым для квартиры на улице Яшина, которую он получил в январе 1969 года. О том, как покупал Николай Рубцов

Мемориальная комната в Никольском музее поэта

домашнюю утварь, хорошо описал в книге «Затеси» Виктор Петрович Астафьев, который вместе с Рубцовым однажды ходил по магазинам. Вот что он пишет: «Помирать буду, но не забуду я этот день. Коля, как малое дитя, радостно, порой восторженно смеялся, перебирал ногами, потирал руки и все удивлялся, как много всего современному человеку надоально для нормальной жизни». С Виктором Астафьевым Николай Рубцов приобрёл постельное белье, матрац, подушку, кастрюли, штору. «Хотелось мне купить ковровую дорожку в тон шторе, — пишет Виктор Петрович, — но найти не смогли и купили домотканый половик болотного цвета...».¹⁹⁹

Этот половик-дорожка, а также кресло из квартиры Николая Рубцова долгие годы находились в доме Нинель Александровны Стариковской, близкой подруги поэта, которая впоследствии создала в своей квартире частный музей Рубцова. После смерти Нинель Александровны кресло, дорожка и настенные часы поэта поступили благодаря усилиям Елены Николаевны Рубцовой в Никольский

¹⁹⁹ Фонд музея Н. М. Рубцова. В. П. Астафьев «Затеси» (машинопись).

музей. Кровать и письменный стол передала в фонды музея еще в 1990 году Генриетта Михайловна Шамахова. Эту часть мебели она привезла в Николу в 1971 году. Письменный стол, за которым в последние годы работал поэт, был ею перекрашен в голубой цвет. За этим же столом готовила школьные уроки дочь Николая Рубцова Лена.

В 2010 году музеем был также приобретен кухонный стол из вологодской квартиры поэта. В мемориальной комнате представлено и пальто Николая Рубцова, которое поступило в музейные фонды в 1978 году от Г.М. Шамаховой. Посетив мемориальную комнату, посетитель музея может представить, какая обстановка окружала Николая Рубцова в последние годы его жизни.

В 1997 году в фонды музея поступили три прижизненные книги Николая Рубцова. Дар сделал близкий друг поэта вологодский писатель Виктор Вениаминович Коротаев. Одна из книг «Лирика» (Северо-Западное книжное издательство, 1965 год)²⁰⁰ с дарственной надписью Николая Рубцова известному писателю Александру Яшину: «Дорогому Александру Яковлевичу с пожеланием долгих лет жизни и долгих лет чудесного творчества от автора. Москва. 13.02.66 год». В книге есть несколько исправлений, сделанных рукой Николая Рубцова. Например, слово «прохожий» в стихотворении «Родная деревня» исправлено на «проезжий». Скорее всего эта книга по каким-то причинам не была подарена А. Я. Яшину, а была обнаружена среди личных вещей Николая Рубцова. Известно, что В. В. Коротаев был одним из тех, кто занимался разбором архива Николая Рубцова перед передачей в ГАВО. Вторая книга тоже из архива поэта. Это книга «Душа хранит» (1969 год, Северо-Западное кн. издательство)²⁰¹ с дарственной надписью: «Николаю Михайловичу Рубцову. Новогодний подарок от издателей. 24 декабря 1969 года. Две подписи». Очевидно, таким образом издатели сборника поздравили Рубцова с выходом его новой книги. Сборник «Душа хранит» был подписан к печати 3 декабря 1969 года. Третья книга «Звезда полей» (1967 год, Московское из-во Советский писатель?)²⁰² с дарственной надписью Виктору Коротаеву от Рубцова: «Вите, Виктору Коротаеву с пожеланием бессмертия. С любовью Н. Рубцов. 29 апреля 1967 год». Эта книга – уже из личной библиотеки В. В. Коротаева.

²⁰⁰ ТМО б. 8544 Н. М. Рубцов «Лирика» 1965 год. Северо-Западное кн. из.

²⁰¹ ТМО б. 8543 Н. М. Рубцов «Душа хранит». 1969 год. Северо-Западное кн. из.

²⁰² ТМО б. 8542 Н. М. Рубцов «Звезда полей». 1967 год. Москва.

Еще одна книга из личного архива Рубцова «Четыре времена жизни» за авторством Виктора Парфентьева была передана Еленой Николаевной Рубцовой в 2001 году. Книга с дарственной надписью автора книги Николаю Рубцову: «Дорогому Коле Рубцову – отличному русскому поэту, с пожеланием счастья. 28 (месяц неразборчиво) 1965 год. Подпись автора». Виктор Парфеньев – автор нескольких поэтических сборников, переводчик стихов писателей союзных республик на русский язык.

В 2014 году Валентина Николаевна Громова (Белякова) из Краснодара подарила музею книгу Николая Рубцова «Звезда полей» с дарственной надписью такого содержания: «Вале Беляковой на добрую память, с особой нежностью. Рубцов. 6 сентября 1967 года». По словам Валентины Николаевны, книга была подарена ей автором в Вологде на вечере поэзии в городском ДК. Познакомил ее с Рубцовым в середине шестидесятых годов Владимир Аносов, с которым она в то время встречалась. Как вспоминает Валентина Николаевна, однажды Аносов и Рубцов приезжали к ней в гости в поселок Первомайский, где она гостила у родственников. Приехали они из Николы на велосипедах.

В 2002 году Наира Вартановна Переслегина передала в фонды ТМО автографы стихотворений Николая Рубцова, которые хранились в личном архиве Юрия Петровича Рыболовова: «Дорожная элегия»²⁰³, «Оттепель»²⁰⁴, «За тост хороший»²⁰⁵, «Наступление ночи»²⁰⁶, «Прощальное»²⁰⁷. Кроме автографов стихотворений были переданы и две записки, написанные рукой Николая Рубцова Юрию Рыболову. Первая записка гласит: «*Воды сегодня не будет. Отключили. Юра, обязательно открывай и спрашивай кто ко мне приходил. Будешь уезжать – напиши обо всем в записке и оставь ключ на столе. У меня есть. Н.*». С правого бока приписка: «*Спи на раскладушке*». Еще одна приписка слева: «*Ни в коем случае не греми, не шуми!*» Внизу еще одна запись «*Унеси мусор из ящика на кухне в 9.15 во двор приедет машина*»²⁰⁸. Вторая записка следующего содержания: «*Юра! Меня сегодня не будет. Открывай на все звонки и стуки, называй себя моим братом и спрашивай, зачем приходили. Потом мне все передашь. Николай. Соблюдай порядок и не поджигай*

²⁰³ ТМО 37544 Автограф Н. М. Рубцова стихотворения «Дорожная элегия».

²⁰⁴ ТМО 37543 Автограф Н. М. Рубцова стихотворения «Оттепель».

²⁰⁵ ТМО 37545 Автограф стихотворения Н. М. Рубцова «За тост хороший».

²⁰⁶ ТМО 37546 Автограф стихотворения Н. М. Рубцова «Наступление ночи».

²⁰⁷ ТМО 37547 Автограф стихотворения Н. М. Рубцова «Прощальное».

²⁰⁸ ТМО 37549 Записка Н. М. Рубцова Ю. П. Рыболовову.

кастрюлю. Смотри за газом и водой»²⁰⁹. Эти записки, которые хранил Юрий Рыболовов, говорят о достаточно близких отношениях Рубцова и Рыболовова. Так же была передана книга Николая Рубцова «Звезда полей» с автографом: «Юре Рыболовову в знак особого уважения, большой дружбы. 1 января 1968 года. Рубцов»²¹⁰. В 2003 году ТМО выкупило у семьи Рыболовова прижизненный портрет Николая Рубцова работы Валентина Малыгина. Эта картина экспонировалась в Вологодской картинной галерее в январе 1970 года. Николай Рубцов посетил эту выставку вместе с Людмилой Дербиной.

В 2015 году Управление пенсионного фонда РФ в Тотемском районе Вологодской области передало в архив ТМО «Пенсионное дело Меньшиковой Г.М.», в котором кроме других документов сохранилась подлинная справка, выданная Н.М. Рубцову. Справка такого содержания: «Дана Рубцову Николаю Михайловичу в том, что он действительно работал в в/ч 31331 в должности сборщика с 25 апреля 1955 года по 24 сентября 1955 года и был уволен в связи с призывом в Советскую Армию». Справка выдана 13 ноября 1959

²⁰⁹ ТМО 37548 Записка Н.М. Рубцова Ю.П. Рыболовову.

²¹⁰ ТМО 37964 Н.М. Рубцов «Звезда полей». Москва. 1967 год.

года для предъявления в Кировский завод. Подписан документ начальником отдела кадров в/ч 31331 майором Зыковым. Благодаря этому документу мы можем точно назвать время работы Рубцова на артиллерийско-испытательном полигоне в поселке Приютино.

Осенью этого года мемориальная коллекция пополнилась новыми интересными материалами. Супруга издателя и краеведа Юрия Полиэктовича Малоземова Ольга Николаевна передала в никольский музей скульптуру Венеры Милосской из дома Старичковой Нинель Александровны. Эта статуэтка, которую часто рассматривал Николай Рубцов, бывая у Нинель Старичковой в гостях, вдохновила его на написание стихотворения «Венера»²¹¹.

*...Но Венеры играющий свет
Засиял при моем приближение
Так, что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...*

Ковырзина Екатерина Витальевна из Вытегорского района в октябре этого года прислала письмо с фотографиями, которые принадлежали ее матери Ие Алексеевне Шиловой. Ия была старостой группы, в которой учился Николай Рубцов в Тотемском лесотехническом техникуме. Именно ее упоминает в своей книге «Россия. Родина. Рубцов»²¹² писатель Сергей Багров, описывая случай, как они втроем: Рубцов, Багров и Ия Шилова – ходили по карнизу церкви. Елена Витальевна прислала фотографии учащихся группы. Среди прочих есть и фотография Николая Рубцова с дарственной надписью: «На память Ие Шиловой от Коли. Пусть тебе путеводной звездою будет счастливо все для тебя. И пойдешь ты своею дорогой может вспомнишь меня иногда. Рубцов 2 курс. третье сентября 1951 года».

Вот такие подлинные предметы, связанные с Н.М. Рубцовым, находятся в фондах ТМО. Часть из них в настоящее время экспонируется в Мемориальном музее Николая Рубцова в Никольском, другая часть находится в архиве ТМО в Тотьме.

Лариса Владимировна Тимашова в своей книге «Грусть, похожая на радость»²¹³ пишет следующее: «Читателя всегда интересует реальная жизнь писателя, его путь, судьба. Это тоже его

²¹¹ ТМО б. 12089 Н.А. Старичкова «Наедине с Рубцовым». Санкт-Петербург. 2004 год.

²¹² С.П. Багров. «Россия. Родина. Рубцов». Вологда. 2005 год.

²¹³ Л.В. Тимашова «Николай Рубцов. «Эта грусть, похожая на радость»...». Москва. 2007 год.

произведение, страницы которого таят в себе нравственное и духовное содержание. В стихах открывается новый глубинный смысл, когда читаются они в контексте жизни поэта. Знакомство с мемориальной коллекцией Николая Рубцова в собрании ТМО дает новые штрихи к биографии поэта, к поиску понимания истоков его творчества.

АНАТОЛИЙ МАРТЮКОВ: «С ЛЮБОВЬЮ К РОДИНЕ...»

*Как светел день,
Как полон свежих сил!
Как ясен лад лесного разговора!
Душистый ветер солнечного бора
Большим стрекозам головы кружили.
Ласкал деревья. Зыбкие стволы
Гнездовье птичье бережно качали...
И в золотые капельки смолы
Оборотились все мои печали.*

Анатолий Сергеевич Мартюков

Он родился в деревне Галкино Никольского сельсовета в 1934 году в многодетной семье. Рано остался без матери. Вскоре отец

его женился во второй раз. Передвойной семья Мартюковых переезжает в один из лесопунктов близ города Тотьмы, где их и застаёт война. Отца забирают на фронт. После внезапной смерти дочери Валентины мачеха Манефа оставляет детей мужа, уезжает в деревню Галкино. В холодной комнате барака дети остаются одни. Старшему из них было 14, младшему – семь. Трудное это было время. Голода и холода хватили сполна. Весной Анатолий вместе с сестрой Граней попадают в Никольской детдом.

Вот как описывает первый день в детском доме в книге «Цветы и звуки», в разделе «Воспоминаний о Николае Рубцове» писатель Анатолий Мартюков: «*В этот день в детском доме был банный день. И нам был гарантирован детдомовский обед. Из бани я вышел, как из чистилища, остриженный, в чистой рубашке с «чужого плеча», в штанишках – больших по размеру...*»

Осенью 1943 года в детский дом поступит группа ребят из Красковского детского дома, а с ними и будущий поэт Николай Рубцов. Воспоминания Анатолия Мартюкова о Николае Рубцове в детском доме известны. А вот что ещё вспоминал Анатолием Сергеевич о своём детстве: «*Стихи я писать начал рано, ещё в школе. Вот как-то сидим с Колей Рубцовым за партой. Решили, давай напишем стихи на 8 марта. Написали. Потом решили показать эти стихи Медведеву И.А., нашему классному руководителю. Он унёс стихи в учительскую. Потом пришёл на другой день и говорит: «Хорошо. Молодцы ребята. Всем понравилось. Продолжайте дальше».*

Детский дом для воспитанников той поры был местом выживания и пережидания, большой радостью он не был и для меня. Не так уж долго я там находился, но короткие годы для нас, наверное, для всех, были тем веком одиночества, который никогда не кончался.

После войны отец забрал меня домой. Для меня самое счастливое время было, когда жил в деревне. В 6–7 классе я самостоятельно ездил в поле на лошадях, быках. Снопы складывал, сани закреплял, привозил на гумно, выгружал. Боронить приходилось. Лён дёргали. А как школу кончали, нас на прополку, потом на сенокос. Думаешь: хоть бы на речку выбраться».

Вскоре после войны отец Анатолия женился вновь на жене не вернувшегося с фронта брата. Сергей Александрович работал в колхозе кладовщиком. В голодный 1947 год во время ревизии оказалась недостача. По воспоминаниям Анатолия Сергеевича, может, что отец и приносил домой. Но жили они в то время, как и все трудно: хлеб ели с примесью куглины. Но время было

суровое, Сергея Александровича судили, дали ему 10 лет. Заканчивал Анатолий школу уже без отца.

После окончания школы он мечтал куда-нибудь уехать. Для отъезда нужна была справка из колхоза для получения паспорта. Очень трудно было эту справку получить. Всеми силами старались руководители колхозов молодёжь оставить в селе. Но Анатолию повезло, только что назначенный после объединения колхозов председатель Каминский В.Е. справку дал. Анатолий уехал в Вологду, поступил в ремесленное училище на рулевого речного флота. Учёба Анатолию нравилась. Вот как он вспоминает об этих днях: «*Один день была теория, другой практика. Нас судоводителей учили столярному делу. Научился табуретки, столики делать. Практику проходили на пароходах. Через полтора года нам выдали аттестаты. Я стал работать матросом. Зарплата была маленькая, только-только пропитаться. На следующий год меня направили рулевым на пароход «Чехов». А капитан меня сразу З штурманом взял. Говорят: «Почерк у тебя красивый. В математике понимаешь».* На судне Мартюков стал редактором стенгазеты.

В 1954 году его призывают на службу в армию. Служил в городе Донецке, во время службы посещал литературное объединение при газете «Комсомолец Донбасса». Вернулся со службы через три года младшим сержантом. После армии, чтобы заработать на покупку одежды, пошёл работать в лесопильный цех. Работа была очень тяжёлая. Вечером от усталости сразу ложился на кровать. Потом работал укоильщиком судов. Нужно было присматривать за судами на зимней стоянке, делать полосы, свободные ото льда.

Через год Анатолия Мартюкова переводят на работу на пароход «Леваневский» третьим штурманом, затем вторым штурманом, первым штурманом. Работа на судах, навеянная романтикой новых мест и новых знакомств, Мартюкову нравилась. Вот как он пишет об этом в одном из стихотворений:

*Была мечта – был белый пароход.
Как он скользил
По водам серебристым,
Как он манил своим
прощальным свистом,
Как исчезал за синий поворот.*

Осенью 1958 года Анатолия отправляют на учёбу в речное училище города Великий Устюг на техника-судоводителя. Весной учащиеся возвращались на суда, а зимой учились. Учился 5 лет,

вплоть до 1963 года. Всё бы хорошо, но у Анатолия была ещё одна мечта, к которой он стремился, – стать учителем. Мечтал, окончив институт, вернуться в родную Никольскую школу преподавателем. После получения диплома в речном он пишет заявление на заочное отделение Вологодского педагогического института.

Трудно было совмещать работу и учёбу, но учился Анатолий Сергеевич хорошо. Учёбу закончил на один год раньше положенного срока, так как сдал экзамены экстерном за два года. Сотрудничество Анатолия Мартюкова с великоустюгской газетой «Советская мысль» началось ещё в годы учёбы в институте. После его окончания в 1968 году редактор предложил ему работу в газете. Анатолий Сергеевич согласился. Три месяца проработал он литературным сотрудником, а потом редактор предложил должность ответственного секретаря.

В работу ответственного секретаря входит приём материала, составление макета газеты, вычитка и правка текстов, работа с отделами. В этой должности Анатолий Сергеевич проработал 33 года. Работал с большим желанием, внёс много новшеств в издание газеты. По его инициативе стали планировать выпуск газеты на следующий день. Как-то раз проводился конкурс на оформление газет. Газета «Советская мысль» получила диплом за хорошее оформление. В этом немалая заслуга и Анатолия Сергеевича Мартюкова. В 1971 году Анатолий Мартюков стал членом Союза журналистов России.

Последние годы перед выходом на пенсию Мартюков работал заместителем редактора. После выхода на заслуженный отдых консультировал одну из вновь открывшихся устюжских газет. Писал статьи для газет «Тотемские вести», «Красный Север», «Устюжаночка».

Творчество Анатолия Сергеевича и его работа в газете шли параллельными курсами. Первая публикация стихов в печати состоялась в 1954 году в газете «Речник». Это были патриотические стихи, посвящённые 19 съезду партии. Позднее стихи его публиковались в газете «Вологодский комсомолец», «Водный транспорт», «Красный Север». Когда служил в армии, публиковались в газете «Комсомолец Донбасса». Позднее стихи и проза печатались в журналах «Север», «Молодая гвардия», «Мурзилка», в сборниках Великоустюгского литературного объединения.

Из воспоминаний Анатолия Мартюкова: «Какая это изнурительная работа – писать стихи. Лежишь на кровати, образы идут. Голова напряжена. В темноте, когда один на один с самим собой.

Потом встаёшь, записываешь строчки вслепую, не включая свет. Я понимаю, что такое настоящие стихи. Не просто так сочинил, а так, чтобы были в совершенстве. У меня стихов немногого, но это настоящие стихи.

В личной жизни у Анатолия Мартюкова тоже сложилось всё хорошо. Он женился на замечательной женщине Тамаре Викторовне, которая стала ему прекрасной спутницей жизни. Ей тоже Анатолий Сергеевич посвятил стихотворные строки.

Меня целует мать...
Ласкает женщина,
Которая в любви своей верна.
Не надо мне
Ни большего, ни меньшего –
Я знаю цену хлеба и вина.
Судьбу мою пророки не пророчили.
Я сам привык заботиться о ней,
Есть смена: сын.
Но жаль, что нету дочери.
Она меня любила бы нежней.

Первая книга стихов Анатолия Мартюкова «Годовые кольца» была выпущена в 1985 году в библиотечке журнала «Молодая гвардия». Помог издать книгу земляк, уроженец Никольского сельсовета, писатель Александр Игошев, в то время ответственный секретарь журнала. Вот что написал Александр Игошев в предисловии к книге: «Почти все стихи, вошедшие в книгу, о природе. И в этом видится закономерность: поэт любит свой край и его людей и хочет воодушевить своих читателей на такие же чувства. За неожиданной строкой, за свежим поэтическим образом видятся нам не только картины природы, но и приметы сегодняшней жизни, встаёт человек, болеющий за то, чтобы всегда на северной земле шумели леса, чисты были реки и ключи, плодородны поля, чтобы такими же чистыми, незамутненными остались отношения между людьми».

Вторая книга «Цветы и звуки» увидела свет лишь через десять лет в 1995 году в Великом Устюге. Книга была издана при поддержке администрации города. Кроме стихов, в ней опубликованы и воспоминания о Николае Рубцове и о жизни в детском доме.

Вот что написал об этой книге и о творчестве Анатолия Мартюкова в целом наш известный вологодский писатель Владимир Кудрявцев: «Анатолий Мартюков, будучи человеком светлым и

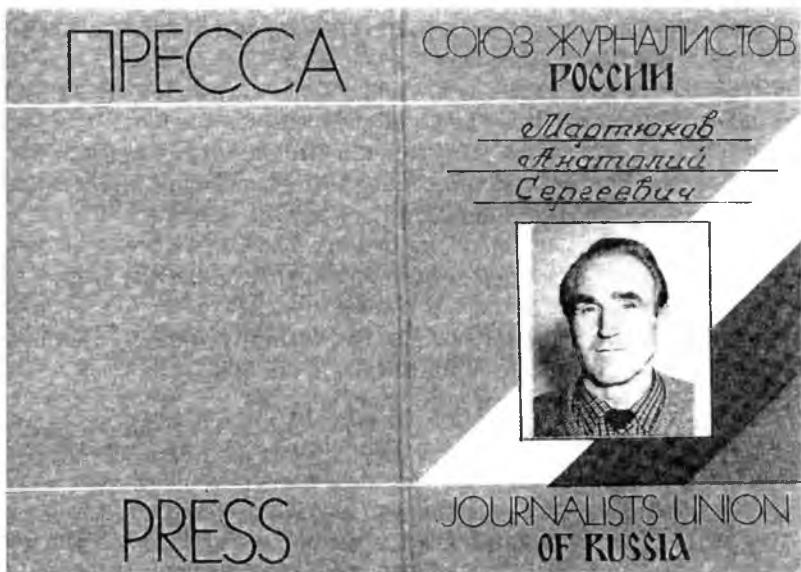
живя в древнерусском городке Великий Устюг, видит всё вокруг себя в самом добром свете, но не в розовом – оговорюсь сразу.

*Древний город – белый парус
Рассекает синеву...
Здесь Россия зарождалась,
Здесь Россия – наяву..*

Так мог писать только он – поэт Анатолий Мартюков, у которого на крутом берегу Сухоны всегда бывает на душе «светло и свято». В сборнике «Цветы и звуки» я верю каждой строчке его стихотворений – от первой строчки до строчки последней. Сколько же света в его душе!»

А вот мнение другого вологодского писателя Василия Елесина о поэзии Анатолия Мартюкова: «Темы стихов Анатолия Мартюкова разнообразны. Стихи о любви и верности, о дружбе, о природе малой родины, о судьбе Родины большой – все они задевают душу, порой поражают свежестью поэтического взгляда, глубоким проникновением в суть вещей».

В 1999 году Анатолий Сергеевич Мартюков был принят в члены Союза писателей России.

Удостоверение, выданное Анатолию Мартюкову

В 2005 году в Вологде вышел сборник стихотворений Анатолия Мартюкова «Троицын день».

Стихи и рассказы для детей – особая страничка в творчестве Анатолия Мартюкова. Писать он их стал для подрастающих внучек. Обычно дарил на день рождения девочкам вместе с подарками и стихи. Позднее эти стихотворения были опубликованы в книге «День рождения радуги», которая была выпущена в городе Великий Устюг в 2005 году. Вот одно из стихотворений из этой книжки:

Лучик солнца спать ложится
На рябиновый листок.
Он сверкает, он лучится,
Словно аленький цветок.
Ветер сверху, ветер снизу...
В небе звёзды до утра
Уложили спать и Лизу –
Ей давно уже пора.
А когда в двенадцать ночи
Снова выбежит луна,
К ней двенадцатый годочек
Постучится из окна.

В книжку «День рождения радуги» вошли не только стихи, но и рассказы, сказки, новеллы.

В 2009 году с подачи писателя Александра Цыганова в вологодском журнале «Лад» была опубликована большая подборка стихотворений Анатолия Мартюкова. После этой подборки писатель Сергей Багров назвал Анатолия Мартюкова гениальным лириком. В письме Анатолию Мартюкову он написал: «Давно такого пространства, летящего от души к душе, не ощущал. И вдруг.. Надо цитировать буквально все стихи. Читал Зиновьева (в этом же журнале). Поэт велик. Но ведь и ты не меньшее».

Основная тема творчества Анатолия Мартюкова – любовь к родине в самом широком её понимании. Любовь к отчиму дому, к родным, до боли знакомым с детства местам.

Деревня Галкино,
Никольский сельсовет.
Мой отчий дом
За тридевятым лесом
Живёт и смотрит в небо с интересом,
Которым милосердно обогрет.

И в этой любви к родным местам – любовь к родине, к стране в целом. Ведь отчий дом, родная деревня, родной город – частичка большой огромной страны, имя которой – Россия.

*Живу, как жил –
Всегда при деле,
Людей люблю
И сам любим.
Свою любовь, звезды светлее
Делю с отечеством моим
Живу в мечтах не о покое...
Но пали снегом облака:
Как в колыбели в зимнем поле
Уснула тихая река.
И ей тепло...
и мне не тяжко,
когда легко идут дела
На мне счастливая рубашка
Меня Россия родила.*

Анатолий Сергеевич никогда и не стремился во чтобы то ни стало напечатать свои стихи. Намного важнее для него было то, что он как истинный художник слова в строках своих стихотворений мог выразить свои мысли, чувства. Ведь он чувствовал острее, чем другие, и видел дальше. Вот что сказал Анатолий Сергеевич в интервью газете «Советская мысль» после выхода книги «Цветы и звуки»: «Издаваться во что бы то ни стало – я этим не болел. Можно жизнь прожить и, не иллюстрируя себя, не издаваясь. Важно другое – не потерять своей души и самого себя. Трудиться, если можешь, писать, петь, строить, любить людей, чувствовать красоту всего, чем радует жизнь».

Хотя большую часть своей жизни Анатолий Сергеевич прожил в городе Великий Устюг, он никогда не терял связи с родной Тотемской землёй. Всегда живо интересовался, как идут дела на родине в селе Никольском. Как только появлялась возможность, приезжал в родные места. Часто после таких поездок появлялись публикации на страницах газеты «Тотемские вести».

Неоднократно Анатолий Сергеевич бывал и в Мемориальном музее Николая Рубцова. Благодаря переписке с сотрудниками он всегда был в курсе музейных дел. Письма в музей были наполнены большой любовью к родным местам и к землякам. Вот несколько выдержек из его писем: «Пишу и представляю себе село Николу на реке Толшме и далёкую-далёкую дорогу в родные места, в родимые

Анатолий Мартюков в мемориальном музее Н. М. Рубцова (Никольское)

места, как говорят наши люди. Испытываю большое желание посмотреть музей и детский дом. И вообще подышать воздухом наших деревень. Не могу представить свою жизнь без мыслей о родине. Родина для меня пожизненно в душе.

Из другого письма: «Сегодня сижу за столом перед окном, которое на юго-запад, и посматриваю на облака. Они плывут с нашей стороны, т. е. со стороны, где Толшма и село Никола. Где моё Галкино... И пишу это письмо. Мысли о родных местах во мне постоянны. Они светятся, они выравнивают сердцеиение. Жалею, что давно не видел и не ходил по той земле...»

«Вспоминаю частенько Николу, а больше всего близкие и далёкие окрестности. Так и видятся невысокие холмы деревень, талые снега и безмолвие...».

Так он и жил со светом и любовью в душе к людям, родине, природе. В ладу с самим собой. И эту любовь, и душевное тепло он старался передать другим строками своих стихотворений.

Осеню 2012 года планировал приехать в родное село. Но не довелось...

1 августа 2012 года Анатолия Сергеевича Мартюкова не стало. Светлая память светлому человеку...

**Оборина Татьяна Алексеевна,
БОУ СПО ВО «Тотемский политехнический колледж»,
г. Тотьма, Вологодская область**

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА Н. М. РУБЦОВА КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

*Бог явил нам радость и чистоту
в виде стихов Рубцова... Такой чистоты,
такой одухотворённости,
такого молитвенного отношения к
миру – у кого ещё поискать?*

Ф. Абрамов

Сейчас имя Рубцова неотделимо от культуры Вологодского края, Русского севера и России в целом.

Поэзия Рубцова широко известна и любима народом, она содержательно насыщена, художественно значима, доступна пониманию людей любого возраста. Его поэзия пробуждает в человеке доброту, формирует высокую духовность.

В своих стихах Николай Рубцов воспел красоту русской природы, красоту нравственного облика русского человека, помог миллионам русских людей почувствовать себя Россиянами...

Короткой была жизнь поэта, и оборвалась она, как недопетая песня. Но, как говорил сам поэт, родился он для «счастья слышать голоса земные, просыпаясь поутру в светлой горнице с колодцем под окном».

Особенно дорогое всё, о чём пишет Рубцов, представителям старшего поколения. Но как заинтересовать современное «цифровое» поколение – практическое и даже где-то циничное? Конечно, необходимо искать новые подходы в популяризации творчества нашего поэта-земляка, чем мы и занимаемся в библиотеке Тотемского политехнического колледжа, сочетая традиции и инновации.

В нашей работе можно выделить следующие направления деятельности, направленные на популяризацию творчества Николая Рубцова:

- флористические выставки;
- конкурсы чтецов;
- конкурсы рисунков и фотографий;

- конкурсы буктрейлеров;
- экскурсии по рубцовским местам;
- встречи с писателями, поэтами, художниками;
- проба пера: «На поэтическом крылечке»;
- публикации стихов в газетах, альманахах;
- издательская деятельность.

В течение всего учебного года в библиотеке колледжа проходят различные мероприятия, посвящённые Н. Рубцову. И самое первое, которое проводится в сентябре-октябре, – это выставка цветов под названием «Рубцовская осень». Студенты (чаще студентки) и преподаватели приносят замечательные букеты, подбирая к ним строки рубцовских стихов. А может быть, подбирая цветы к стихам: «Купите фиалки», «Замерзают мои георгины», «Журчит вода, цветут ромашки», «Зелёные цветы», «Той девушки, которую люблю», «Маттиола», «Анютины глазки», «Вредная, неверная, наверно...», «Доволен я буквально всем...» и т. д.

Затем мы подключаемся к ежегодной выставке «Дары природы», проводимой Тотемской центральной библиотекой им. Н. Рубцова. Чаще всего готовим какую-то небольшую музыкально-литературную композицию по Рубцову. А уже в ноябре-декабре начинаем готовиться к январским рубцовским дням. Январь на Вологодчине традиционно проходит под знаком рубцовской поэзии. В Вологде и Череповце, Соколе и Бирякове, Междуречье и Липином Бору – во всех уголках Вологодчины вспоминают поэта, всюду звучат его стихи. Звучат его стихи в рубцовских центрах Москвы и Санкт-Петербурга, в Мурманске и Артёме, в Архангельской области и Алтайском крае – там, где когда-то бывал поэт и где живут поклонники его поэзии.

И мы тоже не исключение. Звучат они и в нашей библиотеке.

Конкурсы чтецов – формат скорее традиционный, но он позволяет выявить талантливых чтецов и благодаря их артистичному прочтению, умению передать всю глубину авторских переживаний поэзия Рубцова доходит до сердец слушателей. А используя информационные технологии, сопроводив своё чтение совершенно удивительным видеорядом с изображением картин родной природы, каких-то сюжетных сцен, появляется возможность визуализировать текст.

Конкурсы рисунков и фотографий, иллюстрирующих стихи Николая Рубцова, также имеют место. Наши читатели, обладающие художественным талантом, вовлекаются в процесс вдумчи-

вого чтения. Ведь прежде чем нарисовать, нужно прочесть стихи внимательно, выбрать то, которое захочется проиллюстрировать. А эти иллюстрации служат своеобразным фоном для литературных вечеров и творческих встреч. Фотоработы также предполагают предварительное знакомство со стихами, чтобы увидеть «картинку» как в стихах Рубцова.

Конкурсы буктрейлеров – видеороликов на стихи поэта. Этот достаточно новый способ продвижения книги и чтения, привлечения к творческой работе читателей мы начали осваивать сравнительно недавно, но он уже «набирает обороты». Каждый может попробовать себя в роли сценариста и режиссёра.

Студенты Тотемского политехнического колледжа не раз бывали в селе Никольском – на духовной родине поэта – как раз в январские дни. Заснеженная дорога, деревья вдоль дороги в шикарных белых шубах и шапках – просто сказка! Вспоминаем строчки «Ах, кто не любит первый снег!», «Выпал снег и все забылось...», «По дрова» и многие другие.

Незабываемые впечатления остались от поездки в Николу в январе 2015 года. Ещё на улице как дорогих гостей встретила нас хозяйка Бирюзового дома Кошелева Марина Николаевна. Вот здесь и началось волшебство. И музыка Моцарта, и колокольный звон, и свечи, и ароматный чай – интерактивная программа не оставила никого равнодушным. Каждый был задействован в канве сценария. Каждый прочувствовал, что этот дом пропитан любовью и светом, и, конечно же, поэзией Рубцова. «Окунись, душа, в чистую волну!» – буклеты с таким названием и календари получили в подарок студенты. А мне подумалось, что именно этой строчкой можно подытожить наше пребывание в Бирюзовом доме, которое подготовило нас к встрече с ПОЭТОМ в Музее Николая Рубцова.

А здесь уже ждала нас Галина Алексеевна Мартюкова, заведующая музеем Рубцова, которая, наверное, знает о нём всё. Переходя из одного зала в другой, «листая страницу за страницей» нелёгкой жизни Рубцова, она помогла понять нам поэта, его противоречивый характер, его тонкую душу. Чувство незримого присутствия поэта не покидало нас и благодаря тому, что здесь мы услышали в записи его голос. Немало стихотворных строк прозвучало и из уст Галины Алексеевны.

Логическим продолжением стала экскурсия по селу. Мы шли по той дороге, где когда-то ходил Рубцов, останавливались у занесённых снегом домов, где он бывал. И эта дорога привела нас

к храму, который благодаря Галине Алексеевне, Марине Николаевне и многим-многим неравнодушным людям сейчас распахнул свои двери для всех «печальных жителей земли». С историей церкви, её возрождением познакомили нас Галина Алексеевна и Марина Николаевна. Мы смогли побывать в храме, поставить свечи, побывать наедине со своими мыслями.

Этот творческий tandem превратился в трио энтузиастов, когда мы оказались в Никольской школе, где нас встречала директор Юлия Алексеевна Шадрина. И прежде чем мы совершили ещё одну экскурсию, конечно же, нас сразу накормили здесь горячим обедом, за что мы были очень признательны.

А затем Юлия Алексеевна показала нам свою школу и мы были, честно говоря, удивлены, с какой любовью оформлен каждый кабинет, где необычно, но в то же время очень гармонично соседствуют кабинет информатики и музей старинных вещей. Да, наверное, по-другому и не может быть в школе, которую возглавляет человек, который также живёт Рубцовым. И здесь мы тоже побывали в необычном музее Рубцова.

Уезжали мы с таким чувством, как будто окунулись в чистую волну рубцовской лирики. Состоялись экскурсии не только в село Никольское, но и в Вологду, в Великий Устюг.

Экскурсия «По литературным местам Вологды» предусматривала посещение мест, связанных с именем Рубцова. Мы все вместе стояли возле памятника Рубцову на речном вокзале и декламировали: «Я уплыву на пароходе...». Побывали и возле дома, в котором суждено было ему прожить свои последние годы, прошлись по улочкам, где ходил Николай Рубцов.

А в Великом Устюге нас встречал Анатолий Сергеевич Мартюков (к сожалению, ныне покойный). Он рассказал о последней встрече с Николаем Рубцовым в Великом Устюге, вспоминал случаи из жизни в Никольском детском доме.

И, конечно же, – сама Тотьма. Спасо-Суморин монастырь, на территории которого находился Тотемский лесотехнический техникум, где учился Николай Рубцов. Это дом на улице Красной, где в гостях у «однокашника» Сергея Багрова бывал юный поэт...

Вспоминается встреча с Генриеттой Михайловной Меньшиковой – гражданской женой Николая Рубцова, скромной, доброй и мудрой женщиной. Именно такой она предстала перед нами. С необыкновенным теплом и какой-то светлой печалью вспоминала она годы своей юности. Так и всплывают строки: «Есть женщины в русских селеньях... Нелёгкая женская доля... Достойно перенесла все выпавшие на её долю испытания, не ролтала на

судьбу и девчонкам советовала: «Не бойтесь трудностей в жизни, а живите по совести».

Наши студенты с радостью встречаются с писателями и поэтами, лично знавшими Николая Рубцова. Так необычные уроки для наших студентов проводили Сергей Петрович Багров и Анатолий Сергеевич Мартюков. Анатолий Сергеевич разделял с Рубцовым радости и печали, которые выпали на долю детдомовских мальчишек в тяжёлые военные годы. Его рассказы-воспоминания позволяли живо представить босоногое детство будущих поэтов.

Затаив дыхание, слушали студенты воспоминания Сергея Петровича о том, как учились друзья в Тотемском лесотехническом техникуме. Их интересовало всё: и размер стипендии, и порядок и дисциплина в техникуме, и оценки, и чем занимались учащиеся в свободное время. И, конечно, каким был Николай Рубцов – студент.

Встречались студенты с Маргаритой Афанасьевной Шананиной, основателем первого музея, посвящённого Н. Рубцову. Вклад этой удивительной женщины в сохранение памяти о Рубцове неоценим. Результатом её подвижнической деятельности стали главы в уникальной книге «Воспоминания о Рубцове», которую мы постоянно используем в работе. Маргарита Афанасьевна и её воспитанники представили в этой книге сведения о поэте, что называется, из первых уст. Они записали воспоминания тех, с кем встречался и общался Николай Рубцов. Со всей России ехали и до сих пор едут к ней почитатели рубцовского таланта, истинные ценители его творчества.

Незабываемой была и встреча в селе Никольском с Ольгой Александровной Фокиной. С интересом слушали её воспоминания о встречах с Рубцовым.

19 января 2015 года, в день памяти Николая Рубцова, в колледже состоялась встреча студентов с Марией Николаевной Кошелевой, руководителем уже широко известного в нашей области и за её пределами культурно-просветительского центра под названием Бирюзовый дом, основанного в селе Никольском. Главная задача центра – развитие духовной родины Н. М. Рубцова – решается здесь через создание «Школы Русского слова». На встрече со студентами колледжа Марина Николаевна рассказала о форматах работы школы (встречи с интересными людьми, беседы, литературные и спортивные праздники и экспедиционные лагеря). Она представила вниманию студентов книгу «Что вспомню я?», которая вызвала огромный интерес.

Отдельно хочется назвать встречи с артистами и музыкантами. Огромное впечатление оставила встреча с Юрием Беляевым,

исполнителем многочисленных песен на стихи Николая Рубцова, состоявшаяся также на Никольской земле. Многие посетили концерт народной артистки России Татьяны Петровой. Пожалуй, именно после её выступлений оценили масштабность популярности поэзии Рубцова. Не менее впечатляющей была и встреча с исполнителем рубцовских песен Александром Морозовым. Теперь на каждом литературном вечере студенты сами также исполняют песни на стихи Рубцова. Очень любят «В горнице», «Я буду долго гнать велосипед».

Наши студенты любят участвовать в интеллектуальных играх «Что? Где? Когда?» и «Счастливый случай», посвящённых творчеству Николая Рубцова, которые стали традиционными в колледже. Интерактивные формы всегда привлекают читателей. А прежде чем сесть за игровой стол, командам надо основательно подготовиться: перечитать огромное количество самой разнообразной литературы – воспоминаний друзей, литературной критики и, конечно, стихов. Ответы на многие вопросы заключены в стихах.

И снова чтение неспешное, вдумчивое, побуждающее к осмыслению прочитанного... И ложатся на душу строки: «За всё добро расплатимся добром, За всю любовь расплатимся любовью»...

О том, какое воздействие может оказывать поэзия Рубцова, – в одном из стихотворений (пусть несовершенном, но очень искреннем) нашей студентки Елены Гусевой. Оно появилось сразу после поездки в село Никольское.

*Я еду с родины Рубцова,
Мне ночь дорожная мила.
Автобус мчится в город снова,
Где проза все ростки смела.
А здесь коснулась я душой
К душе незримого поэта.
Пусть нет его, но он живой.
Грусть-сирота его согрета
В сердечных песнях у людей.
От них слезливо и светло.
И стали все вокруг добрей,
Внутри ж от всхлипов подвело.*

Пожалуй, это самое главное, самое важное во всей нашей работе, когда чувства добрые просыпаются в душах и сердцах молодёжи. И очень приятно, когда под влиянием рубцовской лирики, юные читатели пробуют писать – это побуждение к творчеству и

пробуждение творчества наших студентов, наших юных читателей дорогостоящее.

Мы помогаем студентам реализовать себя: сотрудничаем с местной газетой «Тотемские вести», которая на своей «Литературной странице» публикует стихи начинающих юных поэтов. Итогом работы можно назвать и выпуск сборника стихов «На поэтическом крылышке». Первый был посвящён 75-летию Н. М. Рубцова. Затем появились сборники А. Смеловой «Начни с себя», М. Пожилова «Краевой ветер». С «Поэтического крылышка» началась дорога в поэзию нашего выпускника Виктора Романова. Совсем недавно прошла презентация его сборника. Также в прошлом году к Дню Победы был выпущен сборник творческих работ наших читателей «Мы этой памяти верны». Сейчас мы работаем над новым сборником и хотим посвятить его 80-летию Н. Рубцова. В него войдут стихи и рисунки наших студентов и преподавателей. Его презентацию мы приурочим к Всемирному дню поэзии.

«Нельзя заново возделать русское поле, не возделывая души человеческие, не мобилизуя всех духовных ресурсов народа, нации. И тут... огромная роль принадлежит литературе, правдивому и вдохновляющему слову. Слову, которое зовёт к утверждению истины, добра и справедливости на земле!» – это высказывание Фёдора Абрамова как нельзя лучше относится к поэзии Николая Рубцова.

«Моё слово верное прозвенит!» – говорил сам поэт.

А наша задача – помочь услышать это слово и через поэзию нашего земляка «возделывать души» юных читателей.

**Попова Вера Владимировна,
Череповецкий Рубцовский центр,
г. Череповец, Вологодская область**

РУБЦОВСКИЙ КОСТЕР НА ТОЛШМЕ «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»

*Мы замираем лишь на миг
Над гениальной строкою.
И что печали нашей клик
Перед вселенскою тоскою.*

Замирает сердце, когда душа с душой Рубцова «говорит» – веришь каждому слову поэта, постигаешь слог его и вдруг узнаешь самого Рубцова в его откровениях:

*«...идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!»*
(Н. Рубцов. «Старик»)

Эти проникновенные добрые слова о старике будто посвящены свыше самому поэту. Старик был странником, и Рубцов не однажды был странником. И вот также по добруму смотрел он при встрече с простыми людьми на всякого, кто бесхитростно и тепло, светло привечал его. Возникала взаимная незримая волна сердечной близости, переходящая в незабываемое дружество родственных душ.

Нам теперь известно, как любила Николая Рубцова мать вологодского поэта Александра Романова. Она трогательно вспоминала о том, как вешал в ее доме Рубцов, сидевший за столом в красном углу, горячо читая свои стихи, вдохновенно размахивая руками. «Словно крестил», – говорила она.

В 1966 году Николай Михайлович приехал в Алтайский край по совету своего друга поэта Василия Нечунаева, который предложил ему остановиться для начала у своей сестры Матрены. Матрена и ее домочадцы волновались, как угодить гостю из самой Москвы. Но, когда Николай Рубцов переступил порог ее дома и приветливо улыбнулся, сами собой отпали все сомнения. Как родного, с теплом и любовью, принимали они поэта...

...Каким запомнился поэт Рубцов в дни странствий его по Алтая?

Книга «Алтайское лето Николая Рубцова» Валерия Евгеньевича Тиханова приоткрывает нам эту тайну.

Книга послужила толчком, позвала в дорогу на Алтай земляков поэта и стала их путеводной звездой.

Самым большим потрясением «Рубцовского костра на Толшме» 2018 года явился своего рода «Отчет...» о пребывании Алексея Михайловича Новоселова и Галины Алексеевны Мартюковой на Алтае.

И если нам, землякам великого Рубцова радостно сознавать, что тотьмихи всколыхнули сознание культурной общественности Алтая (где они успели побывать), то можно представить, как дорого было алтайцам услышать горячее слово о гениальном поэте нашего времени из уст сотрудников Тотемского музейного объединения – с родины Николая Михайловича Рубцова.

И как славно, что демонстрацию фильма о поездке на Алтай Алексея Новоселова и Галины Мартюковой дополнили своим

лирическим эссе Андрей и Марина Кошелевы. Их алтайские фото-этюды прошлых лет также нашли горячий отклик в душе каждого из присутствующих в зале музея. Многие загорелись желанием побывать на Алтае.

Особенно был взволнован представитель из Сургута – Виктор Алексеевич Есюнин... Именно ему была вновь представлена почетная должность «кострового» на «Рубцовском костре на Толшме».

Галина Алексеевна Мартюкова облегченно вздохнула, когда он, словно с небес, оказался на поляне у реки среди собравшихся гостей праздника...

Впервые выступил у костра актер и певец Сергей Булатов. Он, в виртуозной манере маэстро 30-х годов, читал и пел стихи Рубцова, посвятив поэту свой цикл: «Я люблю свою судьбу». В заключение Сергей смастерили из листков со стихами Рубцова кораблики и предложил последовать и нам его примеру... Он осторожно спустился к реке и, с его легкой руки, отправились кораблики в плавание по реке Толшме. Мы долго следили за уплывающей от нас сказкой-корабельной флотилией из стихов поэта.

В этот вечер нас душевно удивила Галина Алексеевна Мартюкова: она дебютировала с песней «Купавы». Еще один талант открылся на Никольской земле...

Песни на стихи Рубцова одна за другой не сходили с круга, так вдохновенно они звучали в исполнении ансамбля «Никольчанка»: словно не было в сей час ничего родней для каждой души.

...На всех «литературных площадках» первой предоставлялось слово всеобщей любимице (гостье из Череповца) Анастасии Березиной (будущей второкласснице). Не отставала в мастерстве от внучки и Галина Михайловна Березина, лично знавшая Рубцова. Она не только исполнила песни на стихи поэта, но и свой романс, посвященный Николаю Рубцову.

...Помнится, как с официального основания «Рубцовского костра на Толшме» от Череповецкого Рубцовского центра поступило предложение: исполнять стихи Николая Рубцова «Прощальный костер» (1965) на мелодию Георгия Свиридова к повести А. С. Пушкина «Метель». Инициатором этого исполнения была Чумеева Антонина Алексеевна – уроженка Никольской земли (деревня Родионово). Ее брат Серков Иван Алексеевич (17.07.1936–19.03.2014) был другом Николая Михайловича по детскому дому. В августе 1964 года состоялась их встреча в Николе и памятный костер на

берегу реки Толшмы. Этому событию Николай Рубцов посвятил стихи «Прощальный костер».

Своего рода гимном звучит теперь всякий раз «...Прощай костер, прощайте все, кто нынче был со мною рядом...».

Мы вновь были объединены одним чувством: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!».

...Николу на сей раз посетили Алексей Константинович Задумкин и Галина Борисовна Прохорова (Рубцова) из Биряково. Главной темой выступления Галины Борисовны была идея реставрации дома родителей великого русского поэта Николая Рубцова в селе Биряково. Создана программа «дорога к дому». В выполнении ее может принять участие каждый, кому дорого имя Рубцова.

...Не забыть нам теплого радушного приема в доме Новоселовой Татьяны Михайловны (с милыми козочками)...

Истинное удовольствие мы получили от посещения Никольской ООШ в традиционных и новых классах (директор Юлия Алексеевна Шадрина). Со школой прощались в веселом настроении: от удавшейся литературной постановки на стихи Рубцова; от ароматов травяного чая; кто-то уносил с собой поделки из палочек для мороженого...

...С mestечком «камешник у камешкуря» познакомила гостей Николы Марина Николаевна Кошелева. Экскурсию «Село Никольское – духовная родина Николая Рубцова» провела для гостей Г.А. Мартюкова.

...Мы состояли на пропитании у Огаркова Алексея и его супруги Ирины: завтраки, обеды и ужины были сытными и вкусными. Спасибо, дорогие Ирина и Алексей, за ваше гостеприимство. Марине и Андрею Кошелевым наш сердечный поклон за радушный прием и домашний уют Бирюзового дома.

...В самой что ни на есть глубинке – деревне Слобода – состоялось наше знакомство с домом художника Георгия Ивановича Попова. Его сын Сергей Георгиевич с любовью представил нам работы отца. Его трепетное отношение к творческому наследию Г.И. Попова передалось и нам.

...Совершенно неожиданно согласился предложить нам свои услуги самобытный умелец села Никольское Энгельс Алексеевич Трифонов, создавший неповторимый тракторок. Это – чудо техники, вездеход с огромными колесами. Самые бесстрашные поехали на нем напрямую через реку. В их числе, конечно же, оказалась Антонина Алексеевна Чумеева (Серкова). Ее мечтой было во что бы то ни стало побывать на любимой «Круглице». Она не верила,

что так необычно окажется у стайки берез, где когда-то стояла часовня и где встречались Николай Рубцов и Иван Серков. Сохранились фото того времени.

Это ли не счастье прикоснуться к родной земле!..

В одном из писем к московским друзьям Рубцов писал про Николу – «Здесь души моей родина».

Нам снова посчастливилось прикоснуться к «тихой родине» поэта...

Верю – каждый сохранит в душе частицу тепла «Рубцового костра на Толшме» и добрые воспоминания о встречах, которыми щедро одарила нас гостеприимная Никола.

Филиппова Вера Ивановна,

**ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец, Вологодская область**

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЭТА Н. М. РУБЦОВА И ВОЛОГОДСКАЯ ГРАФИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ – НАЧАЛА ХХI ВВ.

В начале шестидесятых годов новые исторические тенденции оказались на ломке прежней системы образного мышления, которая уже не соответствовала более глубокому освоению реалистического метода. Вместо сопровождающей жизненные реалии «прямой иллюстративности», внешней патетики художественных образов проявился интерес к передаче внутреннего мира прообразов. Графики обратились к поиску новых способов трактовки сюжетов, расширению и появлению новых составляющих диапазона выразительных средств. В этой сложной ситуации вологодские художники внимательнее и активнее обращаются к творческому наследию мастеров отечественной и зарубежной гравюры предыдущих поколений, стремятся к обогащению технических возможностей графических техник, используя при этом художественные приемы, и других видов изобразительного искусства. Одним из проявлений подобных перемен в графическом искусстве явилось то, что в этот период в станковой графике наметился некоторый перелом и многие российские художники начали активно работать в технике линогравюры. В этой технике пробовали представлять свои работы и вологодские художники. В их листах стали заметно

выделяться крупные формы, монументальные композиции, экспрессивные линии, резкие контрасты тонов.

Параллельно велись творческие поиски других технических возможностей графики. Например, многие вологодские художники достаточно длительный период своей творческой деятельности посвятили освоению такой сложной техники как ксилография. Строгая, умная графика, четкость линии – вот то, что особенно выделяло их графические работы, исполненные в этой технике.

Огромную роль в популяризации гравюры среди вологодских художников сыграли и многочисленные выставки известных всему миру современных зарубежных графиков. В 1964 году в Вологде состоялась первая в истории края выставка работ зарубежного графика – экспонировались ксилографии бельгийского художника Г. Годуэна. Затем последовало знакомство вологжан с графикой Я. Водражки из Чехословакии, Р. Вольфа и Т. Марангони из Италии, с польским экилибрисом. Приезжавший в Вологду на открытие своей выставки в январе 1969 года известнейший немецкий книжный график В. Клемке сказал: «Я думал, что приеду на какую-нибудь скромную железнодорожную станцию. То, что я увидел у вас, меня просто потрясло. Я не думал, что вдали от Москвы может быть так развита культура, искусство. Я не думал встретить здесь таких интересных художников, увидеть столь серьезные и высокопрофессиональные работы. Меня просто удивила свободная творческая обстановка, которая царит у вас в Вологде». Итогом этой целенаправленной и перспективной работы стали обобщающие графические выставки вологодских художников: экспозиция «Вологодская графика», показанная в 1965–1967 годах в Вологде, Ярославле, Перми, Кирове, и большая экспозиция «Вологодская графика» (1971) в Москве.

На момент начала 1960-х годов положение художественной иконографии на вологодской земле стало заметно меняться благодаря появившимся здесь к тому времени таких талантливых граверов как Н. В. и Г. Н. Бурмагины, одаренного гравера, рисовальщика и живописца В. А. Сергеева, одержимого поисками нового, большого экспериментатора в области станковой графики и не менее талантливого А. Т. Наговицына и многих других мастеров графики. Приехавшие в Вологду после окончания Московского художественного института им. В. И. Сурикова В. Н. Корбаков, Н. В. Баскаков, Д. Т. Тутунджян внесли в атмосферу местных художников дух новаторства и поиска индивидуальных выразительных средств. Ряды вологодских графиков стали активно увеличиваться коли-

чественно и усиливаться, развиваясь и совершенствуясь в качественном направлении.

Для отечественной графики 1960-х годов характерны процессы, направленные на поиски и осознание национальных корней, изучение истории родного края, народных традиций. Художники стремились прикоснуться к истокам этих традиций, понять и прочувствовать их. С этой целью организовывались поездки в районные центры, села и деревни Вологодской области, где каждый художник мог бы обнаружить для себя тот необходимый материал краеведческого, исторического, этнографического содержания, который впоследствии стал бы основной направляющей силой для творческих поисков, тематических, композиционных и технических находок. Именно в эти годы окончательно сформировался пластический язык и внутренняя философия работ двух удивительно талантливых графиков – Николая Васильевича и Генриетты Николаевны Бурмагиных.

В 1960-е годы художники увлеклись книжной графикой. Первым сборником стихов, который оформили Н. и Г. Бурмагины, стала книга А. Романова «Красное застолье». Позднее Н. В. и Г. Н. Бурмагинами были оформлены книги таких писателей и поэтов, как А. Яшин, О. Фокина, Н. Рубцов, В. Дементьев, Б. Шергин, С. Викулов, Л. Сейфуллина и др. Содержимое каждой текстовой подборки будущих сборников требовало от художников индивидуального пластического и композиционного решения образов, отличающихся и эмоциональной окраской.

Результатом творческих поисков, в основном, стали работы, отображающие художественный образ Русского Севера и, непосредственно, Вологодского края. При создании того или иного графического произведения Н. В. Бурмагин больше проявлял себя как мыслитель, носитель идей будущих графических листов, как композитор, сторонник лаконичных и обобщенных форм. Г. Н. Бурмагиной были свойственны напевность линий, многообразие поэтических ассоциаций, богатство фантазии, проявлявшейся в трепетных оттенках и бесконечных нюансах деталей композиций. В результате их совместной работы появляются графические произведения с четкой, отточенной композицией, состоящей из реальных архитектурных форм, соседствующие с фантастическими деревьями, райскими птицами, наполненные множеством деталей, придающих общей композиции оттенок народного фольклора.

Обращение Бурмагиных к иллюстрированию поэзии Н. М. Рубцова было обусловлено не только их собственными, специфически гравюрными интересами. Творчество этого поэта было центром притяжения буквально для многих вологодских графиков этого периода. Поэзия Н. М. Рубцова хорошо отражает суть души русского человека, искренность его чувств, тонкое и, одновременно, философское отношение к природе и человеку. Это было характерно и для Бурмагиных.

Роль и специфика иллюстрации к поэтическому сборнику, в целом, состоит в том, что Поэзия является концентрацией и лаконично выраженной мыслью. И иллюстрация должна соответствовать подобным требованиям, чтобы восприниматься гармонично с поэзией и в то же время иллюстрация должна задействовать тот набор человеческих органов восприятия, который не задействован или задействован в незначительной степени при чтении текста.

Одним из ярких представителей вологодской графики второй половины XX века является Владислав Александрович Сергеев. Это имя хорошо знакомо многим любителям и ценителям изобразительного искусства в России и далеко за ее пределами. В 1963 году В. А. Сергеев по приглашению вологжан из Ярославской области переселяется на постоянное место жительства в Череповец. В процессе своей творческой деятельности он оформляет книги таких известных вологодских поэтов и прозаиков, как Н. М. Рубцов, В. В. Коротаев, В. И. Белов, А. А. Романов и др., находя для каждого автора свою пластическую и эмоциональную характеристику. «Гравюра на дереве, так же как и наборный шрифт в книге, относится к высокой печати. Тонкость штриха в гравюре на дереве вполне соответствует тонким штрихам в шрифте. На каждой странице деревянная гравюра очень хорошо связывается со шрифтом. Поэтому ничто так не идет в книгу, как гравюра. Там ей место, и там она может показать в полной мере все свое разнообразие и тонкость».

Поэтические сборники известного вологодского поэта Николая Рубцова Владислав Сергеев активно иллюстрировал своими графическими работами. Работы, сопровождавшие отдельные поэтические сборники Н. Рубцова, могут по праву быть причислены к образцам книжной графики. В оформлении этого художника вышло в свет четыре сборника поэта:

1. «Последний пароход». Стихи.- М.: Современник, 1973.
2. «Подорожники». Стихотворения.- М.: Молодая гвардия, 1976 (переиздан с дополнением в 1985).

3. «Видения на холме». Стихи, переводы, проза, письма.– М.: Советская Россия, 1990.

4. «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма.– Вологда: ИЧП «Крис-Кричфалущий», 1991.

В работах этого цикла, удивительно тонких по мироощущению художника по внутреннему восприятию автором поэзии Н. Рубцова, прочувствованному пониманию природы северного края, очень остро и полно раскрылось лирическое дарование графика.

Особенность многих графических работ Сергеева – введение в них эпического пейзажа, одновременно играющего роль фона для главного элемента работы – композиционного центра.

И в стихотворных строках, и в графической работе присутствует такая тишина, которая позволяет стать мыслям и чувствам более отчетливыми, остро ощутить движение времени, движение человеческой жизни. Художник умышленно не ограничивает пространство каким-либо техническим приемом. Бесконечность движения времени подчеркивается плавным переходом изображения в белое поле формата, в результате чего это белое поле превращается в бесконечное пространство земли и неба, всей России... Правда наблюдения оттесняется правдой широкого поэтического обобщения. И в этом моменте также наблюдается абсолютный симбиоз между автором текста и автором графического изображения. В обоих случаях ими выделяются две основные образно-смысловые категории: человек и его Родина. Во вступительном слове Вадима Кожинова читаем: «Между тем в поэзии Николая Рубцова есть отблеск безграничности, ибо у него был дар всем существом слышать ту звучащую стихию, которая несоизмеримо больше и его и любого из нас,— стихию народа, природы, Вселенной».

Иллюстрации к стихам Николая Рубцова в исполнении Владислава Сергеева – не украшение книги, художник – не просто ее оформитель. Здесь речь идет только о равноправном соавторстве. Мастер гравюры меньше всего стремился проиллюстрировать то или иное стихотворение поэта, тот или иной эпизод. Все работы художника с невероятной точностью, поэтичностью передают дух и общее настроение поэзии Н. Рубцова. Рассматривая ту или иную работу художника, замечаешь, как необычайно магически затягивает характер поющих линий, композиция, ее составляющие в процесс более тщательного и глубинного восприятия художественного образа, в процесс более подробного прочтывания мысли творца. Подобным магнитизмом обладает и поэзия

Н. М. Рубцова – емкая, зрелая, насквозь пропитанная любовью к России и щемящей грустью по уходящему.

Среди других вологодских художников к иллюстрированию поэтических сборников Н. М. Рубцова обращались Едемский Валентин Ульянович, Щетнев Леонид Николаевич и другие графики. Паскин Владимир Викторович по мотивам стихов поэта создал великолепную серию листов, исполненных в технике акварельной графики.

Поэтическое наследие Н. М. Рубцова и работы вологодских мастеров графического искусства не имеют временных границ. Стихи будут читаемы и воспринимаемы, работы художников будут находить своих зрителей и почитателей.

*Ерёменко Ростислав Сергеевич,
международное научно-творческое объединение
«Родимая землица» им. Н. М. Рубцова,
г. Архангельск*

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЗНАКОМСТВА СО СТИХАМИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Однажды я случайно услышал из уст патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Церковь – духовная мать России...». С тех пор меня заинтересовал вопрос: а что является матерью и отцом России? Думал, что на него не смогу ответить никогда. Я даже поставил знак равенства между этим вопросом и поиском национальной идеи. И вот, наконец, удача улыбнулась мне: я нашел убедительный ответ... у великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова. Поэт – человек, публично мыслящий, следовательно, формирующий общественное мнение; поэт-классик отражает в своем творчестве дух и мысли своей эпохи.

3 января 2016 г. мы отметили 80-летие со дня рождения Поэта – Николая Рубцова.

Удивило меня следующее. В серии «Великие поэты», включющей 100 томов, 45-й том посвящен нашему земляку. Я ознакомился с ним, прочитал с огромным удовольствием книгу Николая Михайловича Коняева «Николай Рубцов» (серия ЖЗЛ) – самую полную и обстоятельную биографию поэта и двухполосный материал Дмитрия Геннадьевича Шеварова «Тихая его родина. Осенние прогулки с другом по вологодским адресам Николая Рубцова» в

«Российской газете» (№ 256 (6827), 12 ноября 2015. с. 30–31), но удача мне, к сожалению, не улыбнулась. И все-таки открытие случилось! Мои искания увенчались успехом! Стихотворение «Острова свои обогреваем...» меня просто обожгло! Его не оказалось ни в 45-м томе, где, казалось бы, должны быть представлены лучшие творения Николая Михайловича, ни в книге Н. М. Коняева, ни в статье Д. Шеварова. Пятое (последнее) четверостишие звучит так:

*Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...*

Просто гениально! Невольно вспомнил прочитанные ранее нетленные строки Сергея Васильевича Викулова:

*Я хотел бы, Россия,
Чтобы ты не забыла,
Что когда-то ты вся
Началась с деревень...*

Но, увы, Сергей Викулов не дал четкого ответа на мой вопрос, и тогда я не открыл для себя рубцовскую истину. Нельзя не воспроизвести здесь же отрывок из стихотворения прекрасного поэта Николая Алексеевича Мельникова:

*Поставьте памятник деревне на Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья, там будут яблочки в траве.
И покосившаяся хата с крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата с позорной пенсиею в руках.*

В эти скорбно-набатные строчки поэт вложил неутихающую и вечную скорбь по единой матери России – деревне и ее выходцах – еще мальчиков, оплакиваемых матерями до могильного креста. Пронзительных стихотворений о деревне немало, но только Рубцов предвидел: Россия будет жить, пока жива деревня. Произведение «Границы» Николай Рубцов заканчивает, словно предрекает:

*Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...*

«Недофинансирование отдельных территорий, труднодоступных в силу различных причин, порождает также «переселение

народов» из сельской местности в крупные города. Это влечет за собой такие негативные в целом для России последствия, как отказ от традиционных ремесел и видов занятости, упадок сельского хозяйства и животноводства, утрату культурно-нравственных и социальных ценностей, гибель крестьянских и фермерских хозяйств. Это подрывает в целом экономику муниципальных образований и отдельных субъектов Российской Федерации. В 35% сельских поселений страны существуют проблемы с общественным транспортом. Система выездных врачебных бригад действует далеко не во всех субъектах Российской Федерации, а развитие мобильных санитарных бригад ограничено из-за высокой стоимости транспортных расходов.

Переселение сельских жителей в города порождает так называемую проблему «мертвых зон» – фактически брошенных территорий с полным отсутствием населения. В XXI веке речь идет даже о «мертвых городах». «Заброшенные города и деревни – яркое свидетельство халатного отношения к имуществу, труду и населению», – констатирует Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Элла Александровна Памфилова. (*Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. Российская газета. 24.03.2016. № 61 (6929), с. 16, раздел «Рост противоречий между городом и деревней»*).

«...всюду одна плачевная картина. Хозяйства разваливаются. Сёла пустеют, школы сокращают, фельдшерско-акушерские пункты уничтожают. Исчезает народ. Жизнь кипела – теперь жизнь сменяет холод. Пройдёт не так много лет, и от села ничего не останется.

Всё можно бы поправить, но когда народ вымер – с кладбища не поднимешь», – поделился своими горькими наблюдениями первый секретарь Федоровского райкома (Саратовская область) КПРФ Виктор Давыдович Малютин. (*Подольских Ф. Три Сергея. Почему кормилец уходит из села. Советская Россия. 19.09.2015. № 103 (14198), с. 2*).

С болью в сердце открыто предупредил правительство и народ России главный специалист по репродуктивному здоровью Минздрава России доктор медицинских наук профессор Олег Иванович Аполихин: «Ситуация с первичным звеном в сельской местности очень сложная. При этом именно село, «сельская» многодетная модель семьи может дать России реальный прирост населения. Поэтому без вложений в первичное звено сельского здравоохранения мы не возродим деревню и не изменим демографическую ситуа-

цию». (*Краснопольская И. Лечить не болезнь. Пациента! Российская газета. 03.06.2016. № 120 (6988), с. 13, рубрика «Медицина»*).

Полагаю, такое единство оценок и выводов, как и их разногласия, выстраданы сегодняшней действительностью.

*Не дожить бы до страшного мига
И увидеть последний плетень
И лощёную Красную книгу
Отживающих век деревень.*

Так пророчески предостерег нас в 1987 г. в стихотворении «Деревня» (*Посох Пересвета. Москва: ИПО У Никитских ворот, 2014, с. 37*) известный поэт В.А. Силкин. В поэтической шкатулке Владимира Александровича, как и в народной памяти, бережно хранятся проникновенные стихи, названия которых говорят сами за себя: «В заброшенной русской деревне», «Телега», «В деревне Божьи Воды», «Деревня Грачи», «В недавно вымершей деревне...», «В деревне перед дождём».

С тревожно-безнадёжным тоном о судьбе деревни написал историк-архивист почётный гражданин Лешуконского района Архангельской области (2006 г.) кавалер ордена «Знак Почёта» лауреат Международной премии им. М.А. Шолохова Анатолий Васильевич Новиков в своей десятой книге «И был в деревне праздник»: «Похоже, скоро большинство деревень станут музеями под открытым небом, если федеральные и региональные власти не обратят внимание на Богом забытую землю, а муниципальные – не начнут активно, ответственно и заинтересованно искать пути к реальному решению проблемы.

А пока все эти пышные и шумные празднества в деревнях чем-то напоминают пир во время чумы.

Вначале мне казалось, что подобные встречи – Дни деревни – как-то всколыхнут и жителей, и местные власти, зарядят оптимизмом, активизируют тех и других, а гостей – приехавших из города земляков – заставят глубоко подумать о возможности единственной помощи угасающим деревням. Поэтому активно способствовал организации таких мероприятий, о чём писал в своих книгах, в газетных и журнальных публикациях, говорил на встречах с земляками. К сожалению, для большинства земляков-горожан такие поездки – дань ностальгии и не больше. Вот почему аборигены не чувствуют серьёзной помощи ни от власти, ни от земляков».

(Архангельск: Лоция, 2016, с. 28).

Но пока в глубинку едут городские поселенцы, она жива. И даже имеет шансы на возрождение. Например, в деревне Медведово Костромской области возникла научно-исследовательская база Сообщества профессиональных социологов, которое проводит исследования, ежегодные конференции, а студенты проходят практику. Одним словом, изучают окружающую жизнь с точки зрения науки. Сельская Россия, наша глубинка зrimо или незримо влияет на все общество, а следовательно, делает его лучше. «Пока в деревню едут городские поселенцы, тут можно многое сохранить и приумножить. Ту же сельскую культуру, которой сами местные не очень дорожат. Конечно, здесь уже не будет распаханных до горизонта полей, тысячных стад, крупных молокозаводов. Это зона депрессивной экономики, и местная сельхозпродукция всегда будет раза в три дороже, чем на юге. Но здесь можно выстроить другую экономику, «очаговую». У каждой деревни (или группы деревень) нужно найти что-то своё, что можно развивать. Где-то, к примеру, замечательная рыбалка, где-то лён растёт, где-то залежи глины или другого полезного ископаемого. Туризм, в том числе исторический, связанный восстановлением усадеб, – тоже хороший ресурс. Нужна воля руководства района, местных чиновников – и дело сдвинется», – утверждает заведующий кафедрой общей социологии и ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии РАН Никита Евгеньевич Покровский. (*Писаренко Д. Спасёт провинцию наука на сеновалах. Аргументы и факты. 08–14.06.2016. № 23 (1856), с. 5.*)

А ярославский бизнесмен и коллекционер Олег Алексеевич Жаров, получивший госпремию за возрождение села-музея «Вятское», на смелое утверждение корреспондента «Российской газеты» Татьяны Владыкиной: «В Вятском появляется надежда, что русская деревня сможет возродиться» заметил, словно вынес справедливый приговор: «Она будет возрождена, я даже не сомневаюсь. Но только за счёт предпринимательства. Это будет, как только появятся соответствующие условия. Пока их нет». (*Владыкина Т. Соло для часов с боем. Российская газета. 13.04.2016. № 78 (6946), с. 17.*)

Село Вятское стало первым членом ассоциации «Самые красивые деревни России», созданной в 2014 г. (Основателем бренда «Самые красивые деревни» является ассоциация «Самые красивые деревни Франции». – Прим. авт.). Учредитель и президент российской ассоциации профессор РГАУ - МСХА им. К. А. Тимирязева доктор экономических наук Александр Валериевич Мерзлов со-

общил о признании некогда умиравшего населённого пункта Кинерма Пряжинского национального района в Карелии. В деревне 16 традиционных карельских домов, из них шесть – памятники архитектуры, т.е. Кинерма – это комплексный памятник истории. Вдохнули жизнь в населённый пункт, дали ему шанс на будущее сестры Надежда Калмыкова и Ольга Гоккоева и Иван Ершов. В Кинерме (первое письменное упоминание о ней относится к 1563 г.) жили их предки, бабушки и прабабушки Надежды и Ольги. Надежда с мужем и двумя сыновьями живёт в деревне, а Ольга в финском городе Оулу организовала общество «Друзья Кинермы». Финны помогают приводить в порядок дома (некоторым из них по 200–300 лет). В одном из домов устроили этнокультурный центр, где возрождаются древние ремёсла по плетению из бересты, ткачеству и вышивке. Группа экспертов оценивала деревню по архитектурным, эстетическим и историко-культурным критериям, учитывала регулярность проведения праздников и ярмарок, фотографичность деревни и гармоничность с окружающим пейзажем.

Вместе с Кинермой титул (официальный статус) «Самая красивая деревня России» завоевала и деревня Ошевенский Погост Каргопольского района Архангельской области, где постоянно проживают 73 человека. Главной достопримечательностью здесь является Александро-Ошевенский мужской монастырь, основанный в XVI веке. 5 июня 2016 г. в торжественной церемонии награждения вместе с А. В. Мерзловым участвовал и иностранный эксперт ассоциации из Франции Жак Рагон.

«Село все равно продолжит расти. Мы собираем последние годы рекордные урожаи и сами себя обеспечиваем продуктом. Мы строим новые дороги и новые дома в сельской местности. Для нашей партии аграрная политика была одним из приоритетов, даже когда село считалось «убитой» отраслью», – уверенно провозгласил Дмитрий Анатольевич Медведев на форуме «Единой России» «Современное русское село», посвящённом развитию агропромышленного комплекса и сельской жизни. (*Павлов П. Аграрная политика остается приоритетом. Известия. 18.04.2016. № 67 (29559), с. 2*).

«Село – это и есть Россия. Не будет села – не будет России. Кто бы и что ни говорил, село живёт и продвигается», – убеждённо сказал гендиректор ООО «Ягоднополянское» Василий Марискин на партийном форуме единороссов. (*Павлов П. Аграрная политика остается приоритетом. Известия. 18.04.2016. № 67 (29559), с. 2*).

О неоплатном долге перед деревней-кормилицей написал в «Поморских самоцветах» (Архангельск: *Правда Севера*, 2015, с. 290) и А. Анатольев свое меткое рубай:

*Деревню нужно уважать,
Ведь нам она – родная мать.
Пусть город выберем – деревне
Должны мы ноги целовать.*

Один знакомый мудрый преподаватель все время спрашивал студентов: «Можете ли вы назвать главный признак личной свободы человека?» И отвечает на этот вопрос так: способность прокормить себя! А что является главным признаком суверенитета страны? То же самое. В Советском Союзе только Россия и Белоруссия были донорами в общесоюзный бюджет – это факт неоспоримый. В настоящее время Беларусь, не имея нефти и иного сырья, не только сохранила деревню, но и подняла село на новый уровень, создав агрогородки и обеспечив тем самым себе продовольственную безопасность.

«Белоруссию считаю своей гордостью. Очень много сил я вложил в развитие сельского хозяйства республики, Минского тракторного завода, в строительство завода «Гомсельмаш», в республиканскую «Сельхозтехнику». Когда я руководил всесоюзным объединением «Союзсельхозтехника» в семидесятых годах, урожайность зерновых в Белоруссии составляла 14 центнеров с гектара. Наши механизированные отряды внесли на каждый гектар пашни по 4 тонны торфа, провели известкование, гипсование, стали все больше вносить минеральные удобрения.

У нас интересный случай был. Мы проводили совещание, и председатель Совета министров Белоруссии Тихон Яковлевич Киселев сказал: мы доведем урожай до 30 центнеров зерна с гектара. А председатель «Сельхозтехники» Украины Николай Петрович Мамотенко говорит: когда вы добьетесь такой урожайности по Белоруссии, я приду босиком из Киева в Минск. И когда белорусы стали получать такие урожаи, мне напомнили: «Найдите Мамотенко, пусть выполняет обещание и идет босиком в Минск...»

Что мешает последовать примеру братской Белоруссии, где используют всё созданное трудом героических поколений и идут вперед? Я неоднократно бывал там в недавние годы. И на промышленных предприятиях. И в селах, которые планомерно превращаются в агрогородки – высокой культуры центральные усадьбы крупных товарных хозяйств. Душа радуется за тружеников полей и ферм. Растут урожаи и продуктивность животноводства, и нет ни клочка заброшенной земли», – вспоминает с удовольствием и радуется сегодняшним успехам Беларуси Александр

Александрович Ежевский, прошедший трудовой путь от токаря иркутского завода им. В. Куйбышева до министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР (1980–1988 гг.) и отметивший 100-летие 3 ноября 2015 г. (*Ежевский А. Три века моей жизни. Советская Россия. 29.10.2015. № 120 (14215), с. 2.*)

И здесь уместно задаться вопросом: а кто отец России? Найти ответ было намного легче. Совсем недавно мы отмечали 100-летие со дня рождения выдающегося поэта К. М. Симонова (28 ноября 2015 г.– *Прим. авт.*). В его поэме «Пять страниц» я прочел следующие жизнеутверждающие строки:

**Человек выживает, когда он умеет трудиться.
Так умелых пловцов на поверхности держит вода.**

Немного позже, читая 67-й том серии «Великие поэты», на 140-й странице у знаменитого автора всенародно любимых песен «Оренбургский пуховый платок», «Ой, снег-снежок», «На побывку едет молодой моряк», «Лен, лен, лен», «На Мамаевом кургане», «Я назову тебя зоренькой», «Гляжу в поля просторные» Виктора Федоровича Бокова в его стихотворении «Я связан с землею дождями, дорогами...» обнаружил подтверждение своему умозаключению:

Я связан с землею певучестью слова,
Железом насыщенных жилистыхrud
И той нестареющей вечной основой,
Названье которой – работа и труд!

Думаю, что я сделал верный вывод: труд – отец России. Так и в жизни: только трудолюбивая, полная семья – первооснова Родины, источник рождения национальной души – может быть счастливой! «Сейчас люди уже поняли, что надеяться нужно только на себя, на свою голову и на свои руки. И на ближний круг. Трудиться. Труд русского народа, как и раньше бывало, сохранит Россию в ее долгом и трудном пути», – оптимистично заявил обладатель главной литературной премии «Большая книга», лауреат Государственной премии РФ и премии А. И. Солженицына Борис Петрович Екимов (*Аргументы и факты. 16–22.12.2015. № 51 (1832), с. 3, рубрика «Личность»*). А Татьяна Воеводина однозначно убеждена: «Нам ещё предстоит сформировать трудовое предпринимательское сословие. Нужно строить такое общество, где все люди – трудящиеся, только один трудится в качестве предпринимателя, другой – в качестве учёного, третий – в качестве рабочего. И все – на общую

пользу». (Воеводина Т. Трудовой буржуй. Литературная газета. 30.03.–06.04.2016. № 13 (6547), с. 3).

Не без горечи об отсутствии достойных условий труда в России смело заявил председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Михайлович Миронов: «Вспоминаю, как в начале 2000-х покойный академик Дмитрий Семёнович Львов делал интересные расчёты, пересчитывая объёмы выпускаемой продукции на один доллар зарплаты. Оказалось, что если считать таким образом, наш работник в разы превосходит и американцев, и европейцев. Те за наши зарплаты вряд ли вообще стали бы работать. Так что не надо лгать: трудиться россияне хотят и умеют, другое дело, что у них нет достойных условий для этого. Потому что в России, к сожалению, сложилось такое позорнейшее явление, как «работающая бедность»!

Ну а порождает её нынешняя политика в сфере оплаты труда». (Миронов С. Ядовитые семена социальной розни. Литературная газета. 27.04.–03.05.2016. № 17 (6551), с. 4).

Вот почему после рассмотрения на заседании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений основных социальных параметров прогноза социально-экономического развития на 2017–2019 годы вице-премьер правительства РФ Ольга Юрьевна Голодец заключила: «У нас каждый человек в стране, получив среднее общее образование, выходит на рынок и получает 7,5 тысячи рублей. И вы говорите о производительности труда... Таких людей у нас два миллиона человек... Есть перекосы, которые нужно реально проработать, и без их устранения мы не сможем двигаться вперед». (Гусенко М. Зарплата по баррелю. Российская газета. 04.05.2016. № 94 (6962), с. 4). Бессспорно, труд россиян недооценен, поэтому правительство и приняло решение об увеличении МРОТ до 11163 рублей с 1 мая 2018 г.

В канун Первомая глава государства Владимир Владимирович Путин наградил в Кремле Героев Труда. (Звание учреждено им в 2013 г.– Прим. авт.). «Наша задача – приумножать достижения предков, опираясь на тысячелетнее наследие, создавать новую страну, благополучную, устремлённую в будущее», – подчеркнул он. «Лидерство и конкурентоспособность государства во многом зависят от стремления каждого гражданина к развитию, к личному росту», – заявил Путин. «Если работать над собой, упорно трудиться и реализовывать свой потенциал, то и страна будет идти вперед», – убеждён он. (Латухина К. Звезды и кубки. Российская газета. 04.05.2016. № 94 (6962), с. 2).

12 июня 2016 г. на торжественном приеме в Кремле В. В. Путин поздравил всех граждан с Днём России и произнёс незабываемые слова: «Наша общая цель – сильная, уверенная, крепкая Россия, открытая к партнерству и сотрудничеству, страна, в которой комфортно и безопасно жить, где люди своим честным трудом и талантом могут добиваться успеха». (*Латухина К. Вера в Отчество. Российская газета. 14.06.2016. № 127 (6995), с. 2*). После поздравления Владимир Владимирович вручил Государственные премии 2015 года. Обращаясь к лауреатам, он справедливо заметил: «Вас объединяет настоящая одержимость своим делом, преданность ему. Вы смогли не только осознать свое предназначение, почувствовать его высоту, но и достичь этой вершины. Такой творческий подъем dается людям незаурядным, сильным, щедрым и смелым, тем, кто обладает внутренней свободой и честным, обостренным восприятием действительности, для кого труд и профессия становятся смыслом всей жизни». (*Латухина К. Вера в Отчество. Российская газета. 14.06.2016. № 127 (6995), с. 2*).

Именно о таких настоящих тружениках просил освещать СМИ основатель и солист группы «ДДТ» Юрий Юлианович Шевчук: «Показывать и рассказывать о людях, которые сеют и пашут, делятся с нами плодами своего труда, своими изобретениями». (*Полупанов В. Мы скучаем по идеи. Аргументы и факты. 15–21.06.2016. № 24 (1857), с. 3*). Известный музыкант весьма интересно развил свою мысль: «Накануне нашей беседы я ехал из Питера в Москву и читал одного из любимых философов – Шопенгауэра, который пишет, что замечательно, когда человек гордится своей семьей, работой, страной. Но гордый человек попусту не болтает. Ему не надо никому ничего доказывать. Он гордость (не гордыню) свою заработал своим трудом». (*Полупанов В. Мы скучаем по идеи. Аргументы и факты. 15–21.06.2016. № 24 (1857), с. 3*).

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху в эксклюзивном интервью первому заместителю генерального директора ИТАР-ТАСС Михаилу Соломоновичу Гусману обратил внимание на роль «русской улицы» в жизни Израиля: «Выходцы из бывшего СССР вписались в него удивительным образом. Не было другой волны иммиграции, которая бы столь впечатляюще встроилась в наше общество, как «русская алия». Сейчас они работают во всех сферах: в армии, в политике, в науке, в промышленности, заняли нишу в культуре и в музыке. У нас много скрипачей, пианистов, математиков. Я думаю, они благотворно повлияли на израильское общество, вывели его на новый уровень. И продолжают оказывать

влияние. Скажу одну очень важную вещь: у этих людей очень развита культура труда, они ориентированы на достижения. Это, несомненно, то, что делает Израиль выдающимся». (*Гусман М. Танк возвращается домой. Российская газета. 08.06.2016. № 123 (6991), с. 7, рубрика «Акценты»*).

«Великая истина заключается в том, что человек может себя реализовать как личность только в труде, причём, имеется в виду труд в самом широком смысле этого слова», – сделал неожиданное откровение при защите докторской диссертации по теме «Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XXI вв.» Валерий Филиппович Цибульский (*Цибульский В. Нежеланные истины. Советская Россия. 24.10.2015. № 118 (14213), с. 2*).

Настоящим героем всегда считали человека, совершившего подвиг, связанный с проявлением личного мужества и риском для жизни во благо других людей. Мне кажется, любое поколение достойно своих героев. Сегодня такими примерами должны служить люди созидающего труда.

Об одном из них – директоре подмосковного совхоза им. В. И. Ленина Павле Грудинине рассказал Юрий Снегирёв в удивительной статье «Замок детства. В подмосковном совхозе им. Ленина построили детский сад в виде немецкого замка». В завершение автор непревзойдённо одним предложением «сцементировал» мою мысль – «родительский брак» (мать и отец Беларуси и России – деревня и труд): «Пытался задать вопрос Грудинину: в чем секрет успеха? А он только смеется, довольный. Ну разве не понятно? Надо просто работать на родной земле. Честно. И все вернется сторицей». (*Снегирев Ю. Замок детства. В подмосковном совхозе им. Ленина построили детский сад в виде немецкого замка. Российская газета. 02.06.2016. № 119 (6987), с. 25*).

В свое время в стихотворении «Благословение» Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов. – Прим. авт.) патетически и верно воскликнул:

*Мы деревушкам скажем черным!
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»*

(Великие поэты, т. 85. Москва: Комсомольская правда НекоМедиа, 2013, с. 222).

22 июня 2016 года, открыв еженедельное издание администрации Архангельской области – городскую газету «Архангельск – город воинской славы», где на 6-й странице напечатана моя статья «Достигают счастья лишь в пути», увидел интервью начальника управления культуры и молодежной политики администрации Архангельска Н. И. Зарубиной. С приятным удивлением прочитал её откровенное, совпадающее с моим, признание: «Талант – хорошо, способности – тоже, но главное в любом деле – это труд. Только так, поставив цель, человек добивается многого». (*Лукшайтис М. День города пройдет как кино. Архангельск – город воинской славы. 22.06.2016 г. № 44 (529), с. 15.*)

Считаю вышеизложенное своим открытием. До сих пор задаю многим один и тот же вопрос: что является матерью и отцом России? – и пока не получил ни от кого, на мой взгляд, естественного ответа, к которому я первоначально пришел благодаря Николаю Рубцову.

Неотступно работая над исследованием, параллельно неожиданно вызрело желание попытаться ответить и на вечный вопрос: с чего начинается Родина? И вдруг мое намерение оказалось прервано понятным размышлением Героя Социалистического Труда, главного научного сотрудника Всероссийского научно-исследовательского технологического института ремонта и эксплуатации машинно-тракторного парка (ГОСНИТИ) А. А. Ежевского: «А ведь именно с этого и начинается Родина – с кружки молока и куска хлеба» (*Иогансен Н. Родина начинается с кружки молока и куска хлеба. Культура. 15–21.01.2016. № 1 (7987), с. 4, рубрика «Достояние»*) и бесспорным выступлением председателя правительства РФ Дмитрия Анатольевича Медведева 6 февраля 2016 г. на XV съезде партии «Единая Россия»: «Россия начинается в поселках, в небольших городах – там, где люди ждут от нас конкретных решений». (*Замахина Т., Кузьмин В. Мы знаем, что делать. Российская газета. 08.02.2016. № 25 (6893), с. 3.*) Ведь это не просто зозвучно, а почти точно совпало с мнением Сергея Викулова, приведенным мной выше.

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ

Сергей БАГРОВ

Сергей Петрович БАГРОВ родился 8 января 1936 года в г. Тотьма Вологодской области. Окончил Тотемский лесотехнический техникум, где учился вместе с Николаем Рубцовым. Позже закончил филологический факультет Пермского Государственного университета. Уехал в юные годы из дома, сменил не менее десятка профессий. Жил в Подмосковье, Алма-Ате, Ала-Тау, Перми.

Печататься С. П. Багров начал в тотемской газете, затем стал публиковаться в областных газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», а также в журнале «Север». Первую свою книгу «Колесом дорога» издал в 1975 году в Вологде. Через несколько лет сборники его рассказов и повестей были выпущены в Москве.

Главными героями произведений являются простые жители деревень и городов Вологодской области. Их внутренний мир, нравственные искания – основные темы книг С. П. Багрова.

Сергей Петрович Багров – автор исторических произведений и книг для детей, мастер литературной миниатюры. За книгу воспоминаний о Н. М. Рубцове удостоен Всероссийской литературной премии «Звезда полей».

Уже являясь членом Союза писателей, С. П. Багров освоил профессию агронома-овощевода. Долгие годы редактировал и писал статьи в популярный журнал «Огородные подсказки». Живет в Вологде.

В Тотемской районной библиотеке им. Н. М. Рубцова открыт Центр писателя Сергея Багрова.

ГОСТЬ

Очерки о Николае Рубцове

РЯДОМ С РОДИНОЙ

Сегодняшний день и Рубцов? Иногда я вижу его, вступающим в зал, где все места заняты. Вступающим не через дверь. А прямо через каменную стену, которая при этом остаётся целой. Словно пришёл сюда Гость. И улыбается во всё своё нестареющее лицо:

- Явился к Вам, чтобы сказать всем неверующим: без поэзии, так же как без любви и милости, нет России!..

Любимец Рубцова, он же его учитель и вдохновитель Александр Сергеевич Пушкин сказал:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...*

Не знал Александр Сергеевич Пушкин, что, говоря о себе, он говорил и о Рубцове, певце, который спустился на нашу землю без малого через сто лет после него. Так же как не знал Николай Рубцов того, что, говоря о Пушкине, он одновременно скажет и о себе:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая её.*

Не по собственной воле оказался Рубцов в Никольском, где родным его домом стал детдом № 6. Здесь, ещё в школьном возрасте писал он стихи. Стихи эти не сохранились. Были они сожжены в детдомовской печке вместе со стенгазетами, куда они время от времени помещались. Да и не жаль их, потому как они никакой поэтической ценности не представляли. Лишь отмечали опыт, с каким подрастающий мальчик год за годом приближался к духовным высотам, на которые в нужный час и взойдёт, как великий певец. Восхождение же своё начал Рубцов именно здесь, в Никольском, или в деревне Никола, как он любил называть эту ведь. Только за летне-осенний сезон 1964 года он написал 39 стихотворений. И почти все – шедевры. Стихи эти стали классикой русской литературы. Почему легли они на душу нам, как выражение высочайших человеческих чувств? Да потому, что писал их поэт с любимой земли.

Но что Емецк с Никольским объединяло? Ведь между ними пятьсот, не менее, километров. Емецк – место, где появился крохотный Коля Рубцов. Никольское – географическое пространство, где он ощущал себя на родительской почве, той самой земле, что была пройдена его предшественниками по роду, жившими здесь во все времена. Вот он ключ, открывающий дверь в хранилище, где ответ: почему Рубцова всегда тянуло в Николу? Да потому,

что интуитивно с помощью собственных чувств и предчувствий он ощущал здесь свою настоящую родину, ту самую, где были когда-то все родственники его. Однако произошел пересмотр главных ценностей русского бытия, и всё пошло окольным путём. Пришлось бежать и даже скрываться во имя того, чтобы спастись. Бежать с исконной родины на чужбину.

А она, сокровенная родина в каких-нибудь 50 километрах от полюбившейся поэту деревни Николы. На берегу речки Стрелица. Здесь у родителей будущего поэта Михаила Андриановича и Александры Михайловны Рубцовых родились первые дети: Надежда, Таисья, Галина. В этом kraю, переполненном сенокосными гладями, ягодными лесами, весёлыми ливнями, плящущими в водах реки золотящимися лучами, должен был родиться и Коля Рубцов. Однако зигзаги судьбы увели отсюда Рубцовых. Увели в иные края, включая Вологду, Емецк, Няндому, снова Вологду, а потом – в никуда. Произошла катастрофа, сравнимая разве с крушением поезда, мчащегося по рельсам. Крушение двух миров. И если один из них из последних сил цеплялся за почву, которая кормит, то второй – строил на этой почве социализм, ставший предтечей трагедии, которая выморила деревню.

Лесная опушка, кузнечки на лугу, речка с плывущей по ней утиной семейкой. Всё это было и есть как на Стрелице, так и на Толшме. И тут, и там красота, с какой сравнимы разве угодья роскошного рая. Вот почему маленький Коля Рубцов в окрестностях тихой Николы ощущал себя сыном здешних полей, деревень, косогоров, лесов, ручейков и речек. Здесь было ему свободно и смело, как если бы он ревился на берегах бойкой Стрелицы, где прошло обитание нескольких поколений его православной родни.

Речка Толшма. Так много о ней уже сказано. Речка Стрелица, считай, не сказано ничего. Но это пока. Хотя и сегодня мы знаем, что на её берегах жили былинные люди. Сильные духом и благородным влиянием на людей. Один из них – приходский священник Феодосий Малевинский. Как продолжатель дела своего отца, он закончил Вологодскую духовную семинарию и в 1895 году был рукоположен в сан священника. Всю свою жизнь вплоть до 1918 года Малевинский истово служил прихожанам Спасо-Преображенского храма. С первых дней Советской власти он выступал за сохранение церковного монолита. Красотой и величественностью завораживали возвышавшиеся над селом Спасским два храма во имя Преображения Господня и во имя Рождества Богородицы. И вот не стало их, не смотря на то, что Малевинский положил

все свои силы, всю свою душу, чтоб уберечь их от разрушения. Для прихожан своих был Малевинский ярким примером служения Отечеству, Богу, Царю и Русской земле. Как заступника собственного народа его ввели в разряд ярых противников Советского государства. Трижды он испытал на себе казуистику большевистского правосудия, приговорившего его в 1937 году к расстрелу. 19 января следующего года приговор был приведён в исполнение.

19 января, но уже 1971 года был убит и Николай Рубцов. Невероятное совпадение. Как если бы назначением дня смерти обоим героям занимался кто-то из высших судей, служивших, однако, Дьяволу, но не Богу.

ВЫСОКАЯ НЕВИДИМКА

Ночи нет, а темно. Мрак на родину наступает. А во мраке, как тени, посягнувшие на страну завоеватели русских земель, кому нужны наши села и города, наши женщины, наши души.

1539 год. Город Тотьма. Орда казанских татар спалила город дотла, увела в свое рабство самолучших девушки и молодок. Забрала с собой и детей, запаковав с головой в берестяные корзины, приторочив их к трясущемуся седлу. Остальных тотьмичей – под секиури или в огонь.

Спаслись лишь везучие, кто успел склониться в колодцах и ямах.

Несчастные погорельцы. Куда им теперь? Остаться в выжженном городе – на такое решились лишь единицы. Большинство пошло Сухоной. Кто-то вверх, кто-то – вниз. Останавливались, кто где. Кто – на Песьей Деньге, кто – на Печеньге, кто – на Толшме. Находились и те, кто приткнулся к далёкой Стрелице. Выбирали места, где бы были болота, и они не пустили бы конницу ворога к новостройкам.

Тотьмичи и теперь верят в то, что деревни по склонам Сухоны образовались от рук плотников-погорельцев. Кто из них остался в памяти у людей? Разумеется, тот, кто сумел отличиться в схватке с непрошенными гостями.

Русское средневековье тем и было обозображено, что отовсюду на Русь шли враги. Вслед за казанцами – крымчаки, турки, поляки, литовцы, немцы.

Память давнего летописца сохранила нам отголосок Руси времён Василия Шуйского, когда по Сухоне вверх и вниз сплавлялись

на лодьях вооруженные ляхи, дабы поживиться бесплатным добром. Повсеместно против головорезов выступали местные мужики. Бывало, что и успешно. Но побед, как правило, добивались они ценой своей жизни илиувечья, которое оставлял на теле русича иноземный булат.

Таким глубоким рубцом на лице был в ту пору отмечен один из самылковских доброхотов. Деревня как стояла, так и стоит на берегу речки Стрелица. Только раньше в ней жили люди, а теперь – никого. Может, и в самом деле отсюда в будущее пошла не фамилия храброго человека, а кличка его. Кличка Рубец повела за собой и фамилию, родившуюся в бою. От Рубца – Рубцов. От Рубцова же – все другие беспрозвищные Рубцовые. Так и пошло ветвление рода с выходом новых его ветвей к берегам соседнего обитания. Больше всего сохранилось Рубцовых вдоль по Стрелице. Кто-то из стрелицких старожилов обрисовал сегодняшних Рубцовых несколькими словами: «Кареглазые, высокого роста, готовые постоять за товарища, вспыльчивые, редкостного таланта, любят гармошку и русские песни, в работе истовы и серьёзны...»

Примечательно также и то, что почти все нынешние Рубцовые пошли от родителей-землепашцев. Всех их вырастила стрелицкая деревня, научившая работать и жить от земли.

Бывал ли поэт Николай Рубцов на родине предков, то есть на речке Стрелице, что впадает в Сухону на левом её берегу, пробираясь сквозь заросли тальника и луга к вольным водам большой судоходной реки? Пожалуй, что не бывал. Иначе бы каждое лето стремился сюда к этим сказочным пажитям, на которых жили все его предшественники по роду. Зато не однажды бывал в доме своих родителей в бывшем районном центре селе Бирякове, когда ехал откуда-нибудь в Николу, или куда-нибудь – из Николы. В Бирякове была у автобуса остановка, и все, кто в нём ехал, заходили на автостанцию, где иногда продавали к чаю дешевые бутерброды. Так что родительский дом, переехавший из Самылкова в Биряково, был поэту знаком. Но знаком как нечто случайное, что встречаешь и забываешь, не зная того, что здесь, в этом доме жили твои мать и отец. Только никто об этом поэту не говорил.

Напротив Самылкова, на другом берегу – село Спасское. Здесь когда-то стояли две церкви: Стрелицкая Спасо-Преображенская и Рождества Пресвятой Богородицы. Протоиереем здесь был Феодосий Евгеньевич Малевинский. Авторитетнейший человек, кто себя проявил, как талантливый пастырь и педагог, как историк и археолог, как этнограф и автор трудов о жизни северного кре-

стьянства. Мало того, Малевинский нес большую общественную работу по насаждению в приходе духовной культуры. Благодаря ему открылась в Спасском церковно-приходская школа. При ней – библиотека-читальня. Из обучавшихся в школе были отобраны талантливые исполнительницы церковно-славянских и русских народных песен. Одним словом, сложился хор певчих. По воскресеньям и праздникам певуньи потчевали прихожан красивым многоголосием. Кстати, одной из участниц хора была Александра Рычкова, будущая мать поэта Рубцова.

Надо было не только слушать, но и смотреть, какое удоволение, какое счастье играло на лицах стрелицких прихожан, когда они посещали церковную службу. Сам вид священника, крест в его богатырской руке, высокие, словно с облака полетевшие голоса нежных певчих, зажженные свечи, лики иконостаса – всё это охватывало порывом светлейшего совершенства. Словно сказке радовалась душа, получив энергию созидания. Люди, право, теряли свой возраст, молодость шла навстречу, и где-то там наверху улыбался сам Бог.

Малевинский знал всех Рубцовых – и малых, и старых. Михаила и Александру, отца и мать Николая Рубцова, венчал самолично, благословляя их в путь, который им принесет многочисленные удачи.

Удач хотелось и самому. Однако в последние годы Феодосий Евгеньевич их не видел. Вместо удач – сплошные потери. Особенно тяжело Малевинский переживал крушение храмов. Сколько было хождений по кабинетам, уговоров и споров, требований к хозяевам новой власти. И всё напрасно. Стоявшие рядом, как сестры-близняшки, церковь Спасо-Преображенская, как и Рождества Святой Богородицы, были приговорены к убиению. Они, как сказали священнику в райисполкоме, мешают строить новую жизнь. Снесли и ту, и другую.

– Как быть-то теперь? – спрашивали сердобольные прихожане.– Как жить-то нам всем без наших любимых?

Феодосий Евгеньевич чуть ли не с бранью поносил большевистскую власть. Потому в беседах и проповедях с людьми всё тверже провозглашал то чудесное время, когда на земле почиталась вера в Бога, Царя и Великую Русь.

Кто-то из очень советских решил, что священник – не наш человек. Написал, куда полагается.

Малевинского взяли. Взяли не в первый раз. Даже не во второй. В третий...

Каждый трудящийся в этом мире, кроме всего обретенного, владеет еще и собственной жизнью. Кто ею может распорядиться? У Малевинского – тройка из главных советских контор, исполнителем у которых – красноармеец с наганом.

У Рубцова – женщина, посланная антихристом из потёмок. Ссора Рубцова и Дербиной. Тяжёлаяссора, когда каждый считает себя только правым, и на этом стоит, как столб.

Есть, однако, предел, за который не заступают. Ибо там, за запретной чертой и скрывается твой мучитель, который не ведает, что творит.

Рубцов почувствовал пальцы, которые взяли его за горло. Физически был он сильнее, чем Дербина. Для того, чтоб от пальцев освободиться, он должен был сам сдавить горло у Дербиной. Но сделать такое ему помешал благородный запрет. Запрет, как завет. Его унаследовал он от матери и отца, от бабушки с дедушкой, от всей своей благородной родни, чья кровь, будучи вспыльчивой, но разумной, передала ему христианское: «Не убий!» И он сдержал свой порыв. Дербина же не смела остановиться. Боялась, что верх возьмёт не она, а тот, кто спасает её от себя, от своих жёстких рук, которые отказались стать орудием смерти.

Произошло очень, очень ужасное. Душа Рубцова, оторвавшись от тела, улетела в небытие. Она и теперь где-то там, как и душа Малевинского, странствует над лугами, как высокая невидимка, заряжая нас верой в то, чего нет, но должно же когда-то и быть. Сердце наше волнуется. Словно мы оказались в берёзовой роще над чистой Стрелицей, где вот-вот запоет соловей, приглашая туда, где всю жизнь служил Господу Малевинский, и куда, сам не зная того, торопился Рубцов. Торопился, как состоявшийся обладатель неслыханного богатства, которое он сейчас раздает бесплатно неумирающими стихами для того, чтобы всем нам теперь жить, жить и жить.

И ёщё. О последней мечте. Родись бы Рубцов лет на двадцать раньше, то встретился бы с Малевинским не как младенец со стариком, а как мужчина с мужчиной, и мог бы, пожалуй, спросить у него о том, что носил в последнее время в глубинах сердца:

– Хотел бы я написать поэму об Иисусе Христе?

Что бы на это ответил ему Малевинский?

Так спросить торопило его предчувствие неземной тишины. И надо было не опоздать. Ибо день смерти как священнику, так и поэту был заранее обозначен.

19 января 1938 года – Малевинскому.

Россия. Родина. Рубцов. Одна из лучших, если не самая лучшая из работ, передающая подлинного Рубцова. Художник Валентин Малыгин.

19 января 1971 года – Рубцову.

Дату эту определил секретарь неведомой канцелярии, служивший, однако, дьяволу из ночи, кто не мог допустить, чтобы голос Поэта услышало Время.

НЕТРОНУТАЯ МЕЧТА

1962-й – был первым годом Рубцова, когда Москва проявила к нему повышенный интерес. Уже не Рубцов искал встреч с лучшими лириками столицы, а они искали с ним встреч. Один из них – Передреев, автор еще невышедшей книги стихов, застрявший в одном из столичных издательств. Передреев еще не видел Рубцова, но, прочтя подборку его стихов, изумился, что где-то рядом в Москве обитает поэт, который вызвал в его душе неподдельный восторг. В этот же день он и встретился с ним в общежитии Литинститута. Не зная, в какой из комнат Рубцов живет, Передреев по

звуку гармошки, выплывавшему из глубин огромного помещения, почувствовал – это он!

И вскоре увидел Рубцова, сидевшего на кровати и певшего под гармошку какую-то грустную песню. Тотчас же гармошка и песня споткнулись на полузвуке, и наступила ненужная тишина. Рубцов своим взглядом, окинувшим гостя, хмуро спрашивал у него: кто такой? Чего надо? Когда уйдешь?

Больше всего Передреева поразило то, что минуту спустя, Рубцов, с того места, где оборвал свою песню, продолжил ее, не сбившись не только голосом и гармошкой, но даже словом, словно и не было паузы никакой. И в этом он углядел подлинного поэта.

Дружба Николая Рубцова с Анатолием Передреевым была настоящей. Но это не означало, что они потакали друг другу во всем. Напротив, нередко спорили по поводу неудачно или громоздко написанного стиха, или не соглашались с мнением о прочитанной книге, которую Передреев хвалил, а Рубцов отвергал.

На одной из любительских фотографий Рубцов стоит, прижавшись к плечу Передреева, который его полуобнял левой рукой, и в этом жесте явственно проступала готовность всегда и во всем защищать поэта, не отступая ни перед чем. Передреев ценил в Рубцове его святую способность думать о мертвых так же, как о живых. Из стихов его, будто из храма, выходят Пушкин, Есенин, Гоголь, Тютчев и Достоевский. А там, в бесконечной пыли рубцовских дорог – и странники-пилигримы, и отрок на быстром коне, и старуха с травой на лице, и страшная конница Чингисхана... Образы бывших людей довлеют над теми, которые в нынешних днях, видимо, потому, что у нас, у живых, протяженность во времени, в лучшем случае, лет 90, у них же, у мертвых – третья тысяча лет. Может быть, в этом слишком огромном неравенстве и таится загадка поэта его отношения к нам и к ним.

И еще занимала его та самая справедливость, чьи корни идут в глубокие дебри древней земли. Иисус Христос – вот кто был для Рубцова загадкой из всех загадок. Как в Бога Рубцов в него верить не мог. Но как в гениальное существо, которое, всё, что есть на земле, поворачивало добром к существующим людям, – в это он верил. И даже хотел эту веру изобразить через образ в стихотворении. Этой своей потаённой мечтой делился Рубцов с Передреевым. Делился он и со мной. Однако мечта так и осталась нетронутой, словно Рубцов специально оставил ее для следующего поэта, кто ее хорошо разглядит и поймет. А поняв, раскроет ее, будто рукопись мироздания.

Осень 1962 г. Сороковой день после смерти Михаила Андриановича Рубцова. Крайняя слева – сестра покойного Софья Андриановна. Крайняя справа – Евгения, вторая жена старшего Рубцова. В центре – Николай Рубцов, его малолетний сводный брат и двоюродная племянница

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Любовь к песне, музыке, к задушевному русскому слову. Откуда она? Безусловно, передалась она маленькому Рубцову от матери и отца.

Михаил Андрианович был отчаянным гармонистом. На всех праздниках, посиделках и вечерах, куда его приглашали, будь это в городе или селе – нигде с гармонью не расставался. Благо был он из тех игроков, кто умел извлекать из гармоники радость, передавая её застолью, дабы все, кто с ним рядом, испытывали приятность.

Мама будущего поэта Александра Михайловна с малых лет, как купалась в народных песнях. И в своей родовой деревне Загоскино, и в Самылкове, где продолжила жизнь свою после свадьбы, была счастлива тем, что жила в ногу с песней... Пела она и на клиросе

в храме Спасо-Преображенском, и на свадьбах во всех веснях Стрелицкого прихода. Так что было кого малолетнему отроку повторить. Повторить, а потом, при взрослении, и возвыситься, как поэту, чьи стихи желанно не только читать, но и петь.

Учительница никольской школы Надежда Феодосьевна Лапина рассказывала, как после уроков в зимнюю пору Коля вместе с ребятами забегал в её дом: «Я любила детей и принимала их с превеликой охотой. Коля любил греться на русской печке и всегда туда забирался первым. А за ним – все остальные. Отогревшись, Коля запевал шутливую песенку:

*Петушок, погромче пой,
Разбуди меня с зарёй...»*

Любил Коля бывать и на квартире у воспитательницы Александры Ивановны Корюкиной. «В детском доме, – вспоминает она, – Коля все любили – и взрослые, и дети. Он был ласков, легко раним и при малейшей обиде плакал. Учился он хорошо. Любил читать и слушать, когда читают. Мы с пионервожатой Перекрест Евдокией Дмитриевной жили на квартире в деревне Пузовка. Часто, уходя после работы, брали к себе домой Колю. Единственно, что он у нас просил – это почитать ему книжку. Особенно любил Пушкина. А от песен, когда по просьбе его мы их ему напевали, всегда волновался и был задумчив. Наверное, вспоминал в эту минуту живую маму...»

При виде гармошки Коля всегда испытывал тихую радость.

Гармоники были разные. Тальянки, хромки, кирилловки, болговки. Пальчики сами искали звуки, за две-три игры постигая характер любой гармошки. Легче всего давалась игра под простенькие частушки. Под них годился любой инструмент. Однако хотелось чего-нибудь посложнее. Чтоб звуки летели от самого сердца и выражали глубокие чувства, от которых бы шло возвышение, какое сравнимо разве лишь с солнцем, когда оно поднимается над землёй и будет вокруг всё живое и неживое.

Постоянным подсказчиком в постижении музыки был дерматиновый репродуктор, откуда лились каждый день молодые советские песни. Иногда и классика шла. Сам Рахманинов, Мусоргский, Бах, Чайковский.

Через год Коля, как гармонист, стал известен не только детству, но и всему кусту деревень, соседствовавших с Николаем. Стала как бы сама по себе складываться артель самодеятельных артистов, умевших под наигрыш Коли петь частушки и песни, читать стихи, танцевать и плясать.

Валечка Межакова, Женя Романова, Толечка Мартюков, Ванюша Серков (называю так, как называли ребят в детдоме – С.Б.) впятером, вшестером заваливались на сани и под бодрое ржанье гнедка мчались по зимней дороге от одной деревеньки к другой. От клуба к клубу. И так в каждый праздник. А то и в простой выходной.

Народ в деревнях на такие концерты не шёл, а бежал. Всем хотелось услышать, увидеть, почувствовать то, что сюда привезли детдомовские ребятки, чьи голоса так чисты, а гармоника так душевна, что не хотелось их отпускать от себя.

Однако детдом – это община. И прикоснуться к эстрадной сцене желали не только энтузиасты, а, пожалуй что, все. Под обаятельным руководством Евдокии Дмитриевны Перекрест родилась незабываемая капелла. 20 девочек. Столько же мальчиков. Среди них – плясуны, шутники, декламаторы и солисты. Гармонист же один. Рубцов, которого звали, кто Колька, кто Коленька, кто Колюха.

Тишина в переполненном зале. И вдруг резкий, как молния, вызвон гармошки, рассекающий воздух перед собой. Тут и голос кого-то из мальчиков – тонкий, чистый, наполненный отрешением.

*Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе, орёл молодой
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!*

Голос смолк. И опять тишина. Продолжалась она две, три секунды. И следом за ней, как великое обрушение, упали в зал 40 взволнованных голосов. Казалось, поют не молоденькие артисты. А те, кто всегда в вышине, кто тревожнее всех и умеет летать:

*Мы вольные птицы – пора, брат, пора
Туда, где за морем синеет гора...»*

Было кому сострадать, обмакивать кончиками платочек слезящиеся глаза. Пробирало всех. Песня искала отклик в сердцах. И находила его, вызывая смятение и восторг, и ещё желание петь не одним самодеятельным артистам, а всем. И называлось это желание – сближением душ, или объединением.

ТРИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Философствовать Николай любил. Гегель, Кант, Аристотель, Платон... Знания этих прославленных мудрецов были в какой-то мере и знаниями Рубцова. Трудно представить, что Николаю, при всей его внешне беспечной, почти безалаберной жизни неведомым образом удавалось познать их работы и, осмыслив в сознании, применить в сегодняшнем дне. Помнится, как мы сидели в маленькой кухоньке на квартире ответственного секретаря тотемской районной газеты Василия Дмитриевича Елесина. Василий владел ситуацией в философских беседах. Три времени жизни. О них и был разговор.

Былое, нынешнее и будущее. Чем они отличительны друг от друга? Вопрос поставил Елесин. А отвечал на него Рубцов. Прощлому он приписывал героизм и стояние, сегодняшнему – растяянность и хаос, будущему – единение.

Елесин сыронизировал:

– Фашисты и коммунисты. Неужели ты допускаешь, что они могут жить в мире и дружбе?

Рубцов отодвинулся от стола вместе со скрипнувшим стулом.

– Именно так и будет!

Тут и я подбросил вопрос:

– А если взять капитана милиции и разбойника-душегуба? Они что? Тоже объединятся?

– Тоже!

Мы с Елесиным рассмеялись. А Рубцов посмотрел не на нас, а сквозь нас и вдруг резко спросил:

– Кто вы такие?

Елесин настороженно:

– Ты, Коля, чего? Не знаешь?

– Знаю, не знаю, – ответил Рубцов, – дело в конце концов не в вас, а во мне! Вы – обычные тотемские ребята. А я? Я – герой пролетевшего времени. В будущем будут меня читать. А в сегодняшнем? – Лицо Николая чуть побледнело. – В сегодняшнем я – задержавшийся гость...

Да, умел Николай оперировать вечностью, словно был, в самом деле, оттуда, и всё безошибочно знал наперед.

С картины художника Юрия Воронова

СТИХОТВОРение на ладони

От скуки, царившей на многих занятиях в Тотемском лесном техникуме, Рубцов уходил, углубляясь в процесс сочинительства стихотворений. Поэту было занятно. Зачем ему эта вывозка дрёвесины? Строительство нижних складов? Ремонты дорог? Когда можно было умом и сердцем пробраться в лирическую стихию и ощутить себя в ней плодотворным творцом!

Тетрадка, которую он обычно прятал за голенище валенка или под узкий ремень на брюках, была у него постоянно в ходу. Действовал Николай, как подпольщик, конспиративно, тайно и осторожно. Преподаватели ничего не знали об этой тетрадке. Считали его образцовым студентом, кто никому не мешал, сидел тихо и был внимателен и улыбчив. И на любой их вопрос мог ответить толково и чётко. Иногда даже лучше, чем объясняли они. Из-за чего его старались не беспокоить.

Какие стихи попадали в тетрадку? Знал об этом лишь он. Да тот, кто однажды взял и выкрадул её. Потеря тетрадки Колю не омрачила. Обойдется и без нее. Вместо тетрадки стал он записывать строфы свои на левой ладони. Запишет, запомнит и уничтожит,

стерев строфу рукавом пиджака, а то и сырым языком. Само же стихотворение так и так оставалось в его голове. Какое оно? Любовное, хулиганское, злое или смешное? Никто не узнает. Сам же он возвратиться к нему мог всегда.

Позднее таким же способом писал он стихи на флотских политзанятиях – продолжительных, очень нудных, с которых всегда хотелось сбежать. Но никто не сбегал, все терпели. Один лишь Рубцов был задорен и свеж, и лицо его выражало главным образом то, что скрывалось от всех в потаенных стихах.

Рязанский литератор Валентин Сафонов, служивший вместе с Рубцовым на Северном флоте, утверждал, что «Видения на холме» Рубцов написал во время политзанятий.

Стоял 1958 год. Эпоха Хрущева. Матросы слушали, одолевая тоску, то, как надо выращивать кукурузу, то, как по морю плыть, то взлетать в небеса, одним словом, иметь успехи в небе, море и на земле. Рубцов же, как и в Тотемском техникуме, был задумчив и бодр. Благо он в это время творил.

...Россия, Русь, куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты
И твой степной бунтарский свист разбоя!
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя...

Лирика и политика. Казалось бы, им противопоказано друг с другом дружить. Однако Рубцов доказал иное.

ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО

Человек должен быть счастлив! Всегда! Николай Рубцов, при всей его внешне сумбурной жизни, понимал это как никто. И стремился к тем вечным красотам, какие им были воспеты в его стихах, благо тогда он только полно и жил, когда находился в горении слова. Жизнь повседневная и жизнь, рождающая шедевр. Эти две жизни стояли друг против друга, как два враждующих стана, вызывая в душе поэта предоощущение катастрофы, которую он, иронически улыбаясь, решительно отвергал, хотя, как игрок, заигрывающий со смертью, знал, что на этом свете оставлено место

и для нее. Спасала поэта от катастрофы – главное его божество – родная природа и то, что он мог нести ее в сердце и радоваться, когда удавалось сказать о «грозном и прекрасном» мире все, что требовала душа.

Успокоение. Слово это слишком большое, вмещает в себя не только вселенский покой, но и земные счастье с любовью. Обо всем об этом поэт многократно высказывался в стихах. А однажды летом (не помню какого года), когда мы, несколько человек – Рубцов, Коротаев, Романов, Белов, Сушинов и я, собрались у кого-то из нас на квартире и читали по очереди книгу «Ходю», Белов сказал:

– Отличная проза! Написано про китайца, а читаешь, как про себя.

– Именно так! – засветился Романов.– Беда за бедой колошматят этого пилигрима! А он, вопреки этим бедам, спокоен и даже весел!

– Неунывающая душа! – улыбнулся Сушинов.

– И у нас, – подхватил Коротаев, – сколько таких неунывающих Ходей разбросано по Руси. Живучие, как муравьи. Никакая их сила не уничтожит! И вот спрашиваю у вас: чем живут эти Ходи?

– Силой своей души, – ответил Рубцов, – спокойствием духа. И еще: неумением обижаться и обижать... – Сделав паузу, Николай чуть прищурил глаза. – Хорошо бы об этом сказать стихами.

– В чем же дело! – не выдержал Коротаев. – Скажи!

– Непременно скажу! – согласился Рубцов. – Через книгу. Я и название ей придумал: «Успокоение». Собственно, книга почти готова. И лежит в моей голове. Остается ее записать и издать...

Приблизительно так говорил Рубцов за этим застольем. И надо думать, свой замысел смело осуществлял. Мне и позднее не раз приходилось слышать от Николая:

– Надо такую книгу, где бы редактор был со мной заодно и нигде бы меня не правил.

Но Рубцов не успел. Книга, в которой бы все было так, как хотелось поэту, так и не вышла. И слова поэта, что он назовет ее «Успокоением», так и остались словами.

Ан, нет! В моих руках книга «Николай Рубцов». Автор ее – Тамара Данилова. Вот что она сообщает:

«В Вологодском архиве в рубцовском фонде среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова написаны (и пронумерованы) названия тридцати девяти стихотворений с общим заголовком «Успокоение». По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов.

Великому Поэту России книгу «Успокоение» в задуманном поэтом виде издали как в Петербурге, так и Вологде. Воистину, Рубцов и после жизни остается для нас действующим поэтом. Вот как объясняет Тамара Валентиновна это емкое слово:

«Успокоение – это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием, это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение цельности и полноты жизни! При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольным соколом». И еще:

«Единство с Божественной Природой – основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она – в нем. Все во всем. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой – это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование ее Законам, что предполагает их Знание (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни наших предков?). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания. Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед ним сложнейшие и неразрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высыпался, сливался с окружающим миром, душе его «сходило УСПОКОЕНИЕ».

МЕЧТА

В августе 1965 года несколько дней Рубцов жил в двух километрах от Вологды, в деревне Маурено, где я снимал у местного жителя крохотную квартирку. Помню, как шли поутру средь поспевших хлебов по росистой тропе.

– Это мое! – Рубцов показал на взятое золотом поле ржи, не спеша уходившее к горизонту.

– Это тоже мое, – показал минут через пять на стайку вспорхнувших ласточек над забором.

– И это мое! – палец его обводил полукругом равнину лугов, над которыми громоздились, как горы, толпы сиренево-белых туманов. – Ты видишь обычное испарение. Я же – могучую конницу Чингисхана, поднявшую пыль на тысячу километров! Этот образ я забираю себе. Честное слово. Я счастлив! Этого злого гения я знаю и понимаю.

- Понимаешь?
- Представь себе. Лучше всех! Я его чувствую всеми своими костями. Я напишу поэму о Чингисхане...

БОГАТЫЙ И СИЛЬНЫЙ

Зима 1964–65 гг. прошла у Рубцова под кровлей поэта Бориса Чулкова. Способствовал этому ответственный секретарь писательской организации Александр Романов, уговорив Бориса Александровича сдать Николаю Михайловичу комнатку в его доме.

Чулков ходил на службу в редакцию. Был свободен лишь вечерами. И возвращаясь с работы домой, заставал Рубцова или за чтением книг французских поэтов, или за музыкой, которая заполняла квартиру, и вид поэта, ходившего взад-вперед с сигаретой по комнате, стол с проигрывателем, где крутилась пластинка, и заоконная панорама морозной Вологды вызывали в нем чувство связи с чем-то возвышенным и прекрасным.

Порою Рубцов совершенно не замечал Чулкова, явившегося домой, настолько он глубоко уходил в тот возвышенный мир, которым жили когда-то авторы сверхшедевров. Вариации на русские темы Глинки, вальс-фантазия, испанские увертюры «Ночь в Мадриде» и «Арагонская хота» сменялись второй симфонией и «Ноктюрном» Бородина. А там сам Мусоргский с его оркестровым сочинением «Интермеццо», «Скерцо», «Рассвет над Москвой-рекой», равных которым, конечно, нет ни в одной музыке мира.

С поэтом Борисом Чулковым.
Комсомольский сквер. Вологда, 1964 г.

Нередко хозяин и квартирант вместе крутили пластинки. Вкусы их совпадали. «Времена года» Чайковского в фортеинном и оркестровом изложении. Второй концерт для фортепиано Рахманинова. «Классическая симфония» Прокофьева. Музыка к Пушкинской «Метели» Свиридова. Звучал и Стравинский с его фрагментами из «Петрушки», «Оркестровым танго» и «Рэгтаймом». Музыкальные исполины, когда их слушал Рубцов, буквально овладевали всем его существом. Сам того не замечая, поэт переселялся в неведомый для него, весь в страстиах и волнениях мир. Калинникова он слушал, помаргивая глазами, из которых, казалось, вот-вот брызнут слезы. А какой тревогой охватывало его, когда внимал он пятой симфонии Глазунова, той самой, которая грозно звучала по радио в день нападения Германии на нашу страну.

К джазу, полагает Чулков, Рубцов относился прохладно. Равнодушен был и к «Апассионате» Бетховена. А нашенскую попсу, как и американскую, не переваривал, и даже советовал Чулкову вообще никогда не слушать, чтобы не засорять благородный слух. Очень любил Рубцов «Реквием» Моцарта. Интересовался: у кого бы можно было послушать Дебюсси и Пулленка – великих французов, учившихся на музыке Мусоргского, Корсакова и Скрябина. Квартира Чулкова стала для Рубцова чем-то вроде музыкальной консерватории, где тревожная музыка властно вторгалась в душу его, и он, казалось, всем своим существом прикасался к Вселенной, откуда навстречу ему шли видения и картины, каких еще не было на земле, и он ощущал себя очень богатым и очень сильным.

ДОМОЙ

Сколько раз Николай опаздывал то к автобусу, то к пароходу, и приходилось искать попутку, с какой бы можно было отправиться в путь.

Пусть подкинут хотя бы на треть или четверть пути. Там, где будет его неконечная остановка, в незаметном каком-нибудь грустном селенье около чайной или поленницы дров он, подняв воротник пиджака, подождет и усядется вновь на любой бензовоз, пятитонку или трехтонку, лишь бы транспорт имел колеса и, ревя, устремлялся вперед.

Кто считал его остановки на тракте: Вологда – Тотьма? На дороге: Никольское – Верхняя Толшма? Кто его видел в Чучкове и Воробьеве? В Погорелове? В Красном? В Манылове? В Бирякове?

Черепаниха. Стоит деревня на левом берегу Сухоны. Однажды Рубцов ночевал в двухэтажных хоромах, где его приютил секретарь местного сельсовета. Секретарь нашел Рубцова в потёмках возле костра, у реки, где он собирался ждать утренней переправы. И чуть ли не силой увел к себе в дом. Накормил, попотчевал чаем и предоставил постель. А утром на собственной лодке увёзnochлежника за реку. Там до Николы всего-то 25 километров. Одолевать такой путь Николаю Рубцову было, естественно, не впервый.

Ездил он на телегах и волокушах, на буксирах и катерах, лесовозных санях, в дровнях, розвальнях и каретах. Оттого так много стихов у него о старинной, в пыли и тумане, дороге, о храмах и кладбищах над рекой, пароходных гудках, чистых звездах, матросах и пилигримах. Особенно часто дорога его прерывалась в селе Черепаниха. Здесь надо было через реку. Но переправа за Сухону прекращалась еще до потемок. Что делать, если всюду безлюдье и погашенные огни? Иногда он просился к кому-нибудь на ночь. Но чаще всего он отсюда не шел никуда. Разжигая костерок и сидел, прокалывая глазами наступавшую на него вологодскую темную ночь.

Тишина, плеск волны, почерневшие елки на косогоре, месяц на вылете из-под тучи – всюду сон и покой. А в покое том – Русь. Спит и спит и не будет конца ее сну. Но поэт терпелив. Переждет эту ночь. Переправится на пароме. А уж там, как на крыльях – домой!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Еще до выхода в Лениздате книги Рубцова «Посвящение другу» (1984 г.), его издатели спрашивали меня:

- Кому Рубцов посвятил это стихотворение? Быть может, тебе?
- Я помотал отрицательно головой:
- Не мне.

В 1966 году Рубцов все лето провел на Алтае. Побывал в Барнауле, Горноалтайске, в деревне Кислухе, в Бийске и Красногорском. Сибирь во многом напоминала ему Вологодскую область, по которой он постоянно скучал и писал своим закадычным друзьям короткие письма. В одном из них к Александру Романову он сообщал:

«...Пишу тебе из Сибири. Ермак. Кучум... Помнишь? Тайга. Павлик Морозов...

Много писать не стану, т. к. сейчас пойду на рыбалку, да тебе и не будет интересно, если я начну описывать свои последние впечатления или еще что-то. Скажу только, что я сюда приехал, кажется, на все лето, т. к. еще не бывал в этой местности и решил использовать возможность, чтобы посмотреть ее. Изучить ее. Перед отъездом сюда взял командировку от журнала «Октябрь». Скажу еще только, что сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...

Н. Рубцов.
С. Красногорское Алтайского края».

В Александре Романове, как ни в ком другом, Рубцов почувствовал истинного поэта, чья духовная сила и власть над словом были настолько крупны, что он принимал его за творца, чей уровень был такой же высокий, как у него, Николая Рубцова, понимавшего, что сегодня в поэзии он всех выше. На равных они беседовали о древностях русской культуры, о языке, о городе и деревне, о том, почему страдает и пьет сегодняшний человек. Рубцов допускал даже критику Александра. Как-то по осени, отдыхая в скверике на скамейке, под легкий шорох летящей листвы он прочитал только что им написанное стихотворение:

*Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.
Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,*

*И было все полно печали
Над этой старой головой.
Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку...
Наверно, трудно одному?
Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.
Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу.
Словами тихими, скучными
Благодарит свою судьбу.
Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч.*

Прочитал и ждал, что на это скажет Романов? А Романов вспомнил стихотворение Некрасова «Влас».

*В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой.
Медленно проходит городом
Дядя Влас – старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на божий храм, –
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам.*

И сказал Николаю, что образ странника-старика не нов. Об этом уже писали. К тому же Рубцов изобразил его заурядно. И концовка стихотворения излишне красива, с преувеличенным обобщением.

Рубцов ничего не ответил на это, но было видно, что он с Романовым не согласен. Позднее, спустя два с лишним десятилетия, Романов вспомнил тот разговор и подумал о том, что тогда он был, конечно, не прав. Образ души, подобный лучу, сейчас не казался ему излишне красивым. Метафора воспринималась по-новому, как энергия жизни, как благотворное просветление в сумраке человеческого разлада. И сам старик, несмотря на скучность деталей в его описании, представлялся уже далеко не некрасовским,

а рубцовским. Но главное то, что поэт, подобно пророку, за четверть века запечатлел одного из огромной армии вымирающих стариков, которые стали явлением каждого города и деревни.

*«...И было все полно печали
Над этой старой головой...»*

Воистину, всё о теперешних днях, в которых идут и идут гонимые бедностью старики.

Романов часто встречался с Рубцовым. Встречался всегда радостно и охотно, ибо видел в нем не соперника, а собрата по поэтическому горению. В то же время Романова огорчало, что живет Рубцов хуже, чем надо. И одет-то он бедновато. И с семьей не пойми чего. Да и денег, наверное, нет. Правда, внешне Рубцов не показывал виду, что испытывает нужду. Неудобно было ему и просить у Романова трешник, чтоб купить на него хоть какую-нибудь еду. Потому, приходя к нему на квартиру, садился стеснительно на диван, доставал записную книжечку и писал:

«Александру Александровичу Романову

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу, если это возможно, одолжить мне, Николаю Михайловичу Рубцову, три рубля. С обязательным возвращением.

Н. Рубцов.»

Романов, естественно, понимал, что Рубцову сказать вслух о трешнике было до невозможности неудобно. И, само собой, чем мог, выручал. И за стол уговаривал сесть. И расспрашивал о делах. Словом, очень старался, чтобы Рубцов поотмяк.

Рубцов и Романов часто встречались в редакции «Вологодского комсомольца». Сядут за маленький столик. Шахматы перед ними. Вроде, играют, однако фигурки стоят на доске и стоят, не трогаясь с места. А игроки оживленноглядят друг другу в глаза и ведут разговор. Сколько было таких разговоров! Кто их записывал? Или запомнил? Обычно в той комнате за тремя двухтумбовыми столами сидели сотрудники двух отделов. Я отвечал за сельскую жизнь. И если не был в командировке, то тоже сидел за столом. И слушал умные разговоры. Один из них все-таки вкратце запомнил.

В комнату из соседней, где был идеологический отдел, вдруг вбежал, сверкая единственным глазом, Клим Файнберг. Увидев поэтов, воскликнул:

— Милые вы мои! Саша и Коля! Может быть, вы почитаете то, что написано здесь! Если одобрите,— будем печатать! — И, положив поверх шахмат исписанный мелким почерком лист, тотчас же исчез.

Первым листок прочитал Рубцов.

— Не стихи, а какая-то жидкость! — сказал он недоуменно.— И автор такой же, наверное, жидкий.

— Жидкое слово в поэзии,— вторил ему Романов,— ничего не дает ни уму, ни сердцу. Слово должно светиться!

— Или гореть, как молния под грозой! — прибавил Рубцов.

— Главное в слове,— закончил Романов,— должна отражаться не жизнь, а сок этой жизни...

Они оба умели чувствовать слово. Заурядность и серость была для обоих невыносима. И еще понимали они, что красоты поэзии можно было открыть везде, если их разглядеть через чуткое сердце. А если рядом сама природа?

О-о! Как они ее понимали! И принимали ее, ощущая в груди пробуждение нежности и восторга.

Как-то осенью, по морозцу, проходя окраиной Вологды (куда поэта только не занесет!), возле скромных домов с палисадами, где сгорали горячие георгины, Романов лоб в лоб столкнулся с Рубцовым.

— Ты откуда?

— От добрых людей!

— Ночевал, что ли, там?

— Ночевал.

— И куда?

— Сам не знаю.

— А как себя чувствуешь?

— Погляди! — Николай повернулся лицом к палисаднику, откуда навстречу ему, приподнявшись над клумбой, сияли побитые холодом георгины.

— Они меня понимают. Как и я понимаю их.

Через год в журнале «Октябрь» появилось стихотворение «Посвящение другу».

*Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...
Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.*

*Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.
Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои,-
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!
Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.
Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...
Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!*

Вероятно, Рубцов написал это стихотворение, когда странствовал по Алтаю. Во всяком случае, поэт из села Красногорское Геннадий Володин, у которого жил Рубцов несколько дней, свидетельствует об этом.

И все-таки, почему, наряду с такими стихотворениями как «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне», «Шумит Катунь», «Сибирь, как будто не Сибирь» Рубцов писал на Алтае стихотворение, насквозь пронизанное северными ветрами? Здесь можно только предполагать. Скучая по Вологде, он писал товарищам и друзьям сердечные письма, надеясь, что те ответят ему. Ответил Романов. Ах, как было отрадно читать прилетевшее из любимой Вологды откровение друга. И вспомнил Рубцов холодную осень и отгоревшие георгины. И себя, и Романова тоже вспомнил. Вспомнил свои дороги на пароходах и поездах. Вспомнил деревце с коновязью ...Вскользнулось в душе. Придвинулось нечто щемящее и родное. Рука потянулась к перу.

В одном из номеров журнала «Октябрь» за 1967 год состоялась подборка стихов Николая Рубцова. Тираж огромный. Однако подпись «Александру Романову» над «Посвящением другу» стояла только в одном журнале. И была она от руки. Почему? На это ответить мог только Рубцов.

В фойе Дома Вологодского политпроса.

Слева направо: поэт Александр Романов, заведующий сектором печати обкома партии Василий Невзоров, Николай Рубцов, бухгалтер Вологодской писательской организации Лиза Дресвянкина

НА ГОЛОС СУДЬБЫ

В ожидании парохода мы прогуливались по берегу Тотьмы втроем: Николай Рубцов, сотрудник местной газеты Гоша Макаров и я. Было лето 60 какого-то года. Шли и слушали Гошу, который писал в то время очерк о сподвижнике Стеньки Разина атамане Илюшке Пономареве. Рассказывал Гоша про то, как Илюшка, спасая себя, бежал от своих товарищей, оставил их пропадать в таежных урочищах Унжи. Предстояло ему ватагу восставших, в которой было семь сотен бойцов, куда-нибудь прятать или бежать с ней к востоку. Но это было связано с риском. Повстанцев уже настигал воевода Нарбеков, и без боя уйти от него было уже невозможно. Илюшка понял, что он проиграл, потому и решил исчезнуть, как невидимка, взяв с собой не 700 человек, а лишь пятерых. Хотел отсидеться в Тотьме до лучших времен. Да около речки Черной, в пяти верстах от уездного города был схвачен и сразу доставлен в губнную избу, где воевода Ртищев и заставил Илюшку разговориться, а там и повесил его на высоком Сухонском берегу.

Нас с Рубцовым смущила не столько казнь атамана, сколько его путешествие на санях после смерти по многочисленным селам и деревням трех соседних друг с другом уездов, где Илюшку вешали снова и снова, дабы устрашить его видом местных селян. Мол, подобное будет со всем мужичьем, кто подымет голову на царя.

– Сплоховал атаман, даже жалко его, – подытожил Макаров.

На что Рубцов горячо, в возмущении:

– А мне нисколько его не жаль!

Макаров смущился:

– Но почему?

– Потому, что он дезертировал, – ответил Рубцов, – бросил своих товарищей. Будь я тотемским воеводой, я бы тоже его, как предателя, к смерти приговорил.

Приблизительно так выразился Рубцов об Илюшке Пономареве.

Спускаясь к пристани, куда был должен приплыть из Вологды пароход, Рубцов покосился на красную крышу Потребсоюза, где когда-то был голый берег, на котором стояла виселица с Илюшкой.

– Угрюмое место, – вздохнул и, не приняв души разбойного человека, повернулся к реке.

Тут раздался гудок, и возле Зеленей мелькнул двумя этажами белопалубный Ляпидевский. Рубцов немного повеселел.

– Завтра на нем я и поплыву.

– Куда? – спросил я его.

– Сам не знаю пока, – ответил Рубцов, – но сначала в Москву. Ну, а там, может, даже туда, где всё это происходило.

– Неужели на Унжу?

– Почему бы и нет! Возьму в каком-нибудь толстом журнале командировку – и на целое лето в края, откуда бежал трусливый Илюшка.

Не поверил Гоша Рубцову. Не поверил поэту и я. Однако Рубцов по приезду в Москву, действительно, взял в одном из журналов командировку. И умчался куда-то на Унжу, а там и в глухие смешанные леса, где когда-то разбойничал Стенька Разин. Правда, пробыл он там недолго. Всего лишь несколько дней. И, возвратившись оттуда, даже еще по дороге в Вологду начал писать: «Мне о том рассказывали сосны...» Писал под стук колес поезда. Продолжил же эту поэму в Тимонихе, у Белова. А закончил ее у себя на последней квартире в Вологде, на улице Яшина, номер три. Поэму о той роковой, крайне редкой любви, какую заслуживает не каждый.

БОЙ ЧАСОВ

Порой в публикациях о Рубцове упоминается о часах в зале одной из тотемских библиотек, которые якобы, громко стукая маятником, мешали поэту прочесть стихи, и он попросил их остановить. Сам по себе факт достоверен. Однако несколько искажен. Нет такой в Тотьме библиотеки, где бы часы своим механическим стуком мешали кому-то в ней заниматься, тем паче читать вслух стихи. Часы помешали Рубцову и в самом деле. Но только не в зале библиотеки, а в частном доме, где я родился и где нынче живет у меня сестра. В тот приезд – а было это в лето 1969 года – Николай появился в доме Барановых без меня. Попал как раз на воскресные пироги. Именно здесь, в маленькой кухне с окном, выходившим во двор, где цвели яблони и цветы, Николай и читал свои новые стихотворения. Читал, пока его голос не заглушил глуховато-раскатистый бой старинных часов с медными гирями и цепями.

Было восемь часов. И ударить часы должны восемь раз.

Какой из поэтов любит, когда его грубо перебивают. Рубцов был к тому же в тот вечер чем-то еще и расстроен. Потому он прервал свое чтение и, взглянув на часы, раздраженно потребовал:

– Остановите их! Вы же слушаете мои стихи, а не эти куранты!

Маятник придержали, и Рубцов закончил чтение в установившейся тишине. Потом закурил сигарету и вновь посмотрел на высокие, в деревянном корпусе с длинным маятником часы.

– Странно! В поэзию ворвалось само время! Быть может, оно хотело меня о чем-то предупредить? – Рубцов посмотрел на хозяев дома. Но те ничего ему не сказали. Рубцов в третий раз посмотрел на часы.

- Им, наверно, сто лет?
- Больше.
- А мне — тридцать три, но чувствую я себя старше, чем эти часы. Видимо, я обогнал свое время.

ПРИВЕЗУ ГОВОРЯЩУЮ КУКЛУ

Воспетая Николаем Рубцовым деревня Никола. Воспетая ещё не изданными стихами. Стихи и слава будут потом. А пока он, как гость. Живет с Генриеттой, подарившей ему красавицу дочь.

Пологие тени. Шелесты и сиянья. Они заманительны и спокойны. Они где-то рядом и где-то вдали. Они в медлительно тающих тучках. Они в траве, зажигающейся цветами. Они в шлемовидных стогах вдоль по берегу сонной Толшмы. Они в черёмухе под окном, где порхают с утра до вечера юркие птахи. И ещё они в окнах уютного дома. Окна грустно глядят на просёлок, что уходит ползком к темнохвойному лесу, среди ёлок которого бродит с наберухой кто-то в цветастой рубахе.

Да это же Коля Рубцов! Собирает грибы. Собирает и строчки ещё не созревших стихотворений. Для грибов у него корзина. Для стихов — голова.

Вечером Коля сидит за столом. Рядом с ним Гета и тёща Шура. Кушают жареные грибы. Одна Лена не кушает. Ей хочется порезвиться. Забирается на широкую лавку. Бросается сзади по-переменно то на бабушку, то на маму. И к папе бросается, но уже на его колени. И, радуясь, разливается чистым смехом, как колокольчиком под дугой.

Папа спрашивает дочурку:

— Завтра, наверно, поеду в Москву. Чего тебе привезти?

Дочка взглянула папе в глаза, чтобы понять: шутит он или не шутит? Убедилась — не шутит. И затаённым от радости голосочком не говорит, а, право, гладит папу по голове:

— Говорящую куклу!

Лена Рубцова. Она уже не ребёнок. Ей девять лет. Где-то рядом с ней говорящая кукла, которую ей подарил отец. Отца уже нет, но она любила его и любит.

Всегда

ЛОШАДЬ В ГОРОДЕ

Сколько коней повидал на своем веку Николай Рубцов! Не нам и считать. А если нам, то мы непременно собьёмся со счета.

Первую лошадь по кличке Сильва Коля увидел в селе Красково. На ней детдомовский возчик Василий Иванович Поливин отправлялся возить дрова, картошку и воду. И в город – на ней. И пахать огороды – на ней. Однажды Коля, насмелившись, попросил:

– А можно я её подержу за вожжи?

Поливин не отказал. Посадил шестилетнего Колю рядом с собой на перёд телеги. Дал ему вожжи. И рассмеялся:

– Поехали, что ли?

У Коли улыбка от уха до уха:

– Ага!

Недалече и ехать. Какой-нибудь километр. Привезти с лесопилки десяток досок. Коля бодр, как весенний скворец. Еще бы! Такая большая, с хвостом до земли черногривая лошадь, не кому-нибудь там, а ему подчинялась и шла, управляемая вожжами, которые были в его руках. Да и дорога такая живая! Вон козлик сворачивает в кусты, уступая им путь. Вон кроха-цыпленок в траве, заблудился, видать, и не знает, как возвратиться теперь к своей маме. Вон лужа, откуда торчат моргающие глаза.

– Это чего? – изумляется Коля.

– Квакухи! – растолковывает Поливин.– Ночью был дождь. Вот и налило по дорогам. Для лягуш лужи – рай...

Последнюю лошадь видел Рубцов на одной из улиц Великого Устюга. Шла она по каменной мостовой. С телегой, груженой наполненными мешками. Шла еле-еле, с уныло опущенной головой.

– Чего это с ней? – удивился Рубцов. Спрашивал он Мартюкова Толю, дружка своего по детскому, к кому он приехал, чтоб познакомиться с древним городом и провести здесь несколько летних деньков.

– Не с ней. А с ним, – поправил его Мартюков. Идёт от ветеринара... Был добрым молодцом. А теперь...

Рубцов моментально притих. Стал задумчив. И шепот пошел от него. Стихотворный шепот. Стока за строкой. Смекнул Мартюков: друга его настиг порыв внезапного вдохновения. Возбудил его конь. И теперь Николай весь в пылу поэтического исследования.

*Легкой поступью, кивая головой,
Конь в упряжке прошагал по мостовой.
Как по травке, по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча,
Между жарких этих каменных громад.
Как понять его?
Он рад или не рад?
Бодро шел себе, накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом...
В чистом поле меж товарищей своих
Он летал, бывало, как весенний вихрь,
И не раз подружек милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.
Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле, незнакомцев веселя,
Просвистела, полонив его, петля...*

Мартюкова Рубцов уважал не только как друга, но и как редкостного поэта. Спросил у него:

– Надо же столько мужества и терпенья. Был под ножом у ветеринара. Между жизнью и смертью. Ему бы сейчас отдохнуть. А он с тяжелой телегой?

– Такова доля всех жеребцов, – произнес Мартюков. – Не гулять в вольном поле среди сверстников и подружек. А нести на себе работу. Быть покорным. Ну, точно ярыжкам, когда они на веревках тащили по Сухоне купеческие суда...

Снова шепчет Рубцов. И вот уже вслух:

– Под огнем... ножа. Какого ножа? Не найду чего-то зловещего, в то же время и явного. А-а? Не знаешь?

Мартюков сам творец. Сам прошел сквозь муки поиска нужного слова. Подсказывает Рубцову:

– Под огнем ветеринарного ножа.

Рубцов возбужден:

– То, что надо!

Целый день нашептывал Николай. Наконец, закончил стихотворение. Конь его, как лихой удалец, кому жить и радоваться простору. Однако его, как разбойника, повалили на землю, связали и обесчестили, убив его будущее росчерками ножа. Для чего? Для того, чтобы был он послужен хозяину и работал.

Получилось не просто стихотворение – нечто высшее, что пугает и беспокоит.

*Тут попал он весь, пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа,
И поднялся он, тяжёл и невесом...
Покатилось колесо за колесом.
Долго плелся он с понурой головой
То по жаркой,
То по снежной мостовой,
Но и все-таки, хоть путь его тяжел,
В чем-то он успокоение нашел.
Что желать ему?
Не все ли уж равно?
Лишь бы счастья
Было чуточку дано,
Что при солнце, что при дождике косом...
И катилось колесо за колесом.*

Драма, под стать самому Шекспиру. Почувствовал я всю ее глубину, когда в Биряковском Доме культуры состоялся вечер памяти Николая Рубцова. Было это в 2006-м году. Пела «Судьбу» (так называется стихотворение) воспитательница Кадниковского детского дома Лариса Суворина. Пела не столько голосом, сколько сердцем. И такая щемящая грусть, такая утрата пали в заполненный зал, что я не мог удержаться и тихо заплакал.

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Коля Рубцов. Коля Брязгин. Третий я. Все мы учились когда-то в Лесном. Были друзьями. К тому же жил Рубцов с Брязгиным в одной монашеской келье, то есть комнате общежития, где когда-то будничали монахи. Так что было нам, что и вспомнить.

Задержались на берегу. Около средней школы. Отметили встречу под тополями.

Ночь. Где-то рядом река. По фарватеру, как цветы, зажжённые бакена. Огонёк и вверху, где возвышается колокольня. Дремлет уставшая от дневной суеты вся покрытая снами старинная Тотьма. Чёрный купол небес. Сквозь него пробиваются белые звёзды. Красота. Оставаться бы здесь до утра.

Брязгин показывает на небо:

– А ведь нас рассматривают оттуда.

Оживился Рубцов. Словно этих нескольких слов ему в эту минуту и не хватало. Улыбнулся и говорит:

– Звёзды порою мне кажутся чими-то опытными глазами, которые видят, наверное, всё. Может им, как волхвам, известно не только былое, но и будущее земли. Может, видят они всё то, что когда-то происходило, и всё то, что когда-то произойдёт. Вероятно, для них мы подобны большому парому, который с опаской переплывает неведомую реку. Интересно, что там, за этой рекой? На другом берегу?

Мы расходимся, расставаясь. Брязгин спускается вниз, где его катерок. Ему плыть на нём вниз по Сухоне. В сторону Коченьги. Там его дом, до которого 50 километров.

Мы с Рубцовым – на Красную, 2. Здесь живут мои мама и бабушка. И конечно, не спят. Ждут. Ждёт вместе с ними и старенький самовар, чтобы нас напоить чаем с крыжовниковым вареньем.

ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ...

Приехал Рубцов из Вологды. Мрачный. С парохода прямо на Красную, 2. Здесь, в доме моих родителей, чуть успокоился и признался: «Приходится делать крюк. Не прямо к себе в Николу, а через Тотьму. И всё из-за денег. Не могу же приехать туда совсем-то пустым. Посоветуй, что лучше сделать?»

Наутро мы у редактора районной газеты Леонида Александровича Каленистова. Тот нас понял. И дал Рубцову командировку, но при условии, если он напишет к двум праздничным датам – к Октябрьским и Новому году – созвучные этим датам стихотворения.

Деньги. Деньги. Как часто они ставили Николая в неловкое положение. Потому и бывал Николай в лесных и болотных урочищах чаще, чем бы хотелось ему, что можно было там ягод набирать, что брусники, что клюквы и, продав эти сладости, быть, хотя и при малых, но, все же деньгах.

Конечно, хотелось бы зарабатывать на стихах. Однако печатали Николая редко и неохотно. О, как ему надоели унизительные

глаголы в письмах к высоким шишкам, от кого зависел ход его публикаций. В письме-обращении к ответственному секретарю Вологодской писательской братии Сергею Васильевичу Викулову Коля писал:

«Сергей Васильевич!

Когда Вы предложили мне дать стихи для «Красного Севера», тогда я еще не подумал, что сделаю это, т. к. был доволен уже тем, что получу командировку, и чувство успокоенности (и благодарности, но об этом я уже говорил Вам) было достаточно полным, чтобы не пополнять его. А сейчас, когда подошло время, я подумал о том, что жизнь не стоит на месте. И почему бы мне, если Вы тогда не пошутили, не послать Вам стихи? Я посылаю Вам кое-какие стихи, но, конечно, не прошу напечатать их, т. к. это зависит от Вашего о них мнения, и буду вполне готов к тому, если они не будут напечатаны.

Среди этих стихов есть одно чисто философское – «Душа». Говорю о нём отдельно потому, что оно смущает меня своей холодноватостью, но и все же я не прочь напечатать его...»

Выручил ли Сергей Васильевич талантливого поэта в тяжёлые дни его жизни? Выручил. Но с большим запозданием, к тому же, из десяти стихотворений он предложил «Красному Северу» лишь одно, хотя мог бы отдать туда и все десять.

Не только сейчас, но и тогда, в полутора столетия давности, творческие люди делились на пробивных и не пробивных, то есть на приспособившихся к режиму и тех, кто приспосабливается к нему не только не умел, однако, и не хотел. Рубцов и Викулов были в двух разных станах. И если Сергей Васильевич был образцовым певцом советской деревни. То Николай Михайлович – выразителем чувств обычных советских людей. Уже тогда, в конце 1964 года, когда были написаны такие шедевры, как «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса», «Букет», «Звезда полей», «Тихая моя родина», «Фальшивая колода», «Старый конь», «Видения на холме», «Левитану», «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева», «Осенняя песня» и ряд других высочайшей пробы стихотворений, он стал творцом не только Отечественного, но и Мирового масштаба.

Примерно в это же самое время Рубцов написал письмо и мне:

«Добрый день, Сережа!

Вчера, сразу же после нашего разговора по телефону, взялся за новогоднее стихотворение и написал его. По-моему, получилось неплохо, потому посылаю его тебе.

Январское

*Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками ухаживает.-
Снежком атласным принаряживает!
И в новогодний путь провоживает!
А после сам принаряжается,
В мальчишку вдруг преображается
И сам на праздник отправляется:
– Кому невесело гуляется? –
Лесами темными и грозными
Бежит вперед с дарами редкими.
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками,
И льдинки отвечают звонами,
И он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой,
с поклонами
Спокойно прожитому году;
Со всеми дружит он и знает,
И жизнь в короткой этой праздности
Как будто снова начинается –
С морозной свежести и ясности!*

Вместе с этим стихом посылаю ещё несколько с другими темами. Одно из них философское – «Душа». Может быть, и эти стихи когда-нибудь после праздника Вы сможете напечатать. Они по своему настроению и мыслям тоже печатные.

Жизнь моя идет без всяких изменений и, кажется, остановилась даже, а не идет никуда. Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовет меня в гости, но я все никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу – увижу снег, безлюдье, мороз и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать, да и не задумываюсь над этим, хотя надо бы

задумываться, т.к. совсем разонравилось мне в старой этой избе, да и время от времени рассчитываться ведь надо за эту скучную жизнь в ней. Было бы куда легче, если б нашлись здесь близкие мне люди. Но их нет, хотя ко всем я отношусь хорошо. Впрочем, хорошее отношение здесь тоже понимает каждый по-своему и все отлично от меня.

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это времени.

У меня пока все. Может быть, ты посоветуешь мне сделать что-нибудь интересное в жизни? Поздравляю с чудесным праздником – елкой, желаю тебе весело встретить и проводить ее.

С приветом Н. Рубцов».

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где-то в конце 1969 года в двух вологодских районных газетах «Призыв» и «Маяк» появилось стихотворение Николая Рубцова «По мокрым скверам проходит осень...», которое по интонации, внутреннему настрою и использованию мрачноватых тонов пейзажа было схоже с «Осенней песней» французского поэта Поля Верлена. Кто-то из въедливых стихотворцев заподозрил Рубцова чуть ли не в плагиате. Не знал того стихотворец, что сходству двух мощных творений невольно способствовала преподавательница французского языка Литературного института. Сообщил об этом учившийся вместе с Рубцовым студент-однокурсник Николай Попов.

– Любовь Васильевна, – вспоминал Попов, – на своих занятиях сначала прочитала на французском языке «Осеннюю песню» Верлена. Потом дополнила её переводом Валерия Брюсова.

Николай Рубцов, выслушав то и другое, пожалел, что не было рядом Верлена и Брюсова. И встретиться с ними не суждено. Он даже сказал грустно вслух:

– Как это всё далеко!

На что Любовь Васильевна тут же посоветовала Рубцову:

- Вот и приблизьте! Вы же поэт!

Рубцова, мало того, что задело это смелое предложение, но он вдобавок еще захотел ощутить и саму атмосферу, в какой пребывал знаменитый Верлен, когда сочинял «Осеннюю песню». Да и присутствие Брюсова тоже устраивало его.

Рубцов увлекся французским стихотворением. Перевел, внеся в него то, что французским духом не пахло. Одним из первых его читателей был поэт-переводчик Борис Чулков. Прочитав рубцовское сочинение, Борис заверил поэта:

- В стихотворении сохранился только мотив Верлена. Всё остальное в нём – чистый Рубцов.

Сам же Рубцов на одном из застолий среди закадычных друзей признался:

- Верлен мне помог написать мою «Осеннюю песню». Я очень ему благодарен. Кстати, его «Осенняя песня» слабее моей...

Сидевший среди застолья экономист, он же певец, композитор и весельчак Алексей Сергеевич Шилов был взбудоражен:

- Коля! Твоя «Осенняя песня» обязана жить не только здесь, среди нас! Но и там, где хмурь, а над хмурью – гуляет буря!..

Шилов на ветер слов не бросал. Буквально через неделю он опять повстречался с Рубцовым. На новом застолье. Был он с гитарой. И пел он в тот вечер одну за другой две «Осенние песни». Первую из них «Потонула во тьме отдаленная пристань» Рубцов посвятил Сухоне, Тотьме и пароходу. Вторую – Полю Верлену.

*По мокрым скверам проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках дремучих сосен
Играет буря!
В обнимку с ветром иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей свою пещеру –
В ней тихо очень.
Горит пустынный электропламень
На прежнем месте.
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, –
И мысль, летая, кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится в мое жилище?
Покоя нету!
Ах, это злая старуха-осень,*

*Лицо нахмуря,
Ко мне стучится, и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы.
И я плачу...*

ОЧИЩЕНИЕ

Был ли верующим Рубцов? Естественно, был. Только вера его лежала не через пост, воздержание, крест и молитву, а через светлое очищение от всех его прегрешений, падений и скверн. Поэтический образ, сиявший среди мирозданий, и был для него путеводной звездой, к которой он шел, словно к Богу.

Поэт и стихотворение – это едино. Отдели одно от другого, и поэт превратится в обычного человека со всеми его пороками и страстями. Был ли Рубцов крещеным? Если брать его жизнь с 6-летнего возраста, когда он начал скитаться по детдомам, то, естественно, нет. Но была у него и более ранняя жизнь, когда рядом была богомольная мать. Сужу по себе. До 18 лет полагал, что я некрещеный. Но, в конце концов, мои мама и бабушка, словно

тайну, поведали мне, что в августе 1936, когда исполнилось мне полгода, меня увезли за 25 километров по Сухоне на пароходе в Усть-Печеньгское, село, где стояла единственная на район красавица-церковь. И там совершили священный обряд. Крестили тайно, чтобы ни в детских яслях, ни в детсаде, ни в школе не знали, ибо это могло испортить всю мою жизнь.

Допускаю, таким же скрытым путем могли окрестить и Колю Рубцова. Александра Михайловна, его мать, переехала в Вологду в 1941 году. Первое время она не болела, ходила в церковь, где пела на клиросе, и могла, понятно, договориться с церковной службой, чтобы младших ее сыновей Колю и Борю здесь окрестили. Тем более тайну крещения церковь не разглашала. О том, что Коля крещеный, никто, кроме матери, знать и не мог. Не мог знать об этом и сам Николай. Но даже, если Рубцов и не был крещеный, всей своей многоопытной жизнью он был к этому подготовлен. И Бога воспринимал он, как гения, который мог однажды встретиться с ним и открыть ему то, что не каждому открывает.

Не крещеный, но подготовленный для крещения – это удел сразу нескольких поколений. Это огромных масштабов беда. И ее подрастающий Коля Рубцов воспринял через протест против посевенного безверия. Позднее этот протест превратится в стремление высказать душу свою единственными словами, которые могут объять пространство, подвластное только Поэту и Богу.

НЕНУЖНАЯ ДОРОГА

Лежит Николай Михайлович, бездыханный. В Доме художников. В дорогом красивом гробу. Лицо спокойное, как и при жизни, когда удавалось стихотворение, и он был готов его прочитать.

Я почему-то вспомнил одну из его незатейливых игр. В ожидании кого-то или чего-то, когда было много лишнего времени, чтобы скрасить его, Николай предлагал написать в уме содержательную строку, не важно чего,— стиха, эссе или рассказа. Главное, чтоб была она привлекательной и несла в себе мысль. В последний раз играл он со мной на пристани в Тотьме. Ждали из Вологды пароход. Николай начал первым:

— Звёзды выбирают самую высокую дорогу.

В вологодском Доме художников.
Над гробом – тётка поэта Софья Андриановна и поэтесса Ольга Фокина

Я вслед за ним:

– Птицы выбирают самую короткую дорогу.

Снова Рубцов:

– Звери выбирают самую невидную дорогу.

Опять моя очередь.

– Люди выбирают... – сказал и запнулся, не найдя нужных слов.

Рубцов, однако, нашёл их, причём мгновенно:

– Люди выбирают самую ненужную дорогу, которая, пройдя сквозь будни, праздники, заботы и пиры, выводит на большой всечеловеческий погост...

И вот он здесь. На угрюмом столе. По другую сторону света. Руки крестом. Весь приготовленный к дальней дороге, самой печальной и самой ненужной.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ НА БЕРЕГУ

Был холодный осенний вечер. Ты бродил по улицам Тотьмы, приподняв воротник продуваемого пальто. Был ты молод, в груди колотилось тревожное сердце, и глаза прорезали неверную мглу, где дремала не только Тотьма, не только Вологда и Россия, но и вся вечереющая Земля.

Ты так много бродил, что устал и уселся на бронзовую скамейку, отвернувшись от Сухоны, чтоб не видеть парома и лодок. И задумался о грядущем, проникая умом в тот непрожитый день, где тебя назовут бесстрашным поэтом, кто дерзнет разговаривать с собственной Смертью и, осилив её, утвердиться на тотемском берегу, как его естественный долгожитель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Флорист *Кабирова Надежда Густавовна*,
г. Москва

РУБЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2016

Выступление Лу Вэнья (КНР) на пленарном заседании

Гашение почтовых конвертов с изображением Н. М. Рубцова
проводят заместитель Главы Тотемского района Владимир Коротин
и начальник Тотемского почтамта Владимир Филиппов

Прогулка по заснеженным улицам села Никольского

Заседание секции в никольском музее Н. М. Рубцова

Участники конференции слушают пленарные доклады

Участники Рубцовских чтений 2016 года

Научное издание

РУБЦОВСКИЙ СБОРНИК

Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России

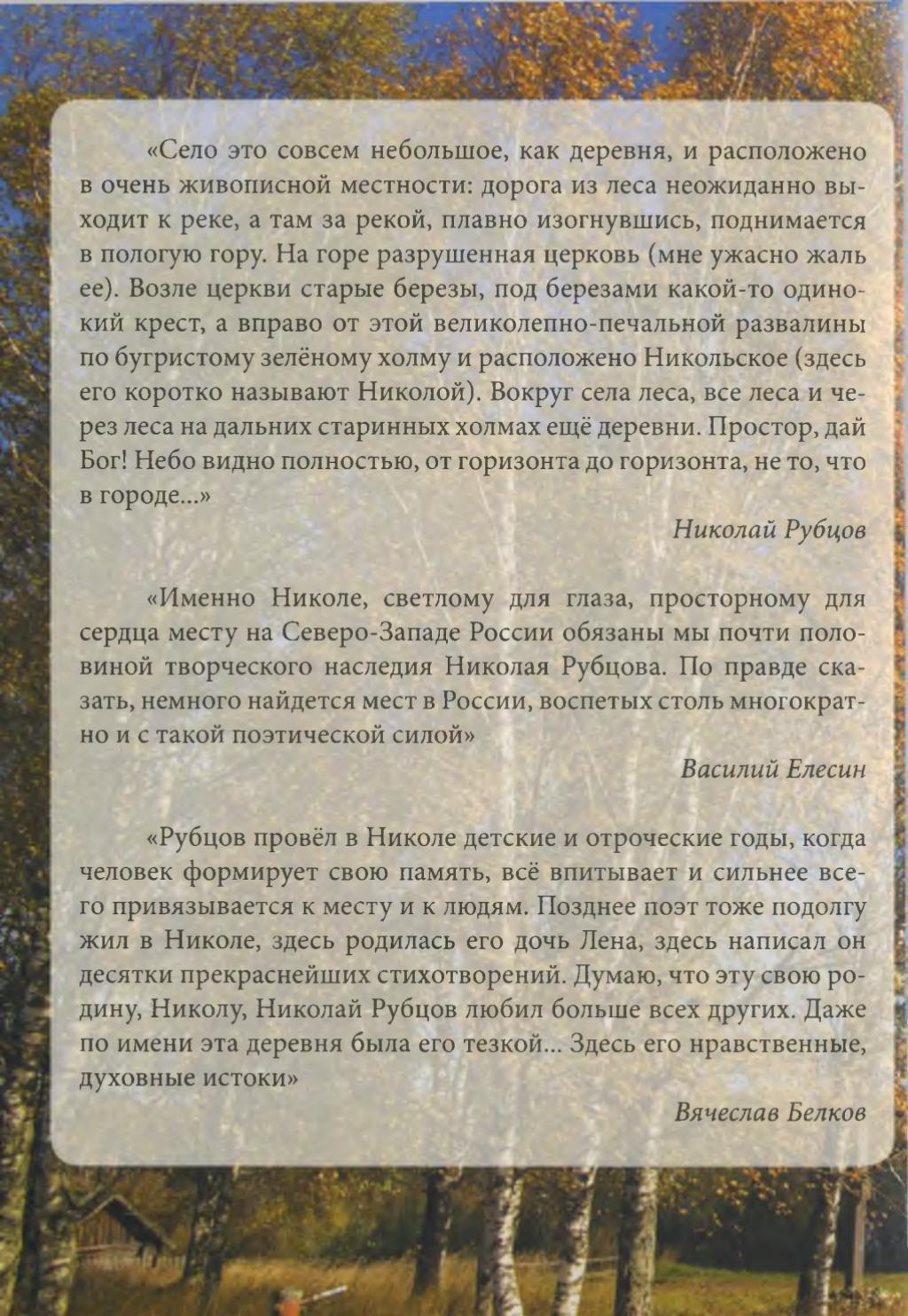
*Материалы научных конференций
с международным участием «Рубцовские чтения»
в Тотьме и селе Никольском*

В сборнике использованы фотографии
*Андрея Кошелева, Марины Кошелевой, Ольги Лавровой,
Андрея Нестеренко, Олега Федотовского.*

Фото на обложке – *А. В. Кошелев*

Подписано в печать 9.01.2019. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,11.
Тираж 300. Заказ 1001.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

«Село это совсем небольшое, как деревня, и расположено в очень живописной местности: дорога из леса неожиданно выходит к реке, а там за рекой, плавно изогнувшись, поднимается в пологую гору. На горе разрушенная церковь (мне ужасно жаль ее). Возле церкви старые березы, под березами какой-то одинокий крест, а вправо от этой великолепно-печальной развалины по бугристому зелёному холму и расположено Никольское (здесь его коротко называют Николой). Вокруг села леса, все леса и через леса на дальних старинных холмах ещё деревни. Простор, дай Бог! Небо видно полностью, от горизонта до горизонта, не то, что в городе...»

Николай Рубцов

«Именно Николе, светлому для глаза, просторному для сердца месту на Северо-Западе России обязаны мы почти половиной творческого наследия Николая Рубцова. По правде сказать, немного найдется мест в России, воспетых столь многократно и с такой поэтической силой»

Василий Елесин

«Рубцов провёл в Николе детские и отроческие годы, когда человек формирует свою память, всё впитывает и сильнее всего привязывается к месту и к людям. Позднее поэт тоже подолгу жил в Николе, здесь родилась его дочь Лена, здесь написал он десятки прекраснейших стихотворений. Думаю, что эту свою родину, Николу, Николай Рубцов любил больше всех других. Даже по имени эта деревня была его тезкой... Здесь его нравственные, духовные истоки»

Вячеслав Белков